

Вятский государственный гуманитарный университет

В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

№ 1 (1)

Киров
2008

Главный редактор

В. С. Данюшенков

Редакционная коллегия:

В. Т. Юнгблуд (зам. главного редактора),
М. С. Судовиков (отв. секретарь),
К. С. Лицарева, Л. А. Мосунова,
Н. И. Поспелова, В. Н. Оношко,
Т. Я. Ашихмина, Г. И. Симонова,
М. И. Ненашев, Е. В. Алалыкина (перевод)

Адрес редакции: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
тел.: (8332) 678-860 (научный отдел), (8332) 673-674 (Издательский центр)

Редакторы: Т. Котельникова, О. Коробкова, Ю. Болдырева
Компьютерная верстка: Ю. Боброва

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Министерство по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций)
ПИ № 77-14376 от 17 января 2003 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Данюшенков В. С., Машарова Т. В.</i> Здоровьесберегающая деятельность в образовании личности: опыт, проблемы, перспективы	6
--	---

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

<i>Нижников С. А.</i> В. Несмелов и И. Кант: антропология теистическая и трансцендентальная	12
<i>Ярыгин Н. Н.</i> Христианские ценности в современном мире	17
<i>Счастливец Е. А.</i> Густав Шпет и Василий Розанов о коллективных формах сознания	23

ИСТОРИЯ

<i>Судовиков М. С.</i> К вопросу о периодизации истории купеческого сословия России	30
<i>Кошелева Е. А.</i> Из научного наследия историка и археолога А. А. Спицына	37
<i>Поздеев П. В.</i> Местное управление и коммунальное хозяйство города Вятки в 1917–1927 гг.	41

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Воронина Н. И.</i> XIX век: московская литературно-художественная среда о музыкальном времени	48
<i>Клементьева Н. В.</i> Декоративно-прикладное искусство в контексте «театра жизни» Серебряного века (на примере творчества К. А. Сомова)	52
<i>Кибешева Е. И.</i> «Поэтика взаимоотражений» в русской культуре начала XX в.: символизм и авангард	58

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Луков Вл. А.</i> Мировая литература в контексте культуры: новые подходы к исследованию	64
<i>Петрусъ Т. В.</i> «Полный звук, верный тон» (о звуковой картине мира в романе А. Грина «Бегущая по волнам»)	69
<i>Черниговский Д. Н.</i> Политическая биография А. С. Пушкина в изучении русских эмигрантов в 1920-е гг.	72
<i>Селитрина Т. А.</i> Русская тема в романе С. Моэма «Рождественские каникулы»	78
<i>Литилина Н. В.</i> Метатеория и практика кодификации в английских грамматиках XVI–XVIII вв.	85

ПЕДАГОГИКА

<i>Данюшенков В. С., Коршунова О. В.</i> Принципы разработки учебно-методических комплексов для сельских школ	90
<i>Ходырева Е. А.</i> Особенности применения модульно-рейтинговой технологии в условиях перехода на многоуровневую систему высшего профессионального образования	97
<i>Барамзина С. А.</i> Тенденции гуманизации и гуманитаризации высшего профессионального образования	102

ПСИХОЛОГИЯ

<i>Мосунова А. А.</i> Личностный рост как результат развития способности к адекватному восприятию художественных текстов	106
<i>Низовских Н. А.</i> Мотивация саморазвития человека	113

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

<i>Калинин Н. В.</i> Тайная агентура охранных отделений царской России	121
<i>Самоделькин П. А.</i> «Свободная и мирная Польша» в видении руководства США в 1943 г.	124
<i>Шишкина И. С.</i> Внесения в английском и русском языке (графика, семантика, прагматика) ...	131
<i>Ткачева Е. П.</i> Феномен русской тюремной субкультуры в комплексных гуманитарных исследованиях	134
<i>Ситников С. В., Чернышев К. А., Коньшев Е. В.</i> Специфика функционально-отраслевой структуры социально-культурного сервиса Кировской области	140

ПЕРСОНАЛИИ

Наталья Павловна Савиных	145
--------------------------------	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Бологова Е. М.</i> О презентации научных изданий вуза	146
<i>Рудницкая Е. Е.</i> О работе диссертационного совета Д 212.041.01 в 2007 году	147
<i>Поспелова Н. И.</i> О работе диссертационного совета Д 212.041.02 в 2007 году	152

CONTENTS

- Nizbrikov S. A. V.* Nesselrode and I. Kant: anthropology theistic and transcendental
- Yarygin N. N.* Christian Values in the Contemporary World
- Schastlivtseva E. A.* Gustav Spet's and Vassily Rozanov's Ideas About the Collective Forms of Consciousness
- Sudovikov M. S.* To a question about development periods of histories of merchants of Russia
- Kosheleva E. A.* From the scientific legacy of the historian and archaeologist A. A. Spitzyn
- Pozdeev P. V.* The local government and communal economy of Viatka in 1917 till 1927
- Voronina N. I.* The XIXth century: the moscow literary and art environment about musical time
- Klementyeva N. V.* Dekorative-applied Art in the Context of «Life's Theatre» of Silver Age (the Creative Activity of K. Somov as an Example)
- Kibesheva E. I.* Poetics of co-influences in russian culture of the beginning of the 20th century: symbolism and avant-garde
- Lukov Vl. A.* World Literature in the Context of Culture: New Approaches to Research
- Petrus T. V.* "Full Sound, Right Tone" (on the Sound Picture of the World in A. Grin's Novel "Running on Waves")
- Chernigovskiy D. N. A. S.* Pushkin's political biography in studying of Russian Emigrants in 1920th years
- Selitrina T. L.* The Russian Theme In S. Maugham's "Christmas Holiday"
- Lipilina N. V.* Metatheory and codification practice in the English grammars of XVI–XVIII centuries
- Danyushenkov V. S., Korshunova O. V.* Principles of Educational-Methodical Program Development for Rural Schools
- Khodyreva E. A.* Peculiarities of applying of the module-rating technology under the conditions of transition to the multi-level system of higher professional education
- Baramzina S. A.* Tendencies of humanisation and humanitarisation in higher professional education
- Mosunova L. A.* Personality growth as the result of ability development to the adequate comprehension of fiction texts
- Nizovskikh N. A.* The motivation of person's self-development
- Kalinin N. V.* Secret service of guard departments in tsarist Russia
- Samodelkin P. A.* «Free and peace Poland» in a vision of the US's governing body in 1943
- Sbisbkina I. S.* Parentheses in English and Russian languages (graphic marking out, semantics, pragmatic aspect)
- Tkachova E. P.* The phenomenon of Russian prison subculture in complex humanitarian researches
- Sitnikov S. V., Chernyshev K. A., Konyshev E. V.* Specific feature of functional and sectoral structure of social-cultural service in Kirov region
- Bologova E. M.* About Presentation of Scientific Publications of Higher School
- Rudnitskaya E. E.* About Work of Thesis Senate D212.041.01 in 2007 y.
- Pospelova N. I.* About Work of Thesis Senate D212.041.02 in 2007 y.

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБРАЗОВАНИИ ЛИЧНОСТИ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В соответствии с социально-экономической ситуацией Волго-Вятского региона в Вятском государственном гуманитарном университете разработаны Программа стратегического развития вуза на 2004–2009 гг. и среднесрочный план действий на 2006–2008 гг. В указанных документах отмечается, что университет приоритетным направлением в своей деятельности считает воспитание интеллигентности как интегративного личностного качества будущих специалистов. Воспитание современного человека всегда связано с формированием потребности в здоровом образе жизни и в сохранении собственного физического, психического и духовно-нравственного здоровья. Невозможно сохранить и укрепить здоровье, заботясь только о физическом или только о душевном благополучии, необходим комплексный подход к данной проблеме.

Здоровый образ жизни рассматривается нами как путь к гармонии с природой, окружающими людьми, как развитие эмоционально-волевой сферы через комплекс оздоровительно-профилактических мероприятий, способствующих формированию у студентов потребностей и навыков здорового образа жизни.

Здоровье – это важнейшая ценность человека и общества. Поэтому нужна целостная система формирования у молодежи ценностного отношения к физическому, психическому и духовно-нравственному здоровью. Необходимо обучать правилам здорового образа жизни в процессе постижения закономерностей окружающего мира и освоения культурных норм поведения; прово-

дить профилактические мероприятия и применять здоровьесберегающие технологии.

Рассматривая особенности процесса воспитания студента в русле формирования здоровьесберегающей культуры, мы, прежде всего, обращаем внимание на создание условий, которые благоприятствуют этому процессу. На наш взгляд, существенный компонент при данном подходе – наличие интеллигентности, которое проявляется в стремлении студента к овладению физической культурой, чистоте духа и тела; в воспитании здорового образа жизни.

Интеллигент – это толерантный и ответственный человек, обладающий большой внутренней культурой, признающий самоценность личности, уважающий ее права и достоинство, руководствующийся в своих поступках и действиях совестью и справедливостью, сохраняющий активную гражданскую позицию. Интеллигенту присущи эстетический вкус, хорошие манеры, умение творить повседневную жизнь по законам красоты, забота о сохранении окружающей среды, активная общественная позиция в области экологического образования.

Специфика воспитания нравственной культуры у студенческой молодежи выражается в относительно сформировавшихся в довузовский период взглядах и оценках, нравственных ориентирах и культурных потребностях; нормах поведения и межличностных отношениях. Поэтому особенность вузовского образования – в слиянии воспитательного процесса, внешнего, педагогически организованного, с развитием тех положительных новообразований, которые заложены в предшествующий период. Чтобы добиться данного синтеза, необходимо:

– изучение структуры личности каждого студента (куратором, преподавателем-предметником);

– коррекция нравственных отклонений гуманными средствами;

– систематическое «приращение» нравственной культуры в содержание каждого предмета.

Процесс формирования здоровьесберегающей культуры молодежи заключается, во-первых, в создании здоровьесформирующих умений и навыков; во-вторых, в субъектном включении человека в процесс здоровьесбережения – освоение способов жизнедеятельности, адекватных доминантным потребностям и возможностям возраста и обеспечивающих сохранение, укрепление здоровья.

Здоровьесберегающие образовательные технологии можно рассматривать и как технологическую основу здоровьесберегающей педагогики – одной из самых перспективных образовательных систем XXI века, и как совокупность приемов, методов и форм организации обучения, без ущерба для здоровья, и как качественную характеристику любой педагогической технологии по критерию ее воздействия на здоровье учащихся и педагогов.

Можно выделить следующие направления в системе физического воспитания в вузе, которая формирует привычку к здоровому образу жизни.

1) Развитие физической культуры будущего специалиста как важнейшего фактора его гармоничного развития, эффективной организации здорового быта и досуга.

2) Формирование высоких нравственных, волевых и физических качеств, психологической устойчивости.

3) Сохранение и укрепление здоровья студентов.

Мы считаем, что необходимо обратить внимание на следующие проблемы:

– формирование мотивации ценности здоровья и здорового образа жизни;

– изменения в содержании педагогического образования по охране и укреплению здоровья и повышение профессиональной компетентности педагогов по проблеме формирования культуры здоровья;

– создание адаптивной здоровьесберегающей образовательной среды, здоровьесберегающего пространства вуза.

Введение в образовательный процесс учебной дисциплины «Основы здорового образа жизни» позволяет развивать и углублять медико-гигиеническую культуру студентов гуманитарного университета, являющуюся основой сохранения и укрепления здоровья. Студенты могут получить современные знания по таким основным направлениям:

– здоровье человека, основные критерии оценки индивидуального здоровья, взаимосвязь психического, физического и социального (духовно-нравственного) здоровья человека;

– образ жизни как главный резерв здоровья, условия жизни и факторы, определяющие образ жизни и обеспечивающие мотивацию здоровья и здорового образа жизни;

– здоровый образ жизни как основа сохранения, укрепления и улучшения здоровья человека.

В Вятском государственном гуманитарном университете основными формами реализации воспитательной работы по формированию потребности в здоровом образе жизни и сохранению собственного здоровья являются следующие:

1. Подготовка специалистов среднего и высшего профессионального образования по специальностям «Физическая культура» и «Адаптивная физическая культура».

2. Встречи с ветеранами спорта, ведущими тренерами, спортсменами, специалистами адаптивной физической культуры города и области.

3. Работа «Школы вожатых» по подготовке вожатых и инструкторов для работы в детских спортивно-оздоровительных лагерях и осуществление данной деятельности в областных и всероссийских детских оздоровительных лагерях.

4. Организация и проведение ежегодной Спартакиады студентов всех курсов и специальностей по основным видам спорта.

5. Проведение ежегодной Спартакиады преподавателей и сотрудников по основным видам спорта.

6. Создание условий для занятия физической культурой (строительство нового концертно-спортивного комплекса).

7. Разработка буклетов, информационных листовок, плакатов, памяток, посвященных проблемам здорового образа жизни.

8. Открытие в газете «Вятский край» рубрик, пропагандирующих здоровый образ жизни.

9. Проведение бесед, круглых столов, дискуссий по вопросам профилактики здорового образа жизни.

10. С 2000–2001 учебного года в региональный компонент Государственного образовательного стандарта в Вятском государственном гуманитарном университете была включена дисциплина «Основы здорового образа жизни» в объеме 54 часов, из них 14 часов отведено на раздел «Основы профилактики наркомании».

11. Открытие сайта в Интернете «Молодежь за здоровый образ жизни».

12. Межведомственные рейды, операция «Подросток – игла», деловые игры, тренинги, акция «Стоп-СПИД», фестиваль «Скажи жизни – да!», конкурс социальных плакатов и роликов «Я выбираю жизнь».

13. Проведение акций к Международному дню борьбы с наркоманией и наркобизнесом.

14. Функционирование спортивных секций по разным видам спорта.

15. Оказание комплексной помощи группам социального риска.

16. Работа университетского туристического клуба «Данко».

17. Оказание индивидуальной помощи лицам, имеющим отклонения в физическом развитии.

ВятГГУ тесно сотрудничает с социальными партнерами, которые занимаются решением проблем сохранения и укрепления здоровья человека.

Проблема молодежной наркомании стала угрожающей особенно в последние годы. Разрушение идеологии, резкое расслоение общества, невозможность быстро адаптироваться в современных экономических и социальных условиях привели к тому, что родители оказались неспособными подготовить детей к выходу в жизнь. Отсюда недовольство слишком медленным осуществлением материальных и социальных планов, совершение ряда опрометчивых и рискованных поступков, цепь провалов и неудач и как следствие – употребление психоактивных средств.

Руководство Вятского государственного гуманитарного университета выбрало в качестве одной из форм работы по профилактике наркомании включение в региональный компонент учебных планов всех специальностей дисциплины «Основы здорового образа жизни», значительную часть содержания которой составляет тема «Болезненные пристрастия, их влияние на здоровье человека и его потомство».

Учебная программа этой дисциплины была подготовлена с учетом данных анкетирования молодежи преподавателями кафедры медико-биологических дисциплин совместно с городским отделом по незаконному обороту наркотиков.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что первые пробы наркотиков, как правило, происходят на фоне потребления алкоголь-

ных напитков и табакокурения. Так, большинство обследованных, попробовавших наркотики, пьют (84%), часть из них (24%) систематически курят. При этом приобщение и потребление психоактивных средств у молодежи произошло в возрасте 11–15 (16%) и 16–18 (59%) лет.

Алкоголь и табак страшны не только тем, что разрушают здоровье человека, но и тем, что они способствуют саморазрушению личности, искажению ее взаимоотношений с другими людьми, разрыву социальных связей, потере человеческого облика.

Молодежь, независимо от уровня своего материального положения, благополучия или его отсутствия, профиля обучения, так мотивирует первое употребление наркотиков:

- желание справиться с личными проблемами, временными сложностями в учебе, взаимоотношениях с родителями, друзьями и т. д.;
- желание снять стресс, расслабиться, испытать чувство удовольствия;
- преодолеть серость, рутинность существования;
- просто так, за компанию.

Это далеко не полный перечень причин приобщения к наркотикам, но его анализ показывает необходимость изучения ценностно-мотивационных, культурных установок молодежи.

Из этого списка ясно, что молодежная наркомания в своей основе – явление духовное, а ее корни – в общекультурной ситуации современного общества.

Интересным моментом изучения студенческих взглядов и оценок наркомании, возможной мотивации употребления наркотиков, мнений о мерах, которые могут помочь избавиться человеку от наркоалкогольной зависимости, можно назвать факт критического отношения большинства студентов к наркомании, достаточно твердом пред-

ставлении об опасности ее влияния на физическое и психическое здоровье (95%).

Наркомания является одной из важных проблем нашего общества, вызвавшей острую необходимость решительных и активных действий, организации профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде.

И только целенаправленная профилактическая деятельность, построенная на комплексной основе и обеспечиваемая совместными усилиями педагогов и психологов, медицинских и социальных работников, сотрудников правоохранительных органов, может привести к достижению заметного результата.

В настоящее время становится актуальной проблема включения в жизнь общества инвалидов и лиц с отклонениями в состоянии здоровья. В нашем университете началась подготовка специалистов по адаптивной физической культуре. Отношение к людям с отклонениями в состоянии здоровья является одним из показателей цивилизованности общества. Количество инвалидов всех групп и категорий, определяемое по международной методике подсчета, с группой лиц с ослабленным здоровьем составляет почти пятую часть населения России. В новых социально-экономических условиях положение людей с отклонениями в состоянии здоровья и инвалидов ухудшается, у них обостряются чувства зависимости, неустроенности, ущербности, усиливающие как пассивные, так и агрессивные реакции. Многие явления жизни в переходный период ставят инвалидов в разряд маргинальных групп, источников повышенного социального напряжения, влекущих угрозу социальной безопасности как для самой группы, так и для её окружения. Поэтому в настоящее время актуальным в социальной политике является развитие системы социального обслуживания инвалидов.

Физическая культура содержит виды деятельности, которые имеют особое значение для жизни и социальной активности инвалидов и лиц с отклонениями в состоянии здоровья. Спортивно-оздоровительные, рекреационные и реабилитационные занятия обеспечивают освоение ими мобилизационных ценностей физкультурно-спортивной деятельности: способности рациональной организации своего стиля жизни, внутренней дисциплины, собранности, быстроты оценки ситуации и принятия решения, настойчивости в достижении цели. В системе социального обслуживания инвалидов предпринимаются первые шаги по организации учреждений нового типа (социально-оздоровительные центры, социально-реабилитационные отделения), в строящихся новых объектах социально-культурной и социально-спортивной сферы предусматриваются такие проектные решения, которые обеспечивали бы максимальную интеграцию граждан пожилого возраста и инвалидов в социальную действительность, продление их активного долголетия и качественную подготовку специалистов адаптивной физической культуры. При этом главным является наличие комплексного подхода, использование широкого набора социальных технологий, которые имеются и разрабатываются в различных учреждениях высшего образования, культуры, здравоохранения и физической культуры.

Большое значение мы придаем сохранению психического и духовно-нравственного здоровья человека, которое, прежде всего, связано с коммуникативной культурой, включающей в себя:

- соблюдение культуры речи как основополагающего признака интеллигентной личности;
- общение субъектов образовательного процесса на основе совместного увлечения творческой деятельностью и дружеского расположения;

- руководство принципами позитивной взаимозависимости, максимизации непосредственного взаимодействия между обучающимися, целенаправленного обучения навыкам работы в группе;

- овладение навыками, необходимыми для плодотворного сотрудничества с другими участниками общественно-производственной деятельности (умение слушать друг друга, разрешать возникающие недоразумения и конфликты, поощрять друг друга, составлять и реализовать план общей работы);

- развитие способности анализировать и оценивать текущую социальную ситуацию, сохранять независимость суждений как важного средства противодействия манипуляциям общественным сознанием;

- овладение самоанализом, самооценкой, рефлексией как привычкой к осмыслению своей и окружающей жизни;

- адаптацию человека в обществе, включающую умения целенаправленно работать с информацией.

Разрабатываемые на этой основе технологии обучения успешно применяются в образовательной практике вуза. Перспективным направлением развития системно-ориентированной технологии является разработка электронных сетевых учебно-методических комплексов по каждой учебной дисциплине специальности. Особенность комплексов – их многофункциональное применение в образовательной сфере. Каждый электронный сетевой учебно-методический комплекс способствует формированию таких компетенций, как готовность к самообразованию, критическому анализу и рефлексии собственной деятельности, выбору и принятию решений, адекватных ситуации. При этом реализуется принцип интегративного подхода к процессу обучения в высшей школе, оптимизирующим условием которо-

го является подготовка и использование в образовательной практике целостных учебно-методических комплексов дисциплин. В настоящее время все дисциплины специальностей университета полностью обеспечены учебно-методическими комплексами и необходимыми методическими рекомендациями.

Современный специалист должен быть психологически готов к переменам условий труда и характера трудовой деятельности, которые связаны с модернизацией производства, и к непрерывному пополнению и обновлению своих знаний. Одной из важнейших характеристик конкурентоспособности выпускников вуза является их социальная компетентность, т. е. уровень сформированности знаний, навыков межличностного делового общения, социального имиджа, обусловленного не только особенностями личности, но и содержанием и характером приобретаемой профессии. Студентов вуза надо готовить к общению и взаимодействию с людьми самого разного статуса и в самых разнообразных обстоятельствах.

Уверенность нашего выпускника в завтрашнем дне, его социальное здоровье определяются подбором его будущего рабочего места, в этом ему оказывают большую помощь ярмарки вакансий, которые проводятся и по факультетам вуза с приглашением работодателей, и в целом по уни-

верситету. В университете работает кадровое агентство, помогающее студентам осуществлять поиск работы. В вузе создана студенческая психологическая служба, позволяющая помогать студентам, особенно младших курсов, справляться с трудностями в адаптации к обучению в вузе, потребностями студентов в профессиональном и личностном развитии, соответствующем требованиям современного рынка труда и профессии в динамично меняющихся социально-экономических условиях, возрастающим требованиям к уровню развития профессиональных качеств выпускников вуза. Студенту вуза помогает более успешно адаптироваться к вузовской системе и безболезненно для его психики входить в образовательное пространство куратор студенческой группы, который выступает как наставник молодежи, осуществляет педагогическую помощь и поддержку. Доброй традицией в вузе стали сборы первокурсников, которые помогают студенту быстрее пройти адаптационный период, познакомиться со студенческой группой, особенностями вузовской системы.

Сложившаяся система образования должна ответить на вызов времени, и поэтому необходимо менять сами подходы к определению целей образования, его содержания, организации образовательного процесса.

ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

С. А. Нижников

В. НЕСМЕЛОВ И И. КАНТ: АНТРОПОЛОГИЯ ТЕИСТИЧЕСКАЯ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ

В статье проводится сравнительный анализ антропологических установок отечественного мыслителя начала XX в. В. И. Несмелова (теолого-метафизических) и И. Канта (трансцендентальных). Отталкиваясь от новой онтологии И. Канта, отмечается поворот в русской философии от построения метафизики веры к разработке возможных онтологических основ веры как универсального духовного феномена.

Русская классическая философия (конец XIX – нач. XX) стремилась реализовать проект построения метафизики веры. Во многом это было связано с попыткой преодоления выводов *Критики чистого разума* Канта. Сложность выполнения вставшей перед отечественной философией указанной задачи обуславливалась не только тем, что в ней вышли на поверхность окончательно не решенные или «решенные» путем уступок и компромиссов проблемы раннего средневековья, патристики (соотношения философии и религии, веры и разума), но и новые проблемы, связанные с местом русской философской мысли на европейском континенте. Обусловлено это тем, что русская философия впитала в себя разнородные духовные и интеллектуальные влияния, стремясь достичь синтеза, который, однако, иногда оборачивался эклектикой. Основных таких влияний было три: восточнохристианская традиция, новоевропейский рационализм и пантеистическая мистика. В зависимости от того, какая традиция оказывала на мыслителя большее влияние, определялось и его философское мировоззрение, метод построения метафизики веры и само ее понимание, отношение к критической философии Канта.

Касаясь антропологического аспекта метафизики веры, можно сказать, что душа становится его предметом, когда переходит в разряд трансцендентной сущности. Русская философия во многом отталкивалась от византийского исихастского антропологического опыта, где дан опре-

деленный образ человека. П. П. Гайденок пишет о том, что «без возрождения метафизики невозможно преодолеть имперсонализм» и новоевропейский пантеистический гностицизм, которые фактически привели к катастрофам и преступлениям против человека в XX веке [1]. В целом русская философия, в качестве метафизики веры, утверждает субстанциальность «Я», в противовес Юму; персонализм, в противовес Гегелю; духовное происхождение личности, в отличие от Фейербаха.

Кант, наследуя критический импульс Юма, стремился обосновать невозможность философско-метафизического, теоретического постижения Бога. Однако его агностицизм относительно теолого-догматического и философского богопознания сочетался с попыткой морально-философской интерпретации религии [2], утверждения свободы воли и ответственности человека, что было близко русской философии. Этико-антропологические вопросы сформулированы Кантом в качестве определенного итога всего его философского творчества, но они же являются и движущим нервом русской мысли [3]. Раздавшийся в Европе лозунг «Назад к Канту» был тотчас же услышан и в России Вл. Соловьевым и другими философами. Парадоксально, но факт: уже в начале своего классического развития русский идеализм оказался созвучным современным западным веяниям, что говорит если не о единстве, то параллелизме историко-философского процесса в европейском масштабе.

Г. Флоровский, полагал, что в метафизике возможны два пути – от абсолюта и от человека, от Откровения (патристика и схоластика) или от опыта (т. н. «новое богословие»). Именно второй, «антропологический уклон» и представляет собой философствование Несмелова. С этой оценкой творчества Несмелова соглашается И. Цветков, считая, что казанский философ «добросовестно выполняет задачу, обратную общепринятой в русской религиозной философии, начиная с Соловьева, – столичные мыслители от Логоса спускаются к миру, кончая личностью с ее измерениями, заражая при этом последние всеми заблуждениями, которые они имеют об Абсолютном, – провинциальный же философ скромно и методично... строит антропологическую лестницу к небесам» [4]. Духовная антропология Несмелова интересна тем, что он пытается исхо-

НИЖНИКОВ Сергей Анатольевич – доктор философских наук, профессор по кафедре истории философии РУДН
© Нижников А. С., 2008

дить из «факта человеческой природы, а не от понятия Бога» [5]. Для него начало и конец веры заключается в самой человеческой личности, ценнее которой нет ничего на свете: «Если же люди ищут блага вне себя самих, то они ошибаются, и если они признают средства жизни за конечную цель ея, то они обольщаются. Весь мир есть совершенное ничтожество в сравнении с человеком, потому что ни за какие сокровища мира нельзя купить того, что составляет существо человека...» [6]. В связи с этим Несмелов заявляет о необходимости создания философии «как специальной науки о человеке», к разработке которой он далее и приступает.

Однако чрезмерный психологизм и расширенная трактовка веры, фактически покрывающая все поле знания (и материализм и спиритуализм для Несмелова – лишь разные образцы веры), приводят автора чуть ли не к солипсизму, от которого он вынужден уходить через историко-философские штудии, отталкиваясь от Декарта и Канта. Но эта угроза привела Несмелова и к интересным выводам. Во-первых, о принципиальной необъективности субстанциального Я, что разрушает доводы Юма о личности как «пучке восприятий» и гносеологический скептицизм Канта: «Кант требовал возможности познания о духе по образу и подобию познания о мире и такой возможности, разумеется, не нашел, потому что она совершенно невысказима. Быть объектом себя самого, т. е. мыслить себя, как не себя самого, субъект никогда и ни в каком случае не может, потому что быть объектом себя самого – это значит не иное что, как одновременно быть и не быть собою самим... Это именно утверждение себя самого, как единственное непосредственное познание, в содержании которого сознание и бытие оказываются вполне тождественными... Я утверждаю бытие внешнего мира только потому, что я утверждаю свое собственное бытие в этом мире» [7].

Таким образом, хотя Несмелов и зависим в некоторых вопросах от Канта, но противоречит ему относительно онтологического и гносеологического статуса личности. Человеческую личность он, как и Кант, называет вещь в себе, которая непосредственно дана в самосознании человека, однако из этого он делает противоположный, особенно Юму, вывод: «...если человек думает о себе не как о явлении, а как о бытии в себе, как о сущности, то думает верно». Для Несмелова самосознание не может обманывать человека, а потому «человек в своей внутренней природе действительно есть то, чем он сознает себя, т. е. свободно-разумное бытие для себя – субстанциальная личность» [8].

Помимо утверждения субстанциальности человеческого Я Несмелов разработал новое дока-

зательство бытия Бога, которое основывается на *откровении* в уме человека идеи Бога [9]. Бердяев пишет, что Несмелов «антропологически показывает бытие Бога...» [10]: «Сознавая природное содержание своей личности *идеальным*, человек в этой самой идеальности сознает свою личность, как *реальный образ* такой совершенной Личности, бытие которой вполне совпадает с ее сознанием. По содержанию же этого сознания он естественно вступает на путь религиозного мышления...» [11]

Бердяев на основании этого считал, что Несмелов «открывает новый способ обнаружения бытия Бога – психологический, или (вернее) антропологический. Это обнаружение отличается от старого онтологического доказательства, которое основано на *понятии* и из пределов понятия не выходит, и более нового, морального доказательства Канта, которое основано на *субъективном долге*. Несмеловское обнаружение основано на *объективном факте* человеческой природы» [12]. Для Несмелова само «природное содержание человеческой личности выводит человека за необходимые границы физического мира и в самом человеке открывает действительное существование другого бытия, кроме физического» [13]. Несмелов не являлся ни сторонником врожденной идеи Бога, ни эмпирического или мистического ее происхождения, так как считал, что нашел более достоверное доказательство. Согласно этой логике человек доказан с неизбежностью прийти к вере, все зависит лишь от глубины личностного самопознания [14].

Вместе с тем онтолого-антропологическое доказательство Несмелова строится в русле традиционной метафизики, от доказательств которой уже ничего не осталось после *Критики* Канта, согласно которой «безусловная необходимость суждений не есть безусловная необходимость вещей». Кант говорит о возможности познания того, *что* есть в качестве явления, но устанавливает запрет на познание того, *почему* это есть, на поиски первопричин и сущности, что может осуществляться лишь посредством идей разума. Несмелов и традиционная теология говорят не только о *что*, но и *почему*. Это *почему* априорно определить невозможно, а тем более эмпирически, поэтому Кант налагает запрет на познание этой сферы («я ограничил знание, чтобы дать место вере»). Отсюда и разница в понимании метафизики Несмеловым и Кантом. Поэтому прежде, чем анализировать проблему онтологического доказательства бытия Бога, необходимо определиться с понятиями как онтологии, так и Бога.

Определение рассматриваемому доказательству как онтологическому дал именно Кант. Но, с его точки зрения, оно не может мыслиться ис-

тинно онтологическим, не говоря уже о необходимости его доказывания. Отрицательный ответ у Канта предопределен самим неонтологичным пониманием онтологии в данном доказательстве. Для Канта онтология – это сфера трансцендентальная, в этом заключается его философское открытие. Критикуя традиционную метафизику сверхсущего, он, как затем и М. Хайдеггер, стремился представить новую истинную метафизику как сферу трансцендентального. Основы его онтологии, или новой метафизики, представлены априорными формами познания.

Из сказанного ясно, что традиционное доказательство бытия Бога, идущее от Ансельма, не является *онтологическим* в смысле априорным, не коренится в самих структурах сознания человека, а является производным спекулятивного мышления. Остается загадкой, почему Кант назвал его онтологическим. Опять же, употребляя его терминологию, данное доказательство можно было бы назвать аналитическим. Критику аналитических суждений, не приводящих к приросту наших знаний, Кант дал еще во введении к *Критике*. Поэтому отрицательное отношение к «онтологическому» доказательству у Канта предопределено исходными установками его философского мировоззрения. В понятие Бога не входит существование как априорная характеристика, она может присоединяться лишь аналитически, а не синтетически. Действительно онтологичным понятие бытия Бога могло бы стать у Канта, если бы он ввел такую идею в свою таблицу априорных категорий в аналитике. Но у нас нет таких созерцаний, заданных априорно, мистические же выходят за границы философии вообще. Поэтому понятие Бога в системе Канта остается вечно недоказуемым и все попытки суждений о нем – лишь игра разума с самим собой.

Подход отечественных философов в большей степени спекулятивный, гегелевский, а Канта – априорный. У Гегеля, например, поэтому не может быть теории сознания, а лишь его экспозиция, лишь его феноменология и генезис, то есть анализ состояний, форм сознания, а не его *самого*. Позиция Канта направлена именно на само сознание, – в этом суть трансцендентальной философии. Кант стремился построить определенную теорию сознания, но не на манер предшествовавшей метафизики, а исходя из самого сознания.

Таким образом, можно заключить, что позиция Канта (отрицательная) и Гегеля и отечественных мыслителей (положительная) к онтологическому доказательству определяется не самим этим доказательством и его логикой (или ее противоречиями), а исходными философскими принципами, лежащими в основании философских систем Канта и Несмелова, в различном понимании

ими самого понятия онтологии. Отечественных философов можно назвать продолжателями, хотя и не ортодоксальным, христианско-платонической метафизики, а Кант является зачинателем принципиально новой трансцендентальной онтологии. По этому пути пойдут затем Гуссерль и Хайдеггер. И в этом смысле для философов, придерживающихся точки зрения этой новой онтологии, онтологическое доказательство является анахронизмом, споры о нем уже бессодержательны, они просто не интересны для такой философии. Ее реальные проблемы лежат глубже игры понятиями. С точки зрения трансцендентализма онтологическое доказательство больше не может «работать», так как уже «умер» и сам Бог (сфера старой метафизической его интерпретации как трансцендентного начала).

Далее, после освещения понятия онтологии и различных его трактовок, прежде чем рассуждать о содержании онтологического доказательства, необходимо определить понятие Бога, что оно означает, что под ним мыслится. По сути, в онтологическом доказательстве речь идет не о Боге, как его понимают теистические религии, а о философском абсолюте. Не зря оно было сформировано в эпоху позднего средневековья, в недрах схоластики. Абсолют, в отличие от Бога, не есть обязательно личность, не есть «Отец» и, соответственно, не есть любовь. Поэтому доказательства бытия абсолюта сводятся лишь к логическим определениям, в то время как Бога – нет. Абсолют не обязательно трансцендентен, гегелевский – пантеистичен, а трансцендентность теистического Бога безусловна. Ясно, что столь разные понятия не могут и не должны смешиваться в одном доказательстве. В этом свете гегелевские доказательства, носящие пантеистический характер, и вовсе не имеют отношения к теистическому понятию Бога. Поэтому в традиционном представленном онтологическом доказательстве бытия Бога речь не идет о доказательстве бытия Бога в собственном смысле слова, а лишь о логическом выведении из понятия абсолюта его существования. Вместе с тем логическое доказательство бытия абсолюта (так следовало бы назвать то, что определяют как «онтологическое доказательство бытия Бога») может быть применимо и к сфере теистической, но сама эта сфера не исчерпывается данным доказательством, а поэтому и не всегда зависит от его возможных слабостей и противоречий. Теистическое доказательство может включать в себя «онтологическое», но не наоборот.

Раскрывать смысл возможного теистического доказательства – отдельная задача, носящая уже не формально-логический и не спекулятивный характер, а, скорее, экзистенциальный и, возможно, трансцендентальный (в случае использования

того опыта, который выработан в послекантовской трансцендентальной философии). Роль Канта в возможности построения действительно онтологического доказательства еще в полной мере не осмыслена. По крайней мере, традиционно метафизическое и аналитическое оказывается невозможным в рамках философии, но открывается возможность для иных, экзистенциально-трансцендентальных, над которыми уже задумывается современная теологическая мысль (К. Ранер). В любом случае она исходит из тех открытий, которые уже совершены в области философии. Новое слово здесь принадлежит М. Хайдеггеру.

Но религия не во всем зависит в построении своих доказательств от философии, у нее есть и свои ресурсы, выходящие за пределы философского обоснования, философия уже задним числом может осмыслять духовные феномены, открывающиеся в вере (если философию понимать не экзистенциально, а только как «мышление в понятиях»). Такие возможные доказательства можно назвать духовными, их изучение требует особой методологии – онтологии веры. Но осмысление духовных феноменов в рамках онтологии веры не может осуществляться без задействования современного философского арсенала мысли. Религия и здесь оказывается зависимой от философии, но уже на втором этапе, этапе осмысления и интерпретации, а тем самым и углубления в саму интуицию веры.

Несмелов солидаризируется с Кантом в том, что дух принципиально *необъективируем*, а значит, его познание не связано непосредственно с познанием предметного мира. Познание духа невозможно на основе обычных органов чувств, которые направлены *на* и предназначены исключительно *для* познания внешней предметной действительности. Дух же есть само человеческое «Я», его сознание. Лишь в этом смысле верны слова Канта о принципиальной непознаваемости сущности личности и духа, ибо он способен обнаруживать посредством органов чувств лишь свои объективации, но не себя как такового. Однако в отличие от Канта, отрицавшего интеллектуальную интуицию, Несмелов признает ее наличие как факт самооткровения внутреннего духа человека. Дух, поэтому, можно познавать, но только в акте его самооткровения, и самосознание есть такой длящийся акт. Сама по себе его фиксация, а она дается просто присутствием самосознания, и есть единственно возможное «доказательство» бытия духовной личностной субстанции человека.

Кант, продолжает Несмелов, не пришел к этой идее потому, что хотя и мыслил о духе как о бытии в себе, но «искал это *бытие в себе* между явлениями». Поэтому «сомневаться можно

все-таки не в бытии духа, а только в познании его», говорить же «об иллюзорности человеческого самосознания просто значит – под видом научного объяснения действительности создавать невообразимую нелепость». Несмелов заключает, что «*по самой природе своей дух как субъект сознания может сознавать себя не посредством представления, а только непосредственно*. Поэтому возражать против действительного существования духа только на том основании, что он не подлежит чувственному восприятию, можно лишь по чистому недоразумению» [15]. Однако мысль Канта была не совсем об этом, если вспомнить трансцендентальное единство апперцепции...

Несмелов, вместе с тем, находился под сильным влиянием эмпиризма и даже отрицал возможность построения метафизики как науки, вынося вопрос о бытии Бога за пределы философии. Так, «Наука о человеке» Несмелова открывается с глав, которые обескураживают ищущего философию человека, – они почти целиком посвящены сугубо психологическим вопросам, которые к вере и метафизике имеют лишь косвенное отношение: автор уделяет психологии здесь гораздо больше внимания, чем метафизике. Создается впечатление, что саму метафизику и веру он пытается отыскать в многообразии психической деятельности субъекта. Он пытается построить «*психологическую историю морального сознания*» и доказательства бытия Бога, идя от «*физиологической психологии к спиритуалистической*», «*от психологии механических ассоциаций к психологии живого развития духа*». Несмелов пытается таким образом показать постепенный и *естественный* «переход человеческого Я, как психофизической особи, к внутреннему самоопределению Я, как *сверхчувственной личности*» [16]. Здесь Несмелов порывает не только с Кантом, но и с традицией, которую стремился выразить.

В. В. Зеньковский в связи с этим находит, что в Несмелове «слишком сильно сказывается влияние чистого эмпиризма (английского типа) и так наз. «психологии сознания» (Bewusstseinspsychologie) немецкой философии», поэтому «развертывание в систему» исходных интуиций у него связано с влиянием побочных конструкций [17]. К «эмпирическому психологизму» и «психологии сознания» добавляется еще императивная этика Канта, опираясь на которую Несмелов пытается затем выйти из психологии на свет метафизики веры. Кроме того, он пытается связать все в единую непрерывную линию развития, наподобие развития духа в *Философии духа* Гегеля. Однако если у Канта и Гегеля все получается более-менее гармонично в рамках их систем (безрелигиозной этике Канта и пантеистическом понимании духа у Гегеля), то ведь Несмелов в конечном итоге пытается

прийти к совершенно противоположному – метафизике веры, т. е. мировоззрению, основанному на идее трансцендентизма и персонализма. Но те методы, которые он использует, заимствуя все то, на что было указано выше, призваны обслуживать (и для этого специально разрабатывались) чуждые Несмелову мировоззренческие типы (от пантеистического и деистического до атеистического). Это несоответствие цели и пути к ней, предмета и метода породили противоречия в *Науке о человеке*.

Пожалуй, С. А. Франк выразил общую антропологическую установку русской философии, подчеркивая в отношении человеческой личности то, что она «всегда и по самому своему существу есть нечто большее и иное, чем все, что мы воспринимаем», она есть «в некотором смысле бесконечность». Поэтому «неизбежно оказываются несостоятельными все попытки рационально понять духовное бытие и личность». Личностная жизнь, – продолжает Франк, – «впервые конституируется именно ее причастием трансцендентному духовному бытию» [18]. Вместе с тем Франк выступает против понимания личности лишь в аспекте трансцендентности, что уничтожает ее самостоятельность.

Метафизика веры представляет собой духовную антропологию, ибо сущность человека, разветвляющаяся в процессе духовного самопознания, идет по пути созидания личности. Сам по себе этот процесс является высшим видом духовного творчества, где человек творит не нечто чуждое себе, или нечто вспомогательное для своего существования, но саму свою сущность. Аспект свободы и независимости человеческой личности, глубоко осознанный Кантом, без сомнения, оказал существенное влияние даже на тех русских философов, которые отчаянно с ним боролись. Именно с Канта в европейской философии Нового времени осуществляется поворот к антропологии. Однако философская, а не эмпирическая антропология Канта антиметафизична (если понимать метафизику в традиционном смысле).

Для Канта представление о сущности Я, в каких бы символах оно ни передавалось, является гипостазированием традиционной метафизики. Я в этом случае отождествляется со своими образами, символами, измышлениями: Я думает о себе все что хочет, и таким образом полагает свою сущность. Кант все это обрезает, оставляет чистую форму «я мыслю». В то время как тезис предшествовавшей метафизики: «Я есть то, что я мыслю о себе», тезис трансцендентальной философии: «Я не есть то, что я мыслю о себе». Декарт, заявив, «мыслю, следовательно, существую», уже встал на путь трансцендентализма, но не сформулировал его. Здесь уже выделена чистая

форма мышления, но она еще не отделена радикально от сопутствующего содержания. Кант совершил то, что начал Декарт.

Человек есть то, что он думает о себе, а то, что он думает о себе, составляет ему господствующая культура. Поэтому он не думает в собственном смысле слова, а воспроизводит готовые представления о собственном Я и отождествляется с ними. Так из бескультурного возникает культурный человек. Но культурный еще не значит духовный. Истинная духовность исходит не из культуры, а из ее порождающих духовных актов, от соприкосновения с ничто Я. Если данный опыт не спешит интерпретировать себя символами традиционной культуры, то способен вскрыть новые горизонты в понимании человеческого Я. Этот опыт воспроизводят крупные философы, открывающие новые эпохи философствования.

Кант очистил философию от психологии, способствовал ее «отпочкованию». Философия превращается в теорию сознания, психологии отдается психика, душа. Философию не интересуют более «изгибы души», то, что человек мнит себе о себе, что он себе о себе рассказывает. Все субъективное, «слишком человеческое», изгоняется Кантом из теории сознания. Отсюда и его кажущийся агностицизм, ведь познавать можно только содержание психики, движения души, но не саму форму, вместилище внутреннего мира человека, сознание.

Сознание Кант мыслит в рамках новой онтологии, не как реальность метафизическую, а онтологическую, очищенную от досужих мнений и всего того, что человек напридумывал относительно себя за тысячелетия вменяемого существования. Однако об этой новой онтологической реальности ничего сказать невозможно, она остается за кадром и лишь сопровождает каждый мыслительный акт. Эта реальность априорна, не метафизична (как у Декарта или Лейбница) и не просто пучок восприятий (как у Юма).

Антропологию в рамках новой онтологии Кант только наметил, экзистенциальный ее вариант разработан в рамках фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Он, казалось бы, возвращает философию к психике, говоря о переживаниях и состояниях. Однако это не так. Экзистенциалы – не психическая, не душевная, а духовная реальность. Хайдеггер учел философский опыт как Канта, так и Гуссерля.

Метафизика веры реализует стремление к свободному осмыслению духовного опыта вне каких-либо внешних рамок, основываясь лишь на вере, безотносительной к определенной системе координат. Она стремится выявить такие координаты в себе самой. Истинную веру можно определить как живой духовный процесс челове-

ческого самотворчества, выражаемый, прежде всего, в морали. В этом смысле трансцендентальная философия Канта оказала отечественной мысли неоценимую услугу: она способствовала переходу в русской философии от метафизики к онтологии веры, что особенно ярко, глубоко и оригинально выразилось в творчестве как В. И. Несмелова, так и С. Л. Франка.

Примечания

1. Гайденко, П. П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века [Текст] / П. П. Гайденко. М., 2001. С. 105.
2. Кимелев, Ю. А. Философия религии: Систематический очерк [Текст] / Ю. А. Кимелев. М., 1998. С. 138.
3. Калининков, А. А. Вл. Соловьев и И. Кант: этические конвергенции и дивергенции [Текст] / А. А. Калининков // Материалы к сравнительному изучению западноевропейской и русской философии: Кант, Ницше, Соловьев. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 35.
4. Цветков, И. Вершины и неудачи «Науки о человеке» [Текст] / И. Цветков // Несмелов В. И. Наука о человеке. Казань, 1994. С. 5.
5. Бердяев, Н. А. Духовный кризис интеллигенции [Текст] / Н. А. Бердяев. М., 1998. С. 273.
6. Несмелов, В. И. Наука о человеке [Текст] / В. И. Несмелов. Казань, 1994. С. 4.
7. Там же. С. 128.
8. Там же. С. 213.
9. Епископ Антоний (Храповицкий). Новый опыт учения о богопознании [Текст] / Епископ Антоний (Храповицкий) // Несмелов В. И. Наука о человеке. Казань, 1994. С. 21.
10. Бердяев, Н. Опыт философского оправдания христианства [Текст] / Н. Бердяев // Несмелов В. И. Наука о человеке. Казань, 1994. С. 34.
11. Несмелов, В. И. Указ. соч. С. 135, 247.
12. Бердяев, Н. А. Опыт философского оправдания христианства. С. 290–291.
13. Несмелов, В. И. Указ. соч. С. 261.
14. Там же. С. 352.
15. Там же. С. 212, 213, 211.
16. Там же. С. 413–415.
17. Зеньковский, В. В. История русской философии [Текст] : в 2 т. Т. 2. Ч. 1 / В. В. Зеньковский. Л., 1991. С. 105.
18. Франк, С. Л. Сочинения [Текст] / С. Л. Франк. М., 1990. С. 411–412.
19. Там же. С. 412.

Н. Н. Ярыгин

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье анализируется влияние евангельской морали на современное общество. На примере деятельности Мартина Лютера Кинга раскрывается главенствующее значение учения Христа в плане усовершенствования нашего мира. Кинг смог на практике воплотить заповеди Христа для искоренения дискриминации темнокожего населения Америки. Таким образом, даже сегодня христианские ценности не утратили своей роли в жизни современного человека.

В современном секуляризованном мире обращение к христианским ценностям порой кажется весьма скучным и архаичным. Тем не менее, как показывает практика, потенциал их по-прежнему неисчерпаем. Яркий пример названного положения можно привести, если обратиться к событиям новейшей истории США.

Одной из главных проблем социально-политической жизни в США изначально было расовое неравенство. Самое непосредственное участие в её решении во второй половине XX века приняли христианские церкви, в первую очередь баптистские. Борьба против сегрегации, которую возглавил баптистский проповедник Мартин Лютер Кинг (1929–1968), была длительной и сложной. Он предложил тактику мирного протеста в борьбе за гражданские права темнокожих американцев, причем он считал, что бороться следует не с отдельными расистами, а с общественной системой, в которой господствует расистская идеология. Он считал, что в борьбе за права и свободы не следует ожесточаться (насилием не победить), лишь христианская любовь может изменить этот мир к лучшему, она придает силу в этой борьбе. Кинг отмечал на этот счет: «Любовь – самая прочная власть в мире. Эта творческая сила, столь прекрасно явленная в жизни Христа, – самое мощное орудие, доступное человечеству для достижения мира и безопасности» [1]. Причем Кинг был противником пассивного ожидания лучших времен: «Истинное христианство – не уход или бегство от реальностей жизни, оно есть сила для преодоления этих реальностей» [2]. Он выдвинул требование «Свободу немедленно!» Ответные репрессивные меры властей следует встречать с евангельским смирением, смягчая сердца противников.

Деятельность Кинга выделяется удивительной целеустремленностью и убежденностью в соб-

ЯРЫГИН Николай Николаевич – кандидат философских наук, доцент по кафедре философии и социологии ВятГГУ
© Ярыгин Н. Н., 2008

ственной правоте, что позволяло ему в весьма сложной обстановке отстаивать собственные позиции. Он постоянно подвергался критике и прямому насилию со стороны как правительственных структур, так и воинственных негритянских националистов. Известие об убийстве Кинга вызвало волну бунтов и восстаний в негритянских гетто многих городов США. Поджогами и погромами ответили темнокожие американцы на смерть своего лидера, который всю жизнь проповедовал ненасилие. Парадоксально и то, что в 1983 г. при президенте-консерваторе Рональде Рейгане день рождения Кинга был объявлен национальным праздником.

В итоге именно Кингу удалось предложить программу действий, объединившую массы черных и белых противников расизма, создать движение, сыгравшее решающую роль в преодолении системы сегрегации и дискриминации негритянского населения США. Так сложилось, что общественно-политическая деятельность Кинга постоянно затеняла его социально-религиозную концепцию, теологические стороны проводимой им тактики действий. Он был практикующим проповедником небольшой баптистской церкви и доктором теологии. Собственное понимание негритянской проблемы и обоснование тактики непосредственных действий Кинг выражал на языке христианской догматики, а необходимость борьбы против сегрегации обосновывал толкованием социальных и нравственных принципов Библии.

Кинг писал, что призыв «Подождите!» звучит в ушах каждого темнокожего много лет. Темнокожих граждан всегда обвиняли в том, что они выступают не вовремя, однако требование своевременности означает – никогда. Кинг отметал в этом вопросе выжидательную позицию: «По горькому опыту мы знаем, что угнетатели никогда добровольно не дадут свободы угнетенным – ее нужно потребовать» [3]. Исходя из этого, оставалось лишь одно средство – применить метод прямых ненасильственных действий, суть которого состоит в том, чтобы своими действиями вынудить власти пойти на переговоры. С одной стороны, это прямые действия, непосредственно направленные на борьбу против конкретных форм сегрегации и дискриминации, а с другой – они носят ненасильственный характер (протестующие не оказывают сопротивления при аресте, не отвечают ударом на удар). Кинг строго следил за соблюдением этого принципа, старался любым путем предотвратить всякие стычки и столкновения.

Тактика Кинга явилась новым этапом движения за гражданские права. Если раньше это была лишь активность группы лидеров, простая апелляция к общественному мнению и евангельской

этике, то сейчас – деятельность самих негритянских масс, практика весомого давления на местные власти. В этом заключается историческое значение лозунга, выдвинутого Кингом, «Свободе немедленно!» Успех его в том, что он выразил достигнутый к этому времени уровень активности негритянских масс и был адекватен их представлениям о наиболее эффективных путях достижения равенства. Важно и то, что лозунг был выдвинут проповедником, сумевшим преобразовать преданность Богу в конкретную программу социальной деятельности. К тому же дело касалось баптизма, сохранившего свое господствующее влияние на темнокожих американцев Юга.

Кинг предлагает христианство, вовлеченное в острые социальные конфликты, обращается к духовно обновленным прихожанам как к сообществу небожителей, способных быть совестью страны. Истинное христианство, по мнению Кинга, – это не только учение о личном спасении, оно обязательно должно включать в себя социальный идеал: «...религия, признающая важность заботы о людских душах, но не затрагивающая общественные и экономические условия, ранящие эти души, – это религия с умирающим духом, ожидающая только того дня, когда ее похоронят» [4]. Первейший долг христианина – это борьба за социальную справедливость, в конкретной американской действительности – борьба за расовое равенство, так как расовая сегрегация является отрицанием единства, которое люди имеют во Христе.

Данные суждения Кинга свидетельствуют о том, что он следовал традиции популярного в начале XX в. в США социального евангелизма. В первую очередь он поддерживал идею одного из лидеров этого широкого межконфессионального движения Уолтера Раушенбуша (1861–1918) о том, что настоящий христианин должен заботиться не только о личном спасении, но и о преодолении социального зла. Однако в современной ему ситуации Кинг не видел уже в морализаторстве социального евангелизма той эффективной программы деятельности, которая соответствовала бы его опыту, складывавшемуся в условиях нарастающей конфронтации вокруг расовой проблемы. На каждом шагу он убеждался в бессилии самых страстных и благородных призывов. В связи с этим размышления известного представителя неоортодоксии Рейнхольда Нибура (1892–1971) стали для Кинга подлинным открытием: «Пророческие и трезвые элементы страстного стиля Рейнхольда Нибура взывали ко мне, и я был настолько очарован его социальной этикой, что практически попал в ловушку всего им написанного» [5]. Свою увлеченность Нибуром Кинг объяснял следующим образом: «Огромный вклад Нибура в современную теологию связан с

тем, что он опроверг ложный оптимизм, свойственный большей части протестантского либерализма, не впадая при этом в антирационализм европейского теолога Карла Барта или полуфундаментализм других теологов-диалектиков. Более того, у Нибура было потрясающее внутреннее видение человеческой природы, особенно поведения нации и социальных групп. Он четко осознавал сложность человеческих мотивов и отношений между моралью и силой. Его теология является настойчивым напоминанием о реальности греха на любом уровне существования человека. Эти элементы Нибура помогли мне осознать иллюзии поверхностного оптимизма касательно природы человека и опасность ложного идеализма. Тогда я еще уповал на способность человека к добру, Нибур же заставил меня понять и его способность ко злу. Более того, Нибур помог мне осознать сложность социальных связей и бросающуюся в глаза реальность существования коллективного зла» [6].

Взаимовлияние социальных программ и их парадоксальное отражение в различных теологических концепциях постоянно присутствует в истории. Кальвинистская идея абсолютного предопределения, казалось бы, должна была вести к социальной пассивности, между тем последователи Кальвина, к примеру Кромвель, отличались неукротимой силой духа, незаурядной целеустремленностью и активностью. Получается, что упреки в фатализме также необоснованны и в адрес доктрины Нибура, если Кинг в целом ряде её ключевых моментов увидел основания и посылы для собственной радикальной социальной деятельности. В качестве одного из главных аргументов против социального евангелизма Нибур выдвинул концепцию «морального человека и аморального общества». Призывы к следованию евангельским идеалам беспочвенны, так как каждый человек выступает прежде всего как член определенной социальной группы, которая и определяет его отношение к общественному процессу, его понятия о долге, чести, совести. Кинг соглашается с этими рассуждениями, однако поясняет их в совершенно другом плане. Он отмечает, что терпение, взывание к совести, исходя из концепции Нибура, не ведут к необходимым результатам. Поэтому нельзя ждать, нужно действовать и требовать свободы немедленно.

Между тем полностью принять доктрину Нибура Кинг не мог. В его понимании неоортодоксия была слишком далека от реальных страданий темнокожего населения Юга, проблема сопротивления злу в ней ограничивалась пониманием зла, она не предлагала конкретного механизма преобразования антирасистского протеста в эффективное социальное движение. Тогда как вопрос стоял ребром: способно ли хрис-

тианство реально помочь устранению системы дискриминации чернокожих американцев, и даже более детально: какие в этом плане возможности принципа божественной любви – главной заповеди Христа?

Новый импульс в своих исканиях Кинг испытал после знакомства с деятельностью Ганди. Под влиянием Нибура ранее он считал, что действие христианской морали ограничивается межличностными отношениями, а в случае конфликта между расами и нациями нужен был другой, более реалистический подход. Под воздействием Ганди Кинг пересмотрел своё прежнее представление. Он писал по этому поводу: «Для Ганди любовь была сильнодействующим орудием в деле социальных коллективных преобразований. Именно в том, что Ганди придавал особое значение любви и ненасилию, я нашел метод для социальных преобразований, который искал много месяцев... Я начал чувствовать, что это был единственный морально и практически справедливый метод, доступный угнетенным в их борьбе за свободу» [7]. Не последнюю роль в подобной оценке сыграла эффективность метода Ганди в борьбе за независимость Индии. Кинг делает заключительный вывод о том, что Христос дает дух и мотивацию протеста, а Ганди – метод и технику его выражения. Теоретический период поисков объяснения и способов устранения расовой дискриминации завершился. Полученной позитивной философии предстало пройти через испытания реальной действительности. «С течением времени я начал понимать силу ненасилия все глубже и глубже. Пройдя через действительный опыт протеста, ненасилие стало больше чем метод, с которым я был теоретически согласен; оно стало обязательством жить определенным образом. Многие из проблем, касающихся ненасилия, которые я не мог прояснить для себя интеллектуально, разрешились в сфере практических действий» [8].

Кинг точно подметил несовершенство американского общества. Современную ему эпоху он характеризовал как период распада морали, всеобщего страха и отчаяния. Среди признаков кризиса Кинг называл голод, нищету, наследие колониализма. Особенно глубоко его волновала трагическая судьба темнокожих граждан в США. Кинг понимал, что им противостоят не действия отдельных расистов, а социальный строй, в котором превалирует расистская идеология и практика. Он писал, что теперь врагом темнокожего стал не индивид, подавлявший его, а общественная система, дающая индивиду возможность так поступать. Расизм существует как всепроникающая система отдельных норм и правил, истинные корни которых скрыты. Для сохранения расизма используются различные социальные институты, наука, культура, религия.

Кинг как христианский теолог исследует проблему расизма исходя из своих религиозных воззрений. Изначальная причина социального зла для него бесспорна – это грехопадение первого человека, соответственно, задача заключается в том, чтобы дать наиболее реалистическое, отвечающее личному опыту объяснение, как это роковое наследие проникает в повседневную жизнь, формируя общество, в котором грех проявляется на всех уровнях человеческого существования. Таким образом, поле поиска ограничивается до отношения «человек – Бог», «христианин – евангельские заповеди». Кинг в первую очередь осуждает чувство безразличия и конформизма американцев, пассивное следование давним стереотипам мышления, которые ежедневно навязываются мощной системой пропаганды. Идеал Кинга – это человек трезвого ума, способный иметь свое мнение на основе собственного разума, а не навязанных предрассудков. Главными пороками христианина, по мнению Кинга, являются лень ума и трусость. Многие здравомыслящие американцы не согласны с системой сегрегации и дискриминации, но они молчат из-за опасений, что их обвинят в отсутствии лояльности по отношению к обществу.

Кинг определяет общество как средоточие человеческой греховности, поэтому он стремится найти для своей программы такое моральное основание, которое не зависело бы от наличной социальной практики. Как христианский проповедник, он видит его в божественной морали, данной свыше и не подверженной влиянию времени. Соответственно, в способности противостоять порочным традициям общества и засилью официоза Кинг усматривает проявление религиозной сущности человека. В результате это ведёт Кинга к переосмыслению традиционных теологических проблем и категорий. Например, он пытается найти компромисс между концепцией имманентного Бога, характерной для либералов, и суверенного, трансцендентного Бога неортодоксов. Здесь, с одной стороны, христианские ценности предстают у Кинга как внесоциальные, имеющие опору в трансцендентном Боге, они выступают главным аргументом против конформизма. С другой стороны, Кинг выдвигает на первый план социальный, земной идеал христианства, то есть связывает заветы Бога с определенным общественным устройством. Таким образом, он отделяет Бога от сложившихся социальных порядков и одновременно приближает его к ним. Бог одновременно и трансцендентен (в той мере, в какой он превосходит человеческую греховность, препятствующую полному воплощению его заветов в земной жизни), и имманентен (в той мере, в какой его моральные принципы выступают в качестве мотивации активной борьбы за справедливость).

Аналогичный подход виден и в рассуждениях Кинга о первородном грехе и свободе человека. Он отвергает типичное для Раушенбуша представление о греховности как социального поведения, отклоняющегося от заветов Христа, но принимает точку зрения Нибура по этому поводу. Хотя, по мнению Кинга, последний переоценил испорченность человеческой природы, так как человек с помощью Бога всё же способен преодолеть проявления своей греховности. Кинг согласен с идеей божественного предопределения, но в русле её подчеркивает человеческую свободу. Призывая сограждан к борьбе за воплощение в жизнь социального идеала христианства, Кинг отмечает, что главным условием её успеха должно быть осознание того, что без помощи Бога все усилия обречены на провал. Между тем, отмечает Кинг, понимание человеком своей зависимости от Бога не должно вести его к пассивности, что равносильно тому же конформизму. Кинг не принимает призывов одной молитвой решить проблемы расовой дискриминации. Борьба, заявляет он, не может быть выиграна молитвой.

Данную позицию Кинг подкрепляет соответствующей теологической составляющей. Он не согласен с традиционным протестантским представлением о том, что образ Божий в человеке полностью стёрт первородным грехом. Потенциал сил, заложенных в человеке, следует лишь раскрыть. Причем эти силы своим происхождением обязаны Богу, человек самостоятельно раскрыть их не может. Это может сделать лишь вера, которая и дает импульс к активной преобразующей деятельности человека. Вера является мостом, соединяющим божественное и человеческое начала, дает возможность божественным силам привести в активное состояние добрые потенции человеческой души.

Разум человека, по мнению Кинга, никогда не должен примиряться с социальной несправедливостью. Однако сердце его не может ожесточаться, оно всегда должно оставаться добрым, что проявляется во всеобщей любви, любви ко всем людям, любви к своим врагам. Даже более того, любовь рассматривается как путь к решению проблем современности, расовая проблема не может быть решена без обращения к евангельской любви. Здесь Кинг проявляет ту категоричность, с какой он когда-то отверг призыв к ожиданию. «Мы скажем своим злейшим противникам: “...Мы будем встречать вашу физическую силу силой души... Говоря по совести, мы не можем подчиняться вашим несправедливым законам, потому что неучастие во зле является такой же моральной обязанностью, как участие в добре. Бросайте нас в тюрьмы, и мы будем любить вас. Взрывайте наши дома и угрожайте нашим детям, а мы

все же будем любить вас... И однажды мы добьемся свободы, но не только для себя... Мы никогда не сможем быть истинными сыновьями Бога, если не будем любить своих врагов и не молиться за тех, кто нас преследует» [9].

Кинг прекрасно понимает, что расовую проблему нельзя свести к противостоянию белых и черных. Данное положение красноречиво подтверждается тем, что тысячи белых с опасностью для жизни борются за права черных, а тысячи черных сотрудничают с белыми расистами. Соответственно, Кинг справедливо выступает против расизма наоборот, против всяких националистических идей, пытается обозначить суть расовых противоречий в точных категориях, отвечающих его истинной природе, а именно – социальной. Тогда и проповедь любви к расистам, провозглашенная Кингом, говорит о том, что он вплотную приблизился к данному пониманию любви, исходя из своего христианского мировоззрения.

Здесь возникает резонный вопрос: не означает ли эта проповедь любви слабость и желание подменить действительную борьбу примиренчеством и всепрощением, не является ли она прямым оскорблением чувств жертв расизма? Для прояснения ситуации необходимо разобраться в действительном смысле подобного призыва в Новом Завете, где говорится: «Вы слышали, что сказано: „любите ближнего твоего и ненавидите врага твоего“. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас... Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» (Мф 5: 43–44, 46–47). По признанию христианских богословов, это является выражением сути евангельской морали, принципиально отличной от ветхозаветной традиции. Новозаветная любовь к ближнему не знает расовых, национальных, этнических и социальных границ: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3: 28). Тогда как ветхозаветная любовь к ближнему ограничивается практически рамками богоизбранного народа Израиля: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего; но люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев 19: 18). Однако справедливости ради следует отметить, что это правило распространяется в определённых ситуациях и на другие народы: «Пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; любите его, как себя; ибо и вы были пришельцами в земле Египетской» (Лев 19: 34). Хотя, скорее всего, здесь

проявляется пока типичный житейский прагматизм, чем осознание общечеловеческих моральных ценностей, всё-таки Яхве заключил завет с избранным еврейским народом. На вопрос законника о наибольшей заповеди в законе Христос ответил: «„возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим“: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: „возлюби ближнего твоего, как самого себя“; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф 22: 37–40).

Понять евангельский принцип любви невозможно, не обратившись непосредственно к новозаветной терминологии. Иисус наполнил новым смыслом понятие «любовь», ожидая следования этому примеру своих учеников. Он считал, что источником любви является природа любящего, а не любимого. Его последователи должны были любить всякого ближнего, а не просто испытывать симпатию к приятным им людям. В Евангелиях чаще всего в значении «любить» употребляется греческий глагол *агарао* (63 раза), *phileō* встречается 21 раз. Существительное *агаре* присутствует 9 раз, а *philia*, также обозначающее «любовь», отсутствует полностью; прилагательное *агаретос* встречается 15 раз. Слова, родственные *агаре*, бесспорно, преобладают в Евангелиях, однако здесь важен не столько выбор слова, сколько вкладываемые в него авторами смысл и коннотации. В целом слова, обозначающие «любовь», 17 раз встречаются в Евангелии от Матфея, 9 – у Марка, 18 – у Луки и 57 – у Иоанна, то есть больше, чем у всех остальных евангелистов, вместе взятых [10]. Поэтому нередко Иоанна называют апостолом любви.

Общее значение любви сводится к обычному человеческому чувству (глагол *phileō*), которое люди испытывают к себе подобным: «Если вы любите тех, кто любит вас» (Мф 5: 46; Лк 6: 32). Чувство любви бывает разным в зависимости от жизненной ситуации, оно может исчезать и появляться вновь. Божья любовь проявляется в целом к миру, Бог возлюбил «мир», возлюбил настолько, что отдал своего Сына (Ин 3: 16), а тем более она проявляется к человеку, даже падшему, погрязшему в своих грехах (глагол *агарао*). Внутрибожественная любовь существует в плане «Отец любит Сына» (Ин 3: 35). Любовь Сына к Отцу упоминается фактически во всем Новом Завете лишь однажды, когда Иисус говорит: «Но чтобы мир знал, что Я люблю Отца» (Ин 14: 31). Хотя присутствие этой любви подразумевается постоянно в Евангелиях. Божья любовь к людям охватывает всех (Ин 3: 16), и, естественно, Бог любит тех, кого любит Сын (Ин 14: 23). Любовь Сына к людям видна в том, что Иисус любил своих учеников, хотя это не часто явно выраже-

но. Упоминается анонимный ученик, «которого Иисус любил» (Ин 13: 23; 19: 26; 20: 2; 21: 7, 20) и которого, обычно, отождествляют с апостолом Иоанном. Любовь Иисуса охватывала не только учеников в целом, но и окружающих людей. О любви людей к Богу Иисус упоминает в своей первой заповеди: «И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею» (Мк 12: 30). Любовь к Богу становится основанием подлинной веры, она не терпит соперников. На любви человека к человеку Иисус постоянно настаивает. Иоанн сообщает, что и накануне казни Иисус повторяет ученикам: «Заповедь новую даю Я вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга». Иисус обещает, что люди узнают в них Его учеников по тому, что они будут «любить друг друга» (Ин 13: 34–35). Самым эпохальным в учении Иисуса была заповедь полюбить своих врагов (Мф 5: 44; Лк 6: 27, 35). Иисус указывает, что слова о ненависти в обыденном понимании были добавлены к Божьей заповеди любви (Мф 5: 43). В кумранских рукописях содержится заповедь «ненавидеть всех сынов тьмы», как выражали эту идею современники Иисуса. Однако сам Иисус не согласен с этим. Любить тех, кто нас любит, является обычным делом, так поступают и грешники (Лк 6: 32). Своими силами обрести эту высшую любовь (агаре) человек не может, так как она возникает и проявляется не как продолжение обычных, человеческих чувств, а как благодатный дар Бога в результате обращения человека к нему. Эта любовь уподобляет человека Богу. Именно эта особенность христианской любви объясняет как её социально-психологический аспект, так и «операциональную» роль в проповеднической деятельности Кинга, который пишет: «Христианство как религия любви не может быть эгоистичным, формальным, безучастным к чужой беде и безразличным к нуждам окружающих людей. Христианин без любви – лжехристианин» [11].

При осознании собственной слабости у человека в такой ситуации остается одна надежда – заступничество Бога. Лишь вера в Бога, способного простить грешных людей, которые, со своей стороны, должны признать собственную порочность, искренне раскаяться, уверовать в искупительную жертву Христа. Люди, уверовавшие в Господа и заслуживающие его любви, уже на земле образуют незримую церковь. Главное для них – не реальные, фактические отношения вражды и ненависти, но особые, до поры до времени невидимые мистические связи, подчиненные силе божественной любви. Таким образом, суть евангельской любви отнюдь не сводится к непосредственным эмоциональным переживаниям, она предполагает равенство всех людей во Христе,

уже в земной жизни обеспечивающих существование града Божьего своей избранностью. В этом заключается социально-онтологический смысл евангельской любви.

Поэтому Кинг настойчиво подчеркивал, что у него речь идёт вовсе не о «любви» в её обыденно-житейском понимании, а о том божественном принципе, превосходящем обычные человеческие чувства и эмоции. Он пытался продемонстрировать это средствами английского языка, подчёркивая различие между терминами «любить» (love) и «нравиться» (like). Призыв к евангельской любви не означает, по мнению Кинга, что расисты должны нравиться противникам этого зла. Однако их следует любить любовью божественной, завещанной Христом. Таким образом, он пытается представить свой призыв как определённую социологическую модель, вскрывающую глубинное, онтологическое равенство и единство человеческого рода во Христе, модель, способную сплотить всех противников сегрегации не на уровне их непосредственного эмоционального отношения к расистам, а как результат проявления этого божественного единства людей. Апостол Иоанн предельно точно разъясняет смысл евангельской любви как божественного дара, а не просто человеческого чувства: «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в неё. Бог есть любовь, и пребывающий в ней. Бог есть любовь, и Бог в нем. *Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он* (выделено нами. – Н. Я.). В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершенен в любви» (1 Ин 4: 16–18). Следовательно, по мнению Кинга, обретая благодатную любовь Бога, христианин имеет смелость поступать в земной жизни так, как поступает Бог, этому следует и Кинг.

Кинг понимает, что без изменения общественной психологии, без устранения чувства враждебности и ненависти расизм не исчезнет. Он представляет идеологию расизма как сферу существования определённых самодовлеющих идей и взглядов (явления греховности), которые не зависят от социальной среды и даже формируют её. Отсюда единственно эффективным средством против идей расизма Кинг объявляет метод прямых ненасильственных действий, в котором и реализуется евангельская любовь.

Таким образом, христианские ценности и в современном мире имеют немалую значимость в деле изменения нашего общества к лучшему. Во-первых, христианство признаёт не зависимую ни от каких социальных условий духовную ценность каждого человека, созданного по образу и подобию Бога; во-вторых, оно утверждает нравст-

венные нормы и добродетели, содержащие высшую человечность: любовь к ближнему, милосердие, сострадание, всепрощение; в-третьих, оно возвещает, что совершенствование общества должно опираться на христианские ценности. Мартин Лютер Кинг продемонстрировал это на собственном жизненном примере. Он сумел соединить либеральные и консервативные богословские представления о человеке, на основе чего предложил тактику борьбы с расовым неравенством в США, которая вскоре принесла желанные плоды.

Примечания

1. Кинг, М.-А. «Я был на вершине горы»: из речей, проповедей и статей [Текст] / М.-А. Кинг // Социально-политическое измерение христианства: избр. теологические тексты XX в. (Переводы). М.: Наука, 1994. С. 199.

2. Кинг, М.-А. Величие любви [Текст] / М.-А. Кинг // Братский вестник. 1987. № 3. С. 10.

3. Кинг, М.-А. Есть у меня мечта... [Текст]: избранные труды и выступления / М.-А. Кинг. М.: Наука, 1970. С. 68.

4. Кинг, М.-А. Паломничество к ненасилию [Текст] / М.-А. Кинг // Этическая мысль. М.: Республика, 1991. С. 169.

5. Там же. С. 173.

6. Там же. С. 174–175.

7. Там же. С. 173.

8. Там же. С. 176–177.

9. Цит. по: Митрохин, А. Н. Баптизм: история и современность: философско-социологические очерки [Текст] / А. Н. Митрохин. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. С. 327.

10. Моррис, А. Любовь [Текст] / А. Моррис // Исус и Евангелия: словарь / под ред. Джозея Грина, Скота Макнайта, Говарда Маршалла. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея, 2003. С. 350.

11. Кинг, М.-А. «Облекитесь в любовь» [Текст] / М.-А. Кинг // Братский вестник. 1987. № 3. С. 10.

Е. А. Счастливецва

ГУСТАВ ШПЕТ И ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ О КОЛЛЕКТИВНЫХ ФОРМАХ СОЗНАНИЯ

Коллективные переживания в концепции Г. Шпета выступают как деятельность сознания, выраженная в словах и понятиях, коррелятивных реальным вещам. Наука, искусство и философия могут быть поняты как особые виды деятельности сознания. В художественном творчестве главным является словообраз, формой которого служит идея образа, или идеал, наполненный чувственным содержанием. Взаимосвязь искусства с пространством и временностью показана в философии В. Розанова, в которой особенно остро выявляется отношение между пониманием и интуицией.

СЧАСТЛИВЦЕВА Елена Анатольевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социологии ВятГУ
© Счастливецва Е. А., 2008

Коллективное сознание можно исследовать через трансцендентальную апперцепцию, как это делает Гуссерль, а можно с точки зрения социального опыта и его результатов. Второй подход принадлежит Густаву Шпету. Именно этот подход фактически воплотился в когнитивной психологии Ж. Пиаже, А. С. Выготского, С. А. Рубинштейна, А. Р. Лурии и, далее, А. Н. Леонтьева. Шпет «объективирует» субъект и развивает идею «коллективной души», рассматривая «коллективные переживания» как стратегию социального опыта.

Коллективность у Шпета – не сумма переживаний отдельных людей, а совместное переживание («со-переживание») событий. Традиция, всякого рода предания, а это и есть «духовная коллективность», направляют актуальные переживания, впечатления и реакции индивида, и сам индивид, таким образом, предстает как «генетический коллектив переживаний», – «его личные переживания предопределяются всей массой апперцепций, составляющей коллективность переживаний, носимых в себе индивидуумом» [1]. Вот эта масса апперцепций и характеризуется Шпетом как «духовный уклад» индивида.

Существуют определенные типы духовных укладов, предопределяющих сходство переживаний у наблюдателей одних и тех же событий. «Как бы эти наблюдатели ни были индивидуально различны по отношению к определенному событию или порядку событий, можно найти общее в их реакции на него» [2]. Индивид несет в себе «коллективность самой группы» как нечто типическое. Для понимания этого «общего», присущего коллективу как социальной группе, необходимо обратиться к понятию цели.

Густав Шпет подчеркивает внутренний характер цели. В полемике с Вундтом он доказывает, что цель не может быть видом причинно-следственных связей. Эта цель движет народами как идеальная сила, энергия, «дух».

Эмиль Дюркгейм, говоря о коллективных представлениях, полагал, что они образуются благодаря ощущениям, которые мы получаем от взаимодействия с внешним миром. Коллективные представления, по цепочке, образуют далее понятия. Однако уже Дильтей утверждает, что душевная жизнь не слагается по частям, т. е. не составляется из элементов, а есть некоторый композитум [3]. Она представляет некое целое, направляется волей, энергией, полна желаний; и все это переживается во внутреннем опыте. Целое душевной жизни выступает целью, на которую направлено то или иное душевное переживание.

Душевная жизнь «переживает» идею, которую поставляют нам факты и события жизненного мира. Эта идея есть определенный образ,

к которому стремится душевное переживание. Живая действительность, постоянно меняющаяся и развивающаяся, находится в коррелятивном отношении к этому образу, нашему внутреннему опыту, нашим душевным переживаниям [4].

Согласно Шпету, мир предстает как объективный только в нашем сознании. Сам по себе мир есть нечто реальное лишь в смысле независимости от нашего сознания. Коллективные переживания выступают как деятельность сознания, ни в коем случае не смешиваясь с «образами» чувственного восприятия и представления – слуховыми, осязательными, моторными, зрительными и т. д. Эта деятельность сознания выражается в словах и понятиях, коррелятивных реальным вещам; таким образом «объективируются» предметные связи реального мира, все продукты сознательной деятельности, исторические факты и события реальной жизни народов.

Коллективные переживания направлены на предметы как будто со стороны своего внутреннего опыта, со стороны своей идеи. Слова-понятия или слова-представления, приближаясь все более к цели своего предприятия, наконец, достигают ее. Тогда предмет обретает для нас ясные очертания, становится объективным и доступным для нашего сознания. Он уже может быть даже вполне достоверным, так как достоверность основывается на сопоставимости нашего внутреннего опыта и объектов реального мира с его внутренними и внешними связями.

Феномен коллективного сознания можно рассмотреть на примере искусства. Подобно В. Розанову Шпет различает слово и искусство, поэзию, музыку и живопись, рассматривая при этом искусство как философию: «Внутренняя форма, «образ», созерцание, интуиция бывают также умными. Тут начинается искусство как философия, перевал к последней конкретности, тут кончается вместе псевдофилософия и псевдоискусство, кончаются, для имеющих глаза и уши, до-прометеевские сумерки, когда – οἱ πρωτα μὲν βλέποντες ἔβλεπον ματην, // χύοντες οὐχ ἤκουον – имели глаза, и попусту смотрели, напругали слух, а не слышали» [5].

Г. Шпет противопоставляет поэтическое и научное произведения по их целям. Любой текст (научный или художественный) служит цели сообщения, следовательно, содержит в себе внутренние логические формы. Однако художественное произведение не ограничивается этой одной общей целью, оно обнаруживает в себе еще и особые художественно-поэтические формы.

Художественно-поэтические формы способствуют свободе поэтического творчества и образуют вершину творческой фантазии. В то же время художественное произведение никогда не обходится без форм логических. В противном случае мы име-

ем аналог болезненных вымыслов или бреда. Творческая фантазия должна соотноситься с действительностью, ибо поэтический объект оказывается имманентным творчеству и представляет собой идеал – так называемый идеализированный предмет («преобразованная действительность»).

Художественно-поэтическая заданность текста соотносится с логикой выражения через конкретные предметы, и поэтическая форма преобразует эту действительность в так называемую квазидействительность, на своем конечном этапе становящуюся идеальным предметом воображаемого творчества.

Существенным признаком фантазии Шпет считает отрешенность творческого объекта, поэтому объект выступает в различных пространственно-временных разворотах, и смысл нами понимается лишь из контекста. Структура контекста подчинена закономерностям, вытекающим из восприятия нами действительного положения вещей в конкретном месте и времени, так или иначе воспринимаемыми нами в зависимости от приемов и методов нашего мышления.

При научном изложении в процессе познания понятие играет роль направляющего начального звена, как-то:

понятие



слово



вещь

Познаваемая нами вещь, вернее, ее смысл, определяется через общее – понятийное звено, а формой выражения при этом становится слово.

В поэтическом изложении ведущим оказывается не присутствие в ней понятийного, логического начала, а само поэтическое построение, или поэтическая форма, наведенная идеалом, создающим эту особую поэтическую форму (или «художественную форму форм»), предсказывающую пути формирования художественного образа. Таким образом, метод, прием в поэзии, при котором слово движется к образу, оказывается аналогом понятия:

слово



поэтическая форма



образ

Образ не только сообщает, но и производит на нас впечатление. И это впечатление эстетическое, по которому, в конечном итоге, судят о силе и выразительности художественного произведения. Однако любой образ, в конечном итоге, в своем основании содержит вещь как некую реальность, без которой этот образ превращается в бессмыслицу.

Поэзию не занимает философский вопрос: как есть действительное, поэтому в данной схеме наиглавнейшим является словообраз, наполненный чувственным содержанием, формой которого выступает идея образа (идеал). Так, идеал становится формообразующей единицей поэзии, литературного произведения вообще.

Динамика образа – это «коррелятивные колебания логического смысла и фонетически-морфологического знака». Благодаря этому образ приобретает свою «гармонию». Фонетически-морфологический знак, или форма выражения, есть внешняя оболочка внутренней поэтической структуры образа. Образ в качестве выражаемого предмета нельзя смешивать с «образами» чувственного восприятия и представления (зрительными, слуховыми, моторными и т. д.), то есть образами наподобие картины. Образ – это некий идеал, форма, с другой стороны, в сознании человека также возникают образы, но вот эти-то самые образы и есть образы-картины, это уже не формы, а некие чувственные, почти реальные образы, поэтому Шпет их называет образами-картинами, я бы сказала, образами-представлениями. «Другое, еще более существенное различие образа-формы и образа-картины, – пишет Шпет, – в том, что форма, раз она создана, существует одна для всякого ее воспринимающего, для самого поэта та же, что для слушателя или читателя... Представления же «картины», вызываемые у них этой формой, у всех разные, как разные у них и эстетические наслаждения этой формой» [6].

Образ подвижен. Он может быть и представлением, и понятием, то есть занимает между ними промежуточное положение. Содержание произведения, связанное с эстетическим восприятием, прямо определяется эстетическими свойствами предмета. Но, поскольку смысл есть некоторое отношение между «возможным идеальным предметом и его действительными вещными выполнениями», смысловые формы конструируются в виде аналога поэтических, художественных форм, то есть предметных форм. Отсюда становится ясным то обстоятельство, что каждый литературный сюжет может быть сформирован в виде общего положения, сентенции, поговорки, но это не есть общность понятия, а общность типическая, то есть «не определяемая», а «характеризуемая».

Смысл – это отношение предполагаемого предмета к действительной вещи. Указание на «вещи» дополняет «сюжет» в качестве смысла. Понимание вводит в разумную сферу сами вещи, которые в результате данного акта становятся доступными нашему опыту – переживанию. Вещное заполнение идеальных форм – заключительный этап познания, так называемое эмпирически-историческое бытие смысла. Здесь мы говорим о «моменте прибытия слова N из его уст и сознания в наше сердце и сознание». Однако вещь должна быть осмысленна, чтобы войти в состав смыслового содержания. Смысл – не вещь, а отношение к вещи (называемой) и предмету (подразумеваемому). Вещь и предмет не одно и то же. Во-первых, вещь – это реальность, предмет – то, что у нас в сознании. Во-вторых, применительно к сказанному, предмет выступает в качестве полагаемой в сознании вещи или отношения, и это полагание, точнее, предполагаемое отношение вещи к предмету Шпет и называет смыслом. Однако смысл и вещь никогда не сольются в единое целое. «Мечтать о связи «самой» вещи с идеальной связью, – говорит Шпет, – ...значило бы мечтать о том, чтобы курица снесла к Пасхе математический эллипсоид и, чтобы философствующий кавалер напялил к этому празднику на свою голову математический цилиндр», другими словами, это абсурд. Вследствие сказанного образ легко связывается с каким-либо конкретным именем: «Дафнис и Хлоя», «Дон Жуан» и т. д., поэтому схема принимает следующий вид:



Входя в состояние говорящего с помощью экспрессии, то есть симпатического понимания, через которое мы со-переживаем, мы смотрим на экспрессию как на предмет. Впечатление от (выражения) гнева, протеста, ненависти, любви и т. д. облекается нами в предметную форму, имеющую внутреннюю оболочку поэтического слова. Для Шпета слово есть прообраз всякого искусства, поэтому и структура слова составляет тип всякого эстетического предмета. Он рассматривает искусство как «модус действительности», где слово – это архетип недействительной действительности [7]. Слово поэтому – знак. Оно связано со смыслом, но связь эта специфическая, является «родом».

Связь слова со смыслом досконально может выявить только «строгий феноменологический анализ», который должен установить, чем отличается восприятие звукового комплекса как значащего знака от восприятия естественной вещи, ведь слова-понятия «вещь» и «знак» изначально гетерогенны, «и только точный интерпретативный метод мог бы установить пределы и смысл каждого». Эта проблема составляет одну часть общей проблемы действительности [8]. Вся проблема действительности теперь перемещается в ее восприятие, и слово – это орудие изучения этого восприятия. Слово нужно рассматривать в герменевтическом контексте «средство-цель», через слово можно увидеть всю человеческую культуру и даже Космос [9]. Так, понятия, абстракции в стиле теории относительности Эйнштейна сами создают замкнутые системы символов, функционирующие по собственным законам [10].

Через систему понятий можно рассматривать целые сферы человеческой деятельности, ведь каждое понятие содержит в себе скрытую цель, под которой понимается назначение той действительности, которая обнимается этим понятием. Так, государство, по определению В. Розанова, есть целесообразно расположенная система психических состояний (соотношений), назначением, следствием деятельности которой является какой-либо вид блага [11]. Наука, и искусство, и поэзия, и философия могут быть понятиями также как виды деятельности. Таким образом, формы сознания необходимо связаны с деятельностью, с функционированием человека. Здесь применима позиция Кассирера, и она родственна феноменологической точке зрения. Сознание «не обладает никаким другим бытием, кроме свободной деятельности, кроме бытия процесса» [12]. Любая цель предполагает энтелехию, которая, попадая в сферу человеческого, принимает форму деятельности, поскольку с человеческой волей, как орудием всякого усилия, действия, связано движение, в какой бы форме оно ни совершалось (произвольной или непроизвольной).

Искусство – это такая форма деятельности, в которой наиболее остро выражается коррелятивная связь сознания с действительностью. Тут мы обратимся к творчеству В. Дильтея и В. Розанова, которые показали связь искусства с пространством, а музыки – со временем. Здесь как раз выявляется отношение между пониманием и интуитивными процессами, которые если и неотделимы от логики, то, по крайней мере, содержатся в восприятии и занимают в нем определенную часть.

Дильтея рассматривает природу искусства (поэзии, в частности), отталкиваясь от Аристо-

теля, согласно которому объектом поэзии являются совершающие поступки люди. Дильтея в соответствии с этим определяет подоснову любой истинной поэзии как переживание, живой опыт в его психических составляющих.

Проблема Дильтея состоит в том, что и к природе апперцепции он вынужден подходить с точки зрения индуктивного метода Аристотеля, который строит обобщение, выводя формы из отдельных фактов, причем в действительности выходит – из суждений о фактах, то есть из отдельных человеческих восприятий. Апперцепция обуславливается полным или частичным взаимопроникновением новых содержаний опыта и какого-либо уже наличного представления. Таким образом, новое восприятие опосредуется старым, прежним восприятием; происходит как будто складывание, наложение представлений одно на другое. Кроме того, определено и место внутренних побуждений, от которых берут начало процессы складывания, содержащиеся в «игре представлений» и преобразующие их.

Феноменология обычно применяет обратный метод: из целого усматривает различные его части. Двойственность представления и предмета устраняется априорным актом, исходящим от понятия. По мнению же Дильтея, волевое усилие направляет элементарные процессы и процессы складывания и ведет к определенной цели; так появляются наука и гипотезы – понятия и вся система понятий. Цель важна как компонент познания, но роль ее может быть усмотрена не только в направлении волевого акта, но в акте направленности на предмет самого восприятия. И здесь не может быть складывающихся по частям процессов, поскольку мы имеем дело не с объектами понятия, а с его «наполнением» чувственным, предметным содержанием. Дедуктивный метод прямо противоположен аристотелевой индукции, тут вещь проявляется постепенно, а не считается источником восприятия, источником восприятия служит понятие, его априорные формы – первоначальные эйдосы.

У Розанова мы находим общее с Дильтеем в вопросах искусства, но в проблеме понимания Розанов ближе к феноменологическому подходу. Вещи у него суть идеи [13], и понимание он связывает с объяснением, как в концепции Шпета, но работа («О понимании») написана им еще в 1886 г., тогда как Шпет исследовал вопрос уже в начале XX века. Можно сказать, Шпет обобщает уже имеющийся опыт русского философского наследия. Розанов пишет: «Разум есть потенция, в которой предустановлены формы понимания, материал для которого дается внешним миром, и обладающая скрытой жизненностью, состоящая в стремлении и в способности образовывать это понимание» [14]. Далее чита-

ем: «Разум есть как бы мир, выраженный в символах, – мир есть как бы разум, выраженный в вещах; и только поэтому возможно познание мира разумом, возможно понимание, возникающее о мире в разуме, – возможен мир идей, отличных от этих соотносительных начал, не из них возникающий, но через их соприкосновение» [15]. Наука должна быть цельным познанием человека и мира, потому что схема познания бытия включает в себя весь пространственно-временной континуум как условие понимания.

Всякая целесообразная деятельность, по мнению Розанова, есть понятие, в соответствии с которой действительность может быть представлена в нашем сознании только модусом, выраженным каким-либо понятием. Нет питания в природе вообще, а есть питание животного, растения, насекомого, человека. Понятие разлагается на представления, и сколько содержится представлений в понятии, «столько есть и модусов в ее природе» [16], потому что бытие потенциально, и все в нем на что-нибудь разлагается. Так, свойства разлагаются на отношения.

Все свойства геометрии и математических величин суть только неизменные и необходимые отношения между этими величинами. Теорема Пифагора показывает отношение квадрата, построенного на гипотенузе прямоугольного треугольника, к квадратам, построенных на его катетах, что символизирует отношение равенства. Так, вкус, запах суть отношения мельчайших частиц какого-либо тела к человеческим нервам, а психические свойства – отношения духа к тому, что положено вне его. Разумность человека есть отношение его к предметам и явлениям, сообразное с истиной, а доброта – известное отношение человека к людям. Это все не ново в философии, ведь еще и Гегель исходил из бытия идеи как потенциальной сущности.

Причем цель, как ее понимал Розанов, лежит внутри сущности [17]. Это, по сути, гегелевское понимание развития идеи. Помещены ли художественные образы в саму природу человека или скрыты в красоте мира, в любом случае они прежде всего связаны с пространственными и временными формами мира. Эту догадку (догадку Канта) предстоит доказывать, но она уже обоснована идеями Дильтея, продолжена нашим Василием Розановым и далее Густавом Шпетом.

Поэт отличается интенсивностью и точностью воспринимаемых им образов. Также – ясностью рисунка, силой восприятия и энергией реализации, все это присуще образам памяти поэта и составляемым из них схемам [18]. Вот эта образность и точность восприятия может быть объяснима интуицией, гением поэта. Или мы должны сказать, точность его восприятия зависит все же от свойств, присущих ему как личности, индивиду-

дуальности, ведь сила восприятия бывает разная и зависит от многих и многих конститутивных моментов индивидуальной психики. Какие силы заставляют поэта созерцать и реализовывать усмотренное с пронизательной точностью, свойственную немногим? В чем поэт черпает силы, как не в недрах собственной душевной организации, с великой интенсивностью подсказывающей верные образы и слова? Художник имеет дело с живописью, пространственные очертания которой могут быть интуитивно схвачены. Живопись, скульптура, архитектура пространственны, геометричны и могут быть математически точно «схвачены» в гармонии. А что есть гармония как не мера прекрасного и безобразного?

Мера, проблема которой в западной философии разрабатывалась Аристотелем, а затем Гегелем, может быть объяснена только интуитивно и становится близкой понятию гармонии. Так, «архитектура отражает в себе настроение человека как бы символически, в линиях, которые, будучи известным образом соединены между собою, получают непостижимую тайную способность выражать человека и выраженное передавать другому» [19]. «В музыке форма, исходящая из духа, – пишет Розанов, – есть не пространственное очертание, но временное, и потому именно то, что входит в эту форму со стороны природы, есть не вещество, но явление вещества – звук» [20]. Дух постоянно принимает ту или иную форму, то пространственную, то временную, то телесную. Звук, поскольку он – временная характеристика, всегда подвижен, динамичен, поэтому он лучше всего, лучше всякого другого искусства выражает состояние духа, поэтому музыка и ближе к человеку, и «творчество в ней обходится для него дороже». «Созерцательность присуща всем образным искусствам, и спокойствие есть естественное состояние художника. Напротив, в музыке отражается поток чувств, и беспокойство духа присуще композитору... Музыка ближе человеку, чем прочие искусства, потому что созерцательные состояния не часты, не каждому знакомы, и в них есть радость; а то, в чем мы находим отзвук на больные стороны нашей души, дороже нам и родственнее, чем то, что служит отражением нашей радости» [21]. Пространственно-временные характеристики сочетаются в поэзии, причем поэзия пользуется словами. «Соединяя эти слова своею пространственною и временною формою, поэзия творит новое, чего не было ни в одном из соединенных слов и что, следовательно, принадлежит ей исключительно, как особому виду творчества...

То, что входит в поэзию музыкальным элементом, то есть как временное очертание, есть ритм для стихов и язык (слог) для прозы» [22]. Вот и Гуссерль показывает, как в одном выраже-

нии сразу происходит явление смысла [23]. Закон тождества проявляется и здесь: между ритмом и языком должно быть строгое соответствие, как, впрочем, между выражением и смыслом. Именно так форма совпадает с содержанием, и формой при этом становится дух, выраженный в языке. Дух коррелятивен словесному выражению и является в нем как очевидность.

Поэтический образ – это тоже форма, которая является душе поэта в цельном виде как пространственная и временная характеристика: он может быть преемственен во времени, представлен бытовыми сценами и картинами. В поэтическом выражении (каком-либо произведении) образ явлен в двух формах – характере и типе. Тип создан общими условиями жизни – теми, которые всегда и которые везде, тогда как характер личностен, в нем сила внутреннего «я» перевешивает силу внешних обстоятельств.

Тип, типичность – это то общее, что может составлять дух нации, ее основные черты и становится движущей силой всего народа. Благодаря типичности сохраняется образ той или иной нации, передаются положительные и отрицательные черты народа из поколения в поколение. Не только материальные достижения остаются, но главным образом сохраняется дух нации, который как форма поддерживает тот или иной душевный уклад. Но этот процесс носит также и временной характер, поэтому историчен, изменчив, находится в процессе своего становления или упадка. Средним элементом тут выступает период расцвета, когда начало и конец уравновешиваются и сдерживаются благодаря внутренней и внешней гармонии, но которая может быть видима только для стороннего наблюдателя. Именно поэтому история видится на расстоянии и им подпитывается, и именно поэтому говорит Ницше, что историк – это пророк прошлого. История теряет свой аромат и вкус, когда переходит в область настоящего. Поэтому Гуссерль исключает контекст из своего учения, ибо в настоящем мы можем «узреть» только смысл, явленный нам в словесном или любом ином переживании (например, в штрихе, росчерке и т. д.).

Любое выражение является нам, как очевидность, и именно поэтому мы можем оперировать им как данностью. Захотим ли мы понять его, как историю, или же не станем придавать ему никакого значения, зависит от нашего восприятия, но смысл уже задан самой нарисованной ситуацией и ею в конечном итоге определяется, как формой-образом. Чтобы понять контекст, надо постараться уйти от очевидности, то есть от «настоящего», и окунуться, что говорится, в историю с головой, погрузиться в мрачные пучины прошлого. Тогда нам явится история со всеми ее неоднозначными, неочевидными

смыслами и подводными рифами, но смысл как формообразующий сюжет будет один (останется на поверхности) и будет направлять и концентрировать наше внимание на чем-то одном, поистине «схваченном» «здесь и сейчас», в нашем с вами настоящем, приправленном нашими переживаниями и интенциями, и нам не уйти от него, как не уйти от собственного «я», переживаемого «я».

Дух является деятельным началом, принимающим участие в создании и преобразовании идей, созидающим в поведении и поступках людей как способе, выражении этих душевных потенций. Только так, пожалуй, через дух и выражение, можно понять общественный характер бытия и социальный опыт каждого человека в отдельности, обусловленный типизацией общественного поведения и проявления ее в каждом отдельном индивиде и отдельно взятом характере. Типичность выступит тут духовной единицей, а то, что в ней проявится, будет соответствовать каждому отдельно взятому характеру, подобно части и целому. «И так как у поэта, когда он обрисовывает характер или тип, есть всегда в воображении и внешний образ его, то он может передать читателю даже и этот образ... Тогда образ, невольно и самостоятельно сложившийся в уме читателя, но сперва неясный, принимая в себя указываемые черты, будет все более и более проясняться и приближаться к тому, который в воображении поэта. И эти черты, отдельные и незаметные, чем более они незначительны, тем более способны придать живость образу, чрезвычайную конкретность, как бы близость к читателю» [24].

Ранее мы говорили о мере, так вот учение о числе в искусстве и есть учение о мере в нем. Поскольку красота есть «чистая форма», то ей именно как форме, более, нежели другому, присуще число; и она (красота. – Е. С.) то появляется в вещи, делая ее прекрасною, то исчезает из нее совершенно, – и тогда вещь становится безразличною, смотря по тому, появляется ли в вещах необходимое число или исчезает. Также красота то возрастает в вещи и достигает невыразимого совершенства, то уменьшается и становится нестерпимым безобразием, смотря по тому, как и до какого предела возрастают в этой вещи числа. Всего ярче это сказывается в музыке, но при несколько внимательном наблюдении открывается и во всех других видах искусства» [25]. Так, в архитектуре число проявляется в соразмерности частей, то есть тех отношений, в которых находятся между собой части целого.

Весьма замечательно раскрывает Розанов и меру в поэзии. С внутренней стороны мера входит в поэтическое произведение полностью без

излишеств. Полнота в поэтическом произведении есть отсутствие в нем чего-либо недостаточного, то есть невыполненных целей, а излишнее есть то, что, присутствуя, ничего не выполняет, что в произведении находится сверх достигнутых целей. Так, если цель произведения есть изображение какого-либо характера или типа, то полнота сказывается в нем тем, что изображаемый характер или тип становится совершенно-ярким в сознании читателя, так что у него не остается никакой неясности, никакой неопределенности и недоразумения. А излишним будет все, что, соприкасаясь с характером или типом, ничего не прибавляет к образу, не проясняет его в воображении, не объясняет уму читателя. Отсюда происходит ненужность всех повторяющихся сцен в поэтическом произведении, то есть таких, из которых последующая не дает ничего нового в сравнении с предыдущей, — не дополняет и не развивает ее [26].

Таким образом, познание интуиции связано с постижением искусства и математики. Здесь можно провести линию сравнения между искусством и теоремой Курта Геделя, которая показывает не просто ограниченность логических средств, она говорит о каком-то прямо фундаментальном, глубинном свойстве мышления и, может быть, жизни вообще [27]. Теорема Геделя напрямую связана с проблемой бесконечности, индуктивный метод связан с бесконечностью, а значит, волей-неволей приходится иметь дело со средним значением, мерой, которая может быть «схвачена» только интуитивно. Современное естествознание не дает нам никаких аргументов в пользу отказа от идеалов (истин) простоты, единства и меры.

Примечания

1. См.: Шпет, Г. Введение в этническую психологию [Текст] / Г. Шпет // Шпет Г. Психология социального бытия. М., 1996. С. 362.
2. Там же. С. 361.
3. Дильтей, В. Описательная психология [Текст] / В. Дильтей. Киев, 1996. С. 117.
4. Там же. С. 102.
5. Шпет, Г. Эстетические фрагменты [Текст] / Г. Шпет // Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989. С. 355.
6. Там же. С. 451.
7. См.: Там же. С. 358.
8. См.: Там же. С. 380–381.
9. См.: Там же. С. 381.
10. См.: Соболева, М. Е. Система и метод в философии символических форм Э. Кассирера // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 95.
11. См.: Розанов, В. О понимании [Текст] / В. Розанов. М., 1994. С. 465.
12. Соболева, М. Е. Указ. соч. С. 97.
13. См.: Розанов, В. Указ. соч. С. 45.
14. Там же. С. 48.
15. Там же. С. 51.
16. См.: Там же. С. 221.
17. См.: Там же. С. 341.
18. См.: Дильтей, В. Собр. соч. [Текст]: в 6 т. Т. 4 / В. Дильтей. М., 2001. С. 300–301.
19. См.: Розанов, В. Указ. соч. С. 365.
20. Там же. С. 366.
21. Там же. С. 367.
22. Там же. С. 367–368.
23. См.: Мотрошилова, Н. В. Интенциональность в «Логических исследованиях» Э. Гуссерля [Текст] / Н. В. Мотрошилова // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 147.
24. Розанов, В. Указ. соч. С. 390.
25. Там же.
26. См.: Там же. С. 393–394.
27. Паршин, А. Н. Размышления над теоремой Геделя [Текст] / А. Н. Паршин // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 94.

ИСТОРИЯ

М. С. Судовиков

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ КУПЕЧЕСКОГО СОСЛОВИЯ РОССИИ

В статье прослеживаются важнейшие этапы развития купеческого сословия в дореволюционной России. В основу авторской периодизации истории этой социальной группы положена государственная политика, жестко регулировавшая правовое положение населения страны и определившая вехи становления купеческой корпорации.

Тема, связанная с рассмотрением периодизации истории купеческого сословия, обусловлена как интересом со стороны современной общественности к опыту социального развития государства, так и еще слабой ее изученностью. В литературе этот вопрос часто соотносится с общими этапами развития предпринимательства в России. История купечества, так же как и история отечественного предпринимательства, делится по эпохам, характерным для страны в целом.

Так, в академическом издании «История предпринимательства в России», где авторы особо подчеркивают, что «главной фигурой данного труда является купец» [1] и что «становление предпринимательства в нашей стране рассматривается... в контексте исторических условий развития России... в их воздействии на генезис предпринимательства и все его стороны» [2], выделяются следующие этапы: «Истоки предпринимательской деятельности в средневековой Руси», «Становление российского предпринимательства в XVI в.», «Предпринимательство в России в XVII в.», «Российское предпринимательство в эпоху абсолютной монархии (XVIII в.)», «Предпринимательство в России накануне Великих реформ (первая половина XIX в.)», «Предпринимательская деятельность в пореформенной России» [3].

Подобный же подход к исследованию истории предпринимательства прослеживается в обобщающем труде «Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века» [4]. Авторы отмечают, что развитие российского предпринимательства в книге рас-

сматривается в системе, «включающей в себя как основные исторические этапы, так и характерные черты предпринимательства на каждом из этих этапов» [5], и выделяют такие этапы: «Начальный период становления предпринимательства», «Развитие предпринимательства в XVIII – первой половине XIX в.», «Эволюция хозяйства и развитие капиталистического предпринимательства на путях перехода России к рыночной экономике» [6].

Е. П. Хорькова, исследуя историю российского предпринимательства, то есть «самостоятельную деятельность людей, организующих производство или торговлю» [7], разделяет ее на шесть основных периодов, которые в целом также связаны с важнейшими этапами в становлении Российского государства. В ее работе встречаем следующую периодизацию: «Предпринимательская деятельность на территории Древнерусского государства (до XV века)», «Предпринимательская деятельность в средние века (XIV–XVII вв.)», «Предпринимательство в петровскую и послепетровскую эпохи (XVIII в.)», «Предпринимательство в эпоху генезиса капитализма (начало XIX в. – 1861 г.)», «Подъем предпринимательской деятельности во второй половине XIX в. – начале XX в. в России», «Развитие предпринимательства в период нэпа (20-е гг. XX в.)» [8].

В работе С. К. Никитиной наблюдается стремление не только выделить основные этапы в развитии российского предпринимательства, но и исторически их обосновать [9]. «На наш взгляд, – пишет автор, – возраст русского предпринимательства можно исчислять периодом более чем тысячелетним... самообразование государства, его становление и развитие невозможно представить без тесного союза с предпринимателями» [10]. Согласно концепции С. К. Никитиной, первый этап – период Древней Руси и русских княжеств – «можно назвать периодом стихийного предпринимательства», так как этот вид экономической деятельности не был законодательно оформлен и еще не испытывал на себе «регулирующего воздействия государства»; второй этап берет начало со времени образования Московского государства и продолжался до начала XIX в. – это был «период развития предпринимательства под покровительством государства», и его кульминационной точкой явилось правление Петра I, когда стало преобладать «теплич-

СУДОВИКОВ Михаил Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой отечественной истории ВятГГУ
© Судовиков М. С., 2008

ное, искусственное предпринимательство»; следующие этапы отражали развитие России в XIX – начале XX в. и были сначала обусловлены существованием крепостного права, мешавшим естественному развитию предпринимательства, затем отмена крепостного права в 1861 г. «дала толчок бурному развитию рыночных отношений, укрепила “новые” династии предпринимателей», в начале XX в. развитие свободного рынка стало ограничиваться монополиями; современный же этап – это период «возрождения предпринимательства» [11].

В изданиях, посвященных собственно истории купеческого сословия России, находим обоснование прежде всего тех ее этапов, которые явились предметом специального исследования авторов. Так, В. Б. Перхавко изучал время формирования и становления российского купечества, начавшееся в IX–X вв., в период зарождения древнерусской государственности, и закончившееся при Екатерине II, в 1775–1785 гг., когда юридически оформляются права и статус гильдейских купцов [12]. Н. Б. Голикова исследовала историю привилегированного купечества России XVI – первой четверти XVIII в. [13] Свой выбор автор обосновала тем, что в начале данного периода стали складываться юридически оформленные сословные группы гостей и гостинной сотни, чья почти 200-летняя история, несмотря на их значение в формировании многих отраслей русской экономики и в жизни русского общества в целом, «последовательному изучению никогда не подвергалась» [14].

Н. В. Козлова при изучении проблемы взаимоотношений государственной власти и купечества проанализировала период с 20-х до начала 60-х гг. XVIII в., когда сформировались новые органы центрального управления, ведавшие вопросами коммерции и купечества, и начался процесс выделения из посадских людей гильдейского купечества [15]. О. Е. Нилова, изучая специальные аспекты мировосприятия и самосознания московского купечества, границами хронологических рамок своего труда назвала следующие: нижняя – 1785 г. – время издания Жалованной грамоты городам, законодательно оформившей корпорацию гильдейских купцов, и верхняя – 1825 г. – год вступления в силу дополнительных постановлений об устройстве гильдий [16]. А. Н. Боханов, рассматривая эволюцию купеческого сословия России, особое внимание уделил периоду с конца XIX в. до Первой мировой войны, когда «капитализм вступил в монополистическую стадию и достиг достаточно высокого уровня развития» [17].

Вопросы периодизации истории российского купечества, связанные с выделением отдельных ее этапов, рассматривались и в связи с исследованием региональных предпринимательских

групп. Так, Е. В. Комлева изучила в истории енисейского купечества время с 1775 по 1863 г., назвав его «особенным периодом в истории всего российского купечества» [18]. Данный выбор обосновывается, во-первых, значимостью екатерининских преобразований и, во-вторых, тем, что в 1863 г. проводилась новая гильдейская реформа, изменившая правила формирования и деятельности купечества [19]. В. П. Бойко рассматривал историю томского купечества с середины 1770-х гг., то есть с реформ Екатерины II, до середины 1890-х гг., когда меняются правовые и экономические условия развития предпринимательской деятельности [20]. Н. П. Лигенко исследовала купечество Удмуртии второй половины XIX – начала XX в. – период, который, по словам автора, позволяет «проследить эволюцию купеческого сословия» [21]. Этот же этап в истории купечества стал предметом скрупулезного изучения и других авторов [22].

Таким образом, в историографии проблема периодизации истории купеческого сословия тесно взаимосвязана, во-первых, с основными этапами развития предпринимательства в целом, во-вторых, с важнейшими эпохами в истории страны, в-третьих, с государственной политикой, проводимой в годы правления Петра I, Екатерины II, Александра II. Эти факторы, безусловно, являлись определяющими в социально-экономическом развитии государства и не могли влиять на становление купеческого сословия.

Учитывая общие тенденции и особенности политического и социально-экономического развития страны, огромную роль государственной власти в этих процессах, что неоднократно подчеркивалось исследователями [23], в основу нашей периодизации истории купечества мы положили государственную политику, ставшую мощным рычагом в организации основных социальных групп России. Ее сущность в развитии гильдейского купечества отражают прежде всего следующие законодательные документы: Регламент Главного магистрата, Грамота на права и выгоды городам Российской империи (Жалованная грамота городам), положения о пошлинах за право торговли и других промыслов от 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г., Положение о государственном промысловом налоге от 8 июня 1898 г. Этими документами определялся правовой статус российского купечества, формировались направления его профессиональной деятельности и, соответственно, на их основании можно выделить основные периоды в истории купеческого сословия:

I период – эпоха становления купечества в допетровской России;

II период – начало складывания гильдейской купеческой корпорации (петровская эпоха – 1775 г.);

III период – время окончательного оформления гильдейского купечества и укрепления его правового статуса (1775/1785 – 1860-е гг.);

IV период – эпоха развития купечества в условиях утверждения капитализма (1860-е – 1898 гг.);

V период – время угасания сословной купеческой корпорации и укрепления буржуазии (1898–1917 гг.).

Эти периоды охватывали разные этапы в развитии российского государства, и каждый из них имел свои черты.

Эпоха становления купеческого сословия растянулась на весьма длительное время и включала в себя деятельность торговых людей Киевской Руси и периода феодальной раздробленности, времени образования единого Российского государства и его укрепления в XVI–XVII вв. На этих этапах шел процесс выделения верхушки предпринимательских слоев населения и оформления ее привилегий [24]. Однако правовой статус купечества как корпоративной организации в допетровский период юридически оставался не оформлен. Соборное Уложение 1649 г. – один из важнейших памятников феодального права – определяло лишь особое место торговых людей в социальной иерархии. Так, по Уложению, наиболее жесткое наказание предусматривалось за бесчестье «имянитых людей Строгановых» (налагался штраф в сумме 100 руб.), за оскорбление гостя платился штраф 50 руб., купца гостиной сотни: большой статьи – 20 руб., средней – 15, меньшей – 10; купца суконной сотни: большой статьи – 15 руб., средней – 10 руб., меньшей – 5 руб. [25]. Вместе с тем за обиду других категорий городских жителей – от 5 до 7 руб. (в зависимости от категории), а крестьянина – всего 1 руб. В дальнейшем в связи с изменениями в социальной структуре российского общества привилегированные слои торгово-промышленного населения средневековой эпохи влились в состав гильдейского купечества.

Начальным этапом его складывания явилось время правления Петра I (1682–1725). По Регламенту Главного магистрата, городские жители, или «регулярные граждане», за исключением дворянства, духовенства, иностранцев, «подлых людей», были разделены на две гильдии. В состав первой вошли «банкиры, знатные купцы, которые имеют отъездные большие торги и которые разными товарами в рядах торгуют», а также городские доктора, аптекари, лекари, «шиперы купеческих кораблей», золотых и серебряных дел мастера, иконники, живописцы; во второй гильдии должны были состоять те, кто «мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуют», и ремесленники [26]. Гильдейское население получало некоторые права и привилегии, в частности верхушка посадского общества – право избираться в городские магистраты [27].

Позже, при Елизавете Петровне, с 1742 г. в российских городах образовалась третья гильдия [28], которую составила городская беднота. Таким образом, в первой половине XVIII в. с введением гильдейской системы набирал силу процесс формирования нового сословия, связанного преимущественно с экономической деятельностью.

Хотя по петровскому законодательству в гильдии вошли самые широкие предпринимательские слои населения, это не мешало как в тот период, так и в последующее время складыванию корпоративного самосознания. Его оформление сопровождалось длительной борьбой за собственные права и привилегии, которая усилилась в связи с дальнейшим развитием сословного строя, расширением привилегий дворянства и осознанием купечеством уже в XVIII в. своей роли в экономическом развитии России, что прослеживалось, в частности, в записках и «прожектах» представителей этого слоя населения, в купеческих наказах в Уложенную комиссию 1767 г. [29] По словам Н. В. Козловой, в первой половине XVIII в. и в 1760-е гг. купцы не только выступали с предложениями по защите их от различных притеснений, добивались отмены телесных наказаний, обеспечения неприкосновенности жилищ, повышения суммы платы за бесчестье, предоставления почетных прав купеческой верхушке и т. д., но и «отдельные представители купечества уже были готовы отказать “благородному” сословию в признании за ним права на исключительную роль в государственном управлении» [30]. Понятие «исключительный», но применительно к требованиям купцов в наказах в Уложенную комиссию использовал и Ю. Р. Клокман, писавший, что главным и определяющим в этих наказах являлось желание сохранить и упрочить сословные купеческие привилегии и «прежде всего исключительное право ведения торговли и промышленного предпринимательства» [31]. Все эти факты являлись отражением завершающей стадии консолидации купцов в единое сословие.

Следующий период знаменовал собой окончательное оформление купечества как сословной организации. Решающую роль в ее утверждении сыграли два документа – Манифест от 17 марта 1775 г. и Жалованная грамота городам, определявшие состав и привилегии новой торгово-промышленной корпорации [32]. В России учреждались три гильдии с сословными льготами. Самыми престижными являлись первые две гильдии, дававшие право на ведение внутренней оптовой и розничной торговли, на устройство заводов и фабрик. Купцы первой гильдии получали возможность торговать и за границей, иметь морские суда. Кроме того, вместе с купцами второй гильдии они освобождались от телесного наказания, казенных служб, а также купцы первой гильдии

могли «ездить по городу в карете парою», а второй – «в коляске парою» [33]. Купцам третьей гильдии разрешалось вести мелочную торговлю, содержать трактиры, герберги, бани, постоянные дворы, «производить рукоделия и иметь и содержать малые речные суда» [34].

По тем же законам купцы освобождались от натуральной рекрутской повинности, от уплаты подушной подати. Они заносились в городскую обывательскую книгу, получали право участвовать в работе общей и шестигласной думы [35]. Таким образом, екатерининские реформы в целом повышали социально-экономический статус предпринимателей и по некоторым позициям (освобождение от телесных наказаний, от уплаты подушной подати и т. д.) приближали его к правовому статусу дворян. В то же время эти преобразования вызвали сокращение численности купечества: если в 1760-е гг. в российских городах насчитывалось более 200 тыс. купцов, то после выхода Манифеста 17 марта 1775 г. – лишь 24 470 чел. [36], что явилось естественным результатом сословной реформы, выделившей верхушку городского общества и сохранившей за ней название «купечество». Другая, более многочисленная часть посадских жителей вошла в состав мещан, вновь образованного городского податного сословия.

Одновременно с этим законодательство Екатерины II открывало доступ в купечество «всякому, какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, или поколения, или семьи, состояния, или торго, или промысла, или рукоделия, или ремесла» [37] – одним словом, в гильдейское сообщество могли войти представители любого сословия. Для получения гильдейского звания необходимо было объявить капитал свыше 500 рублей (по Манифесту от 17 марта 1775 г.) [38], а впоследствии, по Жалованной грамоте городам, – «капитал выше 1000 рублей до 50000 руб.», в частности, по первой гильдии – «выше 10000 рублей и до 50000 руб.», по второй – «выше 5000 рублей и до 10000 руб.», по третьей – «выше 1000 рублей и до 5000 руб.» [39]. Размер капитала объявлялся «по совести» самим купцом, который должен был ежегодно платить с заявленной денежной суммы государственную пошлину, равную одному проценту. Однако реалии далеко не всегда позволяли записаться в купечество представителям непривилегированных слоев населения, что было связано прежде всего с сохранявшейся в стране крепостнической системой, с существовавшим податным обложением (например, крестьянин при переходе в новое сословие должен был до следующей ревизии платить двойной оклад).

В целом екатерининские преобразования существенно изменяли социальную структуру го-

родов, укрепляли их юридический и экономический статус, способствовали росту городского населения. Новое купеческое сословие, образованное путем разделения городского общества по принципу финансового и имущественного состояния, становилось привилегированной группой российского общества.

Законы первой половины XIX в. внесли ряд изменений в порядок записи в гильдейское купечество. Первоначально они выразились главным образом в увеличении суммы капитала по гильдиям, укреплении правового положения предпринимателей, повышении гильдейского сбора. По Манифесту от 1 января 1807 г. [40] купцам разрешалось открывать крупные торговые объединения – товарищества [41], для оптовых торговцев учреждалось звание – первостатейный купец, имевшее дополнительные привилегии, в частности право приезжать к царскому двору, быть записанным в «бархатную книгу знатных купеческих родов»; купцам первой гильдии дозволялось ездить «в карете парою и четвернею» и т. д. [42]. В том же году издается указ, по которому повышались размеры необходимых для записи в купечество капиталов. По первой гильдии нужно было объявлять капитал от 50 тыс. руб. и выше; по второй – от 20 тыс. руб. и выше; по третьей – от 8 тыс. руб. и выше [43].

Существенные перемены произошли по реформе 1824 г. [44] Новый закон расширил личные привилегии крупных предпринимателей, и в основном тех, кто имел статус купца первой гильдии. «Вообще купечество 1-й гильдии... составляет особый класс почетных людей в Государстве», – отмечалось в положении [45]. Купцы-первогильдейцы, если они состояли в этой гильдии подряд 12 лет, имели право ходатайствовать о принятии своих детей в гражданскую службу наравне с обер-офицерскими детьми, могли просить об определении детей «в разные училищные заведения и университеты». По закону, первогильдейское купечество имело право на награждение орденами «по особенно важным заслугам», право носить губернский мундир и т. д. [46].

Вводимое положение сохраняло существовавшие ранее суммы капитала по гильдиям. Вместе с тем для пользования как торговыми, так и личными привилегиями необходимо было выплачивать немалые денежные сборы, определяемые с капитала: гильдейскую подать (она составляла в тот период 4 процента), «на водяные и сухопутные сообщения» (10% с податного рубля), на земские повинности (1/4%), на городские повинности (1/4%) [47]. Законом регламентировался статус иностранных предпринимателей, занимавшихся торговлей мещан и крестьян.

В соответствии с нормативными документами купеческий статус в России не наследовался [48].

В случае необъявления капитала купец зачислялся либо в мещанское общество, либо переходил в прежнее сословие (например, в крестьянское) и терял гильдейские привилегии. Вместе с тем законы позволяли купцам и повысить свой социальный статус. Так, Жалованная грамота городам вводила такую категорию населения, как именитые граждане [49]. В нее зачислялись лица, служившие по выборам в городских органах и получившие звание степенных; «всякого звания и состояния капиталисты», объявившие денежное состояние от 50 тыс. руб. и более; банкиры, объявившие капитал от 100 тыс. руб. до 200 тыс. руб.; «те, кои оптом торгуют и лавок не имеют»; «кораблехозяева, кои собственные корабли за море отправляют», ученые, художники [50]. Именитые граждане записывались в городскую обывательскую книгу, имели свое представительство в городской думе, освобождались от телесных наказаний. Им разрешалось «ездить по городу в карете парюю и четвернею», «иметь загородные дворы и сады», «иметь, заводить и содержать фабрики, заводы и всякие морские и речные суда» [51]. Именитые граждане могли претендовать и на получение дворянства [52]. В 1807 г. это звание было оставлено за учеными и художниками [53], а в 1832 г. – отменено. Вместо него вводилась новое городское сословие – почетное гражданство [54].

Статус почетного гражданина был потомственным, то есть распространялся на членов семьи и переходил «ко всем законным детям, без всякого изъятия, если только принадлежат они к свободному состоянию» (потомственные почетные граждане), либо персональным (личное почетное гражданство) [55]. Почетные граждане освобождались от подушной подати, рекрутской повинности, телесного наказания, имели право избираться на общественные должности, то есть имели похожие преимущества, что и гильдейские купцы, но в отличие от последних они не должны были ежегодно подтверждать свое звание. Для записи в почетное гражданство от купцов требовалось или десятилетнее непрерывное их пребывание в первой гильдии, или двадцатилетнее – во второй гильдии, или наличие одного «из наших орденов», или – званий коммерции-советника и мануфактур-советника (введены в 1800 г.) [56]. Получив это звание, купцы переходили в высшее городское сословие, обеспечивая себе тем самым стабильное правовое положение. Во второй половине XIX – начале XX в. круг почетных граждан заметно расширился за счет лиц недворянского происхождения (с 13 тыс. чел. в 1850-е гг. до более 300 тыс. чел. в 1910-е гг.), и он являлся, по мнению современных исследователей, «наиболее демократичным из всех привилегированных сословий» [57].

Таким образом, после екатерининских реформ 1775–1785 гг., в первой половине XIX в. шел процесс дальнейшего укрепления правового положения купеческого сословия, в особенности его элиты – первогильдейцев. Этот процесс был закономерным явлением, учитывая тенденции развития промышленности и торговли, но вместе с тем он не выходил за рамки сословного строя и в сущности консервировал феодальные отношения.

Началом нового периода в истории купечества явились буржуазные реформы 1860–1870-х гг. Важное значение для этого сословия имели положения о пошлинах за право торговли и других промыслов от 1 января 1863 г. и от 9 февраля 1865 г. Данные законы разделяли свидетельства на право торговли на купеческие, или гильдейские и промысловые [58]. Получив гильдейское свидетельство, купцы, как и прежде, наделялись особыми торговыми и личными правами, во многом повторявшими те, которые вводились при Екатерине II: освобождение от телесного наказания, податной льготы и т. д. [59]. Промысловое же свидетельство давало возможность вести незначительные предпринимательские дела (например, заниматься мелочным торгом) без особых преимуществ [60].

По положениям 1863 и 1865 гг. купеческие свидетельства выдавались только по двум гильдиям: по первой – для оптового торга, по второй – для розничного. Третья гильдия упразднена. Купцы первой гильдии получали право оптовой торговли и торговли за границей, могли содержать конторы, склады и амбары, вести уездную розничную торговлю русскими и иностранными товарами, владеть фабриками, заводами, ремесленными заведениями, участвовать повсеместно в подрядах, поставках и откупах без денежных ограничений и т. д. [61]. Купцам второй гильдии разрешалось осуществлять уездную розничную торговлю отечественными и иностранными товарами из лавок и магазинов, владеть фабриками, заводами и ремесленными заведениями, участвовать в подрядах, поставках и откупах «на сумму не свыше 15000 рублей каждый» [62].

Выдача купеческих свидетельств должна была по-прежнему производиться ежегодно [63]. За свидетельство первой гильдии купцы платили одинаковую сумму – 265 рублей. Пошлина за свидетельство второй гильдии определялась в зависимости от класса местности [64]. При распределении городов и уездов на тот или иной класс, по-видимому, учитывались степень их торгово-промышленного развития, географическое расположение относительно торговых путей, возможный уровень доходов купцов. Помимо купеческого свидетельства, предпринимателям на каждое собственное торговое и промышленное заве-

дение необходимо было приобретать еще и специальные билеты с уплатой пошлин.

Гильдейские свидетельства могли приобретать не только русские подданные «всех состояний» и «обоего пола», но и иностранцы [65]. Последние, таким образом, укрепляли свое правовое положение на внутреннем рынке России, тогда как ранее записываться в гильдии им разрешалось лишь в особых случаях [66]. По новым законам при записи в купечество ограничения вводились для священно- и церковнослужителей, протестантских проповедников и находящихся на действительной службе нижних воинских чинов [67].

В итоге в законах 1863 и 1865 гг., с одной стороны, прослеживались ростки несколько иного, буржуазного подхода в организации предпринимательского сообщества и его деятельности, а с другой – новые правовые документы консервировали сословные черты, что проявилось в сохранении личных привилегий для гильдейских купцов, защите их широких торговых прав. Однако в пореформенное время интенсивное развитие капитализма постепенно разрушало феодальную социальную систему с присущими ей сословными преимуществами и вело к разделению населения по экономическому признаку. Теряя корпоративные привилегии и сохраняя влияние в экономической жизни государства, гильдейское купечество одновременно олицетворяло собой и ядро буржуазии. Общая численность гильдейского купечества к концу XIX в. составляла 281251 чел. [68], или 0,2% всего населения государства.

Завершающий период в истории российского купечества был связан с реформами С. Ю. Витте и выходом после Октябрьской революции Декрета ВЦИК и СНК об уничтожении сословий и гражданских чинов. Экономическая модернизация государства, осуществляемая Витте, вела к дальнейшему распаду сословной системы, являвшейся атрибутом феодального общества. «Высочайше утвержденное Положение о государственном промысловом налоге» от 8 июня 1898 г. кардинально повлияло на организацию российской деловой элиты. Новым законом купечество «было обречено на несомненное умирание», – писал П. А. Бурый [69]. Это происходило по той причине, что приобретение гильдейского свидетельства уже не являлось обязательным условием для занятий торгово-промышленной деятельностью.

По положению 1898 г., для тех, кто хотел получить гильдейские документы, нужно было, кроме обязательного промыслового свидетельства, «взять на свое имя сословное купеческое свидетельство» с ежегодной платой в Государственное казначейство: за свидетельство первой гильдии – 50 рублей, второй – 20 руб., причем купцы не освобождались от уплаты и местных

сборов «на сословные и общественные надобности» [70].

Вместе с тем необходимо учитывать, что во второй половине XIX в., после введения всеобщей воинской повинности, отмены подушной подати, гильдейские купцы лишились важных сословных привилегий. Последние в конце XIX – начале XX в. носили в большей степени уже церемониальный характер (право ношения шпаги, а «при русской одежде сабли», губернского мундира, визита к императорскому двору, получения «за оказанные отечеству особенно важные заслуги» медалей и орденов и т. д.) [71].

В конечном итоге многие крупные предприниматели, не видя былых преимуществ, отказались от приобретения сословных документов. По сведениям А. Н. Боханова, в результате реформы в следующем, 1899 г., российское купеческое сословие сократилось наполовину [72]. Безусловно, это был серьезный удар по купеческой корпорации, которая с развитием капитализма, особенно после буржуазных реформ 1860–1870-х гг., постепенно теряла свои позиции, уступая место более многочисленному и жизнестойкому в новых условиях слою населения – буржуазии.

Тем не менее купечество как сословная организация продолжала существование, сохраняя влияние в предпринимательских кругах и в начале XX в. Последним аккордом в его истории явился Декрет советской власти от 11 ноября 1917 г., уничтоживший «все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения» [73]. Этот закон устанавливал одно общее для населения страны наименование – «граждан Российской Республики» [74]. Происходившие в тот период радикальные изменения в социальной политике государства прервали многовековую историю купечества и, таким образом, завершили пятый этап в его деятельности. Дальнейшие судьбы российских купцов плачевны: одни вынуждены были навсегда покинуть Россию, другие погибли в годы Гражданской войны, третьи умерли в нищете и бедности. «Большевики уничтожили все русское купечество...», – с горечью констатировал в воспоминаниях Владимир Павлович Рябушинский, сохранявший и на чужбине веру в русского «хозяйственного мужика» [75].

Итак, оформившись в конце XVIII столетия в сословную организацию и законодательно закрепив за собой право на наименование «купечество», российская деловая элита развивалась как привилегированная и влиятельная в экономической жизни государства группа населения. Усиление ее значения в различных сферах было связано с постепенным утверждением капиталистических отношений в России, мощной социальной опорой которых и являлось купеческое сосло-

вие. Однако не все периоды в его истории были равнозначными. Вытесняемые экономической модернизацией во второй половине XIX – начале XX в. черты феодализма вели к угасанию сословных корпораций, в том числе и купеческой. Периодизация ее истории, основанная на изменениях в законодательстве правового статуса купечества, отражает основные этапы эволюции этой социальной группы и зависимость последней от общих тенденций социально-экономического и политического развития страны.

Примечания

1. История предпринимательства в России [Текст]. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 7.
2. Там же. С. 9.
3. Там же. С. 477–478; Там же. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2000. С. 574.
4. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX в. [Текст]. М., 1997.
5. Там же. С. 3.
6. Там же. С. 342.
7. Хорькова, Е. П. История предпринимательства и меценатства в России [Текст] / Е. П. Хорькова. М., 1998. С. 3.
8. Там же. С. 495.
9. Никитина, С. К. История российского предпринимательства [Текст] / С. К. Никитина. М., 2001.
10. Там же. С. 4.
11. Никитина, С. К. Указ. соч. С. 4–5.
12. Перхавко, В. Б. Первые купцы российские [Текст] / В. Б. Перхавко. М., 2004. С. 27.
13. Голикова, Н. Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. [Текст] / Н. Б. Голикова. Т. 1. М., 1998.
14. Там же. С. 4.
15. Козлова, Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е – начало 60-х годов [Текст] / Н. В. Козлова. М., 1999. С. 10–11.
16. Нилова, О. Е. Московское купечество конца XVIII – первой четверти XIX в. Социальные аспекты мировосприятия и самосознания [Текст] / О. Е. Нилова. М., 2002. С. 8.
17. Боханов, А. Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.) [Текст] / А. Н. Боханов. М., 1992. С. 5; Его же. Российское купечество в конце XIX – начале XX в. [Текст] / А. Н. Боханов // История СССР. 1985. № 4. С. 106–118.
18. Комлева, Е. В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.) [Текст] / Е. В. Комлева. М., 2006. С. 230.
19. Там же. С. 15.
20. Бойко, В. П. Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии [Текст] / В. П. Бойко. Томск, 1996. С. 10.
21. Лигенко, Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX в. [Текст]: монография / Н. П. Лигенко. Ижевск, 2001. С. 5.
22. Скубневский, В. А. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. [Текст]: монография / В. А. Скубневский, А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. Барнаул, 2001; Петров, Ю. А. Московская буржуазия в начале XX века: Предпринимательство и политика [Текст] / Ю. А. Петров. М., 2002.

23. См., например: Предпринимательство и предприниматели России... С. 9–10; Милов, А. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса [Текст] / А. В. Милов. М., 1998. С. 561–572. «...Объем совокупного прибавочного продукта общества в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания значительно хуже, чем в Западной Европе. Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах. Именно это обстоятельство объясняет выдающуюся роль государства в истории нашего социума как традиционного создателя и гаранта “всеобщих условий производства”», – писал А. В. Милов (Указ. соч. С. 572).

24. История предпринимательства в России. Кн. 1... С. 104–112.
25. Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии [Текст]. Л., 1987. С. 37.
26. ПСЗ. I. Т. 6. № 3708.
27. По мнению Ю. Р. Клокмана, «учреждение Главного магистрата и создание местных городских магистратов способствовало укреплению купечества, стимулировало его еще шире развернуть торговое и промышленное предпринимательство в городах» (Клокман, Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века [Текст] / Ю. Р. Клокман. М., 1967. С. 55–56).
28. ПСЗ. I. Т. 11. № 8504.
29. Козлова, Н. В. Указ. соч. С. 366–372; Клокман, Ю. Р. Указ. соч. С. 77–89.
30. Козлова, Н. В. Указ. соч. С. 370–371; Далее автор несколько поясняет свою мысль: «Во всяком случае, очевидны претензии купеческой верхушки на участие в разработке и осуществлении той области государственной политики, которая прямо затрагивала социально-экономические интересы торгового и промышленного купечества. В то же время и в 60-е годы XVIII в. купечество продолжало признавать высший авторитет власти чиновного дворянства, которому, по его мнению, следовало возглавлять все центральные учреждения в целях сохранения и умножения их авторитета и представительства интересов купцов перед императрицей» (С. 371).
31. Клокман, Ю. Р. Указ. соч. С. 78.
32. ПСЗ. I. Т. 20 № 14275; Там же. Т. 22. № 16188.
33. Там же. Т. 22. № 16188.
34. Там же.
35. Там же.
36. Клокман, Ю. Р. Указ. соч. С. 91; Данные относятся к лицам мужского пола.
37. ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.
38. Там же. Т. 20. № 14275; Для записи в первую гильдию капитал должен был составлять «выше 10000 рублей»; во вторую – от 1 тыс. до 10 тыс. руб.; в третью – от 500 руб. до 1 тыс. руб. (ПСЗ. I. Т. 20. № 14327).
39. ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.
40. Речь идет о Манифесте о дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий (ПСЗ. I. Т. 29. № 22418).
41. Это могли быть полные товарищества или товарищества на вере. Полные товарищества создавались купцами одной гильдии на собственный капитал для совместной предпринимательской деятельности с солидарной ответственностью; товарищества на вере объединяли средства учредителей и капиталы вклад-

чиков, получавших дивиденды в зависимости от размера пая.

42. ПСЗ. I. Т. 29. № 22418.

43. Там же. № 22678.

44. Речь идет о Манифесте и дополнительном постановлении об устройстве гильдий и о торговле прочим состояний от 14 ноября 1824 г. (ПСЗ. I. Т. 39. № 30115).

45. Там же.

46. ПСЗ. I. Т. 39. № 30115.

47. Там же.

48. ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.

49. Там же.

50. Там же.

51. ПСЗ. I. Т. 22. № 16188.

52. Однако здесь имелись определенные ограничения. Путь к дворянскому званию открывался только у старшего внука и в том случае, если он имел возраст «после 30 лет» и его дед, отец и он сам «именитость беспорочно сохранили» (ПСЗ. I. Т. 22. № 16188).

53. ПСЗ. I. Т. 29. № 22418.

54. ПСЗ. II. Т. 7. № 5284.

55. Там же.

56. Там же.

57. *Иванова, Н. А.* Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX в. [Текст] / Н. А. Иванова, В. П. Желтова. М., 2004. С. 76–81, 223.

58. Там же. Т. 38. № 39118; Там же. Т. 40. № 41779.

59. ПСЗ. II. Т. 38. № 39118; Там же. Т. 40. № 41779.

60. В соответствии с законом промысловое свидетельство необходимо было получать и торговым приказчикам (ПСЗ. II. Т. 40. № 41779).

61. ПСЗ. II. Т. 40. № 41779.

62. Там же.

63. Там же.

64. Размеры пошлины составляли: в регионах первого класса (С.-Петербург, Москва, Одесса, Рига) – 65 рублей, второго (Архангельск, Астрахань, Казань, Нижний Новгород, Ярославль, Киев, Вильно, Тверь и др.) – 55 руб., третьего (Вологда, Вятка, Оренбург, Минск, Екатеринослав, Иркутск и другие города и уезды) – 45 руб., четвертого (Устюг Великий, Енисейск, Пинск, Гомель, Якутск и другие города и уезды) – 35 руб. и пятого (все не вошедшие в списки по 1–4-м классам местности) – 25 руб.

65. ПСЗ. II. Т. 40. № 41779.

66. Например, при получении «вечного подданства Российской Империи» (ПСЗ. I. Т. 29. № 22418).

67. ПСЗ. II. Т. 40. № 41779.

68. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Краткие общие сведения по Империи. Распределение населения по главнейшим условиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям [Текст]. СПб., 1905. С. 18.

69. *Бурыйшкін, П. А.* Москва купеческая [Текст]: мемуары / П. А. Бурыйшкін. М., 1991. С. 103.

70. ПСЗ. III. Т. 28. № 15601.

71. Свод законов о состояниях [Текст] // Свод законов Российской Империи. Кн. II. СПб., 1913. Т. 9. Ст. 548–560.

72. *Боханов, А. Н.* Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.) [Текст] / А. Н. Боханов. М., 1992. С. 30.

73. Декреты советской власти [Текст]. Т. 1. М., 1957. С. 72.

74. Там же.

75. Цит. по: *Петров, Ю. А.* Династия Рябушинских [Текст] / Ю. А. Петров. М., 1997. С. 140.

Е. А. Кошелева

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ИСТОРИКА И АРХЕОЛОГА А. А. СПИЦЫНА

О дате основания г. Хлынова/Вятки, одного из старейших городов северо-востока Европейской части России, до сих пор спорят как историки, так и археологи. В данной публикации содержится часть материалов из истории города, обнаруженных в «Спицынских корочках», не вышедших при жизни их автора. Посвящается 150-летию со дня рождения Александра Андреевича Спицына (1858–1931) – крупнейшего учёного, историка и археолога.

Одно из центральных мест среди обширного круга вопросов исследования средневековой истории Вятского края, несомненно, занимает проблема возникновения города Хлынова, одного из старейших городов северо-востока Европейской части России. О дате его основания до сих пор спорят как историки, так и археологи. Как город, Хлынов официально появился в «Списке русских городов дальних и ближних» в Новгородской первой летописи по Комиссионному списку, составленному, по мнению академика М. Н. Тихомирова, между 1378 и 1392 гг. Так город именуется во многих летописях и документах последней четверти XIV – первой половины XV в.

Большинство исследователей дореволюционного периода (А. И. Вештомов, С. Ф. Васильев, Н. П. Бехтерев, Н. П. Рычков, П. Н. Рычков, А. Щёкотов, Н. М. Карамзин, А. А. Андриевский, Н. А. Спасский) и советского времени (М. Н. Покровский, А. В. Шестаков, В. И. Лебедев, Б. Д. Греков, С. В. Бахрушин, И. А. Голубцов), опираясь на основной документальный источник – «Повесть о стране Вятской», относили появление первых русских поселений на Вятке к XII в., а основателями их считали новгородских ушкуйников. Датой возникновения города Хлынова они считали 1181 г. И лишь В. Н. Татищев в своей «Истории Российской с самых древнейших времен», написанной в первой половине XVIII в., не заимствовал ни одного известия из «Повести...», хотя и был знаком с этим документом. Это обстоятельство было отмечено вятским историком А. С. Верещагиным, который в 1887 г. рекомендовал относиться к содержанию «Повести...» с особой осторожностью и следовать в этом отношении примеру Татищева [1].

Сомнение в достоверности «Повести...» было высказано в печати в 1851 г. Н. Н. Романовым [2]. В следующем году с критикой «известного документа» выступил студент-выпускник

КОШЕЛЕВА Елена Алексеевна – зав. лабораторией археологических исследований ВятГГУ
© Кошелева Е. А., 2008

Санкт-Петербургского университета А. А. Спицын в своём кандидатском сочинении на тему «О заселении Русскими Вятской земли». Рецензент сочинения (профессор Замысловский) отказал студенту в присуждении учёной степени за дискредитацию столь уважаемого источника [3], и А. А. Спицыну пришлось подавать в качестве диссертации другую свою работу, по вятской же истории, но уже без критики «Повести...». Отклонённую профессором Замысловским диссертацию он опубликовал в местном издании [4].

В 1887 г. А. С. Верещагин выступил с обоснованной критикой «известного документа» на VII (Ярославском) археологическом съезде [5], убедительно доказав недостоверность рассказов «Повести...». Позднее А. А. Спицын и А. С. Верещагин отнесли её написание к концу XVII – началу XVIII в., а постройку Хлынова либо к 1405 г. (А. А. Спицын), либо к 1428–1434 гг. (А. С. Верещагин). С датировкой, предложенной А. С. Верещагиным, был согласен другой вятский историк П. Н. Луппов [6]. Иной точки зрения придерживался А. В. Эммаусский, предложивший считать, что город основали новгородские ушкуйники, вернувшиеся на Вятку после похода 1374 г. [7]

По письменным источникам в большей степени восстанавливается система позднесредневековой застройки Хлынова/Вятки. Она совершенно ясно читается в пределах от конца XIX до XVII вв., однако для изучения застройки города с середины XVII в. до XIV в. необходимы комплексные археологические исследования города.

Во второй половине XX в. (1956–1959 гг.) на территории Хлыновского кремля были проведены рекогносцировочные археологические исследования совместно Кировским отрядом Среднерусской археологической экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР (совр. Московский институт археологии РАН) и Кировским краеведческим музеем под руководством кандидата исторических наук, сотрудника ИИМК Л. П. Гуссаковского [8]. Вскрытая площадь шести шурфов и двух раскопов в общей сложности составила 180 кв. м, из них доведено до материка 148 кв. м. Тем не менее ценность проведённых Л. П. Гуссаковским работ несомненна. На сегодняшний день это – единственные археологические раскопки на территории Хлыновского кремля. По итогам археологических исследований в 1956–1959 гг. впервые был получен вещественный материал по быту средневекового города. Л. П. Гуссаковский (автор раскопок) высказал предположение, что город был построен новгородскими переселенцами в середине – второй половине XIII в.

В конце 80-х – начале 90-х гг. единодушие археологов распалось. В 1990 г. близ архиерей-

ских палат археологические раскопки провёл Л. Д. Макаров (г. Ижевск), но в силу того, может быть, что они были маломасштабны, находок они принесли немного. Анализ имеющегося археологического материала позволил некоторым учёным утверждать, что сельское поселение на территории Хлыновского кремля возникло в домонгольское время, а город Хлынов был основан в середине – конце XIII в. Надо сказать, что эти выводы, за отсутствием достаточного количества археологического материала, необоснованны. Л. Д. Макаров (г. Ижевск) упорно отстаивал выводы Л. П. Гуссаковского [9], в то время как С. Д. Захаров (Москва) довольно убедительно опроверг их доказательность [10]. Противоречивая интерпретация археологов одного и того же археологического материала заставила современных историков высказать своё наиболее обоснованное мнение на основании анализа письменных источников, имеющегося археологического материала и целого ряда логических умозаключений [11].

В этой непростой ситуации мы снова обращаемся к известной картотеке А. А. Спицына, это – знаменитые «Спицынские корочки», где описано огромное количество памятников археологии. При своей жизни Александр Андреевич предоставлял широкую возможность всем желающим пользоваться его картотекой. Впоследствии она поступила в архив Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург) и не утратила своего большого научного значения и в настоящее время.

Александр Андреевич Спицын – крупнейший учёный, историк и археолог, сумевший сблизить задачи археологических и традиционно-исторических исследований ещё в конце XIX в. Одной из ценнейших его работ было составление и издание общих обзоров древностей почти по всем губерниям. С 1895 по 1899 г. им были опубликованы обзоры 26 губерний [12]. Также он собрал и частично опубликовал материалы для истории городов различных губерний до XVIII в.

Мы решили опубликовать часть материалов из истории г. Хлынова/Вятки, обнаруженных в «Спицынских корочках» [13], не вышедших при его жизни.

А. А. Спицын

**Материалы для истории городов
Вятского края до XVIII в.**

I. Поморские города [14]. Хлынов

Древнейшее упоминание о городе Вятка (под именем Хлынова) относится к 1457 году, но мы знаем, что города, в том числе и Хлынов, существовали в Вятской области уже в 14 [...] г. [15] В 14 [...] г. здесь ещё не было городов в соб-

ственном смысле этого слова, а были только слободы. Возможно, что основание Хлынова относится к 1405 году, т. е. ко времени пребывания на Вятке князя Симеона Дмитриевича, но положительно этого мы не можем утверждать.

Есть основания думать, что г. Вятка ныне находится уже на третьем месте. Кажется, что первые поселенцы заняли для обитания вотское Никулицкое городище, находящееся близ устья р. Чепцы и представляющее пункт, весьма удобный в стратегическом отношении. Поселенцы не удовольствовались лёгким укреплением городища, сооружённым вотяками, а устроили новое, несравненно солиднейшее, остатки которого сохранились до нашей поры. Впоследствии, прельстившись удобствами высокого берега Вятки несколько ниже по её течению, хлыновцы перенесли свой город на так называемую Кикиморскую гору, где в настоящее время находится Духовное училище и где ещё в 1649 году ясно видны были старинный ров и «старинное острожное проезжее место» [16]. Ещё позднее город был перенесён на третье место, на высокую гору, расположенную между течением Вятки и оврагом реки Засоры, где он и остался уже навсегда.

Древнейший вид г. Хлынова нам неизвестен. Можно предполагать, что в начале был очень невелик, он занимал только ту небольшую площадку (до 400 сажень кругом), которая в настоящее время занята Кафедральным собором, Архирейским домом и прилежащими казёнными зданиями. Часть жителей, не поместившаяся в городе, располагалась небольшим посадом за его стенами. До тех пор, пока Хлынов имел характер исключительно важного города, он возростал весьма медленно, но с XVI в., когда Вятская область сделалась мирною и стала особенно сильно заселяться, хлыновский посад значительно разросся, так что явилась нужда укрепить его валом и острогом. Остатки этого первого острога доселе видны в двух – трёх домах г. Вятки, по этим остаткам и некоторым письменным свидетельствам мы узнаём, что вал этот проведён был полукругом между нынешними Царёвскою и Предтеченскою церковью до Раздерихинского оврага и, вероятно, огибал также площадь Александровского сада. Полагаем, что первый хлыновский острог устроен был не ранее середины XVI в., а быть может и позднее.

В течение XVII в. г. Хлынов был резко разделён на две части: собственно город, кремль, и посад. Город имел своё особое место и укрепление, посад – своё место и свои укрепления. Впрочем, к этому времени город утратил своё прежнее значение главного военного и административного пункта, и почти все интересы городской жизни сосредоточились на посаде, так что существование кремля имело уже более формальное

и историческое значение, чем действительное. Город стал лишь местом хранения для всего, что требовало особой безопасности и внимания: святынь, денежной казны, боевых запасов, архивов, наконец заключённых и ссыльных. В последний раз Хлыновский город имел значение крепости в смутное время, и после того в нём уже не нуждались и поддерживали только на всякий случай.

В начале XVII в. Хлыновский город занимал пространство в 420 сажень кругом. Он был весь деревянный, рублен в две стены из соснового леса, имел четыре башни с воротами и четыре глухих. Башни и прясла были крыты тёсом (1628 г.). В 1615 году в городе было девять церквей (Соборная Богоявленская, Воздвиженская, Прокопьевская, две Никольских, Рождественская, Покровская, Воскресенская и под колокольнею Казанская), из них четыре тёплых с трапезами; в 1628 году здесь строятся новые две церкви, построенные, впрочем, под колокольнею Никольской (Все святская и Алексеевская). Из официальных зданий здесь в 1615 году находился только земский двор для посланников; в 1628 году здесь уже строятся разрядная изба (при ней тюрьма), двор воеводы и пороховой погреб, поставленные на месте пустых осадных дворов (27). Кроме того, в городе находились церковные дворы (в 1615 г. – 14, в 1628 г. – 13) и дворы тяглые (в 1615 г. – 30, в 1628 г. – 38). В 1615 году в число тяглых были перечислены: четыре бобыльских, четыре нищенских, два ремесленников, один извозчика, по одному – рассыльщика, городского и избного сторожей; в 1628 г. – одиннадцать бобыльских, два – нищенских, три – ремесленников, три – сторожей.

15 сентября 1632 года весь этот город сгорел без остатку. Воевода донёс об этом в Новгородскую четь, и оттуда был получен Указ вновь построить город, съезжую избу и воеводский двор. На постройки были привлечены все посадские и уездные люди двух ближайших уездов, Хлыновского и Орловского; рубили город плотники Спишилко Конаков и Худячко Сидоров со товарищи. В 1634 году город был ещё недоделан, именно оставалось срубить пять башен, двои ворота и тайничную решётку. Город начат постройкой при воеводе Хилкове, продолжал её Даровской и кончил Чевкин. Даровской по челобитной Никольского протопопа Ивана Фёдоровича Рязанцева позволил срубить из государева лесу восьмистенную колокольню, а условием поставить свой тёс и брусья. Чевкин тотчас по приезде в Хлынов приказал городовому приказчику Шевелёву собрать лучших посадских людей и составить смету наличного количества леса, положенного кострами внутри города; оказалось трёхсаженых брёвен 5810, башенных четырёхсажен-

ных 186, двухсаженных 310 и 60 брусом. К приезде Чевкина в город были уже построены церкви Богоявленская, Никольская, Воскресенская и Покровская (остальные не были возобновлены), зелёная казна, съезжая изба, три тюрьмы, два тяглых двора и двенадцать церковных. Воеводский двор был поставлен на посаде. Чевкин и его подьячий находили это неудобным [17].

В 1646 г. у всех «градских» церквей были уже приделы (у Никольской – Алексеевский, у Покровской – придел во имя Входа Господня в Иерусалим, у Воскресенской – Введенский, во имя Иоанна Богослова и Казанский). В городе в это время ещё существовала съезжая изба и было около 40 дворов тяглых и белых.

Тридцать лет спустя после постройки деревянного укрепления города оно так обветшало, что предстояла надобность заменить его новым. За постройку города взялся князь Козловский, один из весьма видных воевод того времени, решивший вместо деревянного города поставить земляной и вокруг кремля, и кругом посаду. Сооружённый Козловским город имел несколько меньшие размеры сравнительно с городом постройки 1637 г., именно занял пространство в 353 саж. кругом (по берегу Вятки 84 сажени, вдоль Засоры 76 сажень, вдоль рва 193 сажени). Стена была сложена из дёрна, изнутри обрублена деревом. Высота стены до зубцов доходила до 5 аршин, вовне шли аршинные зубцы, укреплённые также из дерновой земли, а выше зубцов поднимались плетёные туры, также по аршину длиной. Для огненного бою были приспособлены башни и выходы (редуты). Выходы находились только на трёх углах укрепления: на реку выходил «красный» выход, к Успенскому монастырю «наугольный» и на Засору, к началу городского рва тоже «наугольный»; все выходы были неприступные. Башен было шесть, из них три проезжие: Спасская, выходящая на торг, Богоявленская, выходящая на нынешний плац, и Покровская, выступавшая к Засоре; остальные три (Воскресенская, расположенная между Спасской и Богоявленской, Никольская, стоявшая близ Красного выхода, и Успенская, обращённая к монастырю) были глухие. Все башни были восьмистенные, в два этажа, с высоким восьмикатным же верхом; в обоих этажах были пробиты четырёхугольные и круглые бойницы. Самую большую башню была Спасская.

Как видно, строитель счёл более необходимым укрепить стену, выходящую на посад, и потому поставил здесь три башни. Для прохода в город у Спасской и Богоявленской башен были перекинута деревянные мосты. Ров был сухой, но местами в нём всё лето стояла дождевая и снежная вода.

В 1656 году в городе, по взаимному соглашению епископа Александра и воеводы Дашкова, отведено было под двор епископа место в длину 85 сажени, поперечнику в переднем конце 44 сажени, в заднем 54 сажени, а его церковникам и детям боярским под дворы места в длину 61 сажень, в ширину 10 и 12 сажени [18]. Кроме того, в городе были построены новые приказные здания, и вследствие этого здесь стало так тесно, что отсюда должны были убраться на посад все тяглые дворяне, а после перенесены были сюда же и все церкви, кроме Богоявленского собора. В 1678 году в Хлыновском городе оставались: вновь строившаяся церковь каменная Троицкая, Богоявленский и Никольский соборы, двор епископа и его людей, Разрядная изба и Сыскная изба; тяглого двора не было уже ни одного [19]. В 1682 году понадобилось вновь укрепить город. «Мая в 16 день при воеводе Петре Дорошенко зачат город Кремль деревянной строить» [20]. Древнейший посад г. Хлынова располагался частью на месте нынешнего плаца, Девичьего монастыря и Александровского сада, частью занимал площадь, ограждённую упомянутым выше валом, частью располагался по скатам Засоры. Благодаря тому что вал опоясывал посад полукругом, посадские улицы пересекали его по радиусам и все выходили в одно место, к городу, или, вернее сказать, на торговую площадь, которая всегда находилась там, где и ныне расположен так называемый Нижний рынок и Молочный ряд. Древнейшими главными улицами были: Пятницкая, выходящая к нынешнему Александровскому саду, Чернышевская, Спенцинская и Бритовская; их пересекали переулки: Спенцинский, Вознесенский, Тряпицын, Копанской и Горошников. После пожара 1634 года, испепелившего весь посад [21], он перестроился вновь и расположение его улиц изменилось. В 1678 году на посаде были следующие улицы: Московская (проходившая мимо Царёвской церкви, т. е. ниже, чем ныне), Морозовская, Ильинская (проходила мимо Предтеченской церкви), Воскресенская, Никитская (проходила почти вдоль Засоры); кроме того, здесь проходили: Вознесенский переулок, Узкая улица, Тупая улица. В это время хлыновцы жили не только на посаде, но также в каждой улице за острогом, в Засоре, по ту сторону Засоры от монастыря (здесь существовала Монастырская слободка и целая улица посадских людей, Успенская), по берегу р. Вятки (под Пятницкой церковью) и на Дымкове.

Эти материалы, на наш взгляд, дополняют историографию г. Хлынова/Вятки ценными сведениями, которые не могут не учитываться современными исследователями.

Примечания

1. Луппов, П. Н. К вопросу о происхождении «Повести о стране Вятской» [Текст] / П. Н. Луппов // Записки Удмуртского НИИЯЛФ. Вып. XII. Ижевск, 1949. С. 79.
2. Столетие Вятской губернии [Текст] : Т. П. Вятка. 1881. С. 739–818.
3. Кошелева, Е. А. Александр Андреевич Спицын – исследователь Вятских древностей [Текст] / Е. А. Кошелева // Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999. С. 109.
4. Вятские губернские ведомости. 1881. № 83–87.
5. Верещагин, А. С. Заселена ли была Вятка новгородскими выходцами в XII веке? [Текст] / А. С. Верещагин // Календарь Вятской губернии на 1888 год. Вятка, 1887. С. 155–198.
6. Луппов, П. Н. История города Вятки [Текст] / П. Н. Луппов. Киров, 1958. С. 40.
7. Макаров, А. Д. О хронологии древностей Хлыновского кремля [Текст] / А. Д. Макаров // Педагогические ведомости. 1992. № 32.
8. Захаров, С. Д. Раскопы Л. П. Гуссаковского в Хлыновском кремле [Текст] / С. Д. Захаров // Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999. С. 41.
9. Макаров, А. Д. История археологического изучения города Вятки/Хлынова [Текст] / А. Д. Макаров // Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999.
10. Захаров, С. Д. Указ. соч.
11. Низов, В. В. Хлынов: рождение города [Текст] / В. В. Низов // Европейский Север в культурно-историческом процессе. Киров, 1999.
12. Обзоры большинства губерний хранятся неизданными в его архиве.
13. Архив ИИМК. Ф. 5. Д. 84. Л. 1–5. Подробнее см.: Кошелева, Е. А. Указ. соч. С. 115.
14. Северная часть Вятской губернии в древности принадлежала к числу поморских земель (Тотьма, Устюг, Соль-Вычегодская Пермь), южная – к числу понизовых, волжских; прим. А. А. Спицына.
15. Так в тексте.
16. Древние акты, 132. Здесь и далее прим. А. А. Спицына.
17. «А в съезжей, государь, избе», – писали они в Новгородский приказ, – «бывает твоя государева денежная казна в сборе, и которая, государь, поруха учиниться в твоей государевой денежной казне, и наряду, и зелейной казне и тюрьмам, и нам бы холопам твоим в том от тебя, государя, в опале не быть». Сведения о постройке в 1632–1634 гг. города нами извлечены из брошюры г. Токмакова, сборник материалов истории Вятской губ. 1883 г. Вып. I. С. 5–9.
18. Древние акты, 180.
19. Вид г. Хлынова этого времени сохранился на иконе пр. Трифона.
20. Юферевский Временник под 1682 г., но его нельзя считать вполне точным.
21. Вновь выстроенный город каким-то образом спасся от угрожавшей ему той же участи.

П. В. Поздеев

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
И КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО
ГОРОДА ВЯТКИ в 1917–1927 гг.

В статье на основе архивных и опубликованных источников рассматривается становление и развитие советской системы местного управления и городского хозяйства в 1917–1927 гг.

В статье рассмотрено развитие местного управления и хозяйства города Вятки с 1917 по 1927 г. В этот период происходила смена нескольких моделей структуры городских органов. Представляется целесообразным показать взаимосвязь между развитием системы органов местного управления и состоянием коммунального хозяйства города. На современном этапе предусматриваются несколько моделей структуры муниципальных органов. Проблема восстановления и развития городского хозяйства актуальна и в наше время. Поэтому так важно осмыслить опыт прошлого, что, вполне вероятно, поможет найти оптимальную модель для современности.

Известно, что первое заседание Вятского горсовета состоялось 14 марта 1917 г., а в декабре 1917 г. власть в городе окончательно перешла в руки совета и комитета партии большевиков [1]. Некоторое время горсовет сосуществовал с городской управой, занимавшейся решением текущих вопросов управления городским хозяйством. Такое же положение существовало и в других российских городах. Как отмечала Т. П. Коржихина, «пока Советы на местах не создали своего аппарата управления хозяйством, городские думы и земские управы продолжали работать, тем более, что они считали себя демократическим институтом и пользовались поддержкой части населения, особенно его мелкобуржуазных слоев» [2]. Основными функциями горсовета и его президиума были установление рабочего контроля на предприятиях города, национализация, конфискация имущества и его распределение [3]. В начале марта 1918 г. вятский горсовет вступил в острый конфликт с губернским исполнительным комитетом. Это долго мешало нормальной деятельности совета [4].

К середине 1918 г. структура местного самоуправления в Вятке была следующей: лица, обладающие избирательным правом, избирали горсовет, горсовет избирал исполнительный комитет, а из состава исполнительного комитета был выделен президиум для ведения повседневной

ПОЗДЕЕВ Павел Вячеславович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры ГМУ ВятГУ
© Поздеев П. В., 2008

работы. Исполком совета в июле 1918 г. состоял из 16 отделов, в числе которых были экономический и хозяйственный, а также коллегия городского самоуправления. Такое устройство местных органов государственной власти не было унифицированным, единообразным для всей территории России. По словам А. И. Лепешкина, «были Советы, где не было исполкомов, но существовали президиумы Советов. В некоторых Советах были либо исполкомы с многочисленными отделами и президиумы, ведавшие вопросами оперативного характера, либо – бюро исполкома и т. д. Одни исполкомы имели многочисленные отделы, другие – комиссариаты, третьи – секции. Количество отделов в одних и тех же Советах было весьма различно. Несогласованность и параллелизм в работе были обычным явлением» [5].

Функции управления коммунальным хозяйством возлагались преимущественно на коллегия городского самоуправления, включавшую 12 подотделов. Коллегия вела дела по аренде городских участков и лавок, собирала сведения о ценах, занималась благоустройством, эксплуатировала городские земли [6]. Следует отметить, что функции отделов коллегии не были достаточно четко определены. «При таких условиях, при полном отсутствии интеллигентных сил, не могло быть и речи о нормальной творческой работе в области хозяйственно-экономической», – отмечалось в отчете горисполкома [7]. Кроме того, отделам горисполкома постоянно не хватало средств.

В 1918 г. была сделана попытка улучшить структуру исполкома, уточнить функции отделов, устранить дублирование с отделами губернского исполкома [8]. Для управления предприятиями города горсоветом был создан вятский районный совет народного хозяйства. Однако в конце 1918 г. этот орган был соединен с губернским советом народного хозяйства. В октябре 1918 г. состоялись пере выборы Вятского горсовета. Большинство мест было у представителей большевиков, хотя в совете присутствовали и два «народника-коммуниста» [9].

Основным направлением деятельности совета, согласно Декрету ВЦИК от 20 августа 1918 г. «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах», была муниципализация домовладений. За год было муниципализировано почти 200 домов, но из-за недостатка средств на их содержание часть домов пришлось вернуть прежним владельцам. На городское благоустройство было израсходовано 140 402 р. [10]

В конце 1918 г. по приказу НКВД РСФСР коллегия городского самоуправления была переименована в городскую коммуну. Число ее отделов было сокращено. В состав горкоммуну входило шесть отделов [11].

В 1919 г., также по инициативе НКВД, был создан отдел местного хозяйства (ОМХ) при Вятском горисполкоме. В декабре 1919 г. на заседании коллегии отдела был избран президиум из 3 человек для оперативного управления городским хозяйством. Отдел местного хозяйства состоял из жилищного отдела, отдела советских предприятий, земельного, транспортно-заготовительного, отдела коммунальных агентов и похоронного отдела. Коллегия ОМХ, состоящая из заведующих подотделами, должна была собираться не менее 2 раз в неделю. Заведующие подотделами имели право «входить с докладами» в исполком и пленум горсовета, но с согласия президиума. Положение об ОМХ более детально определило функции подотделов и более мелких структурных единиц [12].

Коммунальное хозяйство города, несмотря на усилия нового руководства, продолжало разрушаться. За 1919 г. расходы города по смете составили 45 461 502 р., а доходы – 42 313 412 р. Таким образом, дефицит составил 3 148 090 р. Из центра Вятке смогли выделить субсидию в размере 1 838 224 р. Большинство коммунальных предприятий были убыточны, только водопровод давал небольшую прибыль, и «похоронный отдел успешно справлялся со своими обязанностями». Типографии города Вятки содержались на свои средства и принесли в 1919 г. 237 653 р. прибыли [13]. На городское благоустройство в 1919 г. было ассигновано 1 262 944 р. [14] В 1919 г. было муниципализировано 197 домовладений [15]. С сентября 1919 по апрель 1920 г. действовал специальный стол муниципализации, который обследовал и муниципализировал домовладения.

В то время управление городским хозяйством проводилось в сметном порядке. По смете на 1920 г. расходы планировались в размере 109 830 917 р., а доходы – 78 397 021 р. Предполагалось, что дефицит в сумме 31 433 896 р. будет покрыт субвенцией из Москвы. Кроме указанных в смете доходных статей в Вятке собирались несколько мелких налогов и сборов [16].

В 1920 г. СНК РСФСР издал декрет о коммунальных отделах исполкомов местных советов, в котором были урегулированы некоторые вопросы их деятельности [17]. Приоритетами в деятельности ОМХ на 1920 г. были определены: земельное дело, ремонт муниципальных зданий и благоустройство. Земельное дело было особенно важным в условиях постоянного недостатка продовольствия в городе. До революции в распоряжении города находилось 1771, 80 десятин [18]. В 1920 г. в городском ведении находилось 1559 десятин земли (в 1918 – 543, в 1919 – 688 десятин). Как правило, земли использовались жителями города для огородничества [19]. В 1920 г.

продолжилась работа по муниципализации. За год было муниципализировано 237 домовладений. Велось обследование квартир и выработка оплаты за муниципальные квартиры. Тем не менее жилищный кризис продолжал обостряться.

В том же году во многих государственных учреждениях шла кампания по замене коллегиального управления на единоначалие. Этот процесс проходил и в аппарате Вятского горсовета [20]. Уже в начале 1921 г. структура исполкома горсовета приобрела следующий вид: 1) отдел управления городом, 2) отдел снабжения, 3) отдел благоустройства, 4) квартирный отдел, 5) финансовый отдел, 6) городское статистическое бюро, 7) горздравотдел, 8) отдел предприятий (9 предприятий), 9) земельный отдел. Таким образом, функции управления городским хозяйством были рассредоточены между многими отделами, возглавлявшимися заведующими – единоначальниками [21].

После окончания Гражданской войны начался этап восстановления народного хозяйства. В восстановлении нуждалось и городское хозяйство Вятки. Главную роль в этом деле должен был играть Вятский горсовет, обладавший большими полномочиями. Горсовет VI созыва (на 20 января 1921 г.) состоял из 300 членов. В его составе было 122 рабочих, 93 служащих, 5 земледельцев, 2 «лица свободных профессий» и 78 красноармейцев. В составе совета было 161 членов РКП(б) (53,6%) [22]. В среднем по российским горсоветам в 1920 г. члены РКП(б) составляли 73,5% [23]. По постановлению пленума горсовета от 29 октября 1921 г. все члены совета должны были входить в состав какой-либо секции. Вначале горсовет образовал 4 секции, затем были организованы секции: 1) предприятий, 2) квартирная, 3) благоустройства, 4) здравоохранения, 5) финансовая, 6) народного образования, 7) секция при отделе управления городом, 8) продовольственная секция. Во главе каждой секции стоял президиум из трех человек. Председателем секции по должности являлся заведующий отделом горисполкома. Вхождение в ту или иную секцию было для члена совета делом добровольным, но президиум горсовета имел право изменять состав секций при необходимости. Секции горсовета были наделены, главным образом, контрольными функциями. Решения секций должны были поступать на утверждение в президиум горсовета, но в экстренных случаях секции могли проводить свои решения через соответствующие отделы, не дожидаясь утверждения. Президиум и исполком горсовета координировали деятельность секций, утверждали планы их работы. Секции должны были использовать аппарат отделов горисполкома. «Ближайшей задачей каждой секции» стало ознакомле-

ние с работой соответствующего отдела [24]. Таким образом, неопределенность функций и полномочий секций, сложность их взаимоотношений с горисполкомом и президиумом, а также непостоянный состав и слабая подготовленность членов совета к своей деятельности делали работу секций малоэффективной.

Оживление хозяйственной и торговой деятельности в 1921 г. потребовало оптимизации системы местных налогов и сборов. По декрету СНК от 22 августа 1921 г. губисполкомы должны были представить на утверждение НКФ, по согласованию с НКВД, перечень, ставки, правила взимания местных налогов. Финансовый отдел Вятского губисполкома предложил горсовету установить следующий перечень городских налогов и сборов: 1) сбор со скота, 2) сбор с извозного промысла, 3) сбор с провозимых грузов, 4) сбор за визирование документов проезжающих лиц, 5) сбор за остановку на улицах и площадях возов с сельхозпродуктами, 6) платежи за пригоняемый на рынки скот, 7) сбор за санитарный осмотр привозимого мяса, 8) сбор за употребление общественных мер и весов. Постановлением горисполкома от 27 августа 1921 г. были введены еще четыре мелких сбора [25].

В 1921 г. была предпринята попытка создать систему управления экономикой через вертикаль экономических совещаний, подчинявшихся Совету Труда и Оборона при СНК РСФСР. Вятское губернское экономическое совещание было создано в январе 1921 г., а в сентябре оно рассмотрело вопрос о создании городского экономического совещания (ГорЭКОСО). На заседании 7 сентября 1921 г. был утвержден состав ГорЭКОСО: председателем стал председатель горисполкома, членами совещания – заведующие отделами горисполкома, а также представитель РКИ. С правом совещательного голоса в ГорЭКОСО вошел представитель городского статистического бюро [26]. Президиум губисполкома 13 сентября 1921 г. утвердил состав ГорЭКОСО [27].

Городское экономическое совещание занималось, главным образом, распределением материальных ресурсов между городскими предприятиями и учреждениями, решало мелкие вопросы и индивидуальные просьбы. Для «объединения работы отделов» горисполкома ГорЭКОСО 14 декабря 1921 г. создало Техническое бюро, возложив на него составление планов, смет, проектов, наблюдение за работой предприятий [28]. Деятельность ГорЭКОСО дублировала работу горисполкома и вскоре прекратилась, а в 1924 г. все экономические совещания, кроме республиканских, были упразднены.

В 1922 г., 26 января, ВЦИК РСФСР утвердил положение о Советах губернских, уездных и заштатных городов [29]. Осенью 1922 г. состоялись

перевыборы Вятского горсовета. Горсовет IX созыва состоял из 141 члена, членов РКП(б) было 116 человек. Социальный состав горсовета был следующим: рабочих – 59, служащих – 71, красноармейцев – 3, прочих – 8. Среднее и высшее образование имели 54 человека, начальное – 83, домашнее – 4. С 9 сентября 1922 г. работало пять секций горсовета, в том числе по коммунальному хозяйству. В России к концу 1922 г. секции имелись лишь в 104 из 227 городских советов [30]. Согласно постановлению от 9 сентября 1922 г. президиумом горсовета являлся президиум губисполкома. Функции отделов горисполкома были возложены на соответствующие отделы губисполкома, в которых выделялись городские части. Таким же было положение в большинстве губернских и уездных городов РСФСР. По словам А. А. Нелидова, «горсоветам было предоставлено право контроля деятельности губисполкома в области городской работы» [31], но действительными хозяевами в городах оказывались губисполкомы. С 1 апреля 1922 г. функции городского коммунального отдела исполнял губернский коммунальный отдел. Структура ГКО была в то время такой: во главе отдела находился заведующий, ему подчинялись семь подотделов: управление делами, жилищный, земельный, технико-строительный, пожарный, финансовый и материально-хозяйственный [32].

В 1922 г. в коммунальном хозяйстве наметились позитивные сдвиги: город начали очищать от мусора, восстанавливали освещение и тротуары [33]. Были восстановлены некоторые промышленные предприятия города [34]. Однако по-прежнему острым оставался жилищный вопрос.

В 1922–1923 финансовом году расходы губернского бюджета на коммунальное хозяйство Вятки составляли 9,5% всей расходной части бюджета. В 1922–1923 финансовом году общие доходы ГКО достигли 12 млн р. Основными доходными источниками для ГКО были: доходы с земель (30,9%); доходы с торговых помещений (33,2%); с жилых помещений (5,8%); с водопровода (13,8%). Расходы ГКО превысили 8 млн р. и основными направлениями расходов были: содержание органов коммунального хозяйства (24,6%); содержание дорог и дорожных сооружений (21,4%); водопровод (19,4%); пожарная охрана (19,2%) [35].

Ощутимые результаты в деле восстановления хозяйства были достигнуты в 1923 г. Первостепенное значение имело решение жилищной проблемы. Численность населения города Вятки в 1923 г. составила 53 059 человек (в 1920-м – 40 810 человек) [36]. Количество квартир в Вятке составляло 7 744; средняя площадь одной квартиры – 37,8 кв. м; средняя площадь одной комнаты – 15,2 кв. м. В 1923 г. на одного жителя

Вятки в среднем приходилось 5,9 кв. м жилья [37]. Выяснилось, что только 52% муниципализированных домов используются как жилые помещения, а в других расположены различные учреждения. В результате принятых мер удалось переделать в жилые помещения ряд зданий. За строительный сезон 1923 г. был произведен ремонт 110 домов и 5 домов было восстановлено [38]. Были созданы два жилищных кооператива. Однако жилищный вопрос по-прежнему оставался одним из самых острых. С 1922 г. началась сдача домовладений в аренду. Из 268 домовладений были сданы в аренду государственным учреждениям 118, партийным организациям – 5, профсоюзам – 25, кооперативам – 9, артелям и акционерным обществам – 5, коллективам жильцов – 70, частным лицам – 30 [39].

Руководство всеми коммунальными предприятиями города Вятки с 1 октября 1923 г. было сосредоточено в подотделе коммунальных предприятий губкоммунотдела. Это позволило централизовать техническое управление, материальный и финансовый учет. Подотдел ведал предприятиями города [40].

Вятский горсовет X созыва, избранный осенью 1923 г., состоял из 133 членов. Из них 122 были членами РКП(б). Социальный состав совета был следующим: рабочих – 62 человека (46,75%), служащих – 45 (35,5%), школьных работников – 12 (9%), крестьян – 7 (5,25%), партийных работников – 6 (4,5%) [41]. Городской совет 1 ноября 1923 г. образовал несколько секций. Однако вскоре выяснилось, что члены совета слабо участвуют в их работе. Так, к 29 ноября 1923 г. в секции записались меньше половины членов совета, а секция коммунального хозяйства за период с ноября 1923 по февраль 1924 г. провела всего два заседания [42].

Одним из основных направлений деятельности горсовета этого созыва стала борьба за самостоятельный городской бюджет. В отчете горсовета отмечалось, что «выделение самостоятельного бюджета дает городу то преимущество, что он, не будучи связан с бюджетом губернии, имеет возможность все свои сверхсметные поступления расходовать на нужды по своему усмотрению». Но в 1923–1924 финансовом году доходов от города получено было меньше запланированной суммы (170 403 р. вместо 251 569 р.).

В 1924 г., в целях стимулирования жилищного строительства постановлением президиума губисполкома было учреждено акционерное общество «Жилстрой». Крупнейшими акционерами стали губисполком, который вложил 100 тыс. р., губкоммунотдел, Вятский кожевенный трест, губсовнархоз, Центральный рабочий кооператив, губернский совет профсоюзов и «Вятпотребсоюз» [43]. Возобновились работы по

благоустройству города. Началось мощение улиц, озеленение, устройство уличного освещения [44]. Был устроен вымощенный деревом подъезд к кожевенным заводам и к бывшей фабрике Булычева [45].

Осенью 1924 г. состоялись перевыборы горсовета. Численность нового горсовета XI созыва резко возросла по сравнению с X созывом – 286 членов и 126 кандидатов. Это было гораздо больше, чем в среднем по РСФСР: значительная часть горсоветов (43,9%) в республике имели в своем составе около 50 депутатов [46]. Членов РКП(б) было 237, беспартийных – 175 человек. Рабочих в горсовете было 202 человека, служащих – 152, интеллигенции – 15, «прочих» – 43 человека. На заседании 11 ноября 1924 г. были образованы секции: 1) народного образования, 2) здравоохранения, 3) коммунального хозяйства, 4) финансово-налоговая, 5) административно-судебная. Наиболее активно действовала в этот период секция коммунального хозяйства. В нее записались 117 членов совета, был образован ряд подсекций и президиум.

На заседании горсовета 11 марта 1925 г. обсуждался вопрос об «оживлении» деятельности секций. Было решено создать бюро секций для координации их работы, кроме того, заведующие отделами губисполкома освобождались от обязанности руководить секциями. В то же время многие члены совета заявляли, что «работа секций оживится тогда, когда у горсовета будет самостоятельный бюджет» [47]. В 1924–1925 бюджетном году доходы, полученные от г. Вятки, составили 282 125 р. (14,56% доходной части губернского бюджета); а расходы на городское хозяйство – 204 106 р. (10% расходной части) [48].

В 1925 г. развернулось активное строительство жилья. Строили рабочие кооперативы, городское жилищное товарищество, частные лица. Впервые была применена практика комплексной застройки массивами [49]. Тем не менее процесс жилищного строительства нуждался в кредитовании. С этой целью 10 июля 1925 г. был учрежден и 25 августа 1925 г. открыл свои операции Городской акционерный банк [50]. Его баланс на 1 сентября 1925 г. составлял 87 346 р. Акционерами банка были: Вятский губисполком – 102 тыс. р. (51% акций), прочие госорганы – 42 тыс. р. (21,01%), кооперативные организации – 22 тыс. р. (11%), и частные лица – 33 800 р. (16,8%) [51].

Еще одно мероприятие по реформированию управления коммунальным хозяйством было проведено 1 октября 1925 г. Коммунальные предприятия, объединенные в подотдел ГКО, были преобразованы в Вятский коммунальный трест, действовавший на основании декрета СНК от 20 де-

кабря 1924 г. Трест возглавлял управляющий, которому подчинялись канцелярия, технический отдел, коммерческий отдел и бухгалтерия, а также предприятия треста. По плану на 1925–1926 хозяйственный год, ожидалась прибыль в размере 37 тыс. р., а расходы на капитальный ремонт и новое строительство должны были достигнуть суммы в 80 тыс. р. [52] Один из хозяйственных деятелей того времени так писал об этом тресте: «Эксплуатация коммунальных предприятий городов Вятки и Котельнича носит следы своеобразия: предприятия этих городов объединены в особые комбинаты, организационно представляющие собой суррогат коммунальных трестов, декретированных Совнаркомом СССР» [53].

В 1925 г., 24 октября, ВЦИК принял новое Положение о городских советах. Вот несколько важнейших нововведений этого закона: во-первых, горсоветы получили право рассматривать и утверждать самостоятельный городской бюджет. Во-вторых, горсоветы избирали президиум (не более 11 человек) и председателя. В-третьих, горсоветы могли создавать городские отделы коммунального хозяйства, через которые они учреждали, эксплуатировали, сдавали в аренду и ликвидировали городские предприятия. Кроме того, было подтверждено право горсоветов устанавливать и взимать городские налоги и сборы «в порядке и пределах, установленных действующим законодательством». Были четко определены функции горсоветов в сфере коммунального и земельного хозяйства, указаны исключительные полномочия пленума горсовета, который должен был собираться не реже одного раза в месяц. Положение установило перечень обязательных секций горсоветов: 1) коммунального хозяйства, 2) финансово-бюджетная, 3) народного образования, 4) здравоохранения, 5) кооперативно-торговая. Члены горсовета обязаны были состоять в какой-либо секции. У секций было предусмотрено довольно много функций, но реальными властными полномочиями они не обладали. Решения секций должны были проводиться через президиум горсовета. Каждая секция избирала бюро, в состав которого входил руководитель соответствующего отдела [54].

По новому положению действовал XII созыв Вятского горсовета. Он состоял из 341 члена и 143 кандидатов. Членов ВКП(б) в нем было 190 человек (55%), членов РКСМ – 12 (4%), беспартийных – 139 (41%). Рабочих в составе совета было 154 человека (46%), служащих – 122 (36%), красноармейцев – 3 (1%), учащихся – 9 (2%), интеллигентов – 25 (7%), домашних хозяйек – 28 (8%) [55].

С 1925 г. функционировали большой президиум горсовета (9 человек) и малый президиум (5 человек), занимавшийся повседневной работой.

Председатель президиума горсовета одновременно входил в состав президиума губисполкома и был первым заместителем его председателя. Работу президиумов горсовета во многом дублировало бюро секций, которое определяло повестку дня пленумов совета. Активнее других секций вновь действовала секция коммунального хозяйства. Но в отчете горсовета отмечалось, что примерно 140–150 человек по различным причинам не участвуют в работе пленума и секций [56].

В 1926 г. был принят декрет ВЦИК, существенно расширивший права местных органов в сфере управления коммунальным хозяйством. В их ведение были переданы все имеющие местное значение коммунальные предприятия [57]. С марта 1926 г. под руководством президиума горсовета действовал самостоятельный городской коммунальный отдел (ГорКО). Прочие области городской жизнедеятельности по-прежнему управлялись городскими частями в отделах губисполкома. Во главе этих частей стояли члены президиума горисполкома [58].

Президиум горсовета 20 июля 1925 г. признал выделение бюджета г. Вятки своевременным и вполне возможным. Началась работа по подготовке первого после революции самостоятельного городского бюджета. Главным направлением было изыскание новых доходных источников и повышение доходности прежних. Бюджет г. Вятки на 1925–1926 г. был утвержден пленумом горсовета 30 декабря 1925 г. Это был бездефицитный бюджет, сумма доходов и расходов предполагалась в размере 1 390 257 р. Налоговые поступления в доходной части бюджета составляли 935 019 р. (67,2%), а неналоговые – 31,7%, субвенции – 1,1%. Местные доходные источники в бюджете города составляли 84,3%, а государственные источники – 15,7%. Приоритетами в расходной части были коммунальное хозяйство, образование и здравоохранение.

Восстановление и развитие коммунального хозяйства продолжало оставаться ведущим направлением в деятельности горсовета, его секций и президиума. Так, в период с декабря 1925 по апрель 1926 г. в президиуме было рассмотрено 20 вопросов коммунального хозяйства, а апреля 1926 по февраль 1927 г. – 151 вопрос [59].

Хозяйство г. Вятки в 1926 г. в целом успешно восстанавливалось и развивалось. Запланированный бюджет был выполнен нормально, однако из-за выделения сгоревшему г. Котельничу 10 тыс. р. расходы увеличились на 1,2% [60]. План работ по коммунальному тресту также по большинству показателей был выполнен. Прибыль треста составила 117 тыс. р. (54 245 р. в 1924–1925 г.). Успешно проводилось жилищное строительство: за 1925–1926 г. было построено и восстановлено 14 588 кв. м жилой площади,

отремонтировано 94 дома [61]. Тем не менее жилищный кризис не ослабевал. По переписи 1926 г. численность населения в г. Вятке составила 62 097 человек [62]. Количество квартир в г. Вятке в 1926 г. – 8079. Средняя площадь одной квартиры была 40,8 кв. м, а средняя площадь одной комнаты – 16,4 кв. м. Средний размер жилой площади, приходившийся на одного человека в г. Вятке в 1926 г., – 5,3 кв. м. Это 58% от установленной в то время нормы в 9,1 кв. м [63]. Выход из кризиса руководители города видели в развитии жилищно-строительной кооперации.

Продолжались в 1926 г. и работы по благоустройству. План по мощению улиц был выполнен на 106%. Асфальтовые тротуары появились на площади в 1200 кв. м (184% от плана), деревянными тротуарами было покрыто 115% от плана.

Городские органы вели работу по сдаче в аренду торгово-складских помещений (310 зданий) и пустующих помещений (66), отводили участки на застройку (всего 19 договоров). Выявлялись и учитывались неплательщики квартплаты, были учреждены должности районных заведующих коммунальными домами [64]. Началась разработка плана мероприятий по городскому хозяйству на пятилетнюю перспективу.

Бюджет города на 1926–1927 г. был принят 15 октября 1927 г. Доходы должны были составить 1 944 644 р. (рост по сравнению с 1925–1926 г. на 17,59%). Расходы планировались в сумме 1 990 426 р. (рост на 21,11%). Дефицит предполагалось покрыть за счет государственной финансовой помощи [65]. В 1926–1927 г. на коммунальное строительство было израсходовано 832 011 р. [66] Строительство активно велось и жилищной кооперацией – было построено 16 двухэтажных четырехквартирных домов [67].

Деятельность Вятского городского совета по управлению коммунальным хозяйством в рассмотренный период можно разделить на три этапа. Первый этап, с 1917 по 1922 гг. – становление советской системы самоуправления, деятельность коллегии городского самоуправления, горкоммунны и отдела местного хозяйства. Основные усилия эти органы направляли не столько на развитие, сколько на сохранение городского хозяйства в тяжелых условиях того времени. Этап закончился с момента объединения президиумов горсовета и губисполкома в 1922 г. Это означало наступление второго этапа, который продолжался до 1925 г. В ходе этого этапа функционировали подотдел коммунальных предприятий и секции горсовета. Нормализация денежного обращения и хозяйственной жизни позволила приступить к формированию самостоятельного го-

родского бюджета. Положение 1925 г. позволило городу вновь иметь относительно самостоятельные органы управления – президиума горсовета и его подразделения. Следующий этап, когда функционировали президиум горсовета и городской коммунальный отдел, характеризуется как дальнейшим восстановлением хозяйства, так и нарастанием ряда трудностей. Тем не менее существование городских органов управления позволило добиться значительных результатов в восстановлении и развитии городского хозяйства.

Примечания

1. История города Кирова. 1374–1974. Краткий очерк [Текст]. Киров, 1974. С. 135, 156.
2. Коржихина, Т. П. Советское государство и его учреждения (ноябрь 1917 – декабрь 1991) [Текст] / Т. П. Коржихина. М., 1994. С. 51.
3. История города Кирова. 1374–1974. Краткий очерк. С. 162–163.
4. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 26. Л. 34об., 35.
5. Лепешкин, А. И. Местные органы Советского государства (1917–1920) [Текст] / А. И. Лепешкин. М., 1957. С. 164.
6. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 24. Л. 97а–97в об.
7. Там же. Д. 26. Л. 35.
8. Там же. Д. 24. Л. 102.
9. Там же. Д. 26. Л. 36.
10. Там же. Д. 96. Л. 20, 22.
11. Там же. Д. 26. Л. 35.
12. Там же. Д. 94. Л. 3–5.
13. ГАКО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 515. Л. 22об.
14. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 96. Л. 186–23.
15. Там же. Д. 147. Л. 197об.
16. Там же. Л. 103об.–104.
17. СУ РСФСР. 1920. № 26. Ст. 131.
18. Отчет Вятского Губисполкома десятому Съезду Советов (октябрь 1922 – октябрь 1923) [Текст]. Вятка, 1923. С. 96.
19. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 147. Л. 147.
20. Там же. Д. 96. Л. 128.
21. Там же. Д. 147. Л. 195.
22. Там же. Д. 147. Л. 142.
23. Лепешкин, А. И. Указ. соч. С. 291.
24. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 147. Л. 6.
25. Там же. Д. 157. Л. 8–8об., 11.
26. ГАКО. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 3. Л. 89.
27. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 150. Л. 4.
28. Там же. Д. 147. Л. 212.
29. СУ РСФСР. 1922. № 10. Ст. 90.
30. Лепешкин, А. И. Местные органы Советского государства (1921–1936) [Текст] / А. И. Лепешкин. М., 1959. С. 57.

31. Нелидов, А. А. История государственных учреждений СССР (1917–1936) [Текст] / А. А. Нелидов. М., 1962. С. 292.
32. Отчет Вятского Губисполкома десятому Съезду Советов... С. 93.
33. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 170. Л. 1–3об.
34. История города Кирова. 1374–1974. Краткий очерк. С. 186.
35. Отчет Вятского Губисполкома десятому Съезду Советов... С. 95.
36. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 170. Л. 5об.
37. Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность [Текст]. Киров, 2002. С. 183–184.
38. Тинский, А. Г. Планировка, застройка и архитектура города [Текст] / А. Г. Тинский // ЭЗВ. Т. 1. Города. Киров, 1994. С. 59–60.
39. Отчет Вятского Губисполкома десятому Съезду Советов... С. 95.
40. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 204. Л. 123.
41. Там же. Д. 184. Л. 3.
42. Там же. Д. 170. Л. 24об., 41.
43. Там же. Д. 184. Л. 6, 25, 382–382об.
44. Там же. Д. 170. Л. 56.
45. Зырин, Б. В. Восстановление городского хозяйства и начало нового строительства. Первая пятилетка [Текст] / Б. В. Зырин // ЭЗВ. Т. 5. Архитектура. Киров, 1996. С. 226.
46. Лепешкин, А. И. Местные органы Советского государства (1921–1936). С. 53.
47. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 174. Л. 1–33.
48. Там же. Л. 8об.
49. Зырин, Б. В. Указ. соч. С. 226.
50. Г. Т. Отделение Торгово-промышленного банка в Вятке [Текст] // Вятско-Ветлужский край. 1925. № 7. С. 126.
51. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 204. Л. 3–4.
52. Там же. Л. 123–124.
53. Елькин, Т. О городских бюджетах [Текст] / Т. Елькин // Вятско-Ветлужский край. 1925. № 7. С. 92.
54. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 173. Л. 2–10об.
55. Там же. Д. 204. Л. 100.
56. Там же. Д. 179. Л. 15.25, 78.
57. Лепешкин, А. И. Местные органы Советского государства (1921–1936)... С. 148.
58. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 204. Л. 101.
59. Там же. Л. 89, 103, 261.
60. Там же. Л. 262.
61. Там же. Л. 263, 270.
62. История города Кирова. 1374–1974. Краткий очерк. С. 201.
63. Вятский край на рубеже тысячелетий. История и современность [Текст]. Киров, 2002. С. 183–185.
64. ГАКО. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 225. Л. 1–7.
65. Там же. Д. 204. Л. 262.
66. Там же. Д. 305. Л. 41об.
67. Зырин, Б. В. Указ. соч. С. 226.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н. И. Воронина

ХІХ ВЕК: МОСКОВСКАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СРЕДА О МУЗЫКАЛЬНОМ ВРЕМЕНИ

Основные положения статьи: синтез философии и музыки есть одна из форм человеческой духовности – «философо-музыка», первозданность взаимосвязи которой очевидна. Давно и плодотворно на Западе размышляли о «музыкальности» философского языка или же о «философичности» высших образцов классической музыки. Русская мысль, обратившись к данному феномену, искала свой путь осмысления. Ее направленность была связана с процессуальностью, которая синтезировала идеи движения философии и музыки навстречу друг другу – через диалог к воплощенному онтологическому акту сотворчества. Малые литературно-художественные группы в первой половине ХІХ в. в России – культурная константа. В Москве они приняли своеобразную модель поведения.

Музыка есть тайное упражнение в метафизике души, не сознающей того, что она философствует.

А. Шопенгауэр

Картина русской музыкальной культуры первой половины ХІХ в. сложна и противоречива. В частности, наблюдается резкий разрыв между высшими достижениями и уровнем музыкального быта. Значительная часть общества остается во власти отсталых вкусов и представлений. Характерно, что русские композиторы не находили признания у себя на родине, европейская музыкальная классика была чуждой широким кругам русского общества, произведения русских композиторов не доходили до зарубежного слушателя, отсутствовала система профессионального музыкального образования.

Особой популярностью в быту пользовались фортепиано, на котором исполнялись небольшие и несложные по форме пьесы и танцы салонного типа. В репертуаре практически каждого из музыкантов были модные тогда вариации на тему А. А. Алябьева и А. Е. Варламова, пьесы Дж. Фильда и И. Ф. Ласковского. Открытые пуб-

личные концерты чаще включали легкую развлекательную музыку, хотя были попытки устраивать вечера классической и мало в те времена известной современной западной музыки, чаще симфонической. В музыкальных театрах звучали итальянские, французские и немецкие оперы. Таким образом, оперная и концертная жизнь в российских городах, музыкальная педагогика, критика долгое время оставались ориентированными на иностранную музыкальную культуру.

Малые литературно-художественные группы в первой половине ХІХ в. – культурная константа. В Москве они приняли своеобразную модель поведения. Если группы живописцев заявляли о себе новой галереей, то музыканты – созданием новых коллективов (хоры, квартеты, квинтеты, ансамбли и даже оркестры). Первейшей мечтой и главной акцией был свой журнал. На обсуждение выносилось все самое новое (в философии, политике, литературе, музыке и т. д.), приветствовалась свобода слова и печати. Постепенно писатели и художники стали стремиться к широкой известности, а затем и к возможной монополизации общественного мнения.

Это были случаи из *новой частной музыкальной жизни*. «Частной: не-светской, но и не церковной. Частной: не-публичной. Не публичной, но и не-индивидуалистической» (Т. В. Чередниченко). Очень точно подметила искусствовед. Именно в это время (1820–1830-е гг.) возникает новое базовое переживание, новый тип настройки творчества и восприятия: не служение, не привлечение внимания, а *вовлеченность в...* саму музыкальную стихию, в самую суть музыкального бытия. Слушатель становится полноправным участником музыкального события. Но и композитор тоже участник события, а не одиночный творец.

Можно сказать, что в первой половине ХІХ в. была сформулирована концепция музыки, которая стала определяющей для развития русской музыкальной культуры в целом. В свете упрочения онтологических оснований музыки значение периода первой половины ХІХ в. было огромным. Мы не всегда признаемся в этом, описывая время до М. И. Глинки и А. Н. Серова как дилетантизм в музыке. Тем не менее это те самые корни, глубинные основания и в самой музыке, и в мысли о ней, на которых и выросла мощнейшая музыкальная стихия России.

ВОРОНИНА Наталья Ивановна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой культурологии Мордовского государственного университета им. Н. А. Огарева
© Воронина Н. И., 2008

Московская литературно-художественная среда 30–40-х гг. XIX в. стремилась объективно учесть и оценить бытование городской музыки, ее эстетически контрастные слои, понять опыт существования крестьянского фольклора в русской столице. В размышлениях о судьбах просвещения и развития национальной культуры популярное искусство выступало стимулом плодотворной полемики. Накапливались разнородные материалы повседневного обихода, развивались музыкально-психологические наблюдения в художественной литературе; начала формироваться историко-стилистическая методология анализа и оценки творчества любителей.

Важнейшим же итогом эмпирических наблюдений музыкального быта того времени стал *контраст* двух взглядов: этнографического и историко-критического – на судьбы и функционирование в культуре народного творчества. Обнаружившийся на протяжении полувека спорадически и коренящийся в самой иррациональной природе художественного быта контраст позиций отдельных литераторов и музыкантов вылился позднее, в 1860–1870-е гг., в *конфликт* публицистических противостояний. Обратимся к конкретике.

В журналах «Телескоп», «Московский наблюдатель», «Молва» (1830-е гг.), а позже «Репертуар и Пантеон» и «Современник» наряду с информацией о музыкальных событиях можно встретить «мысли о музыке», «философию и историю музыки», «нечто о старинных песнях» и т. д.

Интересны рецензии на оперы Г. Мейербера и Дж. Верди (Ю. Арнольда, В. Дамке, Д. Струйского), в которых отмечается, что залогом успеха у широкой публики явился банальный мелос и конфликт сильных страстей. Полемика вокруг лирического «наива» затронула множество специфических музыкальных вопросов, например, таких, как итальянская опера и романтизм, жанровая стилистика любовно-лирической драмы, вокально-исполнительская природа ее лексики, эстетические приобретения романтической оперы, механизм восприятия «поджигающего» пения и др.

Внутренней пружиной полемики стали обусловленные временем проблемы музыкальной социологии. Феномен почти универсальной психологической действительности (а следовательно, и просветительских потенциалов) итальянской оперы определил основные исследовательские интересы. Поиски ответов направляли аналитическую мысль, во-первых, к стилистике бытового мелоса, во-вторых, активизировали аксиологические наблюдения. Наиболее полно эта группа вопросов отразилась в выступлениях В. Ф. Одоевского.

Вопросы музыкального просвещения все более акцентировались им как социально насущные. Говоря о заслугах филармонического общества, критик стремился содействовать обога-

щению содержания и форм этой деятельности (Письма в Москву о Петербургских концертах. Санкт-Петербургские ведомости, 1839). Соотношение эстетических свойств музыки и мнений публики давало основание ставить вопрос о несоизмеримых контрастах способности *слышать музыку и судить о ней*.

Предметом постоянных сарказмов были меломаны, чьи суждения определяла мода. «Высший круг остался тем же жалким и притом бессовестным подражателем» [1].

Невежество слушателей и критики оценивалось как результат действия силы консервативного окологородского сознания. Ирония по поводу музыки «с душой» («балаганный мотив Беллини и Доницетти, который преследует вас и в концерте, и в гостиной, и вариациях всех фортепианистов и скрипачей» [2]) и «ученой» «без души» (например, симфонии Бетховена) помогла подчеркнуть мысль о нивелирующей силе дилетантизма, способного адаптировать множество данностей самого разного эстетического ранга.

Тонизирующей силой является свежая мысль, оригинальное изобретение в сфере мелодики. «Руслан и Людмила», по мысли В. Ф. Одоевского, стилистический антипод оскудевшей музыки Запада [3]. Сила таланта Глинки – в бесконечности изобретения, в слиянии достижений европейского искусства и «первоначальных стихий» родной земли. Противопоставляя «роскошный цветок» музыки М. И. Глинки миру дилетантизма, В. Ф. Одоевский углубляется в вопросы философии музыки и проблемы музыкального восприятия. Он писал о труднодостижимой природе эмоции художественного наслаждения, подчеркивая эстетическую уникальность музыки, способность вызвать сложную гамму чувств.

Обратим внимание, что к 1840-м гг. умы все более и более начинает занимать идея народности как проявление культуры. Проблемы народоведения стимулировали развитие интереса к фольклору в городской среде. Качественно разнородные собрания песен Кашина, Рупина, Гурилева, Варламова явились отзывами на растущий интерес к «природному» напеву, причем обработки, переложения разного рода пользовались симпатиями большинства как *культура восприятия*, как форма популяризации русского мелоса.

Н. Полевой приветствовал сборник Д. Кашина (Московский телеграф, 1833, № 18, сентябрь). Д. Веневитинов утверждал, что народность искусства – «не в черевичках и не в бородах, не в картинах, принадлежащих какой-либо особенной стороне, но в самих чувствах поэта, напитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, в успехах и отдельности его характера» [4]. Пронизаны социальностью суждения Белинского о народности – альфе и омеге нового

периода. Об истинной народности «литературного духа» размышлял Н. Надеждин: «Не исключительная народность, не исключительное чужество – недостаточны для полной литературной жизни» [5]. Бесплодным и преходящим представляется И. Киреевскому «странный хаос недоразвитых мнений, противоречащих стремлений» в литературе 1840-х гг. Подражательность губит искусство, беспомощное перед лицом социальных проблем времени. Незрелость литературы отражает незрелость общественного сознания» [6].

Иной взгляд выражен в «Песенной прокламации» И. Киреевским, что говорит о полемике в славянофильской среде. В предисловии к своему собранию народных песен И. Киреевский сурово писал о «мрачной истине» действительности – об уничтожении красоты крестьянской песни и падении песенного творчества в городе. «Новое поколение песен, начинающее вытеснять прежнее, в самом деле не достойно того, чтобы им дорожить... Вместо прежней красоты и глубины чувства – встречается безобразие нравственной порчи, выраженное в бессмысленном смешении... вместо прежней благородной прямоты – ужасный характер сословия лакейского» [7].

Проблемы такого характера отражались и в музыкознании. Н. Захаров с сожалением писал об отсутствии теоретически разработанного «кодекса русской песни», о сильном влиянии европейских обычаев. Его отзыв о сборнике русских песен А. Гурилева не случайно имел более широкий адрес. Критик выступил поборником простоты, естественности; европейские рулады, трели и двойные аподжиатуры «не дружатся с безыскусственным характером наших народных песен и не идут им вовсе, как седло корове» [8].

Более исторически пророческим оказался взгляд Ап. Григорьева. Ему близка мысль Белинского о своеобразном переосмыслении Россией западных нововведений [9]. «Песня – не только растение: песня – сама почва, на которую ложится слой за слоем; снимая слои и посредством сличения вариантов можно иногда добраться и до первого слоя» [10]. Он против изучения всех вариантов и слоев. Песня живет в народе и сейчас. Он призывал изучить типы народных певцов, их отношение к крестьянскому пению.

Итак, предпринятый краткий обзор состояния музыкального искусства в России первой половины XIX в. и его эстетического осмысления позволяет сделать некоторые выводы, которые становятся существенными для понимания тех оснований, на которых базировались музыкально-философские идеи московской литературно-художественной среды указанного времени.

Социальные процессы, происходящие в России и на Западе в этот период, существенно меняли лицо музыки. Стереотип восприятия музы-

ки как науки, как знания или как только развлечения, имевший место в общественном сознании на протяжении многих веков, носил, прежде всего, прикладной характер: музыка создается для вполне определенной цели. И эстетическая оценка музыки соответствовала столь распространенному заблуждению.

В реальном историческом процессе перестройки искусства совершалась постепенно, растягиваясь во времени, и отнюдь не была очевидной. Мощные процессы становления и самосознания личности отражались в музыкальной культуре, но первоначально лишь как внутреннее накопление качества, как огромный потенциал внутренней силы.

Осознание новых духовных возможностей музыки привело к возникновению разных форм субъективизма. Но в его основе лежали новые объективные возможности, которыми музыка теперь активно овладевала. 1820-е и особенно 1830–1840-е гг., как мы показали, наметили новые черты в восприятии музыки, принесли русскому самосознанию идею понимания музыки как содержательного и смыслового искусства.

Наряду с другими видами, музыка осваивала мир в его реальности и полноте, принимала активное участие в художественном освоении действительности, в становлении реализма. Этот процесс не был однозначным и получал самое противоречивое отражение в музыкально-эстетической мысли. Особо остро обсуждалась проблема понимания музыки.

Все это нашло отражение в философско-эстетических суждениях многих интеллектуалов. Например, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. В. Станкевич и В. П. Боткин не были музыкантами, но каждый из них считал музыку первоначалом духовной жизни человека. Привлекает специфика их мышления, проявляющаяся в новом типе духовно-практического освоения действительности. Примером могут служить положения Огарева и Боткина о музыкальном вкусе или Герцена и Огарева о прекрасном в музыке. Показательным в этом отношении становится их опыт целенаправленного и сосредоточенного слушания музыки, разных ее жанров и форм. Важным представляется и отражение практического музыкального опыта в их неофициальных суждениях и взглядах.

Воззрения на музыку у представленных мыслителей часто не совпадали, иногда приводили к противоречиям и парадоксам. Особенно это касается суждений о природе и сущности музыки, ее духовных возможностях.

Новые социальные формы существования музыки в середине XIX в. (в частности, концертная практика) вызвали к жизни и новые параметры осмысления. Если в немецкой философии (Ге-

гель, Зольгер, Краузе, Шеллинг, Шопенгауэр) музыка мыслилась как нечто всеобщее, даже как космическая сила или слой бытия, то в российской музыкальной практике одновременно происходил такой же всеобщий взрыв музыкально-стихийного, подрывающий старые основы музыкального восприятия, вносящий сумятицу в музыкальную жизнь, в академические формы распространения музыки. Стихия музыки становилась фактором и фактом музыкальной эстетики. Признаки нарушения сложившихся канонов ощущались, в первую очередь, в литературном творчестве и публицистике. «Звучащая природа», тембры инструментов и голосов, романтизм музыкальных впечатлений, образные сравнения наполняют литературное творчество Герцена, Огарева, Станкевича, Боткина – в разной мере, в разных манерах, но, безусловно, музыкально-романтическое содержание в 1830–1840-е гг. становится более широким, чем специфический литературно-философский романтизм.

Подчеркнем особо, что в сложившейся московской литературно-художественной среде не проводили границ между музыкой природы, музыкой бытия и музыкой как художественным творчеством, как произведением искусства. Чаще подчеркивали непрерывность связи между ними, генетическую зависимость музыки как искусства от звуковых проявлений природы.

Романтически переживаемая и постигаемая музыка в разных отношениях стремится за рамки слухового и звукового, за рамки музыки как искусства. Она входит в систему философской и естественнонаучной мысли. Музыка соответствует различным сторонам и явлениям мира или совпадает с ними по своей сущности; она выступает с ними во всевозможные «уравнения» (Новалис).

Особого рассмотрения заслуживала в тот период природа художественного творчества, а в нашем конкретном случае – музыкального. В ранних философско-эстетических концепциях не только Герцена, Огарева, Станкевича и Боткина, но и Белинского, Бакунина, Одоевского и окружавших их мыслителей в данном вопросе опора была на идеи Гофмана: «...бессознательное – или, лучше сказать, невыразимое словами – познание и постижение тайной музыки природы» [11]. Долгое время данная традиция существовала в русской музыкально-философской мысли. Ее настойчиво разрабатывали В. Ф. Одоевский и Н. А. Мельгунов, Н. А. Полевой и С. Т. Аксаков. И потому музыка в их рассмотрении оставалась то чрезмерно теоретически отвлеченной, то излишне романтически приподнятой (как бы особым даром небес всему человечеству, то укорененной лишь в природе с ее внутренними закономерностями). В этих суждениях ощущалось

«давление» традиции, эстетического наследия романтизма и немецкой классической философии. Тем не менее это была удивительная творческая лаборатория мысли, открывающая и осваивающая вместе с самой музыкой новый художественный мир.

Таким образом, синтез философии и музыки есть одна из форм человеческой духовности – «философо-музыка», первозданность взаимосвязи которой очевидна. Давно и плодотворно на Западе размышляли о «музыкальности» философского языка или же о «философичности» высших образцов классической музыки. Русская мысль, обратившись к данному феномену, искала свой путь осмысления, и, надо сказать, небезуспешно. Ее направленность была связана с процессуальностью, которая синтезировала идеи движения философии и музыки навстречу друг другу – через диалог к воплощенному онтологическому акту сотворчества.

Примечания

1. *Одоевский, В. Ф.* Новая русская опера «Иван Сусанин» [Текст] / В. Ф. Одоевский // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. № 5. С. 127.

2. *Одоевский, В. Ф.* Дилетанты [Текст] / В. Ф. Одоевский // Санктпетербургские ведомости. 1839. 31 янв. С. 177–178.

3. *Одоевский, В. Ф.* Записки для моего праправнука [Текст] / В. Ф. Одоевский // Отеч. записки. 1843. № 34. Отд. 7. С. 208.

4. Русская мысль о музыкальном фольклоре [Текст]. М., 1979. С. 19.

5. *Надеждин, Н.* Европеизм и народность в отношении к русской словесности [Текст] / Н. Надеждин // Телескоп. 1836. Ч. 31. Перепеч.: Хрестоматия по истории русской журналистики XIX века. М., 1969. С. 96.

6. *Кириевский, И.* Обзорение современного состояния литературы [Текст] / И. Кириевский // Москвитянин. 1845. Ч. 1. № 1. Перепеч.: Кириевский И. Критика и эстетика. М., 1979. С. 372.

7. *Кириевский, И.* Русские народные песни [Текст] : в 2 ч. / И. Кириевский. Ч. 1. Русские народные стихи // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1948. № 9. С. IX.

8. *Захаров, Н.* Кое-что по поводу русских песен, собранных и переложенных для пения и фортепиано г. Гурилевым [Текст] / Н. Захаров // Москвитянин. 1852. Т. 4. № 13. В рубрике: Библиография. С. 146–147.

9. *Григорьев, А.* Развитие идеи народности в нашей литературе по смерти Пушкина [Текст] / А. Григорьев // Григорьев А. Собр. соч. Т. 1. СПб, 1876. С. 553.

10. *Григорьев, А.* Несколько слов о законах и терминах органической критики [Текст] / А. Григорьев // Русское слово. 1859. № 5. Перепеч.: Григорьев А. Собр. соч. Вып. 2. СПб., 1914. С. 122.

11. *Гофман, Э. Т. А.* Крейсериана. Житейские воззрения кота Мура. Дневники [Текст] / Э. Т. А. Гофман. М., 1972. С. 95.

Н. В. Клементьева

**ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО
В КОНТЕКСТЕ «ТЕАТРА ЖИЗНИ»
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА К. А. СОМОВА)**

В статье на примере ранее неизвестных и редких работ в сфере декоративно-прикладного искусства К. Сомова (театральные сумочки, выполненные художником совместно с А. Михайловой, которые хранятся в Кировском областном художественном музее им. А. М. и В. М. Васнецовых) рассматриваются особенности трансформации пасторальной традиции в контексте художественно-эстетического сознания начала XX в.

На рубеже XIX–XX вв. концепция «жизнетворчества», оказавшись в центре многих литературно-художественных течений, пронизывала самые разные слои культуры. Жизнь и искусство часто переплетались в своих смыслах, становились порой тождественными понятиями. Безусловно, слиться полностью они не могли – подобное стремление скорее было умозрительным идеалом, мечтой. И в реальности между искусством, которое понималось как высокое предназначение человека, и бытовой повседневностью возникали закономерные противоречия. Но для многих представителей художественной интеллигенции России этого периода желание снять эти противоречия, привести искусство в жизнь, придать последней особую эстетическую форму было весьма заманчивой перспективой. Рождались утопические представления, предполагающие, что через соприкосновение с красотой человек может меняться нравственно и духовно, а также могут быть решены многие, в том числе социальные проблемы.

Не случайно деятели культуры этого времени нередко выступают за активное, но специфическое вмешательство искусства в жизнь – «средствами ему присущими – художественностью, красотой, способностью доставлять эстетическое наслаждение качествами, по видимости, бесполезными» [1]. Культ красоты как единственной ценности и стремление к художественному синтезу всех видов искусства стало сутью и содержанием модерна. Новая художественная программа имела два вектора своей реализации. Первый был устремлен в сторону принципа «искусства для искусства», подчеркнутого эстетства, которое должно доминировать над «скверной жизни». Второй был направлен на преобразование этой жизни эстетическими средствами, на «из-

лечение болезни красотой». В связи с этим модерн как стиль, сформировавшийся в искусстве, начинает трансформироваться в некоторое подобие сценария, выстраивающего повседневное поведение человека.

Игровое начало культуры, реализованное в стиле модерн, во-первых, активизировало «инстинкт театральности» (термин Н. Евреинова), который проявился не только в театральных формах, но и в формах самой жизни; во-вторых, «спровоцировало» расцвет декоративно-прикладного искусства, произведения которого должны были оформлять «спектакли» повседневной жизни.

И именно поэтому в модерне на новую ступень поднимается прикладное искусство, которому этот стиль придал исключительное художественное значение. Человек должен жить в среде, наполненной красивыми вещами, предметами (мебель, посуда, костюм и прочие мелочи). «Эстетизация ремесла» привлекла многих художников к созданию проектов мебели, ткани, утвари, бижутерии, декоративного убранства интерьеров. В русской художественной культуре начала XX в. эти тенденции стали логичным продолжением процессов, которые возникли еще в конце XIX в., когда в сферу предметно-эстетической деятельности были вовлечены творцы, работавшие в художественных объединениях Абрамцево и Талашкино (В. Васнецов, В. Поленов, Е. Поленова, М. Врубель, С. Малютин и др.).

Во многом интерес к декоративно-прикладному искусству в этих художественных объединениях обусловлен наступательным движением индустриального производства. Создаваемые здесь вещи должны были способствовать воспитанию эстетических вкусов массового потребителя. Но в конечном итоге эти изделия, выполненные ручным способом, либо становились со временем частью массового промышленного производства, теряя свою художественную привлекательность и превращаясь в штамп, либо приобретали статус эксклюзивных и весьма дорогих вещей, купить которые мог себе позволить только человек с определенным эстетическим вкусом и материальным достатком. Именно для таких людей в дальнейшем будут создавать свои прикладные произведения представители петербургского художественного объединения «Мир искусства», которых можно считать своеобразными продолжателями тех процессов возрождения декоративно-прикладного искусства, которые наметились в Абрамцево и Талашкино.

Во многом интерес к прикладным формам искусства у представителей «Мира искусства» отвечал стремлениям эпохи, в частности поискам новых форм художественного синтеза, где первенство принадлежало театру. Именно театр стал для многих участников «Мира искусства»

КЛЕМЕНТЬЕВА Наталья Валерьевна – кандидат культурологии, ст. преподаватель кафедры культурологии и рекламы ВятГУ
© Клементьева Н. В., 2008

той художественной сферой, где предоставлялась «возможность создать в современных условиях творческий синтез живописи, архитектуры, музыки, пластики и поэзии, осуществить то органическое слияние искусств, которое представлялось <...> высшей целью художественной культуры» [2].

В свою очередь, принципы театра привносились в жизнь и быт «мирискусников». Театральность сказывалась во всем: в привычках, манерах и поведении. Смысл этой театрализации – «также демонстрировать свое второе “я”. Отсюда и такое тяготение к маске как способу это второе “я” актуализировать» [3].

Одним из «персонажей» оригинальных и неоднозначных «мирискуснических спектаклей» являлся К. А. Сомов. Противоречивость и трагизм мироощущения, свойственные его личности, во многом объясняются тем, что в нем «все время происходит борьба художника с желанием пользоваться в полном объеме всеми удобствами жизни» [4]. Он прекрасно образован, начитан, но все это не мешает ему интересоваться «мелочами» жизни. В своем дневнике Сомов пишет: «читал отрывки из 2-х первых томов “Дневника” Барбье. Владелец прежний этих книг облегчил мне задачу, отчеркнув все то, что меня может интересовать: быт, эротику, скандалы, сплетни» [5]. Эти «интересы», вообще свойственные человеку *fin de siècle*, во многом определили тематический и образный круг не только его графических и живописных произведений, но и его прикладных работ.

За К. Сомовым давно закрепилась репутация художника, работавшего в так называемом «галантном жанре» или «под галантный жанр», где он следовал традициям французской живописи XVIII в. Именно данные работы принесли ему признание и известность. Позже эти «потешные исторические сюжетики сентиментально-мечтательного оттенка» А. Бенуа назовет «сомовским жанром» [6]. Особая «сомовская иконография», тяготея к универсальности, распространялась не только на станковые работы, но и на книжные иллюстрации, эскизы для афиш, веера, обои, дамские сумочки, что, впрочем, отвечало духу «эпохи модерна» со свойственными ей мотивами игры, маски, флирта.

Театр жизни и жизнь театра были для Сомова неотделимы друг от друга, что определяло и стилистику его произведений прикладного характера, которые, тем не менее, нельзя отнести к продукции массового спроса. Создаваемые и повторяемые в нескольких вариантах, эти вещи остаются, несомненно, уникальными произведениями искусства, суть которых – подчеркнутая театральность, составлявшая основу восприятия художником действительности.

К. А. Сомов знал и любил сценическое искусство, считаясь в среде мирискусников «записным театралом» (М. Добужинский), хотя в качестве декоратора он практически не работал. Исключением является эскиз занавеса для «Свободного театра» в Москве. Среди немногочисленных работ для сцены можно назвать и костюмы для Т. Карсавиной, созданные в духе XVIII в., которые К. Сомов выполнил в 1924 г. В письме к сестре Сомов не без волнения писал, что «Карсавина <...> просила меня нарисовать 7 костюмов для ее *tournee* по Америке и я – хотя такая работа для меня вновь – согласился» [7]. Участие Сомова в создании этих костюмов не ограничилось только эскизами. Художник вместе с танцовщицей ходил по парижским магазинам, выбирая материал, парики и ботинки, придавая всему этому необычайно важное значение. Да и в театре он подмечает не только то, что происходит на сцене, но и в зрительном зале: кто во что одет, какими аксессуарами дополнена одежда, кто как себя ведет. Человек, пришедший в театр, не менее важный элемент спектакля. В дневниках художника появляются оценки и характеристики внешнего вида его знакомых, в которых едкость сочетается и с любованием, а подчас – и восхищением: «К обеду приехала Комиссаржевская, пикантная, но худая, как голодный индус, надушенная ужасными крепчайшими мне ненавистными духами» [8] или: «Настя Чеботаревская постарела, разлезлась, вся в кудряшках, в медальонах, в модном платье с накрашенным ненатурально, по контуру, ртом» [9]. Художник обнаруживает знание всех видов украшений, тканей, имен модельеров: «Моя вторая модель гораздо интересней первой... Сидит она в белом атласном платье, украшенном черными кружевами и кораллами, оно от Ламановой, на шее у нее 4 жемчужные нитки, прическа умопомрачительная, Патон сошла бы с ума, – точно на голове какой-то громадный жук» [10].

Интерес к разного рода женским штучкам, слабостям – особенность утонченной, аристократической натуры К. Сомова. Сам художник объясняет, что женщины на его картинах – это ничто иное, как отражение его самого, его души: «А их ломаные позы, нарочное их уродство – насмешка над самим собой и в то же время над противной моему естеству вечной женственностью... Это протест, досада, что я сам во многом такой, как они. Тряпки, перья – все это меня влечет и влекло не только как живописца» [11].

И если мы вернемся к декоративно-прикладному искусству К. А. Сомова, то поймем, почему именно эти «милые вещицы», а не что-либо другое из предметного окружения человека становились объектом интереса художника. Для него было важным, чтобы создаваемый им вещный мир

(веера, орнаменты для обоев, украшения дамских платьев, сумочки) был подчеркнута эстетизированным и мог включать в себя момент театральности, игры, переходящей в спектакль быта. Он рано начинает выполнять подобные рисунки и эскизы, порой вызывая насмешки друзей и знакомых. В письме Е. Н. Званцевой он пишет: «...сделаю веер, кусок обой (воображаю Вашу презрительную усмешку, когда Вы читаете эти слова: «веер», «обой». Да, веер и обои!» [12]. Такое отношение окружающих весьма понятно (профессиональному художнику неприлично размениваться на подобные мелочи), но эти работы были органичной стороной самого художника, который и в жизни хотел быть окружен красивыми вещами.

В большинстве работ К. А. Сомова декоративно-прикладного направления обыгрывался все тот же XVIII век с его «галантным жанром», ставшим своеобразным продолжением и развитием пасторальной традиции. Сомов, обращаясь к ушедшей эпохе, не просто стилизует определенную тематику и образность, а предлагает собственное прочтение как галантных сюжетов XVIII в., так и всей пасторальной традиции. Художнику изначально было присуще пасторально-идиллическое мироощущение, которое определялось его особым отношением к природе, подчеркнутой мечтательностью, утонченной чувственностью и изысканным аристократизмом.

Вместе с тем творчество К. А. Сомова демонстрирует синтез пасторальных традиций разных эпох: классической античности (одним из любимых произведений художника на протяжении всей его жизни был роман Лонга «Дафнис и Хлоя»), французского XVIII в. и современности (в частности М. Кузмина, с которым Сомов был некоторое время дружен). Кроме того, художник был свидетелем «пасторального бума», охватившего театральные подмостки начала XX в. Музыка к спектаклям этой жанровой направленности писали такие известные композиторы, как Н. Черепнин, А. Глазунов, и среди подобных постановок многочисленным интерпретациям сюжета «Дафниса и Хлоя» принадлежало одно из ведущих мест.

В обозначенном контексте театральное пространство, его многожанровость, поиски новой эстетики открывали возможность для смелых трансформаций пасторального материала. Обращение к пасторали и персонажам галантного жанра эпохи рококо, безусловно, не было случайным. Ощущение краха и уходящей из-под ног почвы, апокалиптические пророчества, определявшие настроение и атмосферу начала XX в., «отчасти “гасились” погружением в театральный мир с его пленительными пастухами и пастушками, графинями и маркизами, амурами и нимфами» [13].

В одном из номеров журнала «Театр и искусство» [14] был опубликован каталог изданий этого журнала за период с 1897 по 1914 г. «Пасторальный» репертуар в этом списке вполне конкурентоспособен по отношению к пьесам иной тематики: «Роза и василек» (любовная пастораль) в 1 д. Льва Урванцева; «Фарфоровые куранты», пастораль Чуж-Чуженина, музыка В. Пергамента; «Нашлась», курортная идиллия в 1 д. Магнуса Нансена; «Венера в лесу» шутка в 1 д.; «Нимфа и сатир», буффонада в 1 д. Чуж-Чуженина; «Пробуждение весны» (детская трагедия), пьеса в 3 д. Фр. Ведекинда и др. Некоторые пьесы кроме названия и автора имеют указания на то, в каких декорациях необходимо их играть. Так, в описании пьесы «Козырь» (Skiz) Габриэлы Запольской (само название с пасторалью, казалось бы, никак не связано) предлагается для всех трех актов использовать одну декорацию – гостиную богатого помещичьего дома, которая должна быть отделана в «стиле Ватто». При этом должны быть соответствующими мебель, картины на стенах, статуэтки, безделушки [15].

Подобное разнообразие «пасторальных интересов» отразилось и на творчестве К. Сомова, в том числе на декоративно-прикладном: ведь пасторальные мотивы, служившие художнику источником декоративных экспериментов, активно осваивались театральным репертуаром эпохи и «возвращались» в повседневную жизнь, диктуя моду на платья, шляпы, украшения. Так, после одного из балетных представлений Сомов описывает свое впечатление: она [Е. Н. Носова] «была одета умопомрачительно, голубое яркое атласное платье, вышитое шелками перламутровых цветов с розовыми тюлевыми плесами, на шее ривьера с длинными висячими концами из бриллиантовых больших тrefелей, соединенных с бриллиантами же...» [16] Чем не сценический костюм из пасторальной пьесы, приготовленной в мастерских галантного века!

Таким образом, интерес К. Сомова к милым его сердцу «безделушкам» определялся и тенденциями моды, соединявшей традиции античности, XVIII в. с приемами и установками рафинированно-изысканного модерна. Художник экспериментирует, сплавляет разные стили, находя новые возможности использования декоративных элементов, материала, цвета, тем самым придавая каждой вещи неожиданное звучание. К числу уже известных и достаточно изученных художественных опытов К. Сомова относятся и театральные сумочки, на которых стоит остановиться подробнее.

В коллекции Кировского областного художественного музея им. В. М. и А. М. Васнецовых хранятся редчайшие экспонаты, которые никогда не становились предметом научного ин-

тереса: пять прекрасно сохранившихся сумочек, выполненных А. А. Михайловой по эскизам брата.

Анна Андреевна Михайлова (урожденная Сомова) была родной сестрой Константина Андреевича. На протяжении всей жизни их связывала крепкая дружба. В лице сестры К. А. Сомов «имел преданного друга, редкого по своим душевным качествам и доброжелательности» [17]. Их роднила любовь к искусству, театру, музыке (они оба прекрасно пели и играли на рояле), а также совместная работа. Анна Андреевна под руководством своего брата и частично по его рисункам работала по прикладному искусству. В этом творческом дуэте Сомов был автором идей, а Анна Андреевна – кропотливым и виртуозным исполнителем. Влияние Сомова особенно сказывалось в первых работах его сестры, выполненных в 1910-е гг., к числу которых принадлежат и сумочки Кировского музея. А. А. Михайлова на выставке 1911 г. дебютировала в соавторстве с К. Сомовым и именно здесь впервые представила свои знаменитые вышитые «мешочки». На последующих выставках «Мира искусства» (1912, 1916, 1917, 1918, 1924 гг.) она представляла уже самостоятельные работы.

Созданные А. А. Михайловой украшения для платьев, сумочки, декоративные панно пользовались популярностью и спросом. К. А. Сомов писал в своем дневнике: «<...> помогал ей [Анюте] в ее работах, в субботу на вернисаже ее успех был необычайным, 16 вещей продано и почти столько же заказов» [18]. Это написано в 1916 году, а в феврале 1919 г. в Вятский Губернский музей искусства и старины из Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины поступает пять «мешочков Сомовой-Михайловой», доставленных тов. Гогелем [19]. Уникальность музейных сумочек заключается еще и в том, что они «подписные»: внутри на подкладке четырех из них вышиты инициалы «С.С. & А.М.», а на одной «А.М.».

Сумочки, хранящиеся в Кировском музее, вряд ли можно отнести к тем элементам женского костюма, которые использовались каждый день. Их форма, цвет, материал говорят о том, что, скорее всего, они должны были «сопровождать» даму в театр или на какое-либо торжество или ужин и тому подобное, становясь при этом частью театра жизни. Это то, что должно радовать глаз, отвечать атмосфере праздника жизни, приводить в восхищение мужчин и вызывать зависть в других женщинах, что, впрочем, во многом соответствовало и пониманию театрализации поведения. Еще в 1908 году И. Грабарь писал: «Театр в наши дни – единственная область, в которой художник может еще мечтать о большом празднике для глаз, в котором есть где развер-

нуться его воображению» [20]. Как в театре, точнее в театральном спектакле, не должно быть ничего случайного (декорации, костюмы, свет, музыка и т. п.), так и в костюме, который специально заказывался для посещения спектаклей или вечеров, все должно соответствовать ситуации. И все, кто находился в этот вечер в зале, своим внешним видом, поведением, настроением также создавали атмосферу спектакля, представления, вечера.

«Мешочки», ставшие предметом нашего анализа, выполнены, на первый взгляд, в разных стилевых манерах, в духе подчеркнутой стилизации. При последовательном осмотре всех пяти экспонатов, внимательно взглядевшись, замечаешь, как в каждом из них воплощаются пасторальные мотивы разных эпох – от античности до модерна – в различных сочетаниях и переплетениях. Интересно, что, собранные в единую коллекцию, сумочки могут прочитываться как целостный текст, отражающий различные типы освоения культурой Серебряного века пасторальной обр-ности.

«Сомовский стиль» угадывается во всех декоративных композициях, которые с большим изяществом создаются А. Михайловой. Мотив гирлянд из мелких стилизованных розочек, который Сомов использует для украшения этих сумочек, можно видеть во многих графических работах художника прикладного характера: афиши, программки концертов, заставки и виньетки в оформлении книг и журналов и т. п. Его графика сравнима с вышивкой. Требуется такое же усердие, внимание, скрупулезность, виртуозность.

Основная тема, которую К. А. Сомов варьирует в работах, выполняемых в различных техниках, – это флоральный мотив, «собранный» из мелких цветочков в различные декоративные формы, обрамляющие и заполняющие плоскость листа, ткани и т. п. Среди всего цветочного разнообразия самым любимым образом для художника являются мелкие цветы и бутоны роз. Декоративное решение сумочек из Кировского музея является тому подтверждением. Наиболее интересными в этом отношении являются две из них.

Используемый в них декоративный мотив очень напоминает (но не повторяет) цветочный декор в «стиле помпадур», популярный во Франции в XVIII в. и получивший название от имени маркизы де Помпадур, считавшейся воплощением утонченного аристократизма. Из атласной ткани с мелкими вышитыми цветами, которую она ввела в моду, выполнялись многочисленные наряды, в которых она охотно позировала своему любимому художнику Ф. Буше. Творчество этого живописца, автора множества пасторальных сцен, К. Сомов знал и любил, о чем неоднократно признавался в своих письмах. Но если в тка-

нях «помпадур» цветы вышивались, то в «сомовских» сумочках они собираются из тонких ленточек, а затем пришиваются к ткани. В результате декоративное оформление получает объем, что скорее сравнимо не с тканями, а с фарфором в стиле «помпадур».

Используя один и тот же «розальный» мотив, но варьируя цвет и форму, авторы придают различные настроения своим сумочкам. Одна из них выполнена из серо-голубой тафты, а цветочный декор собран в изящные гирлянды из двуцветной узкой ленты голубого и сиреневого цветов, причем если лента собирается с темного (сиреневого) края, то получаются голубенькие цветочки с темной сердцевинкой, и наоборот. Эти цветочные гирлянды размещаются как бы от центра к периметру, разбивая плоскость на три части.

Для того чтобы снять монотонность, художник включает в каждую из них цветочные акценты, выполненные из тех же розочек, но другого цвета (розового) и большего размера. Варьируя количество цветков и место расположения этих акцентов (в центре или по углам), авторы придают всей композиции зыбкость, неуловимость и изменчивость движения, что задается также и самой формой сумочки, напоминающей прямоугольник, но с закругленными углами и еле уловимыми вогнутыми сторонами. Эта «неправильность» усиливается во второй цветочной гирлянде, обшитой двумя рядами бисера сиреневого и черного цветов. Бисер, используемый в этой сумочке, очень мелкий. Такой бисер не продавался в магазинах начала XX в. и, по-видимому, был заимствован из каких-нибудь старых вещей. Но если раньше рукодельницы пришивали каждую бисеринку, то здесь Михайлова просто собирает их на нить, а затем пришивает ее к основному полотну, как бы «рисует» бисерной «кистью». Отсутствие цветовых контрастов, плавные линии, округлые очертания создают удивительно изящный, утонченный и одновременно игривый образ не только самой сумочки, но и ее потенциальной владелицы.

Все те же гирлянды из роз можно видеть в декоре другой сумочки, но ее форма (в виде неправильного шестиугольника) по сравнению с предыдущей имеет более четкие очертания. Эта же форма повторяется в центральном фрагменте из фиолетовой тафты. По периметру сумочки, кроме верхней части, нашита полоса шелковой белой ленты, украшенной по краям узкими розовыми ленточками.

В отличие от первой сумочки, где авторы располагали цветочный декор на всей плоскости, во второй он располагается по периметру на белом фоне. В цветовом отношении этот декор разнообразнее предыдущего. Здесь используются мелкие цветки серого и крупные розы охристого,

белого, красного цветов, а также розовые, охристые и сиреневые бутончики. И если в предыдущей сумочке декор и фон были выполнены практически в одном цвете, то в данном случае все цветочные мотивы хорошо «читаются» на белом фоне, контрастируя друг с другом, что придает праздничность и особую нарядность всей сумочки. Можно сказать, что в данном примере цветочные гирлянды в стиле «помпадур» весьма удачно сочетаются с классическими приемами построения самой декоративной композиции: симметричность, четкость, геометричность формы, ритмичность в чередовании элементов декора (например, в шахматном расположении бисеринок розового цвета в центральной части сумочки или декоративных шелковых кистей по углам).

Подобные классицистические приемы построения орнамента используются и в другой сумочке. Она имеет форму полуовала, но в сочетании с декором она напоминает то ли античную чашу, то ли перевернутую беседку. В ее декоре улавливаются столь любимые Сомовым боскеты и беседки, которые он изображал в своих «галантных» сюжетах и которые хранили тайны поцелуев и любовных встреч героев его картин. Цветовое решение сумочки также подтверждает подобные ассоциации. Для фона выбирается очень красивая тафта нежно-зеленого цвета с отливом, а сами цветочные гирлянды выполнены из узких ленточек салатного и бирюзово-голубо-кремового цветов. Мотив арки, гирлянд, цветочных букетов, которые встречались в различных орнаментальных системах, здесь имеют классицистические принципы размещения на плоскости. Основное пространство делится на две части. Верхняя состоит из трех арочек-гирлянд. Внутри каждой арочки – красивый букет, образующий круг с отходящими влево и вправо гирляндами мелких цветов. Нижняя часть разбита на шесть частей, границы которых сходятся внизу в букет, дополненный шелковой кистью золотисто-желтого цвета.

Если в приведенных выше примерах авторы ограничивают свой интерес обращением к стилизованным изображениям маленьких розочек или мелких однотипных цветочков, то на одной из сумочек создан целый цветочный букет, о видовой принадлежности которого можно только догадываться. Авторы используют традиционную форму сумочки. Основной фон выполнен из темно-желтого репса. В центре из шелкового шнура вышита корзина с высокой ручкой, заполненная многочисленными цветами и бутонами из тонких разноцветных ленточек и бисера. Кто мог «собрать» этот букет? Барышня-крестьянка или маркиза-пастушка? Несмотря на всю свою «естественность», этот букет придуман и подчинен законам особой эстетики. Это определенная идеализация природы, что отвечала не только пас-

торальному идеалу, но и отношению к природе самого К. А. Сомова, который любил природу и ценил в людях умение ее понимать. Но не всякий природный мотив мог заинтересовать художника, а только тот, который соответствовал его представлениям о красоте, гармонии, совершенстве. И это касалось не только его пейзажных работ, но и, как мы видим, произведений прикладного характера. Трогательность этого декоративного мотива отсылает нас скорее к античной буколке, а не садам и паркам Версаля. И, может быть, это связано еще и с тем, что, на наш взгляд, античная Аркадия, точнее собственное представление художника о ней, с ее идиллическим настроением, естественностью, наивностью была более близка Сомову, чем ее версальская «версия».

Свидетелями прелести и очарования цветочного букета на сумочке стали изящные мотыльки, выполненные из бисера с металлическими крыльшками-пластинками. Они слетелись на эту красоту, символизируя ее кратковременность, преходящесть и ностальгическую грусть. Но в этом напоминании нет и намека на какую-либо трагичность и тревожность. Светлая идиллия сменяется совсем иным настроением в декоре последней сумочки, которая в большей степени соответствует мироощущению и художественным принципам той эпохи, современником которой был К. Сомов.

Форма сумочки представляет собой неправильный восьмиугольник с вогнутыми сторонами. На основной фон из черного репса в центре нашита лента тонированного фиолетового атласа. Сумочку украшает типичный сомовский мотив в виде пышной рамки из перевитых зеленых гирлянд и гроздей винограда. Декор этой сумочки вполне может быть уподоблен картине, в которой сквозь густые заросли виноградной лозы виднеется ночное звездное небо. Ночь скрывает тайны дня минувшего и рождает загадки дня следующего. Не все легко и просто в этом «галантном мире» встреч и свиданий. Оттенки черного, фиолетового, темно-зеленого цветов, звездное небо в обрамлении гирлянд виноградной лозы создают атмосферу таинственности, загадочности, недосказанности, тревожного предчувствия, дионисийского напряжения. Казалось бы, вечно светлый и легкий пасторального мир в начале XX в. становится вдруг драматичным и тревожным. Такое новое прочтение пасторальных образов и тем становится актуальным для многих произведений художественной практики этого времени и прежде всего для театральных постановок, которые могли вдохновить художника на создание

подобного настроения. Этот мотив, видимо, нравился не только самому К. А. Сомову, но и заказчикам. Известно несколько повторов этой сумочки (например, один из вариантов хранится в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге).

Обращение к подобным произведениям декоративно-прикладного искусства, находящимися, как правило, на периферии внимания искусствоведов, не только углубляет и дополняет наше представление о жанрово-стилевой системе художника, но и позволяет сквозь призму «милых вещей», которые являются частью знакового комплекса эпохи, взглянуть на ее культуру в новом ракурсе и увидеть ее скрытые смыслы.

Примечания

1. Цит. по: Кириченко, Е. И. Русская архитектура 1830–1910-х годов [Текст] / Е. И. Кириченко. М., 1982. С. 177.
2. Азизян, И. А. Диалог искусств Серебряного века [Текст] / И. А. Азизян. М., 2001. С. 46.
3. Цит. по: Хренов, Н. А. «Человек играющий» в русской культуре [Текст] / Н. А. Хренов. СПб., 2005. С. 539–540.
4. Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников [Текст] / Сост., вступ. статья и примеч. Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М., 1979. С. 63.
5. Там же. С. 165.
6. Бенуа, А. Н. Константин Сомов [Текст] / А. Н. Бенуа // Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 483.
7. Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. С. 247.
8. Там же. С. 128.
9. Там же. С. 148.
10. Там же. С. 106.
11. Там же. С. 125.
12. Там же. С. 63.
13. Осипова, Н. О. Пасторальные мотивы в русской драматургии первой трети XX века [Текст] / Н. О. Осипова // Пастораль в театре и театральность в пасторали: сб. науч. трудов. М., 2001. С. 121.
14. Каталог изданий журнала «Театр и искусство» 1897–1914 [Текст]. СПб., 1914.
15. См. также: Тихвинская, Л. И. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века. Кабаре и театры миниатюр [Текст]. М., 2005.
16. Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. С. 107.
17. Михайлов, Е. С. Фрагменты воспоминаний о К. А. Сомове [Текст] / Е. С. Михайлов // Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников; сост., вступ. статья и примеч. Ю. Н. Подкопаевой и А. Н. Свешниковой. М., 1979. С. 488.
18. Там же. С. 166.
19. ГАКО. Ф. 2327. Оп. 1. Ед. хр. 10. С. 3.
20. Грабарь, И. Э. Театра и художники [Текст] / И. Э. Грабарь // Весы. 1908. № 4. С. 92.

Е. И. Кибешева

**«ПОЭТИКА ВЗАИМООТРАЖЕНИЙ»
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX в.:
СИМВОЛИЗМ И АВАНГАРД**

В статье рассматриваются основные положения, выработанные современной наукой в связи с проблемой влияния символизма на авангард в культуре первой трети XX в. Акцентируется внимание на точках пересечения и отталкивания, которые намечаются в специфике модели мира, типе творческой личности, характере лирического персонажа, идее синтетического искусства, представленных в обеих художественно-эстетических системах.

Обращаясь к культуре первой трети XX в., необходимо разобраться в проблеме взаимоотношения символизма и авангарда в контексте данной эпохи, так как именно этот аспект является определяющим во многих исследованиях. Количество научных работ доказывает, что обозначенная проблема, хотя и не обладает новизной постановки, по-прежнему находится в поле зрения культурологов, филологов и искусствоведов, не утрачивая актуальности. Несмотря на определенную степень освоения, она до сих пор не имеет единого решения, обнаруживая новые грани. Открывая малоизученные стороны в данной проблеме, исследователи углубляют и расширяют круг вопросов, давая возможность посмотреть на нее с философской, культурологической, литературоведческой, социально-исторической и других точек зрения. В последнее время ученые пытаются определить не только особенности и закономерности взаимодействия и синтеза обозначенных направлений, но и найти ответ на вопрос, насколько важна роль отдельной творческой личности в определении точек пересечения в поле авангарда и символизма. Поэтому становится возможным говорить не только о взаимовлиянии и взаимопроникновении символизма и авангарда в целом, но и о проявлении символистских тенденций в творчестве отдельных художников авангарда. Исследование данной проблемы на разном материале представлено в научных изысканиях О. Клинга, Р. Клуге, Д. Сарабьянова, Е. Тырышкиной, Н. Дзудековой, И. Иванюшиной, И. Смирнова, Н. Грякаловой, Т. Казариной [1] и др. Кроме того, в последнее время появились исследования, в которых рассматриваются явления, относящиеся не только собственно к литературоведению, но и к сфере повседневности, характерологии, кинесики [2]. Данная проблема настолько интересна и значи-

ма, что ей посвящаются как отдельные работы, так и целые научные конференции.

Кроме того, следует отметить, что проблема взаимовлияний и пересечений вышла за рамки узкоспециальных исследований. На сегодняшний день ученые пришли к таким выводам, которые могут быть названы бесспорными. Этому вопросу посвящены специальные разделы в академических учебных пособиях по истории русской литературы XX в. [3] Соответственно, взаимоотношение символизма и авангарда стало общепризнанным явлением.

Обстоятельный анализ целого круга работ показывает, что в данной проблеме на сегодняшний день уже сформировались положения, значимость которых не вызывает сомнения. Однако в контексте предложенной работы они нуждаются в обобщении и систематизации под определенным углом зрения.

Во-первых, вопрос о взаимоотношении символизма и авангарда был поднят отнюдь не литературоведами и искусствоведами, а поэтами, писателями, художниками, философами начала XX в., которые жили и творили в атмосфере постоянного взаимодействия и постепенной смены кодов художественного творчества. Именно в их декларациях, манифестах, статьях, эстетических эссе обозначены проблемы, которые в дальнейшем стали объектом научных изысканий и дали возможность широкого столкновения интересующего нас вопроса. Подтверждением могут служить, например, высказывания О. Мандельштама, который «был уверен в существовании символистского канона и считал символизм «лоном всей новой русской поэзии», «родовой эпохой», «влившей новую кровь, провозгласившей канон необычайной емкости»» [4]; В. Ходасевича, утверждавшего, что «в условиях русской поэзии XX в. нельзя было безнаказанно отвергнуть весь символизм, отбросив все его правды вместе с неправдами» [5]. При этом круг соотносимых явлений, несмотря на свою широту, измеряется символизмом. Для последующих течений и направлений символизм становится своеобразной лакмусовой бумажкой, неким ориентиром, на который художники равняются или от которого отталкиваются с большим или меньшим успехом. Символизм как магнит притягивает к себе последующие искусства. На это указывает, например, Н. Бердяев: «Беда футуризма в том, что он слишком обращен назад, отрицательно прикован к прошлому, слишком занят сведением с ним счетов» [6]. К понятию «прошлое», несомненно, в этом контексте относится и символизм, который, как тогда казалось, постоянно приходится «преодолевать».

Во-вторых, из вышеизложенного следует еще одна значимая позиция: вопрос о преемственно-

КИБЕШЕВА Елена Ильдаровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры культурологии и рекламы ВятГУ
© Кибешева Е. И., 2008

сти и проникновении символистских тенденций в практику авангарда не является надуманным, натянутым, неестественным. По мнению исследователей, символизм является предисторией авангарда, его предтечей, ближайшим раздражителем для авангардистов, так как сами символисты «были авангардными по отношению к своим предшественникам» [7]. И наверняка авангардность символизма беспокоила самих авангардистов, так как важно быть первым, быть впереди, что и отмечено в самом понятии «авангард». Именно в творчестве символистов мы можем наблюдать те тенденции, которые станут в дальнейшем определять особенности авангардистской поэтики: разрушение традиционных законов, поиски новой реальности, отказ от понятных, однозначно толкуемых образов и т. д. Как отмечает Р. Д. Клуге, символизм можно назвать «историческим авангардом», потому что символисты предприняли «коренной “коперниканский” перелом в истории искусства и литературы» [8]. Мнения исследователей во многом сходны: так, мы находим суждения о том, что первые символисты начали с неприятия сложившихся форм искусства и поиска нового стиля, который бы вернул поэзии свежесть, необычность. Да и не мог символизм не влиять на развитие авангарда: слишком мал был временной промежуток, отделявший возникновение, существование и исход этих направлений в истории культуры начала XX в. Поэтому часто ученые рассматривают интересующие нас явления в рамках не линейной хронологической последовательности, а сосуществования.

В-третьих, в культурной ситуации послеоктябрьского периода символизм по-прежнему занимает видное место, и нельзя не признать его существования, пусть и «латентного» (О. Клинг). Кроме того, являясь ведущим направлением в 1900-е гг., он оказывает огромное и бесспорное влияние на все новые течения и направления, возникшие в 10–20-е гг. XX в., что дает возможность определить состояние литературы и искусства обозначенного периода в целом как диффузное: «С точки зрения поэтики и подходов, определяемых ею, символистская и постсимволистская поэзия единый, хотя и противоречивый поток, вбирающий в себя эстетические устремления различных поэтических школ» [9]. «Диффузность» задается и определяется именно символизмом: «Выступая то в качестве “языка-основы”, то пафоса идеи пересоздания жизни, символизм будет так или иначе присутствовать в поэтической практике 10–20-х годов как “генная память” художественных завоеваний» [10]. Данное высказывание подводит к мысли о том, что некоторые авторы не только обращались к открытиям символизма с точки зрения художествен-

ных приемов, но и продолжали следовать философии символизма.

В-четвертых, отмечая «скрытое», «латентное» существование символизма после 1910-го г., отметим, что символизм перерастает сам себя и выходит за рамки собственно направления. Крупные поэты, художники, которых принято называть символистами, продолжая создавать художественные произведения, прорываются в область авангардной эстетики и оказываются «в состоянии подражать приемам сменившего их поколения и рассматривать новую художественную систему как ничем не отличающуюся от символизма» [11]. В это время символисты начинают обращаться к новым темам и приемам, не характерным для поэтики символизма в период его становления (в качестве примера можно привести разрушение причинно-следственных связей и пространственно-временных категорий). Важное место отводится пародийным текстам, направленным на вскрытие коренных проблем современной действительности. Отсюда, как отмечает А. Цуканов, в литературоведении используются понятия «модернистский авангард» и «классический авангард», которые необходимо отличать, так как они отнюдь не равнозначны друг другу [12].

В-пятых, любой художник, относящийся к поколению «пост», не мог избежать влияния символизма, входя в систему литературно-эстетических координат первой четверти XX в. и так или иначе пересекаясь на этой плоскости с символизмом. Исследователи считают, что художник не может не заболеть символизмом, избежать «самозаражения» символизмом, «вирус которого неизбывен. Неистребим. Он – в крови культуры, в ее нервной системе. В ее геноме. И от него защиты нет» [13]. И сейчас мы можем судить об этом не только по историческим фактам, но и по широкому кругу исследований, посвященных проблеме преемственности символизма в творчестве поэтов. Как констатирует С. Бройтман, «у символизма действительно есть некий органический принцип, хотя и не создающий канона, но отличающий это течение от классики и наследуемый самими крупными художниками постсимволистской эпохи, к каким бы литературным течениям они не принадлежали» [14].

Из вышеизложенных тезисов может показаться, что символизм и авангард находятся в одной плоскости и нет ничего удивительного, что символизм прорастает в авангард. Начнем с того, что очень существенно для понимания поставленной проблемы: символизм и авангард все-таки находятся на двух разных полюсах, это системы, строящиеся на разных основаниях, на разных принципах и законах. Несмотря на утверж-

даемую полярность, все-таки есть тот фундамент, который позволяет найти некоторую общность в поэтике художественных систем. Прежде всего, это неоромантическое мироощущение, характерное для культуры первой трети XX в. Именно неоромантическая концепция лежит в основе индивидуально-художественных систем как у представителей символизма, так и поэтического авангарда [15]. Только в позднем авангарде мы можем наблюдать ломку неоромантической парадигмы.

Символизм является ведущим направлением в искусстве модернизма, авангардное же искусство, по мнению исследователей, сосуществует с модернизмом, представлено другими направлениями: «по поводу термина “авангард” можно заметить следующее: авангард вызревает в футуризме как принципиально новое эстетическое явление» [16]. Следовательно, в аспекте поставленной проблематики необходимо определиться с рабочей концепцией и попытаться найти точки пересечения и разрыва между символизмом и авангардом.

И модернизм, и авангард, являясь новаторскими, экспериментальными системами по отношению к классическому искусству XIX в., в то же время строят собственные модели мира в разных плоскостях. По замечанию В. Руднева, «главное различие между модернизмом и авангардом заключается в том, что хотя оба направления стремятся создать нечто принципиально новое, но модернизм рождает это новое исключительно в сфере художественной формы, в сфере художественного синтаксиса и семантики, не затрагивая сферу прагматики. Авангард затрагивает все три области, делая особенный упор на последней» [17]. Несмотря на это взаимосвязь модернизма с авангардом очевидна: авангардное искусство зарождается в модернистском культурном пространстве, пытаясь оттолкнуться от его установок и ценностей. Скорее, авангард противопоставлен не столько классическому искусству, сколько именно модернизму. Ввиду того что символизм явился основным направлением, выражающим устремления модернизма, в современной науке сложилась тенденция к сопоставлению именно символизма и авангарда. Символизм и авангард измеряются друг другом: считается, что точки соприкосновения и отталкивания прослеживаются именно при обращении авангарда к символизму.

На наш взгляд, наиболее последовательно и в то же время образно эти точки выявятся в том случае, если попытаться выстроить и сравнить художественные модели мира, представленные и реализованные в символизме и авангарде, тем более что в начале XX в. попытка создать свою модель мира характерна не только для направ-

лений, но и для отдельных художников. В моделировании художественной картины мира запечатлена попытка восстановить разорванные начала бытия, порожденные XX в. В теоретических дефинициях модели мира уточним вслед за В. Н. Топоровым, что «в самом общем виде ММ определяется как способ сокращенного и упрощенного отображения всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в системном и операционном аспекте. Мир понимается как результат переработки информации о среде и человеке, причем человеческие структуры и схемы часто экстраполируются на среду, которая описывается на языке антропоцентрических понятий. Первичная информация, воспринимаемая органами чувств, подвергается семиотической перекодировке, переводится на уровень знака. ММ – не систематизация эмпирической информации, а единая, но при этом многокодовая знаковая система, классификационный каркас, который может заполняться разным содержанием» [18]. При воссоздании символистской и авангардистской моделей мира воспользуемся частично схемой бинарных оппозиций, которую предлагает исследователь.

В символизме одной из главных оппозиций является противопоставление мира реального и идеального, нездешнего. Символисты пытаются создать этот мир, организованный по законам Добра и Красоты, своим творчеством. При этом трансцендентный мир маркирован положительно, он гармоничен и противостоит хаосу реальности. Воспринимая действительность со знаком «минус», символисты не отрицают ее и принимают сосуществование двух миров, отсюда появляется специфически символистское представление «двоемирия» в модели мира.

Попытка представить модель бытия в авангарде приводит к следующим выводам. И в авангардной эстетике присутствует противопоставление, но его смысл существенно отличается от символистского восприятия: отрицательное не может существовать наряду с положительным, поэтому, стремясь к другой реальности, художник-авангардист разрушает отрицаемую им действительность, чтобы создать новый мир по новым законам: «...вместо того, чтобы строить некий мир (текст, культурему, мифологему, архисему или архилексему), авангард, наоборот, “разрушает” этот мир...» [19]. Авангард не приемлет сосуществования. В непримиримости реальности и новых миров заключено важное отличие символизма и авангарда. Но здесь коренится и общность: стремясь создать новое, символизм и авангардизм антимиметичны в своей основе.

Прикоснуться к иным мирам дано только избранным, истинным художникам, которые находятся в оппозиции по отношению к массе, к тол-

пе. Следовательно, в модели мира важное место отводится образу творца. Поэт-символист – это не просто сочинитель стихов, это теург, пророк, носитель божественной воли, пытающийся разрешить загадки мироздания, «это сверхчеловек, провидящий бездну, невидимую другим» [20]. Данное противопоставление важно и для авангарда, но, окрашенное авангардной эстетикой, оно приобретает гипертрофированный характер. Поэт противопоставляет себя не только человеческому роду, но и всему миру, становясь центром этого мира. Это бунтарь, демонстративно бросающий вызов всему сущему. Несмотря на существенные различия, следует отметить, что образ поэта-теурга, пытающегося решить глобальные проблемы бытия, характерен как для символизма, так и для авангарда, только каждый из них идет своим путем. По мнению Н. Дзуцевой, «футуризм как авангардный полюс постсимволизма довел идею жизнестроения... до предела» [21].

Одним из ключевых понятий, соответственно, становится понятие избранности. Поэт-символист сознательно акцентирует внимание на своей избранности, придает элитарный характер своим творениям. Это ярко проявляется и в культурном взаимодействии художников-символистов, которые стремились к уединенности, закрытости. Авангардисты же, не отрицая элитарности, придавали массовый характер своему искусству, что является иллюзией, заблуждением. Поэтому для авангарда важны публичность, эпатажность, фарс, игра: «Авангардист не может, подобно модернисту, запереться в кабинете и писать в стол; самый смысл его эстетической позиции – в активном и агрессивном воздействии на публику. Производить шок, скандал, эпатаж – без этого авангардное искусство невозможно» [22]. Исследователи, характеризуя особенности самовыражения символистов и авангардистов, очень точно определяют их как «символистский вздох и футуристский крик». На самом деле элитарность является признаком всего искусства начала XX в. Для поэтов того и иного направления характерно субъективное мировосприятие.

Культура начала XX в. в лице символизма и авангарда переоценивает не только представления о мире, но и о человеке, поэтому важное место в картине мира занимает представление о человеческой личности. Реализуясь в типе лирического героя, она получает свое художественное осмысление. Лирический герой символистов и авангардистов находится в конфликте с окружающей действительностью, но конфликт этот носит качественно различный характер. Созданный поэтом-символистом, он стремится уйти от действительности, пытается вырваться из ее ограниченности и замкнутости. Мир в своей повседневности предстает слишком пошлым и обы-

денным, иногда безумным, и в этом трагичность бытия, которая открывается лирическому герою. Человек заброшен в этот мир и оказывается один на один с безумием, творящимся вокруг. Одиночество, непонятость – характерные черты образа лирического героя, создаваемого символизмом. Попытка переделать этот мир реализуется только на уровне сознания, что рождает его раздвоенность, и уже не мир, а герой находится на грани безумия. Наличие другого, идеального мира позволяет отрешиться от всего земного и безобразного. Для лирического героя, созданного в поэзии авангарда, тоже характерно осознание несовершенства действительности, поэтому он стремится ее разрушить, переделать, пересоздать, причем на уровне космическом. И в этом стремлении он также тотально одинок. Человек в такой позиции становится центром мироздания, равным по своим возможностям Богу. Для лирического героя необходимо действие, а не созерцание: действовать здесь и сейчас – вот один из принципов отношения с миром. Отсюда разница в описании состояний лирического героя. Поэт-символист обращается к состоянию души в момент наивысшего напряжения: любовь, творческий порыв, вдохновение, религиозный экстаз, саморефлексия. Лирический герой авангардистов реализует свое неприятие действительности не столько через уход в себя, сколько через разрушение, ломку, тем самым бросая вызов окружающим. Неудовлетворенность выплескивается наружу через «негативное и разрушительное действие, через жест борьбы и агрессии, провоцирующие прямое столкновение с реальностью вне опосредующих культурных оболочек» [23].

Итак, переделать, создать новое, найти иную реальность – цель творчества, цель искусства в целом. Н. Бердяев так определил особенности искусства первой трети XX в.: «Теургия не культуру творит, а новое бытие, теургия – сверхкультурна. Теургия – искусство, творящее иной мир, иное бытие, иную жизнь, красоту как сущее» [24]. Основой теургии как творческого принципа стало понятие синтеза. Именно символисты проявили большой интерес к феномену синтеза. Но и авангарду впоследствии эта идея не оказалась чуждой. Если в символизме речь шла прежде всего о художественном синтезе, о синтезе искусств, основой которого является музыка, то в авангарде речь идет не только о художественном синтезе, но, кроме того, здесь важное место начинают занимать научные и социальные проекты. Соответственно, в авангарде синтез соседствует с анализом, опирается на научные концепции: это своеобразный аналитический синтез [25].

Важное место в характеристике картины мира занимают такие нравственные категории, как добро, красота, истина, любовь. Уже символизм

отличается иным взглядом на перечисленные константы бытия. Красота становится греховной, любовь – слишком чувственной, иногда даже доходит до грани, за которую страшно заглянуть. Добра и истины в земном мире нет, но их можно открыть в трансцендентном, незримом. Поэт-авангардист вообще отрицает вышеперечисленные категории. Лишаясь положительных начал, мир строится по законам произвола, хаоса, когда начинает доминировать эстетика безобразного. В мире действуют правила игры, царит абсурд и алогизм. Нельзя сказать, что алогичность и абсурдность – открытия авангарда. Это присутствует и в символизме, что в очередной раз подтверждает мысль о внутренней близости представленных художественных систем.

Первооснову гармонии мира символисты видят в чем-то зыбком, ирреальном, невещественном, бесформенном. Отсюда полутона, полузвук, бестелесность, невесомость. Уловить это ирреальное, бесплотное начало можно только при помощи символа, который способен прорываться к идеальному миру и благодаря этому становится знаком трансцендентного. Отсюда стремление к развеществленности, к недосказанности, намеку. Для авангарда размытость, неконкретность, воздушность становятся той сущностью, которую необходимо преодолеть, от которой необходимо избавиться. Мир должен стать вещественным, осязаемым. Основным средством избавления становится тоже символ, но понимаемый несколько по-другому. Символом становятся реалии земной жизни, на которые символист и не обратил бы внимания, это может быть вещь, разъятая на части. Части могут соединяться между собой в соответствии с принципом хаотичности. Вещи, определяющие сущности мира, становятся грубыми, жесткими, кричащими, назойливыми. Символ, скорее, указывает на необходимость разрушения. Используя символ, авангард изменяет его сущность: «В постсимволистскую эпоху предметная сторона символа укрепляется, поэтическая вещь оплотняется, рвущиеся на свободу смыслы смиряются со своим здешним, полускрытым, брезжущим существованием» [26]. Но, несмотря на изменение сущности символа, он «оставался в роли соединительного звена в избранных местах соединения этих миров. В течение долгого времени – до конца авангардного движения и после него» [27].

Таким образом, символизм и авангард сосуществуют, взаимодействуют, оттеняя собственные открытия и выводы их тем самым на новый уровень в поэтике взаимоотражений. В связи с этим для культуры первой трети XX в. актуальным становится принцип дополнительности Нильса Бора: «не вместо, а вместе, не отрицая предшествующее, но дополняя его незавершимую це-

лостность» [28]. И не случайно центр поэтических экспериментов перемещается в срединную зону, в зону перехода, границы, что подтверждается творчеством многих художников, относящихся как к символизму, так и к поколению «пост».

Примечания

1. Клинг, О. Эволюция и «латентное» существование символизма после Октября [Текст] / О. Клинг // Вопр. лит. 1999. № 4. С. 37–65; Клуге, Р. Д. Символизм и авангард в русской литературе – перелом или преемственность? [Текст] / Р. Д. Клуге // Литературный авангард. Особенности развития. М., 1993. С. 53–69; Сарабьянов, Д. В. Символизм в авангарде. Некоторые аспекты проблемы [Текст] / Д. В. Сарабьянов // Символизм в авангарде. М., 2003. С. 3–9; Тырышкина, Е. В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду [Текст] / Е. В. Тырышкина. Новосибирск, 2002; Дзуцева, Н. В. Время Заветов: Проблемы поэтики и эстетики постсимволизма [Текст] / Н. В. Дзуцева. Иваново, 1999; Иванюшина, И. Ю. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика [Текст] / И. Ю. Иванюшина. Саратов, 2003; Смирнов, И. Авангард и символизм (Элементы постсимволизма в символизме) [Текст] / И. Смирнов // Russian Literature. Amsterdam, 1988. XXIII–II. С. 147–168; Грякалова, Н. Ю. От символизма к авангарду. Опыт символизма и русской литературы 1910–1920-х годов. (Поэтика. Жизнетворчество. Историсофия) [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / Н. Ю. Грякалова. СПб., 1998; Казарина, Т. В. Три эпохи русского литературного авангарда [Текст] / Т. В. Казарина. Самара, 2004.
2. См., напр.: Мильков, Д. Русский литературный авангард: Поэтика жеста (Символизм – Футуризм – ОБЭРИУ) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Д. Мильков. СПб., 2000.
3. См., напр., гл. «Модернизм как новый тип художественного сознания. Модернизм и авангард» [Текст] // История русской литературы XX века. Первая половина: учебник для вузов: в 2 кн. Кн. 1. Ставрополь, 2004. С. 16–22.
4. Цит. по: Бройтман, С. Н. Русская лирика XIX – начала XX века в свете исторической поэтики (Субъектно-образная структура) [Текст] / С. Н. Бройтман. М., 1997. С. 257.
5. Ходасевич, В. Ф. О поэзии Бунина [Текст] / В. Ф. Ходасевич // Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1991. С. 550.
6. Бердяев, Н. А. Кризис искусства [Текст] / Н. А. Бердяев. М., 1990. С. 12.
7. Бирюков, С. Поэзия русского авангарда [Текст] / С. Бирюков. М., 2001. С. 9.
8. Клуге, Р. Д. Указ. соч. С. 58.
9. Клинг, О. Серебряный век – через сто лет («Диффузное состояние» в русской литературе начала XX века) [Текст] / О. Клинг // Вопр. лит. 2000. № 6. С. 83.
10. Дзуцева, Н. В. Указ. соч. С. 15.
11. Смирнов, И. Указ. соч. С. 164.
12. См. об этом: Цуканов, А. Авангард есть авангард [Текст] / А. Цуканов // НЛО. 1999. № 5. С. 286–292.
13. Рабинович, В. А. Семь степеней защиты русского футуризма от русского символизма [Текст] /

В. А. Рабинович // Символизм в авангарде. М., 2003. С. 89.

14. Бройтман, С. Н. Указ. соч. С. 257.

15. См. об этом, напр.: Минц, З. Г. Футуризм и «неоромантизм»: К проблеме генезиса и структуры «Истории бедного рыцаря» Ел. Гуро [Текст] / З. Г. Минц // Минц З. Г. Блок и русский символизм: избранные труды: в 3 кн. СПб., 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 317–326; Воскресенская, М. А. Символизм как мировидение Серебряного века: социокультурные факторы формирования общественного сознания российской культурной элиты рубежа XIX–XX веков [Текст] / М. А. Воскресенская. Томск, 2003; Карманова, Е. Ю. Неоромантизм в культуре Серебряного века [Текст]: учеб. пособие / Е. Ю. Карманова. Омск, 2005.

16. Тырышкина, Е. В. Эстетика русского литературного авангарда [Текст]: учеб. пособие по спецкурсу / Е. В. Тырышкина. Новосибирск, 2000. Примеч. на с. 3.

17. Руднев, В. П. Модернизм [Текст] / В. П. Руднев // Руднев В. П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М., 1997. С. 177.

18. Топоров, В. Н. Модель мира (мифопоэтическая) [Текст] / В. Н. Топоров // МНМ: Энциклопедия. М., 1980. Т. 2. С. 161.

19. Faryno, J. Паронимия – анаграмма – палиндром в поэтике авангарда [Текст] / J. Faryno // Wiener Slawistischer almanach. 1988. № 21. С. 37. В качестве примера можно также привести следующее высказывание: «Отличительная черта всякого человека Авангарда – начинать все сначала. При этом акцент делается не на разрушении всего предыдущего (оно выполняет, как правило, чисто инструментальную функцию, а если декларативно ставится как самоцель, то выдает в “деклараторе” ложного авангардиста), а на созидании новых основ. Авангард поэтому всегда стихичен (elemental), не в смысле “стихийного бедствия”, а в том смысле, что заново образует стихии (elements), азы, элементы». Фещенко, В. Внут-

ренний опыт революции в русской поэтике [Текст] / В. Фещенко // Семиотика и Авангард: антология. М., 2006. С. 336.

20. Гаспаров, М. А. Поэтика «Серебряного века» [Текст] / М. А. Гаспаров // Русская поэзия «Серебряного века», 1890–1917: антология. М., 1993. С. 10.

21. Дзуцева, Н. В. Указ. соч. С. 21. Созвучно данному высказыванию мнение В. Альфонсова: «Как ни воевали футуристы с символизмом, их идея жизнестроения средствами искусства продолжает, переиначивая, концепцию жизнотворчества, разработанную символистами». Альфонсов, В. Н. Русская поэзия первой половины XX века: Творческое миропонимание и поэтические системы (Маяковский и Пастернак; Блок, Хлебников, Заболоцкий) АДД [Текст] / В. Н. Альфонсов. СПб., 1996. С. 6.

22. Руднев, В. П. Авангардное искусство [Текст] / В. П. Руднев // Руднев В. П. Словарь культуры... С. 12.

23. Бобринская, Е. Ранний русский авангард в контексте философской и художественной культуры рубежа веков [Текст] / Е. Бобринская. М., 1999. С. 91.

24. Бердяев, Н. А. Смысл творчества [Текст] / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994. Т. 1. С. 309.

25. См. об этом: Адашкина, Н. Пути авангардного синтеза [Текст] / Н. Адашкина // Авангард 1910–1920-х годов. Взаимодействие искусств. М., 1998. С. 6–15.

26. Степанян, Е. В. Символ в несимволистской русской поэзии XX века: Пастернак, Заболоцкий, Бродский [Текст] / Е. В. Степанян // Русский символизм и мировая культура: сборник научных трудов / под ред. Л. А. Сугай. М., 2004. С. 151.

27. Сарабьянов, Д. В. Указ. соч. С. 6

28. Тяпков, С. Н. Проблема комического в русской литературе «Серебряного века» и «принцип дополнителности» Нильса Бора [Текст] / С. Н. Тяпков // Проблемы эволюции русской литературы XX века: м-лы межвуз. науч. конф. Вып. 2. М., 1995. С. 233.

НОВЫЕ КНИГИ



Культура и образование: реальность и перспективы [Текст]: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (23 марта 2007 г.). – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – 118 с.

В сборник вошли материалы межрегиональной научно-практической конференции «Культура и образование: реальность и перспективы», приуроченной к 15-летию основания факультета культурологии Вятского государственного гуманитарного университета и созданию на его базе Лаборатории инновационных исследований в прикладной культурологии. В работе конференции приняли участие ученые из Москвы и Кирова. Обсуждаемая проблематика вызвала в научном сообществе живую дискуссию по актуальным проблемам культурологической науки и образования, диалога теории и практики.

Сборник предназначен всем, кого волнует судьба культуры и науки о ней, кто интересуется инновационными подходами в культурологическом образовании.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вл. А. Луков

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ: НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ*

В статье излагается концепция мировой литературы в контексте культуры на основе новых научных подходов. Подробно характеризуется историко-теоретический подход, сформировавшийся на базе концепции теоретической истории литературы, выдвинутой в 1970-х гг. Д. С. Лихачевым и развивающийся с 1980-х гг., а также дополнительный к историко-теоретическому подходу тезаурусный подход, развивающийся с 1990-х гг.

Общая концепция литературы как художественной деятельности насчитывает тысячелетия и фундаментально разработана, давно ведется и рассмотрение литературы в контексте культуры [1]. Но современная ситуация в науке заставляет снова возвращаться к этой проблеме в свете развития новых исследовательских методов.

Прежде всего, изложим суммарно обновленную концепцию литературы в контексте культуры. Если культура понимается как термин для характеристики мира, созданного людьми с целью ориентации в природе, и отношения к природе и людям (в том числе и искусственным) явлениям с точки зрения законов этого мира, то литература оказывается особым элементом культуры.

В рамках культуры большее значение имеет художественная деятельность как более древняя и, следовательно, более фундаментальная ее составляющая. Литература, являясь частью художественной деятельности, содержит в себе наиболее существенные признаки искусства, сложившиеся при его рождении и сохраняющиеся во всех видах искусства: тезаурусность – обращение только к материалу, важному для человека (что определяет темы, проблемы, идеи, конфликты, образную систему); включение нового

художественного материала только сквозь призму уже сложившейся, освоенной прежде системы художественных ориентиров, ожиданий; это свойство воплощается в диалектике опоры и импровизации в фольклоре, традиции и новаторства, ожидаемого и неожиданного, интертекстуальности в искусстве; символичность, или открытость образа – передача в искусстве только части информации, которая дополняется в сознании воспринимающего (этим объясняется закономерность множественности интерпретаций и невозможность абсолютно адекватного понимания произведения искусства, что особенно заметно при его восприятии человеком другой эпохи, национальности, культурного слоя); суггестивность – способность искусства передавать информацию, минуя критику сознания, и одновременно невозможность восприятия искусства вне измененного состояния сознания; условность – признанное обществом замещение действительности системой художественных средств (иносказание, передача объема на плоскости, традиционность и др.); завершенность – существование искусства в виде отдельных, отграниченных в пространстве и времени от остального мира произведений (это и свойство восприятия искусства, поэтому даже незавершенные произведения и отдельные фрагменты, чтобы стать фактом искусства, должны отвечать данному признаку искусства – закону композиции; иммортальность (лат. *immortalis* – бессмертный, вечный) – стремление к длительному сохранению произведения искусства (основа импровизации в фольклоре, прочные материалы, краски, книгопечатание, ноты, традиция в мимолетных видах искусства, подобных искусству чаепития или икебана, и др.).

В отличие от других видов искусства литература выполняет особую функцию медиатора (посредника) благодаря словесной форме, то есть она может соединять художественную и системно-логическую формы освоения мира человеком. Это свойство она может придать некоторым синтетическим видам и жанрам искусства – театру, опере, песне и т. д.

Литература как вид искусства обладает и другими качествами, определяющими ее специфику, в которой, помимо словесно-письменной формы, в первую очередь обнаруживаются: эффект виртуальности – то есть способность создания в

ЛУКОВ Владимир Андреевич – доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель Центра теории и истории культуры Московского гуманитарного университета, академик МАН (IAS) и МАНПО
© Луков Вл. А., 2008

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 06-04-92703а/А)

сознании человека воображаемых миров, как бы реально существующих, не имеющих ничего общего со значками (буквами, иероглифами) на бумаге (папирусе, пергаменте) и, напротив, своей полноценностью (пространство, время, люди, вещи, существа, запахи, вкус, эмоции, законы существования) конкурирующих с действительностью и сном; эффект ментальности – то есть способность передавать умственной деятельности человека в ее обусловленности национальными, историческими, социальными стереотипами мышления, определяющей рефлексивные и устойчивые типы реагирования на действительность; эффект переводимости – то есть способность в основном сохранять свое содержание при переходе в устную форму, переводе с одного языка на другой, а также при инсценировании в театре, экранизации в кино и на телевидении, превращении в либретто для оперы, балета и даже при пересказе (следует учитывать, что неперево­димость или неполная переводимость поэтических текстов объясняется не их литературной природой, а связью с природой музыки); а также способность с помощью слов в большей или меньшей степени передавать содержание и форму других видов искусства.

Все другие виды искусства если и обладают этими чертами, то лишь отчасти, в виде элементов, без такой степени полноты проявления. Очевидно, это объясняется наличием в литературе специфических средств их реализации, к которым в первую очередь должны быть отнесены оперирование концептами на уровне слова; оперирование идеями на уровне высказывания; оперирование художественными средствами, обеспечивающими перенос и смещение информации: микрогенами (метафора, метонимия, эпитет, сравнение и т. д.) и макрогенами (герои и сюжеты) на уровне образной системы.

Эти средства как система присутствуют еще только в устном словесном народном творчестве (хотя функционирование строится на иных основаниях). По отношению к фольклору литература выработала такое специфическое средство, как авторство (авторская концепция мира, человека и искусства, авторская идея, авторский стиль, автор как персонаж и т. д.). Фольклор и литература разошлись и в создании разных систем жанров.

Всякое художественное мышление жанрово: жанр – наиболее общее средство реализации принципа условности в искусстве. Помимо жанрового мышления литературу с другими видами искусства роднят ритм (повтор, мотив), композиция, интертекстуальность (традиции и новаторство в тексте).

Социологи художественной культуры на обширном эмпирическом материале показали, что по силе воздействия на духовный мир человека

литература уступает только театру (в котором тоже присутствует в виде драматического текста).

Ученые нередко употребляют термины «всемирная литература», «всеобщая литература» и «мировая литература». Какой же из трех терминов следует выбрать?

В 1827 г. секретарь Гёте Эккерман записал высказывание великого немецкого писателя и мыслителя о том, что «рождается всемирная литература» (Weltliteratur). Гёте не говорил о том, что она уже существует, он отмечал только момент начала ее формирования. Это было глубокое провидение. Весь дальнейший литературный процесс шел в этом направлении, а с рубежа XIX–XX вв. можно говорить о явлении «всемирности» литературы.

Попробуем вникнуть в оттенки значений терминов. «Всемирная литература», если довериться Гёте, охватывает лишь два последних века. Этот термин и следует употреблять тогда, когда наступает время преодоления региональности и возникновения «всемирности», т. е. реального единства литературного процесса в странах Запада и Востока, Севера и Юга.

Термин «всеобщая литература» следует сохранить для тех случаев, когда подчеркивается, что, вне зависимости от времени и места возникновения литературных шедевров, они имеют некие инвариантные черты. Всеобщая литература включает в себя литературные памятники разных времен и народов, приобретшие статус всеобщего культурного достояния современности и соотнесенные со стройной теоретико-литературной системой категорий и принципов (типологический, системно-структурный подходы). В таком понимании литературы учитываются лишь «сильные позиции» в развитии литературного процесса. Это наиболее освоенная часть литературы как некоего целого. Изучена система родов и жанров литературы (эпос, лирика, драма; роман, новелла, поэма, сонет, трагедия, комедия и др.); система направлений, течений, методов, стилей (классицизм, барокко, сентиментализм, романтизм, реализм, натурализм, символизм, экспрессионизм, футуризм, сюрреализм и др.); системы образов, сюжетов, художественных средств и т. д. Огромно число работ о влиянии на литературу наиболее «сильных» персональных моделей (хотя общей теории еще нет). Среди самых плодотворных могут быть названы модель Гомера (пример подражания – «Энеида» Вергилия), модель Анакреонта (анакреонтика XVIII–XIX вв.), модель античных трагиков (трагедии французских классицистов), модель «Исповеди» Августина («Исповедь» Руссо), модель «Божественной комедии» Данте («Мертвые души» Гоголя), модель Петрарки (петраркизм), модель «Декамерона» Боккаччо («Гептамерон»

Маргариты Наваррской), модель Шекспира (европейский романтизм, «Борис Годунов» Пушкина), модель Лопе де Вега (комедии представителей его школы), модель Расина (поздний классицизм), модель Руссо (руссоизм, штюрмеры, романтики), модель Бальзака («Ругон-Маккары» Золя), модель Диккенса (Мередит), множество персональных моделей XX в. (Пруста, Джойса, Кафки, Камю, Хемингуэя, Брехта и т. д.).

Наконец, «мировая литература» – термин, который характеризует литературу всего мира, в том числе и тех эпох, когда не было еще слияния литератур разных народов и континентов в единый литературный процесс.

Начало нового тысячелетия настоятельно требует создания теоретической модели для описания насчитывающей многие столетия мировой литературы в контексте культуры. Массив эмпирических данных огромен. Это одна из причин кризиса в методологии литературоведения, охватившего не только отечественную, но и мировую науку о литературе и выразившегося в приоритете столь яркого, но, несомненно, кризисного и преходящего явления, как постмодернизм.

На сегодняшний день, как нам представляется, существуют два подхода, позволяющих при их разработке приблизиться к решению поставленной задачи.

К 80-м гг. XX в. сложилась определенная линия филологических исследований, которую мы обозначили термином «историко-теоретический подход».

Одним из провозвестников историко-теоретического подхода можно считать профессора Б. И. Пуришева (1903–1989) и его последователей – представителей Пуришевской научной школы. Этот крупный ученый и педагог в период своей деятельности (конец 20-х – конец 80-х гг.) не входил в число специалистов, разрабатывавших социологический, историко-функциональный, структурно-системный, типологический и другие методы литературоведческого исследования, становившиеся на определенном этапе модными. Его интересовала проблема мировой литературы в контексте культуры, и применительно к характеристике этого взаимодействия он одним из первых разработал ряд историко-теоретических понятий (барокко, рококо в литературе и др.), обратился к обширному пласту литературных явлений второго ряда (например, к малоизвестным немецким писателям XV–XVII вв.), к тем великим писателям, которые осуществляли в своем творчестве художественный синтез (прежде всего – к Гёте).

По этому же пути шли соратники и ученики Б. И. Пуришева – Ю. Б. Виппер, Н. П. Михальская, В. А. Пронин, Г. Н. Храповицкая, А. Л. Штейн и др., вне Москвы – М. И. Воропанова, З. И. Кирнозе, из нового поколения ли-

тературоведов можно назвать докторов наук В. Н. Ганина, М. И. Николу, В. П. Трыкова, Е. Н. Черноземову, ученых, работающих вне Москвы, – И. В. Вершинина, Н. Е. Ерофееву, О. Ю. Полякова, М. В. Кожевникова и др.

Однако Б. И. Пуришев не стремился сформулировать свои идеи как систему принципов, составляющих в совокупности новый научный подход.

Одним из важных моментов освоения и формулирования историко-теоретического подхода стала концепция «теоретической истории», выдвинутая академиком Д. С. Лихачевым. Опираясь на воззрения академика Н. И. Конрада, связавшего выделение этапов развития мировой культуры с учением о смене исторических формаций, Д. С. Лихачев последовательно провел исторический принцип в исследовании литературы. «Теоретическая история», по Лихачеву, исследует «характер процесса, его движущие силы, причины возникновения тех или иных явлений, особенности историко-литературного движения данной страны сравнительно с движением других литератур» [2].

Историко-теоретический подход имеет два аспекта: с одной стороны, историко-литературное исследование приобретает ярко выраженное теоретическое звучание (этот аспект разработывал Д. С. Лихачев), с другой – в науке утверждается представление о необходимости внесения исторического момента в теорию. Так, профессор А. Ф. Лосев, признаваемый ныне «последним великим русским философом», выделил проблему исторической изменчивости содержания научных терминов.

Мы связываем дальнейшее развитие историко-теоретического подхода с комплексом идей, сформулированных академиком Ю. Б. Виппером и положенных в основу «Истории всемирной литературы», издание которой осуществляется ИМЛИ РАН с 1983 г.

В свете историко-теоретического подхода искусство рассматривается как отражение действительности исторически сложившимся сознанием в исторически сложившихся формах.

Странники этого подхода стремятся рассматривать не только вершинные художественные явления, «золотой фонд» литературы, но все литературные факты без изъятия. Они требуют отсутствия «предвзятости в отборе и оценке историко-литературного материала: будь то недооценка исторической значимости так называемых «малых» литератур, представление об «избранной» роли литератур отдельных регионов, влекущее за собой пренебрежение художественными достижениями других ареалов, проявление западнцентристских или, наоборот, восточнцентристских тенденций» [3].

Одно из следствий историко-теоретического подхода заключается в признании того факта, что на разных этапах и в различных исторических условиях одни и те же понятия могли менять свое содержание. Более того, применяя современную терминологию к таким явлениям, исследователь должен корректировать содержание используемых им терминов с учетом исторического момента.

Историко-теоретический подход дал убедительный ответ на вопросы, требовавшие разрешения, он позволил выявить значительный объем данных для создания образа развития культуры как волнообразной смены стабильных и переходных периодов.

Другой подход к исследованию мировой литературы в контексте культуры – тезаурусный. Термин «тезаурология» впервые употреблен нами в статье 1990 г., посвященной выработке концепции курса «мировая культура» [4], содержание тезаурусного подхода раскрыто в ряде последующих публикаций [5]. После того как тезаурусный подход был применен И. В. Вершининым, С. Н. Есиным, Н. В. Захаровым, В. П. Трыковым, А. Б. Тарасовым, Н. В. Соломатиной и др. в литературоведении, Вал. А. Луковым, А. И. Ковалевой и группой их последователей в социологии, Т. Ф. Кузнецовой, М. В. Луковым, А. А. Останиным в культурологии, в ряде работ по психологии и педагогике, можно говорить о формировании новой крупной научной школы в гуманитарном знании в целом. Ее центром стал Институт гуманитарных исследований Московского гуманитарного университета, а в международном масштабе – Международная академия наук (IAS, штаб-квартира в Инсбруке, Австрия) и Центр тезаурологических исследований Международной академии наук педагогического образования.

Тезаурусный подход позволил выявить различие между объектной культурологией и сферой, где он реализует себя как *субъектная культурология*. В наиболее общем виде культурологический смысл тезауруса может быть представлен как *структурированное представление и общий образ той части мировой культуры, которую может освоить субъект*. Культура не может быть осознана и вовлечена в человеческую деятельность в полном объеме, идет ли речь об индивидууме или об обществе (можно говорить о поле ассоциаций, семантическом поле, понятийном ядре и т. д.). Тезаурус субъективно отражает ту часть мировой культуры, которую может освоить социальный субъект.

Следует обратить особое внимание на то, что тезаурус (как характеристика субъекта) строится не от общего к частному, а от своего к чужому. Свое выступает заместителем общего. Реаль-

ное общее встраивается в свое, занимая в структуре тезауруса место частного. Все новое для того, чтобы занять определенное место в тезаурусе, должно быть в той или иной мере освоено (буквально: сделано своим).

Как можно заметить, тезаурусный подход по крайней мере по одному параметру прямо противоположен историко-теоретическому подходу в литературоведении. Если последний требует рассматривать все литературные явления без изъятия в максимально широком культурном контексте, то первый, напротив, ищет сложившиеся у субъекта устойчивые культурные ориентиры, которые организуют структуру тезауруса.

Историко-теоретический подход в некоторых следствиях пересекался с постмодернистской моделью научного знания, в которой исчезла граница между центром и периферией культуры.

Тезаурусный подход, имея при своем оформлении определенное отношение к феноменологии Э. Гуссерля и лингвистической философии Л. Витгенштейна, к психоанализу З. Фрейда и аналитической психологии К. Г. Юнга (а эти источники не чужды постмодернизму), тем не менее большое внимание обращает на выделение центра тезауруса, определение его более детализированной структуры, предполагающей наличие разных по степени значимости слоев, и т. д.

Мы исходим из признания значимости различных литературоведческих методов и подходов к изучению литературного процесса: сравнительно-исторического, историко-функционального, типологического, системно-структурного, семиотического, герменевтического и др. При этом под подходом мы понимаем используемую для решения научных задач совокупность различных научных методов при доминировании одного из них. Методологи науки наряду с принципами причинности, соответствия, наблюдаемости, непрерывности развития, красоты научной теории выделяют и принцип дополнительности (сформулированный в 1927 г. Нильсом Бором), «согласно которому некоторые понятия несовместимы и должны восприниматься как дополняющие друг друга» [6], по определению акад. А. Б. Мигдала. Методологический принцип дополнительности применим и к вопросу о подходах в литературоведческом исследовании. Всякий подход выделяет, подчеркивает те или иные стороны изучаемого объекта, те или иные принципы метода. Подход образует «точку зрения», аспект, установку для научной систематизации. Богатство и плодотворность научного метода раскрывается в совокупности литературоведческих подходов, которые определяют сферу и характер применения метода.

Такой вывод представляется весьма плодотворным, если мы понимаем, в соответствии со

спецификой гуманитарного знания, точность в литературоведении (искусствоведении) не как жесткость определений, а как полноту описания эстетических феноменов.

Следует учитывать, что оба рассматриваемых подхода – историко-теоретический и тезаурусный – выходят за рамки методологии конкретной научной дисциплины. Думается, что только рассмотрение мировой литературы в контексте всей культуры и сквозь призму методов самых различных наук перспективно для построения убедительной теоретической модели, которая позволит дать новые ориентиры для литературоведческого исследования.

В качестве примера приведем положение из работы проф. Н. В. Черемисиной «Законы и правила русской интонации» [7], одного из лучших лингвистических трудов последних десятилетий. В этом исследовании, казалось бы, далеко от рассматриваемой проблематики, автор утверждает, что если в разговорной речи и в художественном произведении существует упорядоченный ритм, то «газетно-публицистический и научный стили речи, как правило, характеризуются существенным возрастанием частотности неправильных фигур», «В научной прозе (...) ритмическая организация служит лишь факультативным, необязательным, вспомогательным фактором синтагматического членения...» [8].

Это, несомненно, фундаментальное открытие большого масштаба. Следовательно, «язык культуры» (разговорная речь, искусство) принципиально отличается от «языка цивилизации» (наука, публицистика) по такому основополагающему показателю, как организация интонации. Ведь следует иметь в виду, что интонация возникла раньше, чем сам человек, не случайно мы хорошо понимаем интонации кошек, собак и других животных, а они понимают интонации человеческого голоса. Художественная культура, к которой относится литература, древнее науки. Очевидно, в интонации, присущей разговорной (имеющей древние корни) речи, есть некая информация, мешающая науке, лишняя для нее. Какая? Ответ на этот вопрос позволит узнать нечто такое о специфике информации, содержащейся в художественной культуре, что может совершенно изменить представление о художественной литературе и ее роли в общем здании культуры человечества.

Наблюдение над развитием различных литературных тенденций в контексте культуры позволяет установить некие закономерности, которые можно свести в литературах европейского суперрегиона к «трехвековым аркам», объединяющимся в «девятивековые арки».

Греческая архаика (VIII–VI вв. до н. э.) может быть отнесена к периоду литературы Древнего Востока.

Далее следует «девятивековая арка» античной литературы: «трехвековые арки» греческой классики (V–III вв.), римской классики (II в. до н. э. – I в. н. э.), поздней античности (II–IV вв.).

«Девятивековая арка» средних веков: «трехвековые арки» средневековой архаики (V–VII вв.), раннего средневековья (VIII–X вв.), высокого средневековья (XI–XIII вв.).

«Девятивековая арка» Нового времени: «трехвековые арки» Возрождения (XIV–XVI вв.), Нового времени (XVII–XIX вв.), Новейшего времени (XX–XXII вв.).

Промежуткам между арками соответствуют важнейшие переходные периоды. Историко-теоретический анализ позволил представить эволюцию литературного процесса не как линейное развитие, а как диалектическую смену стабильных и переходных периодов.

Для периодов стабилизации («эпох») характерна устремленность к системе и систематизации, поляризация литературных тенденций, известная замкнутость границ в сформировавшихся системах, выдвижение какой-либо центральной тенденции и – нередко – альтернативной ей тенденции на центральные позиции (классицизм и барокко в XVII в., романтизм и реализм в XIX в.), что нередко отмечено в названии периода (например, эпоха Возрождения, эпоха Просвещения).

Напротив, для переходных периодов свойственны необычайная пестрота литературных явлений, быстрые изменения «географии культуры», многообразие направлений развития без видимого предпочтения какого-либо одного из них, известная открытость границ художественных систем, экспериментирование, приводящее к рождению новых литературных явлений, возникновение пред- и постсистем (предромантизм, неоклассицизм и т. д.), отличающихся от основных систем высокой степенью неопределенности и фрагментарности. Переходность – главное отличительное качество таких периодов, причем лишь последующее развитие литературы позволяет ответить на вопрос, в каком направлении произошел переход, внутри же периода он ощущается как некая неясность, повышенная изменчивость, заметная аморфность большого числа явлений.

Каждый тип литературы (стабильный или переходный) порождает и свой тип писателя и его мировосприятия, а также утверждает свой специфический образ человека в сознании людей.

Стабильные и переходные периоды чередуются. В последние столетия переходные периоды в основном совпадают с рубежами веков.

Эта характеристика справедлива и для развития культуры в целом.

Хотя история литературы весьма обстоятельно исследована и сведена в обширные научные обзоры [9], в этом направлении можно ожидать появления некоего нового качества [10]. Исследование мировой литературы в контексте культуры приводит к формированию самостоятельной области теории литературы: от поэтики и исторической поэтики все более отделяется теория истории литературы со своей историографией, научными методами, конкретными приемами исследования, впечатляющими достижениями и со своими перспективами развития, весьма оптимистичными.

Примечания

1. Назовем хотя бы некоторые вехи в этой области гуманитарного знания: *Аристотель*. Поэтика // Аристотель и античная литература [Текст] / Аристотель. М., 1978; *Буало*, Н. Поэтическое искусство [Текст] / Н. Буало. М., 1957; *Лессинг*, Г. Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии [Текст] / Г. Э. Лессинг. М., 1957; *Кант*, И. Критика способности суждения [Текст] / И. Кант. М., 1994; *Гегель*, Г. В. Ф. Эстетика [Текст] : в 4 т. / Г. В. Ф. Гегель. М., 1968–1973; *Шеллинг*, Ф. В. Философия искусства [Текст] / Ф. В. Шеллинг. М., 1996; *Тэн*, И. Философия искусства [Текст] / И. Тэн. М., 1996; *Белинский*, В. Г. Общее значение слова литература [Текст] / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5. М., 1954; *Веселовский*, А. Н. Историческая поэтика [Текст] / А. Н. Веселовский. Л., 1940; *Потебня*, А. А. Теоретическая поэтика [Текст] / А. А. Потебня. М., 1990; *Бахтин*, М. М. Тетралогия [Текст] / М. М. Бахтин. М., 1998; *Его же*. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. М., 1979; *Его же*. Литературно-критические статьи [Текст] / М. М. Бахтин. М., 1986; *Томашевский*, Б. В. Поэтика [Текст] / Б. В. Томашевский. М., 1996; *Тынянов*, Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю. Н. Тынянов. М., 1979; Теория литературы [Текст] : [Т. 1–3]. М., 1962–1965; *Лотман*, Ю. М. Об искусстве [Текст] / Ю. М. Лотман. СПб., 1998; *Хализев*, В. Е. Теория литературы [Текст] / В. Е. Хализев. М., 2000; *Верли*, М. Общее литературоведение [Текст] / М. Верли. М., 1957; *Уэллек*, Р. Теория литературы [Текст] / Уэллек Р., Воррен О. М., 1978; *Kayser*, W. Das sprachliche Kunstwerk [Text] / W. Kayser. Bern, 1948; *Todorov*, T. Poétique de la prose [Text] / T. Todorov. P., 1971; *Modern literary theory* [Text]. L., 1987; *Deleuze*, G. Critique et clinique [Text]. P., 1993.

2. *Лихачев*, Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили [Текст] / Д. С. Лихачев. Л., 1973. С. 4.

3. *Вишпер*, Ю. Б. Вступительные замечания [Текст] / Ю. Б. Вишпер // История всемирной литературы: в 9 т. М., 1983. Т. 1. С. 5.

4. См.: *Луковы*, Вал. и Вал. Концепция курса «мировая культура. Статья первая: исходя из реальностей [Текст] / Вал. и Вал. Луковы // Педагогическое образование. Вып. 2. М., 1990. С. 24–31.

5. Наиболее подробно в монографии: *Луков*, Вал. А. Предромантизм [Текст] / Вал. А. Луков. М., 2006.

6. *Мигдал*, А. Б. Поиски истины [Текст] / А. Б. Мигдал. М., 1983. С. 39.

7. См.: *Черемисина-Ениколопова*, Н. В. Законы и правила русской интонации [Текст] : уч. пособие / Н. В. Черемисина-Ениколопова. М., 1999.

8. Там же. С. 55.

9. The literature of all nations and all ages [Text] : V. 1–10. Chicago etc., 1902; Handbuch der Literaturwissenschaft [Text] : Bd. 1–32. Wildpark, Potsdam, 1923–1932; Histoire générale des littératures [Text] : T. 1–3. P., 1961; Les grands écrivains du monde [Text] : T. 1–5. P., 1976–1978; История всемирной литературы [Текст] : в 9 т. М., 1983–(8 т., незаверш.) и мн. др.

10. Мы попробовали это обосновать в кн.: *Луков*, Вал. А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней [Текст] / Вал. А. Луков. М., 2003. (2-е изд. 2005).

Т. В. Петрусь

«ПОЛНЫЙ ЗВУК, ВЕРНЫЙ ТОН» (О ЗВУКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА В РОМАНЕ А. ГРИНА «БЕГУЩАЯ ПО ВОЛНАМ»)

В статье рассматривается одна из категорий, образующих языковую картину мира, а именно звуковая картина мира как отражение в языковом сознании акустических реалий. Анализ выполнен на материале романа А. Грина «Бегущая по волнам». Характеризуются структурный, семантический и функциональный аспекты данной проблемы.

Современная филология рассматривает художественный текст как целостное речевое произведение, которое представляет собой совокупность смыслов и в связи с этим обладает семантической структурой, т. е. является ментальным пространством, имеющим определенную специфику. В создании этого ментального пространства участвует «во-первых, само словесное литературное произведение, содержащее обусловленный интенцией автора набор языковых знаков – слов, предложений, сложных синтаксических целых (виртуальное пространство); во-вторых, интерпретация текста читателем в процессе восприятия (актуальное семантическое пространство)» [1]. При интерпретации авторского текста выявляются смыслы, формирующие его актуальное семантическое пространство. Текст романа А. Грина «Бегущая по волнам» [2] позволяет утверждать, что одним из инструментов, организующих семантическое пространство произведения, является «набор слов», обозначающих звучание. На протяжении всего романа автор достаточно часто акцентирует внимание читателя на звуковых образах и акустических ассоциациях, которые нередко несут важную художественную нагрузку.

ПЕТРУСЬ Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русского языка ВятГГУ

© Петрусь Т. В., 2008

Показательно, что в романе обнаруживается выражение «звуковая картина» – это практически современный термин, обозначающий одну из категорий, образующих сложное понятие «языковая картина мира», иначе говоря, звуковая лексика отражает одну из сторон многомерного мира. Попытаемся выяснить, как выглядит звуковая картина мира в восприятии главного героя произведения Гарвея, от лица которого ведется повествование.

Автор так организует текст, что напряженное движение сюжета заключается в своеобразные акустические рамки: сначала в сознании Гарвея слышится *особенный* женский голос (то ли судьбы, то ли мистической Фрези Грант), *сказавший с ударением*: «Бегающая по волнам». Слова, которые никто из сидящих за карточным столом, кроме Гарвея, не слышит, произносятся на двойном звуковом фоне, состоящем из внутренних слуховых ощущений героя (*Но более ничего не было слышно, кроме шума в ушах*) и совершенно обыденного *треска карт, по ребру которых провел пальцем доктор Филатр*. Эмоциональная напряжённость подчеркивается сравнительной конструкцией: *Это было как звонок ночью*. В эпилоге снова возникает женский голос, на сей раз голос реальной женщины, и затем Гарвей слышит слова, сказанные *без внешнего звука*: *И я услышал слова, сказанные без внешнего звука, но так отчётливо... .. – Добрый вечер! – услышали мы с моря. – Добрый вечер, друзья! Не скучно ли на тёмной дороге? Я тофюлюсь, я бегу...* В процитированном фрагменте отметим ещё одно почти терминологическое выражение – *внешний звук*; следовательно, звуковое пространство романа состоит не только из «внешних», но и из «внутренних» звуков. Внутренние звуки – это или звуки, ощущаемые сознанием, душой (их автор описывает как *обманчивое начало мелодии; полный звук, верный тон; истинный на сей раз оркестр*), или звуки, ощущаемые физиологически (*шум в ушах, поднимающийся от резких ударов сердца; стук своего сердца в груди, шея, висках*).

Внутренние звуки не только выполняют функцию фона, необходимого для изображения душевного состояния героя, но и выделяют, укрупняют в восприятии читателя то, что Грин называет «властью Несбывшегося»: *Эта власть несколько ослабела благодаря острой болезни, но я всё ещё слышал иногда, в душе, её стальное движение, не обещающее исчезнуть* (ср.: не слышал, а ощущал). В сознании Гарвея мотив Несбывшегося отражён в виде параллельной реальности, существующей в акустических представлениях, причём этот «параллелизм» является своего рода формой жизни: *Его (Несбывшегося. – Т. П.) стройность, его почти архитектурная острота выросли из от-*

тенков параллелизма. Я называю так двойную игру, которую мы ведем с явлениями обихода и чувств. ...Случалось неоднократно, что мои встречи, мои положения звучали как обманчивое начало мелодии. Несбывшееся действительно существует параллельно реальному городу (Лиссу): *Войдя в порт, я, кажется мне, различаю на горизонте, за мысом, берега стран, ждущих своего часа; гул, крики, песня, демонический вопль сирены – всё полно страсти и обещания. А над гаванью... сверкает Несбывшееся.*

Звучание внешнего мира, если провести музыкальную параллель, прекрасно аранжировано: в тексте имеется 47 лексем, обозначающих воспринимаемые на слух конкретные звуки. Интересно, что наиболее частотными являются лексемы, передающие высокую интенсивность звучания, это лексемы *крик* – 9 употреблений, *шум* – 8, *гул* – 6. Как вообще свойственно стилю Грина, в группе звуковой лексики имя преобладает над глаголом (см. об этом [3]). Состав глаголов невелик (11 лексем) и мало интересен с точки зрения семантики; это глаголы, выражающие качественную характеристику звука (*звякать, зазвенеть, скрипеть, шелестеть, стукнуть, отстукивать*), а также эмоционально-физическое состояние субъекта (*кричать, крикнуть/вскрикнуть, взвизгнуть, рыдать*). Зато обращает на себя внимание семантическое многообразие имён существительных: *визг, вопль, ворчание, гвалт, гром, грохот, гул, дребезжание, звонок, зык, пальба, плач, плеск, рыдание, смех, стон, стук, топот, треньканье, хохот* и др. Имеющее обобщённое лексическое значение *существительное звук*, как правило, требует конкретизации за счёт контекста – показатель того, что автору необходим конкретный звуковой образ: *Звуки города сливались в один монотонный неясный шум, подобный шуму отдалённо едущего экипажа. В тишине вечера я начал различать звук, неопределённый, как бормотание; звук с припевом, с гулом труб.* Вообще контекстуальное обогащение звуковой лексики семантическими и эмоциональными оттенками выглядит в романе практически обязательным: *Наверху раздался крик, но не крик драки, а крик делового замешательства, какие часто бывают на корабле. Действительно, в огромные окна гостиной проникали хоровые крики, музыка, весь праздничный гул собравшегося с новыми силами карнавала.* Многоголосие звуковой картины создаётся концентрацией слов со звуковой семантикой в пределах ограниченных контекстов: 1. *Стон ударов по железу набрасывался со всех концов зрелища; грохот паровых молотов, цикады маленьких молотков, пронзительный визг пил, обморочное дребезжание подвод... Среди рёва металлов, отстукивая и частя, выбрасывали гнилой паф сот-*

ни всяческих труб. 2. Вдруг на палубе раздались возгласы, крики, спор и шум. 3. Снова началась яростная пальба. С шлюпок звенели гитары; были слышны смех и крики.

В картину звучащего, шумящего, кричащего мира, как пятна тени на красочном живописном полотне, вписаны моменты тишины. Особую роль семантической группы «Тишина» (*тишина, тихий, тихо, утихнуть, молчание, молчаливо*) подтверждает статистика: лексемы с корневой морфемой *-тих-* употреблены 13 раз, т. е. они более частотны, нежели какая-либо лексема, обозначающая звучание. Однако основная сема слов этой группы – «отсутствие звука» – как правило, отходит на задний план и почти парадоксально уничтожается контекстом. Приведем примеры: 1. Дом стоял в нижнем конце улицы, близ гавани, за доком, – место корабельного хлама и тишины, нарушаемой, но не слишком назойливо, смягченным, по расстоянию, зыком портового дня. 2. Было пустынно и тихо. Звуки города сливались в один монотонный неясный шум, подобный шуму отдалённо едущего экипажа; вблизи меня – плеск воды и тихое поскрипывание каната единственно отмечали тишину. Для Гарвея, как и для автора, нет абсолютного беззвучия, достаточно сказать, что в трёх из семи случаев употребления лексемы «тишина» ей сопутствует определение «относительная»: относительная тишина этой части города; установилась относительная тишина; в столовой наступила относительная тишина.

К обширной группе слов с собственно звуковой семантикой примыкает лексика, которую можно назвать «музыкальной»: *музыка, мелодия, мотив, песня, напевать, напев, припев, хор, хоровой, оркестр, гитара, струна, барабан*. Сюда отнесём и такие единично употреблённые термины, как *диссонанс, резонанс, фиоритура, какофония*. Доминантная лексема этой группы *музыка* употреблена 7 раз. При попытке выявить закономерности использования музыкальной лексики выясняется, что первый раз слово из этой группы появляется в самом начале романа, в размышлениях о Несбывшемся: *...Случалось неоднократно, что мои встречи, мои положения звучали как обманчивое начало мелодии, которую так свойственно человеку желать выслушать прежде, чем он закроет глаза*. Когда, подчиняясь зову Несбывшегося, Гарвей оказывается на корабле «Бегущая по волнам», писатель заставляет героя слушать, как играет на скрипке капитан Гез – отрицательный персонаж, воплощение злодейства и порочности. Не ожидавший хорошей игры Гарвей сразу признаёт искусство Геза и погружается в глубокие размышления о том, что *есть вещи, сила которых в их содержании... Шёпот на ухо может иногда потрясти, как гром, а гром –*

*вызвать взрыв смеха. Этот страстный этюд и порывистая манера Геза вызвали всё напряжение, какое мы отдаём оркестру... Я услышал резкие и гордые стоны, жалобу и призыв; затем несколько ворчаний, улыбок, смолкающий напев о былом... Эта наполненная акустически ассоциациями реакция – тонкая эстетическая реакция человека, для которого музыка является одним из способов восприятия действительности. В сцене безобразной попойки на борту «Бегущей» Гарвей слышит *треньканье гитар*. Наше языковое сознание устойчиво связывает «треньканье» не с гитарой, а, скорее, с балалайкой, благодаря чему непривычная сочетаемость передает и субъективное отношение героя к слышимому, и «мастерство» исполнения.*

Обязательной деталью происходящих событий музыка становится в эпизодах карнавала, она постепенно заполняет собой пространство. Подплывая к Гель-Гью, Гарвей словно приближается к той реальности, атмосфера которой невозможна без музыки: *В тишине вечера я начал различать звук, неопределённый, как бормотание; звук с припевом, с гулом труб, и я вдруг понял, что это – музыка*. Затем музыка стала *явственно слышна, потом стала слышна, как в зале*. Внимание героя начинают привлекать музыкальные детали: *звенели гитары; песни и струны; напевающее пристукивание оркестров; разлетающийся, как шлейф, мотив*. Карнавальный музыкальный фон существует параллельно с растущим волнением Гарвея. Это волнение переходит в состояние, которое герой характеризует так: *На сердце у меня было круто и тяжело*. И в этот момент внутренней напряженности музыка почти исчезает, так как Гарвей ощущает потребность в других звуках: *Мне был нужен шум толпы*.

На наш взгляд, есть основания упомянуть ещё об одной функции звуковой лексики в романе. Если сопоставить друг с другом основные композиционные части произведения, то можно обнаружить определённую специфику в функционировании звуковой лексики в разных частях. Собственно говоря, слова со звуковой семантикой являются средством композиционного членения текста. Роман состоит из 35 глав и эпилога, но, опираясь на особенности использования звуковой лексики и выявляя таким образом языковую композицию, допустимо выделить пять частей, которым для удобства анализа дадим заголовки: 1. «В Лиссе», 2. «На борту «Бегущей по волнам», 3. «На борту судна «Нырок», 4. «В Гель-Гью», 5. Эпилог.

Звуковая картина 1-й части складывается из звуков портового города (*зык портового города, гвалт, крики, шум, плеск воды, поскрипывание каната*), тишины (*относительная тишина, тишина мчалась, повелительная тишина*) и так

называемых внутренних звуков (*полный звук, верный тон; особенный женский голос*).

2-я часть отличается обилием физических, «земных» звуков (34 лексемы): *звякать, скрипеть, грохот паровых молотов, визг пил, стук брошенного ящика, треск якорной цепи* и др. Находясь в своей каюте, Гарвей прислушивается к тому, что происходит на корабле, и перед ним предстаёт звуковая картина, в которой соединены шум ссоры, женский горький плач, хоровая песня, возня, визг, позорный звук пощёчины, громкие рыдания, вопль. Но как только пьяный Гез вынуждает Гарвея покинуть корабль и тот оказывается в открытом море, наступает беззвучие: *...я вошёл в шлюпку, повисшую над водой. ...Наконец шлюпка двинулась и встряхнулась на поддавшей ровной волне. Стало качать. Матрос отцепил тали и исчез, карабкаясь по ним вверх. Всё было кончено. Волны уже отнесли шлюпку от корабля так, что я видел, как бы через мостовую, ряд круглых освещенных окон низкого дома*. Эпизод с внезапно появившейся в шлюпке Фрези Грант тоже лишен звуков, герой слышит лишь стук своего сердца – таким образом акцентируется принадлежность Фрези к сфере Невсбывшегося, а не к обыденной действительности.

В 3-й части рассказывается о пребывании Гарвея на подобранным ему судне «Нырок», среди простых моряков. Звуковая картина здесь практически отсутствует, если не считать замечания о стуке винтового вала прошедшего мимо большого парохода. По контрасту с этим в самом начале 4-й части герой начинает различать звук, и скоро погружается в звуковой мир карнавального Гель Гью, состоящий, кроме музыки, о чем говорилось выше, из гула толпы, пальбы, нежных голосов и хриплых возгласов, застольной болтовни. В этой части звуки воспринимаются Гарвеем как элементы внутреннего состояния, настроения (*при моём настроении, полном не меньшего гула, чем какой был вокруг*) – так возникает тождество «звуки – настроение»: *Блеск глаз, лукавая таинственность полумасок, отряды матросов, прокладывающих дорогу взмахами бутылок, лобя кого-то в толпе с хохотом и визгом. ...нежные голоса и хриплые возгласы, песни и струны; звук поцелуя и хоры криков вдали – таково было настроение Гель-Гью этого вечера*.

В звуковой картине эпилога соединены внешние и внутренние звуки, изумительно звенит голос Деши, юной жены Гарвея, и в ответ с моря слышатся слова Фрези Грант, сказанные без внешнего звука.

Итак, характер звуковой картины мира, отражённой в романе, обусловлен участием лексики со звуковой семантикой в создании смыслового пространства и в структурной организации текста.

Примечания

1. Бабенко, А. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика [Текст] / А. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. М., 2003. С. 51–52.
2. Грин, А. С. Бегущая по волнам [Текст] / А. С. Грин // Грин А. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. М., 1965. С. 3–182.
3. Петрусь, Т. В. Неповторимое слово Александра Грина: Филологические этюды [Текст] / Т. В. Петрусь. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. 51 с.

Д. Н. Черниговский

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ А. С. ПУШКИНА В ИЗУЧЕНИИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ в 1920-е гг.

В работе рассмотрены статьи и монографии пушкинистов первой волны русской эмиграции, посвященные изучению общественно-политических взглядов великого поэта. Данные исследования анализируются в контексте общего развития науки о Пушкине в 1920-е гг. в СССР и странах русского рассеяния. Большая часть источников под данным углом зрения исследуется впервые.

Вопрос о политическом мировоззрении Пушкина оказался тесным образом связанным с проблемой построения биографии великого поэта. И дело здесь не только в том, что анализ общественно-политических взглядов является одним из важных аспектов характеристики человеческой и творческой индивидуальности Пушкина, но и в том, что эволюция этих взглядов поэта уже в XIX в., а особенно в послереволюционный период, начала рассматриваться в качестве своеобразной канвы его жизнеописания. Конечно, такой подход не применялся к изучению жизни всех вообще писателей: именно статус Пушкина как великого национального поэта заставлял и в дореволюционной России, и в СССР, и в эмиграции использовать его имя как своеобразное знамя, под сенью которого можно было объединить серьезные политические силы. Данное обстоятельство и придавало особую важность вопросу о политическом мировоззрении поэта.

Таким образом, в русском зарубежье проблема создания пушкинской политической биографии стояла чрезвычайно остро. Не удивительно поэтому, что уже в 1923 г. вышла монография В. А. Мякотина «Пушкин и декабристы» [1]. Автор ее, видный историк, оказался в эмиграции в 1922 г. Еще до революции он отмежевался от движения эсеров и основал новую политическую организацию – народно-социалистическую партию. Обосновавшись в Чехословакии, Мяко-

ЧЕРНИГОВСКИЙ Дмитрий Николаевич – кандидат филологических наук, доцент по кафедре русской литературы ВятГГУ
© Черниговский Д. Н., 2008

тин возглавил пражскую группу народных социалистов [2]. Таким образом, рассматриваемая книга была написана крайне политизированным исследователем. Однако политическая тенденциозность не была единственным недостатком этой публикации. Дело в том, что идеи Мякотина не отличались новизной, ибо его монография представляла собой перепечатку большой статьи «Из пушкинской эпохи» (1899) [3]. В этой статье Мякотин провозглашает Пушкина мыслителем и художником, далеким от подлинной революционности [4]. Аргументируя эту точку зрения в издании 1923 г., исследователь сочувственно ссылается на новейшую в то время советскую монографию П. Н. Сакулина «Пушкин и Радищев» (1920). В частности, он пишет: «Автор этой интересной работы решительно настаивает на серьезном изменении взглядов Пушкина в эту эпоху его жизни (1830-е гг. – Д. Ч.) – притом на изменении, происшедшем в силу не внешних, а внутренних причин» [5]. Несмотря на то что книга Мякотина явилась первой в русском зарубежье монографией о Пушкине, она не была замечена критикой и не учитывалась впоследствии в эмигрантской пушкинистике. И это притом, что Мякотин отстаивал в своем исследовании ту точку зрения, согласно которой Пушкин в последнее десятилетие своей жизни перешел на консервативные позиции. Данная точка зрения была близка многим эмигрантам, бежавшим на Запад от революции. В связи с этим объяснить неуспех книги Мякотина можно, по крайней мере, двумя причинами. Во-первых, его исследование уже давно было знакомо специалистам, а во-вторых, Мякотин, известный весьма левыми политическими взглядами, консерватизм зрелого Пушкина оценивал негативно.

В 1924 г. в Праге была опубликована статья Г. В. Вернадского «Пушкин-историк» [6], в которой автор сделал краткий, но емкий и интересный анализ политических взглядов зрелого Пушкина. До революции Вернадский преподавал в Петербургском университете, а в первые годы эмиграции стал профессором Русского юридического факультета в Праге. По своим политическим взглядам ученый в это время был близок к кадетской партии. Еще в 1920 г., будучи заведующим отделом печати в правительстве бар. П. Н. Врангеля, Вернадский сделал в Симферополе доклад на торжественном собрании Таврической Ученой архивной комиссии, посвященном 100-летию пребывания Пушкина в Крыму. Материалы этого доклада и легли в основу пражской публикации 1924 г. [7]

Статья Вернадского, как видно из ее заглавия, не являлась специальным очерком политического мировоззрения Пушкина. Вернадский задался целью изучить исторические взгляды

поэта и включить его в ряд лучших русских историков. Актуальность решения этой задачи, с точки зрения автора статьи, диктовалась тем обстоятельством, что Пушкину «не уделяют особого места в обзорах русской историографии», в то время как «его историографическое значение огромно» [6, с. 21]. Однако, анализируя исторические труды поэта, Вернадский, конечно, не мог обойти вниманием вопрос о пушкинском политическом мировоззрении, поэтому в рассматриваемой статье мы находим краткие, но очень интересные соображения на этот счет. Вернадский убежден, что Пушкин во все периоды эволюции его общественно-политических взглядов был монархистом и абсолютным противником политического радикализма. Так, ученый, кажется, первым в пушкиноведении предположил, что великий поэт в поэме «Медный всадник» изобразил декабрьское восстание. Однако, в отличие от советских исследователей, рассуждавших в 1920-е гг. аналогичным образом [8], Вернадский считал, что пушкинское отношение к восстанию было враждебным. В частности, Вернадский относил развернутое пушкинское сравнение наводнения с шайкой грабителей к декабристам [6, с. 32]. Что же касается пушкинского монархизма, то Вернадский считал, что он претерпел в течение жизни поэта некоторые существенные изменения. Пограничной вехой здесь, с точки зрения исследователя, был 1830 г. До этого времени Пушкин был сторонником мощной императорской власти, в которой «видел только благодетельную для России движущую силу» [6, с. 29]. Вернадский пишет в связи с этим следующее: «Пушкину представляется, что только императорская власть, подавляя рабовладельческие притязания знати, может вывести русский народ на настоящую историческую дорогу. Пушкин верил в то, что рабство в России падет “по манию царя”» [6, с. 29]. Симпатия поэта к мощной российской государственности зиждилась также, по мнению Вернадского, на том основании, что эта власть олицетворялась для него в образе воспетого им Петра Великого [6, с. 26–29]. Однако после 1830 г. Пушкин стал рассуждать несколько иначе. Вернадский так характеризует этот этап мировоззренческой эволюции поэта: «В последнее семилетие своей жизни Пушкин во многом изменил свои взгляды. Упадок аристократии в России не кажется ему уже благодетельным явлением. Сословная революция, продолжающаяся непрерывно со времени Петра Великого, наводит его на грустные мысли об устойчивости русского быта. Пушкин находит теперь, что наследственная аристократия – единственная сдержка против деспотизма императорской власти. Потомственные дворяне – естественные защитники народа, представители его перед царской влас-

тью <...> Идеалом Пушкину рисуется гордая, хотя и униженная жизнью, родовая, наследственная, близкая по духу для народа аристократия» [6, с. 29–30]. Очевидно, что Вернадский кратко излагает сформулированную еще П. В. Анненковым концепцию пушкинского теоретического аристократизма. Заметим, однако, что согласно Анненкову идеальным политическим инструментом для Пушкина эта аристократия явилась бы только будучи облеченной властью и обладающей материальной независимостью. Данный политический аристократизм поэта побудил его, как полагает Вернадский, пересмотреть свои взгляды «на роль императорской власти в России» [6, с. 31]. Пушкин «начинает отмечать внутренние противоречия и отдельные недостатки в петровской реформе» [6, с. 31]. И главным недостатком в ней поэт видел то, что «начиная с Петра идет непрерывная революция, в которой на поверхности общества унижаются старые аристократические традиции, а в подземной глубине кроется стихия “бессмысленного и беспощадного” русского бунта, где государство подавляет личность, а человек унижается перед властью» [6, с. 31]. Ответом на этот негативный процесс и стал бунт декабристов, который Пушкин осуждает, но вместе с тем видит и закономерность его возникновения.

Итак, согласно Вернадскому, зрелый Пушкин, оставаясь сторонником мощной императорской власти, находит возможность критиковать ее и искать пути ее улучшения. Этот процесс обретения Пушкиным политической мудрости ученый связывает со сформировавшимся у поэта в данный период историзмом. Историзм же, ставший «основной чертой пушкинского творчества, основной стихией его гения» [6, с. 21], позволил поэту достичь высочайшей меры объективности в изображении исторических сюжетов и персонажей, чуждых ему по идеологической природе. Эта мера объективности, например, отличает образ Пугачева в «Капитанской дочке» [6, с. 39].

Заслуживает внимания еще одна мысль Вернадского, получившая развитие уже в наши дни [9], о том, что зрелый Пушкин не только примирился со взглядами Карамзина, но и выработал поведенческую стратегию, ориентируясь на жизненный и творческий опыт покойного историографа [6, с. 42–49]. Вернадский полагал, что возникновение у Пушкина «огромного замысла» – «Истории Петра Великого...» не случайно, ибо это «как бы продолжение дела Карамзина» [6, с. 47]. Резюмируя сказанное, можно выразить сожаление о том, что рассмотренная работа Вернадского, вскоре уехавшего в США и не занимавшегося более изучением Пушкина, не вошла своевременно в научный оборот. Ведь именно проблема влияния Карамзина на Пушкина явилась одной из

самых слабо разработанных эмигрантами проблем политического мировоззрения поэта.

Следующий предмет нашего рассмотрения – это первая в русском зарубежье пушкинская биография, вышедшая в Лондоне в 1926 г. на английском языке [10]. Автором ее был кн. Д. П. Святополк-Мирский, в недавнем прошлом выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, затем белый офицер, а в этот период жизни преподаватель русской литературы в Лондонском университете [11]. В основу книги легла магистерская диссертация князя. Выпущенная отдельным изданием, эта работа была предназначена для англоязычных читателей, не имеющих сколько-нибудь серьезного представления не только о Пушкине, но и о России, с чем связан популярный стиль изложения и обилие пояснений, излишних для более или менее образованной русской аудитории. В 1934 г. краткий анализ этой книги дал Д. Д. Благой, который так определил ее жанр: «Это популярная биографическая сводка, не претендующая на какое бы то ни было самостоятельное исследовательское значение» [12]. В целом Благой оценил данную книгу высоко, заявив, что «в общем сделана она весьма добросовестно и с полным знанием вопроса» [13].

Более объективная оценка книги Мирского прозвучала в рецензии эмигранта Г. А. Лозинского, который ее автора награждал титулом «пионера русской культуры в Англии и Америке» [14]. Вместе с тем Лозинский указал на поверхностный и субъективный характер аналитических разборов пушкинских произведений в книге и на большое количество в ней фактических неточностей. Обилие ошибок в магистерской диссертации Мирского труднообъяснимо, поскольку, во-первых, он являлся в свое время участником пушкинского семинара под руководством С. А. Венгерова [15], а во-вторых, использовал в своей работе, судя по библиографическому списку и постраничным сноскам, не только лучшую дореволюционную пушкиноведческую литературу, но и новейшие исследования советских ученых (М. О. Гершензона, В. М. Жирмунского, Н. В. Измайлова, П. Е. Щеголева и др.) [10, р. 227–242]. Во всяком случае, книга Мирского производит впечатление изящного, но поверхностного критико-биографического очерка, а не обстоятельного жизнеописания. Что касается разработки в книге политической биографии Пушкина, то нужно признать, что этот аспект пушкиноведения интересовал автора мало. Не удивительно, что рецензент этой работы Д. Д. Благой отказал ей в какой бы то ни было концептуальности. Действительно, анализ изучения Мирским политической эволюции Пушкина показывает, что этот исследователь в качестве концеп-

туального источника опирался на советский биографический очерк 1924 г. [16]

Традиционно Мирский начинает рассказ о политических воззрениях поэта с лицейского периода и отмечает влияние А. П. Куницына на формирование раннего пушкинского либерализма [10, р. 14]. Следующий этап политического развития поэта – это два года самостоятельной петербургской жизни, когда на Пушкина влияли оппозиционно настроенные гвардейские офицеры и, прежде всего, Чаадаев и Каверин. Мирский заявляет, что благодаря этим политическим радикалам Пушкин приобщился к идеологии «революционного либерализма» [10, р. 26]. Придя к этому выводу, исследователь дал краткую характеристику декабристского движения. Заслуживает внимания мысль Мирского, согласно которой поколение русских дворян, участвовавших в Отечественной войне и декабристском движении, было «совершенно нерелигиозным» [10, р. 29]. Атеизм Мирский считает проявлением оппозиционности по отношению к правящим верхам. Пушкин, по его мнению, был также атеистом «и в этом отношении, как и в других, был совершенным представителем своего поколения» [10, р. 30].

Мирский останавливается также на вопросе об участии Пушкина в революционных декабристских организациях. Так, говоря о членстве поэта в «Зеленой лампе», исследователь, вслед за П. В. Анненковым и вопреки П. Е. Щеголеву, заявляет о том, что это было «мнимое тайное общество»: «Вино и женщины были главными занятиями общества, но они охотно сдабривались пикантным соусом либеральных разговоров» [10, р. 30]. Интерес Пушкина к революционным идеям, по мнению Мирского, не был фанатичным и позволял ему «не терять близости с его старшими литературными друзьями, с Карамзиным, Жуковским, Ал. Тургеневым и Вяземским» [10, р. 32].

Исследователь также касается вопроса об отношении Пушкина к «Истории государства Российского» Карамзина и отмечает, что «молодой радикальный поэт», признав заслуги историографа, вместе с тем «был недоволен консервативным и монархическим направлением» [10, р. 32] его труда. Впрочем, Мирский признает, что влияние «Истории...» Карамзина на Пушкина было сложным, и в полной мере сказалось лишь в 1830-е гг., когда сформировался пушкинский «имперский и просвещенный консерватизм» [10, р. 32]. Эта формулировка поразительно схожа с данным кн. П. А. Вяземским определением политического мировоззрения Пушкина: «либеральный консерватизм» [17]. В 1930-е гг. это определение будет очень популярным в эмигрантской среде: им воспользуются в своих работах

И. А. Ильин, П. Н. Милюков, А. В. Тырковой-Вильямс, Г. П. Федотов, С. Л. Франк.

Далее Мирский характеризует южный период жизни поэта. Анализируя политические взгляды Пушкина в эти годы, исследователь рассказывает о вступлении его в масонскую ложу «Овидий», которую биограф вполне традиционно квалифицирует как «в значительной степени политическое и революционное общество» [10, р. 51]. Однако о связи Пушкина с декабристами Мирский пишет весьма скупое, подчеркивая тот факт, что поэт «был тесно связан с заговорщиками и... несомненно полностью симпатизировал им» [10, р. 51]. При этом автор книги считает нужным объяснить, почему Пушкин, несмотря на его страстное желание, так и не стал членом тайного общества. Исследователь в истолковании этого факта пушкинской биографии опирается на мнение И. Д. Якушкина [10, р. 51] и говорит о двух причинах непринятия Пушкина в ряды заговорщиков. С одной стороны, декабристы не доверяли Пушкину, считая его недостаточно серьезным человеком, с другой же стороны, не хотели подвергать опасности жизнь великого поэта [10, р. 51]. Заметим, что Мирский дальнейшим ходом своего повествования дает понять читателю, что ему самому ближе первое объяснение. Например, по его мнению, содержанием жизни Пушкина в Кишиневе были «женщины, карты, дуэли» [10, р. 51–52]. Так Мирский, двигаясь в русле своей концепции, показывает, как ему казалось, поверхностный характер пушкинской революционности. В момент высылки поэта из Одессы его политические взгляды, согласно Мирскому, были лишены определенности и далеки от декабристской идеологии. Завершая рассказ о жизни Пушкина на Юге, Мирский пишет о связи его с гр. Воронцовой, о вражде с ее мужем, указывает на большое значение южной ссылки в творческом развитии поэта, но ничего не говорит о его политических взглядах. Данное умолчание, по-видимому, не случайно, поскольку явная революционность поэта к лету 1824 г. сошла на нет, а глубокие процессы, происходившие в сознании и душе поэта в период идейного кризиса 1823–1824 гг., остались незамеченными Мирским. Это, кстати, лишний раз свидетельствует о компилятивном характере его книги, поскольку данный вопрос еще не был должным образом освещен в пушкинистике.

Говоря о жизни Пушкина в Михайловском, Мирский не касается вопроса о развитии его политического мышления, даже тогда, когда он анализирует такие важные и репрезентативные в данном отношении произведения, как «Андрей Шенье» и «Борис Годунов». Между тем для исследователя было очевидным, что политические взгляды Пушкина в период второй ссылки пре-

терпели определенные изменения. Об этих изменениях он ведет речь, когда описывает реакцию Пушкина на восстание декабристов, правда, ограничиваясь только констатацией фактов и избегая анализа и комментариев. Мирский убежден в том, что Пушкин сочувствовал декабристам как своим друзьям и товарищам, но не как политическим деятелям. Несколько забегая вперед, исследователь рассказывает читателю о знаменитом ответе Пушкина Николаю I на вопрос о том, что делал бы он, если бы оказался в столице в день восстания [10, р. 93]. Этот ответ используется Мирским в качестве аргумента, когда он доказывает существование связи Пушкина с декабристами. Однако Мирский уверен, что политические взгляды самого Пушкина в этот период были другими, и когда в ходе противостояния победило самодержавие, поэт без сожаления воспринял эту победу, для него абсолютно естественную и закономерную. По словам Мирского, Пушкин отказался от «благородной, но бесплодной и не идущей ему позы Катона» [10, р. 93], признал силу нового правительства и пожелал заключить с ним договор. В подтверждение этого мнения Мирский цитирует пушкинскую переписку с друзьями 1826 г. Заметим, что автор книги эту новую политическую платформу Пушкина, которую можно назвать конформистской, характеризует с пониманием, но без сочувствия, ибо ему ближе позиция декабристов.

Следующий эпизод пушкинской биографии, освещаемый в книге Мирского, – это встреча поэта с царем в Кремле. Исследователь подчеркнул значение этой встречи в жизни Пушкина, но вместе с тем рассказал о ней весьма кратко, мотивируя данный лаконизм недостаточностью документальных свидетельств [10, р. 102]. Вывод, к которому в итоге приходит Мирский, таков: очарованный лицедейством царя, поэт принял «искреннее решение исправиться и стать верноподанным» [10, р. 102].

Уже повествуя о послелицейской жизни Пушкина в Петербурге, Мирский определил характер политического мировоззрения зрелого поэта как «имперский и просвещенный консерватизм» [10, р. 102]. Далее Мирский исходит из непреложности этого определения и анализом пушкинских общественно-политических взглядов 1830-х гг. не занимается. Только в нескольких случаях о политической платформе Пушкина биограф считает нужным рассказать читателю. Прежде всего, это создание Пушкиным, автором верноподданнических «Стансов», послания «В Сибирь», которое «доказывает, что Пушкин не совсем еще забыл ошибки своей молодости и что ему все еще была свойственна революционность» [10, р. 105]. Здесь Мирский впервые достаточно четко и внятно говорит о противоречивости пушкинских обществен-

но-политических взглядов в последнее десятилетие его жизни. В дальнейшем он будет продолжать акцентировать эту противоречивость. Так, рассказывая о поездке Пушкина в Эрзерум, Мирский, с одной стороны, квалифицирует визит поэта к опальному генералу Ермолову как «проявление оппозиционности» [10, р. 112], а с другой стороны, определяет пушкинские настроения как империалистические [10, р. 112]. Последний случай, когда Мирский касается политических взглядов Пушкина, – это упоминание о польском восстании и реакции поэта на него. Биограф весьма скупое повествует об этом важнейшем историческом событии, так оценивая пушкинское отношение к нему: «Эти события усилили пушкинский национализм и империализм и усилили его преданность царю» [10, р. 193].

Перейдя в конце 1920-х гг. на позиции марксизма [18], Мирский с данной точки зрения уточнит и конкретизирует ряд положений, высказанных в его английской биографии Пушкина. В результате появится на свет скандально знаменитая статья «Проблема Пушкина» (1934) [19], в которой будет развиваться все та же мысль критика о том, что Пушкин, став сторонником николаевского режима, все же тяготился изменой прежним вольнолюбивым убеждениям. Однако нужно заметить, что исследователь, ставший видным социологом, будет развивать эти мысли в крайне вульгарной форме. Книга Мирского не получила признания ни в СССР, ни в зарубежье. Возможно, это произошло из-за того, что она была лишена концептуального стержня, а обилие содержащихся в ней интересных догадок и соображений нуждалось в развернутом обосновании и изложении.

В 1929 г. вышла в свет одна из наиболее значительных и интересных пушкиноведческих работ в русском зарубежье. Мы имеем в виду статью известного слависта, профессора Пражского университета В. А. Францева, который еще до революции являлся крупнейшим в России знатоком чешской и польской культуры. Статья эта представляла собой исследование отношения Пушкина к польскому восстанию 1830–1831 гг. [20]. Данная работа представляет собой редкий образец исследования частного вопроса пушкинской биографии в эмигрантской пушкинистике, изобилующей в основном работами обобщающего характера. Данная статья Францева была хорошо известна уже советским специалистам (см., напр., очень лаконичный и тенденциозный разбор ее, сделанный Б. С. Мейлахом [21]). В 1998 г. основательный анализ ее был осуществлен Т. В. Кондратьевой [22]. В силу сказанного статья ученого-эмигранта нами рассматривается только в одном аспекте, а именно как факт обращения к важному, но совершенно неразрабо-

танному в дореволюционный период эпизоду пушкинской политической биографии. Отметим, что Францев обратился к теме отношения Пушкина к польскому восстанию не случайно, а в силу того обстоятельства, что во второй половине 1920-х гг. появились две значительные работы на эту тему – статья советского ученого М. Д. Беляева [23] и монография польского филолога В. Ледницкого [24]. Откликаясь на актуализацию этого важнейшего, но слабо разработанного в пушкинистике вопроса, Францев и написал свое большое исследование. Задача, стоявшая перед Францевым, по-видимому, заключалась прежде всего в том, чтобы вступить в полемику с Ледницким, который видел в Пушкине реакционера и ненавистника Польши. Но сделать это можно было лишь в результате концептуального осмысления обширного фактографического материала, опубликованного как польским ученым, так и Беляевым. Кондратьева в своем исследовании убедительно показывает, что данную задачу Францеву удалось решить вполне успешно. Однако исследовательница, дельно комментируя размышления ученого-эмигранта о взглядах Пушкина на судьбы славянского мира, совершенно упустила из виду важный аспект статьи Францева, касающийся реконструкции им пушкинского политического мировоззрения. Произошло это, наверное, потому, что Кондратьева оказалась в плену рассуждений Мейлаха, который отказал статье Францева в концептуальности на том основании, что пражский профессор будто бы не имел «верного представления о системе общественно-политических взглядов поэта» [25]. Такая суровая оценка диктовалась не только внешними обстоятельствами идеологического порядка, но и одним объективным фактом, на который в своей работе указал сам Францев. Речь идет о том, что этот ученый, характеризуя политические взгляды зрелого Пушкина, полностью согласился с выводами П. Н. Сакулина, содержащимися в его книге «Пушкин и Радищев» (1920). Получалось, что Францев в оценке политического мировоззрения великого поэта несамостоятелен. Однако в силу того, что в книге Сакулина отсутствует анализ отношения Пушкина к польскому восстанию, правильнее полагать, что Францев не слепо идет за советским литературоведом, а дополняет его выводы, использует его концепцию на новом материале. Новаторство Францева, в частности, состоит в том (и это не отмечено Кондратьевой), что он доказал влияние на отношение Пушкина к Польше и польскому восстанию взглядов М. П. Погодина. При этом исследователь подчеркивал, что пушкинская позиция является самостоятельной, глубоко продуманной, опирающейся на «общественные настроения своего времени и среды, традиционно

хранившей пережитки старины» [20, с. 112]. Что же касается «уроков Погодина» [20, с. 112], то они стали лишь импульсом для становления и оформления пушкинской позиции по польскому вопросу. Новаторство Францева в данной части его работы бесспорно, поскольку прежде было принято считать, основываясь на соображениях П. В. Анненкова, что на пушкинское отношение к указанной проблеме повлияло тесное общение с В. А. Жуковским как носителем официальной правительственной точки зрения на польские события [26]. Францев пишет также о том, что Пушкин был хорошо знаком и с «политическими программами декабристов и других тайных обществ» [20, с. 193] и, сочувствуя поверженным оппозиционерам, был их оппонентом в решении польского вопроса. Итак, оценивая политическое мировоззрение зрелого Пушкина, Францев разделяет концепцию Сакулина и, соответственно, полагает, что примирение поэта с самодержавием было искренним и проправительственная позиция его не есть результат внешнего давления или сервилизма, а следствие глубокого убеждения в необходимости защиты «национальных принципов» и «древних прав России» [20, с. 203].

Статья Францева по богатству фактического материала и по характеру его осмысления представляет собой серьезный вклад в науку и до сих пор востребована в пушкиноведении [27], хотя на пушкинистов-эмигрантов она заметного воздействия не оказала, видимо, в силу традиционности выводов исследователя.

Эта статья завершает ряд эмигрантских работ, посвященных изучению политического мировоззрения великого поэта, которые появились в печати в 1920-е гг. Конечно, мы здесь рассмотрели не все значительные публикации на данную тему. За пределами нашего обзора оказались статьи и заметки М. А. Гофмана, В. Ф. Ходасевича, первый том биографии Пушкина, написанной А. В. Тырковой-Вильямс. Это исключение мы допустили вполне сознательно, исходя из того соображения, что названные авторы наиболее значительные работы о политических взглядах поэта создали уже в 1930-е гг. Что касается уже проанализированных нами работ, то нужно заметить, что большой оригинальностью и концептуальностью они не отличаются. В основном они опираются на достижения дореволюционного периода и в незначительной степени на первые публикации советских пушкинистов. Это позволяет сделать вывод о том, что кардинальное идеологическое размежевание между советской и эмигрантской пушкинистикой только начало осуществляться в 1920-е гг. и, напротив, в этот период еще очевидной была их общая связь с русским дореволюционным пушкиноведением.

Примечания

1. Мякотин, В. А. А. С. Пушкин и декабристы [Текст] / В. А. Мякотин. Прага; Берлин, 1923.
2. Иогансон, Е. Мякотин Венедикт Александрович [Текст] / Е. Иогансон // Русское зарубежье: Золотая книга русской эмиграции. М., 1997. С. 436.
3. Мякотин, В. А. Из пушкинской эпохи [Текст] / В. А. Мякотин // Сборник журнала «Русское Богатство». СПб., 1899. С. 188–237.
4. Подробнее см.: Черниговский, Д. Н. Изучение политических взглядов Пушкина во вторую половину XIX в. [Текст] / Д. Н. Черниговский // Труды кафедры русской литературы. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. С. 36–37.
5. Мякотин, В. А. А. С. Пушкин и декабристы. С. 63.
6. Вернадский, Г. В. Пушкин как историк [Текст] / Г. В. Вернадский // Образ совершенства: Из наследия первой эмиграции. М., 1999. С. 21–49. Далее ссылки в тексте с указанием страницы.
7. Вернадский, Г. В. Из воспоминаний [Текст] / Г. В. Вернадский // Вопросы истории. 1995. № 3. С. 103–121.
8. См., напр.: Благой, Д. Д. Миф Пушкина о декабристах [Текст] / Д. Д. Благой // Печать и революция. 1926. Кн. 4. С. 5–23; Кн. 5. С. 15–33.
9. Немировский, И. В. Творчество Пушкина и проблема публичного поведения поэта [Текст] / И. В. Немировский. СПб., 2003. С. 304–318.
10. Mirsky, D. S. Pushkin [Текст] / D. S. Mirsky. L.; N.Y., 1926. Далее ссылки в тексте. Цитаты приводятся в нашем переводе.
11. См.: Казнина, О. Д. Мирский. Несобранные статьи по русской литературе [Текст] / О. Д. Казнина // Вопросы литературы. 1990. № 1. С. 219–220.
12. Благой, Д. Д. Проблемы построения научной биографии Пушкина [Текст] / Д. Д. Благой // Литературное наследство. М.; Л., 1934. Т. 16–18. С. 262.
13. Там же.
14. Лозинский, Г. А. Prince D. S. Mirsky. Pushkin (London, 1926) [Текст] / Г. А. Лозинский // Звено. Париж. 1926. № 161. С. 14.
15. См.: Казнина, О. Цит. соч. С. 219.
16. Измайлов, Н. В. Пушкин: Очерк жизни и творчества [Текст] / Н. В. Измайлов и др. Л.; М., 1924.
17. См.: Черниговский, Д. Н. Указ. соч. С. 33.
18. См.: Казнина, О. Цит. соч. С. 221.
19. Мирский, Д. П. Проблема Пушкина [Текст] / Д. П. Мирский // Литературное наследство. Т. 16–18. С. 91–112.
20. Францев, В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 г. Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» [Текст] / В. А. Францев // Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 65–208. Далее ссылки в тексте.
21. Мейлах, Б. С. Пушкин и общественно-политическое движение в Европе и Америке [Текст] / Б. С. Мейлах // Пушкин: Итоги и проблемы изучения. С. 243–245.
22. Кондратьева, Т. В. Русская зарубежная пушкинистика 1920-х годов [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Кондратьева. М., 1998. С. 78–88.
23. Беляев, М. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово [Текст] / М. Беляев // Письма Пушкина к Е. М. Хитрово 1827–1832. Л., 1927. С. 257–300.

24. Lednicki, W. Alexander Puszkín: Studia [Текст] / W. Lednicki. Kraków, 1926.

25. Мейлах, Б. С. Указ. соч. С. 244.

26. См.: Черниговский, Д. Н. Указ. соч. С. 34.

27. См., напр.: Ивинский, Д. П. Пушкин и Мицкевич [Текст] / Д. П. Ивинский. М., 2003.

Т. А. Селитрина

РУССКАЯ ТЕМА В РОМАНЕ С. МОЭМА «РОЖДЕСТВЕНСКИЕ КАНИКУЛЫ»

В статье показано восприятие русской литературы С. Моэмом, его полемика с Достоевским по поводу «религии страдания, христианства и проблемы красоты в искусстве и жизни».

Накануне русской революции 1917 г. английская контрразведка отправила С. Моэма с секретной миссией в Россию: уговорить Временное правительство не допустить выхода России из войны. Писатель подчеркивал, что причины, подвигнувшие его заинтересоваться Россией, были в основном те же, что и у большинства его современников: «русская литература – самая очевидная из них. Толстой и Тургенев, но главным образом Достоевский описывали чувства, каких не встретишь в романах писателей других стран» [1]. На этом фоне величайшие романы западноевропейской литературы (Теккерей, Диккенс, Треллоуп, Бальзак, Стендаль, Флобер) казались Моэму «ненатуральными», «поверхностными» и «холодноватыми», поскольку, по его мнению, чувства, изображаемые этими авторами, даже вполне необычные, не выбивались за пределы допустимого. Ему казалось, что эти писатели рисовали вполне законопослушное общество и читатели пребывали в непреложном убеждении, что эти произведения не имеют отношения к жизни. Даже «сумасбродные 90-е годы XIX века», на взгляд С. Моэма, не предложили ничего существенного – «старых идолов скинули с пьедестала, но на их место возвели идолов из папье-маше. И нескончаемые разговоры об искусстве и литературе ни к чему не привели» [2].

Заинтересовавшись Россией, С. Моэм прочитал романы Тургенева, но их «идеализм» показался ему в то время сентиментальным, а красоте тургеневского слога он в переводе не почувствовал. «Анна Каренина» показалась английскому писателю «сильной и неожиданной», но «несколько суровой и не согретой чувством» [3]. Лишь взявшись за Достоевского («Преступление

СЕЛИТРИНА Тамара Львовна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой зарубежной литературы и страноведения Башкирского государственного педагогического университета
© Селитрина Т. А., 2008

и наказание» он прочитал в немецком переводе), С. Моэм был озадачен и потрясен. Достоевский показался ему «необузданной стихией, поражающей, восхищающей, ужасающей и ошеломляющей» [4].

Безусловно, русская литература оставила след в творческой эволюции писателя.

Побывав на могиле Достоевского, он заметил, что «у Достоевского лицо, опустошённое страстями... на лице написана мука, до того страшная, что так и тянет отвернуться... у него вид человека, который побывал в аду и увидел там не безысходную муку, а низость и убожество» [5].

К тому времени, когда Моэм оказался в России, он был уже известным драматургом и романистом. В своих комедиях он сам себя считал продолжателем старой английской традиции «комедии нравов», заложенной драматургами эпохи Реставрации. А его роман воспитания «Время страстей человеческих» (1915) написан в традициях Гёте и С. Батлера. Этот жанр был для Моэма столь актуальным, что он использовал его также и в романе «Рождественские каникулы», с рельефно выраженной в нём русской темой.

Молодой наивный англичанин из состоятельной буржуазной семьи, Чарли Мейсон, едет в Париж на рождественские каникулы, чтобы познакомиться со своим приятелем, журналистом Синомом, который знакомит его с молодой русской женщиной Лидией. Её муж, Робер Берже, осуждённый за убийство, отбывает длительную ссылку в колонии для преступников во Французской Гвиане. В финале романа Чарли Мейсон обнаруживает, «что всё, чему его учили и во что он верил, вдруг утратило свою незыблемость» [6]. Он возвращается домой с ощущением, что «рухнул фундамент, на котором зижделся его мир» [7].

Английской критикой роман был прочитан как мелодрама с весьма заметной сатирой на самодовольство английского среднего класса. На второй, политический, план внимание не было обращено. Лишь Гленуэй Уэскотт в статье «Моэм и будущее поколение» подчеркнул, что эта книга имеет более важное социальное значение, чем любое другое произведение Моэма: «В этой небольшой работе, которая едва ли составляет сотню страниц и в которой всего лишь восемь героев, речь идёт о том, как они встретились, о чём говорили, что чувствовали и что с ними стало. В этом произведении Моэм в большей степени, чем в каком-либо другом, вскрывает сущность фашизма и коммунизма, раскрывая внутренний мир человека» [8].

В России о «Рождественских каникулах» говорили лишь в 1990-х гг., когда было издано первое собрание сочинений Моэма. Р. Р. Хусну-

лина обратила внимание на политическую составляющую романа, который, по её мнению, учитывал исторический опыт Европы между двумя мировыми войнами [9]. К 1938 г. политическая обстановка в Европе приняла столь драматический оборот, что небольшая книга «Рождественские каникулы», написанная в 1938 г. и появившаяся в 1939 г., превратилась, на взгляд одного из современных исследователей Моэма Роберта Колдера, в «аллегорическое размышление о брожении, охватившем поколение предвоенного десятилетия, которое потеряло ориентиры из-за разразившихся в Европе политических бурь» [10].

В начале своей творческой деятельности Моэм считал, что художественные произведения не должны превращаться в нравоучения, а тем более не обращаться напрямую к злободневным политическим вопросам. Однако в тревожные 1930-е гг. он чувствует, что политическая жизнь затрагивает всех и каждого в отдельности. В 1933 г. он принимает приглашение Г. Уэллса стать членом Пен-клуба, литературного сообщества европейских писателей. В 1937 г. вместе с В. Вульф, Г. Уэллсом и Х. Уолполом подписывает петицию, призывающую к созданию международной комиссии для изучения экономических и политических причин возникновения международной напряжённости, принимает участие в сборе средств для помощи австрийским евреям-беженцам и писателям Чехословакии.

Однако, как подчёркивает современный биограф Моэма Р. Колдер, в целом же он предпочитал воздерживаться от публичных выступлений по политическим вопросам, полагая, что у писателя есть иное мощное оружие – художественное творчество. Г. Уэсткотт, назвавший роман Моэма «Рождественские каникулы» политической аллегорией, отметил, что писатель «лучше, чем кто-либо, объясняет, что именно в человеческой природе служит питательной средой для фашизма, нацизма, коммунизма: очарованность собой, хмельной угар, оголтелость всех тех, кто олицетворяет новую власть в Европе; безвольная пассивность влачащих жалкое существование масс; англо-саксонская растерянность перед лицом происходящего; и уже брошенное в почву семя мирового зла, которое ещё прорастёт, дайте срок» [11].

В романе Моэма ощутима переключка с тематикой «Преступления и наказания» Достоевского. Исследователи отметили некоторое сходство совершения преступления как по материальным, так отчасти и по идеологическим мотивам. Однако у Моэма абстрактный идеолог преступления Симон Фенимор и исполнитель Робер Берже – разные лица, не знакомые друг с другом. Журналист Симон Фенимор, идеолог тоталитаризма и террора, освещал судебный процесс по

нашумевшему убийству, дав свою субъективную оценку всему случившемуся. Лидия, жена Берже, считает Симона холодным, расчётливым и бесчеловечным: «Вся боль, весь этот ужас и позор для него были не более чем случай для того, чтобы нанизать одни умные и непочтительные слова на другие <...>» [12]. «У него нет ни сердца, ни угрызений совести, ни порядочности, и, если представится возможность, он без колебаний и без раскаяния пожертвует вами, своим самым лучшим другом», – говорит она Чарли Мейсону [13].

Симон Фишер – типичный нигилист. «Нигилизм – это отрицание в чрезвычайной степени: он отрицает существующие ценности, не зная никаких иных», – отмечает австрийский исследователь В. Краус [14].

Не знавший материнского тепла, предоставленный самому себе, Симон начинал учиться в Кембридже, где он слыл коммунистом, но вскоре оставил университет и по протекции отца Чарли Мейсона начал работать во Франции корреспондентом одной из влиятельных английских газет. Имея вполне приличный заработок, он тем не менее живёт в убогом неотопляемом помещении, обходясь чашкой молока и куском хлеба в день, для того, чтобы приобрести «несокрушимую волю» и добиться превосходства над другими, воздействуя на людей ораторским искусством и искусством пера. «Не чувствовать жалости, вырвать из своего сердца всякую возможность любить», а если «возникнет необходимость, поставить к стенке даже лучшего друга и застрелить собственными руками», – таков один из его постулатов [15]. Для него христианство – это религия рабов, своеобразный опиум, расслабляющий и подавляющий волю и мужество, поскольку предлагает людям «царство небесное в качестве компенсации за их мучения в этом мире» [16]. Освещающий процесс Робера Берже, он увидел в преступнике то сочетание хладнокровия и самообладания, которое он в себе пытался воспитать.

Изучая историю революционных движений и собираясь стать одним из вождей восставших масс, Симон пришёл к выводу, что власть, которую пролетариат собирался захватить революционным путём, ни в коем случае не должна попадать в руки пролетариата, а должна находиться в руках небольшой группы лидеров-интеллектуалов: «Народ не способен управлять. Пролетариат – это рабы, а рабы должны иметь хозяев» [17]. Симон был уверен, что демократия – это недостижимый идеал, «которыми пропагандисты дразнят массы, так же как дразнят морковкой осла» [18]. Он утверждал: «Эти великие призывы XIX столетия – свобода, равенство, братство – чистое краснобайство... Массам лю-

дей не нужна свобода, и они не знают, что с ней делать» [19]. По его мнению, «равенство – это самая большая глупость, которая одурманила разум человечества <...> огромное большинство людей в высшей степени глупы. Доверчивые, ограниченные, беспомощные, почему они должны иметь равные возможности с теми, кто обладает сильным характером, интеллектом, трудолюбием и силой?» [20]

Симон убеждён, что «толпа, являющаяся орудием революционных лидеров и действующая не по рассудку, а по инстинкту, послушна гипнотическому указанию, и вы можете при помощи лозунгов побудить её к безумным действиям. Толпа – это одно целое, и потому она безразлична к смерти тех, кто падает» [21]. Он уверен, «что с моральной точки зрения человек ничего не стоит, и нет никакого ущерба в том, что его угнетают. С биологической точки зрения он не имеет существенного значения, поэтому нет причины, почему бы убийство человека вас шокировало больше, чем прихлопывание мухи» [22].

Коммунизм, по мнению Симона, бесповоротно потерпел поражение: «Коммунизм – приманка, которую предлагают рабочему классу, с тем чтобы поднять его на борьбу, так же как крики о свободе и равенстве являются лозунгами, которыми разжигают его, чтобы вызвать на эту борьбу. На протяжении всей мировой истории всегда были эксплуататоры и эксплуатируемые» [23]. Он считает, что огромные массы людей от природы являются рабами и нуждаются в хозяевах для своего собственного блага. Симон рассуждает о необходимости диктатуры одного человека. Диктатор, на его взгляд, должен обладать мистической притягательностью и магнетизмом, чтобы люди считали привилегией отдать за него жизнь. Сам Симон осознаёт, что не обладает ни магнетизмом, ни обаянием для подобной функции. Он уготовил себе роль главы аппарата подавления: «Хозяин полиции – хозяин страны» [24]. Власть ему нужна также как средство «для удовлетворения созидательного инстинкта» [25].

Этот пространственный монолог, в котором он изложил свою жизненную позицию, Симон приносит единственному слушателю Чарли Мейсону, человеку из благополучной буржуазной семьи. Симон считает, что в самой Англии он не сможет добиться успеха, поскольку, по его словам, там царит Его Величество Закон, зато в мировом масштабе его планы стать главой аппарата подавления вполне могут быть осуществимы. К глобальной организации террора он последовательно готовится, воспитывая в себе ненависть к людям, которых он глубоко презирает.

В своих дневниковых записях, которые писатель использовал как своеобразные заготовки к будущим произведениям, у него есть характер-

ный эскиз под названием «тайный агент». В этом эскизе, датированном 1917 г., можно обнаружить прообраз Симона: «Жалость ему не ведома, он себе на уме, осторожен и не гнушается никакими средствами для достижения цели. В конечном счёте, впечатление от него устрашающее. В его изобретательном уме роятся идеи, коварные, дерзкие... У него колоссальное презрение к человеческой жизни, чувствуется, что ради дела он без малейших колебаний пожертвует и другом, и сыном... Он неприхотлив и может долгое время обходиться без еды и без сна. Не щадя себя, не щадит и других <...>» [26].

На первый взгляд, может показаться, что Симон достаточно ходульный и прямолинейный персонаж, выражающий позицию будущего диктатора. Однако перед Мозгом стояла иная задача: показать процесс самовоспитания подобной личности, физически и морально изнуряющей себя в борьбе за созданную им «идею». Симону всего двадцать три года, из коих он два последних провёл в Париже, работая в прессе, изучая политических деятелей, раз за разом убеждаясь в беспринципности, алчности, двуличности людей, которые «предадут друг друга не только ради своей выгоды, но из простой злобы» [27]. В нём самом остались еще и порывы жалости (он оплачивает пребывание в больнице одной из девушек из публичного дома), и стремление к обыкновенному человеческому общению, когда он страстно ждёт телефонного звонка от Чарли, приехавшего к нему в Париж, и всё же не поднимает трубку, когда тот позвонил ему. Он говорит, что умирал от желания увидеть Чарли и тут же общается, что ему необходимо вытравить в себе эту любовь и привязанность к другу. Оглушительный удар, который он наносит Чарли в последней встрече, свидетельствует о том, что эта единственная человеческая привязанность Симона преодолена.

Лидия говорит о нём: «Если бы он был русским, я бы сказала о нём, что он либо станет опасным агитатором, либо совершит самоубийство» [28].

С образом Лидии в роман входит русская тема. Вывезенная из послереволюционной России в двухлетнем возрасте, она не может помнить родину. Однако в своих фантазиях она видела «ветхие сельские дома, где сидели и разговаривали в течение всей благоухающей ночи; видела тусклые на тихом рассвете болота, где стреляли диких уток; <...> она видела мутное течение Волги; бескрайние степи Кавказа и волшебный ослепительный Крым. Она была русской и любила свою родную землю» [29].

Россию она представляла по прочитанным книгам. В её воображении князь Андрей и Наташа Ростова по-прежнему ходили по шумным ули-

цам столицы, купец Рогожин мчался в санях с Настасьей Филипповной, Вронский в своей элегантной военной форме поднимался по лестницам богатых особняков на Фонтанке. Всё так же сверкали позолоченные купола церквей. И она понимала, как случилось, что её отец, петербургский профессор, несмотря на предупреждения, вернулся в Россию, где его ждала неминуемая гибель.

Она ходила на концерты русской музыки, чувствуя, что таким образом проникает в сердце страны. На одном из этих концертов с ней познакомился привлекательный молодой француз Робер Берже, которого также волновали Стравинский и Глазунов. Он слышал в них «силу и страсть, кровь и разрушение» [30]. Напротив, Лидии русская музыка говорила о трагедии человеческой судьбы, о тщетности борьбы с судьбою и о радости и умиротворении в покорности и смирении. Ей показалось странным, что музыка может вызывать в людях столь разные чувства. Не обратила она внимания и на пристрастие молодого человека к романам Андре Жида. Думается, что свободный индивидуалист Лафкадио из романа Жида «Подземелья Ватикана», духовный наследник Родиона Раскольникова, убедил Берже в возможности «произвольного действия», в убийстве букмекера. Преодолению барьера этических норм Берже мог поучиться у Мишеля из романа Жида «Имморалист». В своих эссе Жид уделял особое внимание Ницше и Достоевскому, называя их великими европейцами, открывшими новую эру в истории духа.

В статьях о Берже Симон подчеркивал, что мысль об убийстве букмекера созрела у Берже постепенно, но совершив его, он почувствовал, что наконец «состоялся»: «Он знал, что преступление это чудовищно, он знал, что рискует жизнью, но его искушали именно чудовищность этого и риск, ради которого можно было совершить попытку» [31]. Это заключение было плодом собственных фантазий Симона, но вполне возможно, что в данном случае он был не далёк от истины.

Жена Берже Лидия склонна считать, что поступок ее мужа бесчеловечен, но также бесчеловечно общество, которое наказывает за содеянное, само уподобляясь преступнику. С образом Лидии в роман входит тема самопожертвования и страдания. После громкого судебного процесса над мужем её никто не хотел брать на работу, и она вынуждена идти в публичный дом, чтобы искупить грех мужа: «Я чувствовала, что единственное, чем я могу теперь помочь ему, – это подвергнуться самой страшным унижениям, какие только могут быть» [32]. «Я с радостью принимаю презрение, которое эти мужчины испытывают к предмету своего вождения, я рада, что

они грубы. Я нахожусь в таком же аду, в каком находится Робер, мои страдания помогают ему легче переносить его страдания. За грехи надо платить страданием. Я знаю, мои страдания, так же как и его, необходимы, чтобы искупить его грех», – говорит она Чарли Мейсону.

Чарли эта позиция кажется абсурдной и нелепой. Он не может представить себе ничего более «душераздирающего, чем любить всем сердцем человека, который не достоин этого» [33]. Житейское благоразумие не позволяет Мейсону принять точку зрения Лидии, несмотря на человеческое участие и сострадание, которое он к ней испытывает: «Скажу тебе, что это всё выше моего понимания, но, несмотря на тот ужас, который он (Берже. – Т. С.) переживает, я бы предпочёл быть не на твоём месте, а на его» [34]. Лидия исповедуется Чарли Мейсону, приютившему её у себя в гостинице во время рождественских каникул. Замечено, что идея исповеди перед первым встречным повторяется, как «нечто неотступное в романах Достоевского» [35]. По мнению А. Жида, большинство персонажей Достоевского в известные минуты, и чаще всего совершенно неожиданно и несвоевременно, испытывают неудержимую потребность покаяться, попросить прощения у первого встречного, который порою даже не понимает, в чём дело, – потребность унизиться перед человеком, к которому они обращаются [36]. Тот же приём применён и С. Моэмом. Мейсона не интересуют детали жизни случайно встреченной русской женщины, но он, как и брачный гость у Кольриджа в «Старом мореходе», вынужден выслушивать все подробности её трагического существования. «А теперь, после того, как я вам всё это рассказала, вы должны видеть, что я совершенно падшая женщина, не достойная вашего интереса или сочувствия», – признаётся Лидия своему собеседнику [37].

В роман Моэма вслед за Достоевским входит тема униженных и оскорблённых и своеобразно понятая английским писателем «религия страдания». Современный исследователь Достоевского Б. Тихомиров поясняет: «страдание от сознания своей греховности (“Я великая, великая грешница”), которую Сонечка несёт в себе до встречи с Раскольниковым, совершенно безысходно, катастрофично – черевато самоубийством или сумасшествием» [38].

Достоевский ярче других выражает всю противоречивость русской природы и «страстную напряжённость русской проблематики», – считал Н. Бердяев [39]. Бердяев подчёркивал, что «Достоевский изображает экзистенциальную диалектику человеческого раздвоения. Страдание не только глубоко присуще человеку, но оно есть единственная причина возникновения сознания.

Страдание искупает зло» [40]. Бердяев обращает внимание на то, что «у русских иное отношение к греху и преступлению, есть жалость к падшим и униженным» [41]. Н. Бердяев убедителен в своём утверждении: «Нельзя отвечать катехизисом на трагедию героев Достоевского... Достоевский свидетельствует о положительном смысле прохождения через зло, через бездонные испытания и последнюю свободу. Зло должно быть преодолено и побеждено, но оно даёт обогащающий опыт, возможность преодолеть его изнутри, а не внешне лишь бежать от него и отбрасывать его, оставаясь бессильным над его тёмной стихией» [42].

В записных книжках Моэм крайне отрицательно отзовётся о вошедшем в моду культе страдания в литературе. Ему самому в жизни пришлось перестрадать достаточно, он видел страдания людей в больнице, когда проходил медицинскую практику. «Не помню случая, чтобы страдание сделало человека лучше. Мнение, будто страдание совершенствует и облагораживает, – выдумка. Прежде всего страдание сужает кругозор. Сосредоточивает на себе <...> Страдание, напротив, подавляет жизненные силы. Оно не совершенствует человека в нравственном отношении, а огрубляет его. Страдания не возвеличивают, а умаляют» [43]. Здесь, безусловно, Моэм вступает в полемику с Достоевским. Моэм подчёркивал, что отношение к страданию у Достоевского ему претит и ничего кроме ужаса не вызывает.

Поэтому вряд ли можно согласиться с суждением о том, что Моэм в этом романе «выступает с трактовкой страдания как очищения и искупления, то есть высшего в жизни деяния» [44].

В статье о Достоевском из сборника «Десять романов и их создатели» (1954) Моэм, анализируя «Братьев Карамазовых», останавливается на двух книгах «Pro i Contra» и «Русский инок». Он считает первую значительно сильнее, поскольку именно в ней «Иван и рассуждает о зле, которое представляется человеческому уму несовместимым с существованием всемогущего и всеблагого Господа... Кстати, Ивану безразлично, Бог ли создал человека или человек Бога: он готов верить в существование, высшей силы, но принять жестокость созданного Богом мира не может. Ему кажется, что безвинные не должны терпеть муки за грехи виновных, а если они всё-таки терпят, то Бог либо зол, либо его вообще не существует» [45]. Но написав всё это, Достоевский, по мнению Моэма, сам испугался того, что написал: «доказательства были явно убедительными, а вывод противоречил его вере, а именно: вселенная, несмотря на всё зло и муки, всё-таки прекрасна, поскольку является божьим творением. Если любить всё живое в мире, то лю-

бовь эта искупит страдания и каждый разделит общую вину. Страдания за грехи других станут моральным долгом истинного христианина. Вот во что Достоевский хотел веровать... И никто лучше его самого не понимал, что получилось оно неудачным – скучным и неубедительным» [46]. Лидия в романе Моэма исповедует моральный принцип, сходный с позицией русского писателя, считая, что страдания за грехи мужа – её моральный долг. Путь Сонечки Мармеладовой у Достоевского – это путь самопожертвования. Однако Раскольников говорит Сонечке: «Ещё бы не ужас, – что ты живёшь в этой грязи, которую так ненавидишь, и в то же время знаешь сама (только стоит глаза раскрыть, что никому ты этим не помогаешь и никого ни от чего не спасаешь)» [47]. Думается, что позиция Раскольникова близка С. Моэму. Она отражена в суждениях Мейсона, которому жертвенное начало в Лидии кажется непостижимым, лишенным здравого смысла и неубедительным.

К религии у Лидии похожее отношение, что и у Ивана Карамазова. «Вы думаете, что я могу равнодушно смотреть на нищету, в которой живёт подавляющее большинство людей мира, и верить в Бога? Вы думаете, я верю в Бога, который позволил большевикам убить моего бедного, простодушного отца? <...> Я думаю, что Бог умер миллионы лет тому назад. После того, как в бесконечном пространстве Бог начал процесс, который завершился созданием вселенной, он умер, и в течение многих веков люди обращаются и поклоняются существу, которое прекратило своё существование, сделав для них возможной жизнь», – говорит она Мейсону [48].

Известно, что сам Моэм был агностиком. В детстве, поверив, что вера творит чудеса, он молился всю ночь, прося Всевышнего избавить его от заикания. Проснувшись на следующее утро, он обнаружил, что дефект речи не исчез. Об этом сам писатель поведал в своих записных книжках и автобиографической книге «Подводя итоги». В романе «Бремя страстей человеческих» во многом автобиографический герой Филип Кери, так же как и Моэм, ощутил утрату веры. Эта потеря приняла форму разлада между духовной потребностью в религии и интеллектуальным отторжением её. Автор одной из последних монографий о Моэме Т. Морган приводит следующее высказывание писателя: «Я рад, что не верю в Бога. Когда я думаю о ничтожестве и горестях этого мира, мне кажется, что не может быть ничего унизительнее такой веры» [49]. По словам другого биографа Моэма Р. Колдера, досконально изучившему религии мира, Моэму будут импонировать религии востока. При посещении храма в Мадуре он почувствовал «острое всепоглощающее чувство божественного, заставляю-

щее содрогнуться, что-то мистическое и внушающее ужас» [50]. Подводя итог своей жизни, Моэм пришёл к выводу, что «никакие великие ценности, которыми дорожит человек, ни истина, ни красота – не имеют такого значения, как душевность» [51].

Героиня его романа «Рождественские каникулы» Лидия высказывается в духе самого писателя: «Я сознавала, что над всем ужасом, несчастьем и жестокостью в мире есть что-то, что помогает всё это переносить, это душа человека и красота, которую он создал» [52]. Ей, бедной, одинокой, часто голодной, Лувр с его шедеврами давал отдых и умиротворение. Ей помогали не столько великие шедевры, сколько небольшие, неброские, такие, как шарденовское полотно с буханкой хлеба и бутылкой вина. Она считает, что это не просто буханка хлеба и бутылка вина, «это хлеб жизни и кровь Христа, но не те, которые прячут от голодающих и жаждущих и которые раздаются священниками в установленные дни; это каждодневная пища страдающих мужчин и женщин, это хлеб бедняков, которые ничего не требуют кроме того, чтобы их оставили в покое, дали возможность работать и свободно есть свою простую пищу. Это крик оскорблённых и отверженных» [53]. Она верит, что как бы ни были люди грешны, «в душе своей они все хорошие». Для неё буханка хлеба и бутылка вина – «символы радости и горя смиренных и скорбных людей, которые просят о сострадании и любви» [54]. Этот символ, по её разумению, раскрывает тайну человеческого горя на земле, желание людей иметь «немножко дружбы и немножко любви», их смирение и покорность, когда они видят, что даже в этом им наверняка будет отказано. И Шарден, как представляется героине, хотел показать, «что если у вас есть достаточно любви, если у вас есть достаточно сострадания, то из боли, горя и жестокости, которые есть в мире, можно создать красоту» [55].

С. Моэм говорил о том, что он не может припомнить ни одного персонажа русских романов, который бы посещал картинные галереи [56]. Писателя интересовало, что ощущает человек, глядя, например, в Лувре, на картину «Положение во гроб» Тициана или слушая «Мейстерзингеров». Его самого охватывало интеллектуальное волнение, но с налетом чувственного, «которое веселит душу, рождает довольство, в котором он улавливал ощущение силы и освобождения от земных уз» [57]. В то же время он ощущал в себе нежность, насыщенную сочувствием к людям, покой, отдых и духовную отрешенность, даже «чувство слияния с какой-то высшей сущностью» [58].

По его мнению, если искусство утешает, то это много значит: «Мир полон неизбежного зла

и хорошо, если у человека есть убежище, куда он время от времени может скрываться; но не затем, чтобы уйти от зла, а скорее затем, чтобы набраться новых сил и сносить зло более стойко. Ибо искусство, если мы хотим его числить среди великих ценностей жизни, должно учить смирению, терпимости, мудрости и великодушию. Ценность искусства – не красота, а правильные поступки» [59].

Некоторые аспекты суждений С. Моэма сближаются с позицией Достоевского, который считал, что красота дает человеку хотя бы временный покой его мятущейся душе: «Она есть гармония; в ней залог успокоения; она воплощает человеку и человечеству идеал» [60].

Но это лишь одна сторона понимания Достоевским проблемы красоты, поскольку в его творческом наследии обнаруживается достаточно сложное учение о законах красоты, которая «постоянно занимала и мучила его и подчас ужасала неуловимостью своей тайны, томительной неразгаданностью своего существа» [61]. «Красота есть не только страшная, но и таинственная вещь», – говорит Митя Карамазов [62]. По справедливому суждению А. Белика, главное у Достоевского не в утверждении таинственности и загадочности красоты, а в признании того, что она есть нерасторжимое единство противоположностей (идеал мадонны и идеал содомский) [63]. Достоевский считал, что особая потребность в красоте появляется у человека в моменты дисгармонии и разлада с действительностью. Ту же потребность в гармонии, которую человек находит в искусстве, раскрывает Моэм в стремлении Лидии слушать музыку и видеть шедевры Лувра. У Достоевского и Моэма наблюдается определенная близость в изображении эстетического чувства и эстетических потребностей у страждущих и духовно измученных людей. Достоевский писал о благотворности влияния красоты на человека: «Наш дух теперь наиболее восприимчив, влияние красоты, гармонии и силы может величаво и благодетельно подействовать на него, полезно подействовать, влить энергию, поддержать наши силы» [64]. У Достоевского в «Идиоте» дано развернутое восприятие картины Ганса Гольбейна Младшего «Христос во гробу», у Моэма – подробное описание полотна Шардена, который любил повторять: «пользуются красками, но пишут чувствами». Поэтизация обыденности у Шардена, воспевание тишины, уюта и внутреннего покоя в человеческой душе благотворно влияют на Лидию, поддерживают ее силы, помогают жить.

Лидия Берже и Сонечка Мармеладова – два типа мучениц, ни в чем не повинных. Однако, если первая живет в мире без Бога, то другая – христианка, верит в то, что «пути господни не-

исповедимы». Сближает их обеих надежда на духовное спасение близких им людей.

Достоевский ставит в центре «Преступления и наказания» одно главное событие – убийство, совершенное Раскольниковым, и его последствия. Но перед нами история не падения, а нравственного роста героя. Рассказ о преступлении Раскольникова строится на фактах, извлеченных из уголовной хроники. Основой для создания «Рождественских каникул» стало посещение Моэмом суда над Гаем Дейвином, приговоренным в декабре 1932 г. к смертной казни за убийство.

О жизни Робера Берже до встречи с Лидией рассказывает повествователь, затем Мейсон читает статьи Симона о судебном процессе и выслушивает исповедь Лидии. Таким образом, перед читателем предстают три разных точки зрения. Во всех этих позициях Берже показан извне, в нем отсутствует нравственная борьба, присущая Раскольникову. Если Достоевский в минимальной степени знакомит с биографией своего героя, то Моэм подробно раскрывает факты формирования личности Берже, его способности притворяться, лгать, лукавить себе и другим, внутренне готовым к осуществлению убийства из-за корысти.

Судьба Раскольникова – путь мучительных поисков истины. Циничное, хладнокровное убийство букмекера не приводит Берже к раскаянию перед содеянным, поэтому роман Моэма не превращается в историю психологических и нравственных последствий преступления. Отправляясь на каторгу, он сохраняет в себе жажду жизни, но не голос совести. Он не испытывает отчаяния и беспокойства перед совершенным неисправимым поступком.

Для С. Моэма, как и для Достоевского, никакие самые законченные философские постулаты и измышления не могут оправдать насилия и преступления. Поэтому Моэм вслед за Достоевским противопоставляет индивидуализму путь нравственного совершенствования личности как единственный путь от освобождения властолюбивых страстей. Оба писателя с недоверием относились к революционерам и диктаторам своего времени, понимая, что результаты их побед приведут к политическому деспотизму и принесут неисчислимые страдания народам.

Примечания

1. Моэм, С. Записные книжки [Текст] / С. Моэм. М., 1999. С. 158.
2. Там же.
3. Там же. С. 162.
4. Там же. С. 163.
5. Там же. С. 183.
6. Моэм, С. Незнакомец в Париже. Новеллы [Текст] / С. Моэм. М., 1992. Иной перевод «Рождественские каникулы». С. 317.

7. Там же. С. 231.
8. *Колдер, Р.* Сомерсет Моэм: жизнь и творчество [Текст] / Р. Колдер. М., 2001. С. 229.
9. *Хусиулина, Р. Р.* Английский роман XX века и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского [Текст] / Р. Р. Хусиулина. Казань, 1998.
10. *Колдер, Р.* Указ. соч. С. 227.
11. Там же. С. 317.
12. *Моэм, С.* Незнакомец в Париже. Новеллы. С. 155.
13. Там же.
14. *Краус, В.* Нигилизм и идеалы. Нигилизм сегодня, или Долготерпение истории. Следы рая. Об идеалах [Текст] / В. Краус. М., 1994. С. 17.
15. *Моэм, С.* Незнакомец в Париже. Новеллы. С. 34.
16. Там же. С. 44.
17. Там же. С. 205.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же. С. 207.
21. Там же. С. 209.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же. С. 166.
25. Там же. С. 214.
26. *Моэм, С.* Записные книжки. С. 159.
27. *Моэм, С.* Незнакомец в Париже. Новеллы. С. 206.
28. Там же. С. 217.
29. Там же. С. 80.
30. Там же. С. 81.
31. Там же. С. 158.
32. Там же. С. 120.
33. Там же. С. 221.
34. Там же. С. 221.
35. *Жид, А.* Достоевский. Эссе [Текст] / А. Жид. Томск, 1994. С. 59.
36. Там же. С. 59.
37. *Моэм, С.* Незнакомец в Париже. Новеллы. С. 220.
38. *Тихомиров, Б.* «Лазарь! Гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении [Текст] / Б. Тихомиров. СПб.: Книга – Комплект, 2005. С. 31.
39. *Бердяев, Н.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века [Текст] / Н. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 150.
40. Там же. С. 202.
41. Там же. С. 268.
42. Там же. С. 64.
43. *Моэм, С.* Записные книжки. С. 171.
44. *Скородеико, В.* Моэм С. [Текст] / В. Скородеико // Энциклопедический словарь английской литературы XX века. М., 2005. С. 284.
45. *Моэм, С.* Искусство слова [Текст] / С. Моэм. М., 1989. С. 240.
46. Там же.
47. *Достоевский, Ф.* Преступление и наказание [Текст] / Ф. Достоевский. М., 1970. С. 310.
48. *Моэм, С.* Незнакомец в Париже. Новеллы. С. 122.
49. *Морган, Т.* Биография С. Моэма [Текст] / Т. Морган. М., 2002. С. 76.
50. *Колдер, Р.* Указ. соч. С. 226.

51. Там же. С. 224.
52. *Моэм, С.* Незнакомец в Париже. Новеллы. С. 181.
53. Там же. С. 179.
54. Там же.
55. Там же.
56. *Моэм, С.* Записные книжки. С. 175.
57. *Моэм, С.* Подводя итоги [Текст] / С. Моэм. М., 1991. С. 212.
58. Там же. С. 212.
59. Там же. С. 213.
60. *Достоевский, Ф. М.* Полн. собр. соч. [Текст] : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. Л., 1972–1983. Т. 18. С. 94.
61. *Гроссман, А.* Путь Достоевского [Текст] / А. Гроссман. М. 1924. С. 11.
62. *Достоевский, Ф.* Братья Карамазовы [Текст] / Ф. Достоевский. М. 1973. С. 136.
63. *Белик, А.* Художественные образы Ф. М. Достоевского [Текст] / А. Белик. М., 1974. С. 42.
64. Там же. С. 92.

Н. В. Липилина

МЕТАТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОДИФИКАЦИИ В АНГЛИЙСКИХ ГРАММАТИКАХ XVI–XVIII вв.

На материале ранних английских грамматик и словарей автор исследует тенденции кодификации грамматической нормы в историческом аспекте. В английской традиции кодификации прослеживается постепенный отказ от классической латинской модели и укрепление позиций национального языка, борьба дескриптивных и прескриптивных тенденций, а также переориентация носителей языка с грамматических на более авторитетные лексикографические источники.

Теоретические основы исследования. При описании и анализе морфологической системы и синтаксиса современного английского языка огромное значение имеет изучение языка в исторической перспективе в свете проблемы сосуществования, взаимодействия, развития ряда имманентных лингвистических категорий. В частности, экскурс в историю антиномии «правильное» – «неправильное» в приложении к языковым феноменам позволяет объяснить современную ситуацию в отношении общества к языку. Очевидно, что «правильный» язык дает носителю языка определенные преимущества, в то время как даже незначительные нарушения нормы становятся объектом яростного осуждения и порицания и приводят к особой «языковой дискриминации» (“discrimination on linguistic grounds”) [1]. Она зачастую одобряется, поощряется в обществе и порой принимает самые жесткие формы, основываясь на оценке некото-

ЛИПИЛИНА Наталья Владимировна – ассистент кафедры романо-германской филологии ВятГГУ
© Липилина Н. В., 2008

рых форм языка как «неправильных», в то время как другие считаются «правильными» и предполагают фиксацию в авторитетных источниках, которые предписывают нормативное употребление языковых единиц. В связи с этим неудивительным представляется признание учеными большого лингвистического потенциала ранних грамматик (XVI–XVIII вв.) и повышенный интерес к ним как к авторитетному нормативному источнику, отразившему особенности процессов стандартизации и кодификации английского языка.

Давая определение «грамматики», мы следуем за Л. Митчелл в отделении «грамматики» в общем смысле как «теории» изучения национального или иностранного языка, языковой формы и т. д., от «грамматических текстов» или «учебников по грамматике» ('grammar texts', 'grammar books'). В последнем случае «грамматикой» называют книгу, фиксирующую стандартизованный и кодифицированный язык образованных людей [2].

Далее целесообразно уточнить понятия нормы, стандартизации и кодификации. В качестве исходного теоретического положения в настоящем исследовании принимается разграничение нормы «...как собственно языкового феномена и кодификации как явления внешнего по отношению к самому языку». Данное разграничение было зафиксировано в тезисах Пражского лингвистического кружка в 1929 г. и с тех пор «...прочно вошло в лингвистику» [3]. В свете изложенной концепции имеет смысл разграничить также две стороны языковой стандартизации: «...нормализацию как спонтанный языковой процесс и собственно кодификацию». Под нормализацией понимают как нерегулируемые коммуникативные процессы, так и целенаправленную деятельность носителей языка (грамматистов и филологов, лексикографов и писателей), «ведущую к закреплению языковых норм» в авторитетных источниках – то есть к кодификации [4].

Английская традиция кодификации, представляющая на страницах грамматик XVI–XVIII вв. в тесном переплетении целого ряда факторов (индивидуально-личностных, социальных, культурных), представляет особый интерес. В проводимом исследовании на материале ранних английских грамматик предпринимается попытка охарактеризовать историческую динамику кодификационных процессов и проследить онтологическое взаимодействие «язык – социум» на протяжении XVI–XVIII вв.

Тенденции кодификации в диахронии. Английскую традицию кодификации необходимо рассматривать в совокупности как эволюцию трех основных ее тенденций.

В качестве одной из важнейших тенденций кодификации в этот период времени следует упо-

мянуть постепенное изменение отношения к родному языку, упрочение его статуса и престижа и растущее желание его зафиксировать, т. е. кодифицировать.

В своей монографии, посвященной изучению ряда проблем ранне-новоанглийского периода, Ч. Барбер отмечает, что "...educated Englishmen were somewhat self-conscious about the English language." [5]. Их волновал его престиж по сравнению с другими языками, его пригодность для литературы и науки, адекватность словарного состава для различных дискурсивных целей, обсуждались различные способы увеличения словарного состава, необходимость усовершенствования системы правописания и желательность регулирования языка – путем создания словарей и грамматик. Адекватность лексического состава вызывала споры в начале изучаемого периода, а вопросы регуляции более типичны для XVII в. [6]

Итак, в начале исследуемого периода английский язык был гораздо менее престижным по сравнению с французским, итальянским, испанским. Первой книгой, напечатанной Кэкстоном (Cackston) в 1475 г., был перевод французского романа, причем сам Кэкстон при этом приносит извинения читателю за «грубость английского языка» [7]. Латинский язык в тот период вообще был в Западной Европе международным языком науки и образования: на латыни было принято писать, читать, толковать классику, говорить. В конце XVII в. возникло движение в сторону более современного типа образования, но престиж латыни оставался высоким. Особенно сильно противостояли делатинизации те, чье ремесло зависело от этого, – врачи. Барбер подчеркивает однако, что престиж национального языка медленно возрастал под влиянием ряда факторов [8]:

– *национальное чувство, рост самосознания*, который находит свое выражение в литературе и исторических пьесах данной эпохи;

– *увеличение числа читающих людей*, причем даже среди тех, кто посещал грамматическую школу, владение латынью могло быть не слишком виртуозным, и они предпочитали читать классическую литературу по-английски;

– *последствия Реформации*, когда наличие перевода Библии на английский язык дало протестантам повод отрицать его «неполноценность» и подчиненное положение, латынь же стала ассоциироваться с католицизмом.

Аргументы в пользу преимуществ национального языка очень часто приводятся авторами в предисловиях ("author's prefaces"), особенно в предисловиях к переводам [9]. Подчеркивается, что, во-первых, полезно иметь научные работы на национальном языке, так как тогда не нужно

будет тратить время и силы на изучение языков. Во-вторых, недостаток слов можно восполнить, создавая и заимствуя слова, если писать работы по-английски. Это обогатит язык, и он перестанет быть грубым и варварским.

В целом, к концу XVI в. ситуация в корне изменилась, и Р. Джоунс приводит примерные временные рамки резкого переворота в отношении к языку: между 1575 и 1580 гг. [10]. В XVII в. авторы вообще были больше склонны восхвалять национальный язык и подчеркивать его превосходство. На это были свои причины: появились важные работы, написанные на английском языке, переводы, научные труды; увеличился словарный состав, в основном за счет заимствований из греческого и латыни; его украсили средства классической риторики; и, наконец, язык стал регулируемым (“fixed” or “ruled”), как классические языки, когда не возникает сомнений, что считать правильным употреблением. Началась публикация словарей и грамматик, что, согласно распространенному мнению, позволило бы одновременно обосновать правильное использование языковых единиц и добиться стабильности языка. В регулируемом языке нормативное словоупотребление надлежащим образом закреплено в соответствующих авторитетных источниках или постановлениях Академии. “A ruled language is one in which acceptable usage is explicitly laid down, e.g. by grammars and dictionaries, or by the ruling of an Academy. Some people also believed that a properly ruled language would also be unchanging.” [11].

Стремление кодифицировать язык стало причиной появления второй характерной тенденции кодификации, наиболее ярко проявившейся в XVIII в., – **соперничества прескриптивистов, желавших исключить возможность языковых изменений, и дескриптивистов, стремившихся обосновать непрерывное развитие языка.**

Мы позволим себе разделить убеждение Р. С. Сага, утверждающего, что английские грамматики XVIII в. нельзя ассоциировать с беспросветным прескриптивизмом и догматизмом, как это принято в европейской традиции [12]. По мнению автора, в Европе бытует убеждение, что грамматики писались в то время лишь в повелительном наклонении. “The period is accused of having saddled its posterity with a prescriptive grammar against which contemporary linguistics has had to react in a spirit not unlike that in which the Romantics attacked poetic diction” [13]. Однако эту точку зрения невозможно признать справедливой, так как желание контролировать язык в равной мере присуще XVI, XVII, XVIII вв., даже началу XIX в. Таким образом, прескриптивизм XVIII в. у наиболее влиятельных авторов был антиципацией современных методов изучения

языка. Начало этого периода – ветвь бэконинско-классицистическая – сходна с гуманистическими идеями эпохи Возрождения. Конец периода представлен работами, дидактическими по социальной ориентации. Они были созданы для среднего класса и явились провозвестниками пособий XIX в. [14]

Э. Финеган в своей статье также затрагивает важные вопросы стандартизации английского языка в XVIII–XIX вв. и в частности подчеркивает, что по меньшей мере с XVIII в. высказывания и размышления ученых по поводу английского языка были очень разнородными, представляли собой сложную комбинацию дескриптивизма и прескриптивизма. Грамматики и словари не только отражали современное состояние языка, но также являлись трансляторами субъективных взглядов своих авторов по поводу соотношения лингвистических традиций и узуального употребления языковых единиц [15]. Например, прескриптивные убеждения Р. Лоута четко просматриваются в его работе “A Short Introduction to English Grammar” [16]. Лоут стремится элиминировать вариативность и любые проявления лингвистических изменений с целью добиться грамматической правильности (“grammatical accuracy”). Он обращается к старинным правилам латыни – языка с четким давно кодифицированным строем – и пытается использовать античные традиции для кодификации правил английской грамматики, несмотря на то что такой подход никоим образом не согласуется с грамматической системой английского языка.

В противоположность Лоуту, Джозеф Пристли полагал, что грамматисты оказались слишком поспешны в своем настойчивом стремлении фиксировать английский язык. В предисловии к своей работе “The Rudiments of English Grammar” Пристли призывает скорее довериться медленным, но верным решениям времени, чем согласиться с поспешными и опрометчивыми выводами кодификаторов [17]. Он утверждает, что лучшие элементы языковой системы со временем “...establish themselves by their own superior excellence; and, in all controversies, it is better to wait the decisions of Time, which are slow and sure, than to take those of synods, which are often hasty and injudicious.” [18].

Следует отметить, что кроме указанных чрезвычайно категоричных точек зрения существуют также подходы, которые можно назвать промежуточными. Такова, например, работа Джеймса Гринвуда “An Essay towards a Practical English Grammar” [19]. Во введении Гринвуд указывает, что его грамматика предназначена для тех, кто говорит так, как их родители, няньки, учителя, то есть для молодых людей из высших слоев общества. Он делает особый акцент на письме, в

уюду сложившейся традиции. Его «уместность» – это то, что позволяет нашим мыслям легко и эффективно проникать в ум других людей. Таким образом, его «правильность» была не узко прескриптивной, но определялась практической необходимостью условий коммуникации.

Третья важная тенденция, которая четко просматривается в диахронии, заключается в **постепенном переходе полномочий фиксации и кодификации текущих изменений в языке от грамматистов к лексикографам**. На протяжении XVII–XVIII вв. грамматисты неуклонно теряли свое значение как авторитетные хранители кодифицированной нормы, но становились при этом необходимым инструментом при обучении языку. Как отмечает Ч. Барбер, этот процесс начался в английском языке в XVII в., когда активизация лексикографической деятельности не только явилась «симптомом» растущего желания регулировать язык, но в то же время внесла большой вклад в сам процесс регулирования. Записывать, фиксировать (то есть кодифицировать. – Н. А.) не всегда означает предписывать. Однако когда словари становятся источниками справочной информации и их авторитет неизбежно возрастает, они начинают исполнять регулятивные функции [20].

В XVI в. уже существовали двуязычные словари, но еще не было одноязычных толковых словарей, необходимость которых начала ощущаться в связи с появлением в языке большого количества новых слов, особенно не вполне понятных заимствований. Еще в 1582 г. Мулкастер [21] обосновал необходимость словаря для того, чтобы показать правильное написание слов, их истинное значение и надлежащее использование. Явно предвидя регулирующую функцию словарей в будущем, он размышлял также и над созданием полного словаря английского языка. Однако ни один словарь до XVIII в. не мог похвастаться полнотой, так как все они охватывали лишь определенную часть словарного состава [22].

А. Митчелл прослеживает смену авторитетов в кодификации на протяжении XVII–XVIII вв. как **три последовательных этапа**: это доминирующая роль грамматистики, появление лексикографии и приобретение лексикографом статуса авторитетного кодификатора [23].

На первом этапе, до начала XVIII в., грамматисты сохраняли за собой полное право вынесения кодификаторских решений, которым обладали с античных времен. Ранние грамматисты, наряду с другим разнообразным языковым материалом (правила орфографии и произношения, списки синонимов и антонимов, этимология слов, главы из поэзии, логики, риторики), часто содержали небольшие латино-английские и

англо-латинские лексиконы. В отличие от лексиконов собственно словари были преимущественно одноязычными, находились под сильным влиянием латинских традиций и представляли собой грубые сборники трудных английских слов (устаревшая, специальная лексика, многосложные слова, неассимилированные заимствования). Предполагалось, что эти словари должны содержать слова, неизвестные обычному читателю, но именно выделение данного пласта лексики и представляло особые трудности для первых грамматистов-лексикографов [24].

Р. Кодри [25] предпринимает первую попытку создать подобный словарь, содержащий около 2500 статей, в которых объясняется значение неясных заимствований и приводится правильное написание. Словарь Д. Буллокара включает 4100 статей большего объема с большим количеством дополнительной информации и более подробными описаниями [26]. Г. Кокерэм предлагает интерпретацию трудных английских слов, разделенных на три группы: наиболее употребительная лексика, вульгаризмы и их более приемлемые эквиваленты, мифологический словарь [27].

В более поздних работах за основу берется материал предшественников. Так, например, словарь Р. Брауни предлагает “...The Interpretation of the most Difficult Words, which are commonly made use of in our English Tongue. First set forth by J. Bullokar, ...and now carefully Revived, Corrected, and abundantly Augmented; with a new and very large Addition of very useful and significant words” [28].

На втором этапе, в середине XVIII в., пока грамматисты находились в поисках универсального метода и вели дискуссии по общим вопросам грамматической теории, одновременно составляя учебные тексты и совершенствуя практику обучения, лексикографы сосредоточились на нормализации и кодификации языка [29]. Данный период ознаменован созданием совершенно нового типа словаря с целью, еще не достигнутой в грамматиках – кодифицировать и стандартизировать английский язык.

В словаре С. Джонсона в каждой словарной статье приводится обширный список значений и цитаты с примерами (выдержки из работ ученых и писателей) [30]. Фактически это первая попытка наделить словарь современными функциями.

С этого периода за лексикографами закрепляется новая обязанность – отслеживать и фиксировать аномалии в языке, чтобы не допустить распространения и закрепления нежелательных речевых привычек. В частности, в предисловии к своему словарю С. Джонсон замечает, что в каждом языке есть неправильности и отклонения, но долг лексикографа – их исправлять и устранять: “...improprieties and absurdities, which it is the duty of the lexicographer to correct or proscribe” [31].

По утверждению Л. Митчелл, заключительный этап перехода кодификаторских полномочий продолжается до наших дней [32]. К концу XVIII в. типичной практикой для лексикографов стало снабжать словари кратким руководством по грамматике, содержащим основные грамматические правила. Т. Дич был первым автором подобного словаря, "...to which is prefixed a compendious English Grammar, with general rules for the ready formation of one part of speech from another; by the due application whereof, such as understand English only, may be able to write as correctly and elegantly, as those who have been some years conversant in the Latin, Greek, etc. Languages." [33]. Также из введения следует, что данная грамматика представляет собой не научный трактат, а практическое руководство: "... is intended only as a general Hint or Specimen, and not as a critical Treatise, upon that Subject..." Тем не менее автор имеет все основания полагать, что при правильной организации работы с ней можно добиться значительных результатов даже при отсутствии опыта изучения классических языков: "... but if it is carefully attended to, especially with the Assistance of a Master, those Persons, that never learnt any Thing but English, may as correctly distinguish one Part of Speech from another, and write as good Sense, and coherently, as tho' they had employed a great deal of Time in learning in the common Methods, Latin, etc." [34].

Резюмируя вышесказанное, следует прежде всего отметить, что три отмеченные тенденции по-разному проявляются в исторической динамике кодификации и в лингвистической традиции английского языка. Вместе с тем к концу исследуемого периода все они сложились в довольно четкие модели.

Это отказ от классической латинской схемы, возрастание интереса к национальному языку и принципиальное признание возможности его нормализовать и кодифицировать. Далее, формирование прескриптивного подхода к кодификации определило «лицо» грамматики XIX в. и заложило необходимые основы для современной грамматики. В результате произошел передел «полномочий», который наделил лексикографов авторитетом в кодификации языка.

Примечания

1. *Milroy, J.* Authority in Language: Investigating Language Prescription and Standardization [Text] / J. Milroy and L. Milroy. L.: Routledge, 1985. P. 3.
2. *Mitchell, Linda C.* Grammar Wars: Language as cultural battlefield in 17th and 18th cent. England [Text] / Linda C. Mitchell. Aldershot etc.: Ashgate, cop. 2001. P. 17.

3. Цит. по: *Семенюк, Н. Н.* Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов [Текст] / Н. Н. Семенюк // Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М., 1996. С. 23.
4. Там же.
5. *Barber, Ch.* Early Modern English [Text] / Ch. Barber. L.: Andre Deutch, 1976. P. 65–67.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid. P. 68.
9. Ibid.
10. Цит. по: *Barber, Ch.* Op. cit. P. 76.
11. Ibid. P. 105.
12. *Sugg, R. S. Jr.* The Mood of Eighteenth-Century English Grammar [Text] / R. S. Sugg Jr. // Philological Quarterly 43. L., 1964. P. 239.
13. Ibid.
14. Ibid. P. 252.
15. *Finegan, E.* Style and Standardization in England: 1700–1900 [Text] / E. Finegan // English in Its Social Contexts: Essays in Historical Sociolinguistics, eds. T. M. Machan, C. T. Scott. New York: Oxford University Press, 1992. P. 102.
16. *Lowth, B. R.* A Short Introduction to English Grammar with Critical Notes [Text] / B. R. Lowth. L., 1762.
17. *Priestly, J.* The Rudiments of English Grammar [Text] / J. Priestly; adapted to the use of schools. With Notes and Observations, For the use of those who have made some proficiency in the Language. L., 1761.
18. Ibid.
19. *Greenwood, J.* An Essay Towards a Practical English Grammar, etc. [Text] / J. Greenwood. L., 1711.
20. *Barber, Ch.* Op. cit. P. 111.
21. *Mulcaster, R.* The First Part of the Elementarie, which entreateth chefelie of the right of our English tung [Text] / R. Mulcaster. L., 1582.
22. *Barber, Ch.* Op. cit. P. 105–109.
23. *Mitchell, Linda C.* Op. cit. P. 38.
24. Ibid.
25. *Cawdrey, R.* A Table Alphabetical, conteynng and teaching the true writing, and understanding of hard usuall English wordes, borrowed from the Hebrew, Greeke, Latine, or French, etc. [Text] / R. Cawdrey. L., 1604.
26. *Bullockar, J.* An English Expositor: Teaching the Interpretation of the hardest words used in our language. With Sundry Explications, Descriptions, and Discourses [Text] / J. Bullockar. L., 1616.
27. *Cockeram, H.* The English Dictionarie: or, An Interpreter of Hard English Words, etc. [Text] / H. Cockeram. L., 1623.
28. *Browne, R.* The English Expositor [Text] / R. Browne. L., 1707.
29. *Mitchell, Linda C.* Op. cit. P. 40.
30. *Johnson, S.* A Dictionary of the English Language... To which are prefixed, a history of the language, and an English Grammar [Text] / S. Johnson. L., 1755.
31. Ibid.
32. *Mitchell, Linda C.* Op. cit. P. 42.
33. *Dyche, T.* A New General English Dictionary... To which is prefixed a compendious English Grammar, etc. [Text] / T. Dyche. L., 1735.
34. Ibid.

ПЕДАГОГИКА

В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова

ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ДЛЯ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ

В статье рассматриваются новые ориентиры для создания учебно-методических комплексов для сельской школы на основе интегративно-дифференцированного подхода.

Понятие учебно-методического комплекса становится сегодня одним из основных дидактических понятий. Попробуем разобраться, почему так произошло. Еще совсем недавно для нашей школы были характерны стабильные учебники (часто единственные варианты для изучения предмета), поэтому именно для них разрабатывались поддерживающие методические пособия для учителя и учебные дидактические материалы для школьников. Для каждого предмета были разработаны достаточно целостные совокупности учебно-методических материалов, которые вполне устраивали единую школу, традиционный процесс обучения, обеспечивая определенную стабильность российского образования и достаточно высокие результаты обучения. Однако, несмотря на богатый по научному и практическому потенциалу арсенал учебной литературы, практика обучения по стабильным учебникам и сопутствующим пособиям выявила ряд противоречий и проблем, среди которых можно отметить следующие:

– отсутствие общего подхода к разработке учебно-методических комплексов, интегрирующего принципа или теоретической концепции-модели, по причине чего созданные компоненты кажущейся совокупности функционировали обособленно, а не в системе;

– слабый учет психологических проблем процесса усвоения знаний, вследствие чего материал учебников чаще всего не дифференцировался по степени сложности, в нем слабо проявлялись мотивационно-развивающая и воспитательная

основы обучения, а ориентация на «среднего» ученика не способствовала применению нетрадиционных приемов обучения, которые бы активизировали познавательную деятельность обучающихся;

– перегрузка учебных книг второстепенным фактическим материалом, его труднодоступность, недостаточная реализация внутипредметных (горизонтальных и преемственных) и межпредметных связей.

Необходимость разрешения данных наболевших вопросов и явилась началом к «взрывообразному» росту различных вариантов учебно-методических комплексов, различающихся как своими методологическими основаниями, так и количеством образующих комплекс единиц, качеством их «исполнения»: содержанием, логикой построения, методиками и используемыми технологиями, внешним оформлением составляющих комплекса.

Каково же современное понимание учебно-методического комплекса (УМК)? Выполним поэтапный анализ нескольких определений понятия и выявим его сущностные признаки.

УМК – «...совокупность всех учебно-методических документов (планов, программ, методик, учебных пособий и т. д.), представляющих собой проект описания учебно-воспитательного процесса, который впоследствии будет реализован на практике. ...УМК является комплексной информационной моделью педагогической системы, отображающей определенным образом её элементы, задающей структуру педагогической системы» [1].

УМК – «система учебных материалов, отражающая модель учебного процесса... и предназначенная для практической деятельности учителя и учащихся» [2].

Под УМК понимается также система средств обучения совместно с учебно-методической литературой, программным обеспечением учебного курса и средствами научной организации труда педагога и его учеников [3].

Таким образом, можно утверждать, что *учебно-методический комплекс является системой,*

– *поддерживающей практическую деятельность педагога по организации процесса освоения школьниками предметного курса;*

– *являющейся отражением какой-либо педагогической системы;*

ДАНЮШЕНКОВ Владимир Степанович – доктор педагогических наук, профессор по кафедре дидактики физики ВятГГУ, член-корреспондент РАО
КОРШУНОВА Ольга Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент по кафедре дидактики физики и математики ВятГГУ

© Данюшенков В. С., Коршунова О. В., 2008

– включающей инструментально-методические средства (все идеальные и материальные объекты: система средств обучения, учебно-методическая литература, средства новых информационных технологий, в том числе программное обеспечение, средства научной организации труда учителя и школьников), которые направлены на овладение данной учебной дисциплиной и помогают педагогу и обучающемуся организовать деятельность преподавания и учения.

Тенденции совершенствования учебно-методического инструментария в комплексе отражают как лучшие традиции российской школы, так и инновационные педагогические идеи, которые все увереннее завоевывают позиции в ценностных убеждениях педагогов.

Обозначим более четко тенденции обновления учебно-методического обеспечения современной школы.

- Создание сочетаемых компонентов научно-методического обеспечения, получивших название учебно-методических комплексов (УМК).

- Представление содержательной составляющей компонентов УМК в таком виде, который обеспечивает исследовательский характер усвоения фундаментальных знаний в соответствии с «цепочкой» научного познания (факты → противоречия → проблема → гипотеза-модель → выводы-следствия или «тезис → доказательство → выводы»).

- Перевод учебно-методических материалов на проблемную и развивающую основу.

- Разработка УМК для различных профилей обучения.

- Разработка компонентов УМК на психодидактической основе.

- Модульность, взаимодополняемость и взаимозаменяемость компонентов в УМК.

- Перевод некоторых компонентов УМК или их составляющих на электронные носители.

- Включение в компоненты УМК, несущих содержательное предметное обеспечение, элементов экологического характера. (Для сельской школы важно включение в учебное содержание дидактических единиц природного, сельскохозяйственного, краеведческого характера, а также связанных с крестьянскими традициями и ценностными установками.)

Данные тенденции предполагают использование следующих принципов для разработки современных УМК:

- фундаментальность изучаемой информации, содержательного наполнения учебных книг;
- методологичность учебных пособий;
- доступность и вариативность для субъектов различного уровня обученности и обучаемости;
- модульность;
- интегративность и дифференцированность.

Должен ли обладать спецификой учебно-методический комплекс для современной сельской школы?

Современные условия функционирования сельских школ России создают ситуацию поиска новых подходов к обучению, обеспечивающих переход к сильно индивидуализированной его форме, к использованию приемов обучения, которые позволяют учесть психофизиологические и личностные характеристики каждого школьника.

Такая ситуация связана с резким снижением численности школьников в учебном заведении села (особенно в последнее десятилетие), активным пропагандированием идей личностно-ориентированного и компетентностного подходов в образовательной сфере, гуманизации и гуманитаризации. Естественно, что новые концептуальные и организационные факторы настойчиво требуют изменения основ функционирования учебно-методических средств, обеспечивающих дидактический процесс. Рассматривая обозначенные выше принципы в качестве базовых, представим далее идеи по разработке двух составляющих УМК для сельской школы: учебника как «концентратора» и координатора всех других компонентов в системе учебно-методического обеспечения предмета и личностно-ориентированных дидактических материалов для учеников, стараясь при этом обозначить специфику обучения в сельской школе. Сделаем это на примере естественнонаучных дисциплин (в частности, физика).

Что же такое современный учебник для сельской школы? Каким он должен быть? Приведем для начала высказывания известных педагогов относительно понимания данной категории:

- Это комплексная информационно-деятельностная модель образовательного процесса, происходящего в рамках соответствующей дидактической системы и включающего необходимые условия для его осуществления (А. В. Хуторской).

- Это модель дидактической системы (В. П. Беспалько).

- Учебник XXI века – это учебная книга нового поколения, отличающаяся высокой научно-мировоззренческой информативностью, четкой адресностью и адекватным жанру языком изложения, совершенным методическим справочно-ориентировочным аппаратом, преемственностью, коммуникативностью и координирующей функцией в системе средств обучения, высоким художественным и полиграфическим качеством (Т. С. Назарова).

Однозначного ответа на вопрос «Что такое учебник?» сегодня нет, так как границы учебника оказались размытыми по причине его интег-

рации с другими учебными пособиями и изданиями, такими, как практикум, сборник задач, справочник, хрестоматия, словарь, дидактическое пособие. Неопределенность в понимании понятия «учебник» вносит увеличивающееся многообразие форм его представления: он может быть бумажным, электронным, гипертекстовым, мультимедийным, размещенным на компакт-диске или веб-сайте [4].

Анализируя приведенные выше определения, можно увидеть, что главный акцент в них делается на отражение учебником как интегратором определенной дидактической системы, выражающейся через соответствующую модель образовательного процесса. Как обстоят дела в реальности?

По результатам социологического исследования для большинства учителей учебник является основой формирования, источником учебного материала и содержания урока [5]. Учебник все ещё остается практически основным документом, с которым учителя сверяют свою деятельность и содержание образования. Однако почти 50% учителей не совсем устраивает содержание учебника, уровень и порядок изложения материала. Кроме того, учебник сегодня является далеко не единственным «монополистом» в презентации информации. Социологические исследования показывают, что учебник, которым снабжена современная школа, служит для выполнения требований именно школьного уровня, на удовлетворение же внешкольных потребностей (вузовских) он не ориентирован. Это подтверждается катастрофическом разрывом между требованиями к выпускнику школы и к абитуриенту вуза. Качество современных учебников оценивается по четырем группам признаков: содержанию, методике, оформлению, сопровождению. Методический уровень изложения вызывает серьезную озабоченность педагогической общественности. Самые низкие показатели современные учебники получают по таким критериям, как ориентированность на самостоятельное мышление, качество методических разработок, обеспеченность дидактическими материалами, занимательность материала, логическая увязка с материалом других предметов (реализация межпредметных связей, осуществление горизонтальной и вертикальной интеграции), разноуровневость текста (от обязательного до ...) – реализация дифференциации, возможность использования компьютера, видео... [6]. Современные учебники имеют по оформлению (формат, шрифт и переплет) высокую оценку. Заметно больше претензий к качеству иллюстраций, рисунков, схем: 45% учителей считают, что они выполнены на посредственном или низком (24%) уровне. Уровень методического сопровождения современных учебников оставляет же-

вать лучшего: 70% учителей недовольны отсутствием раздаточных материалов, 52% – наглядных пособий, хрестоматий, задачников. Мнение учителей по поводу обеспеченности другими дидактическими элементами можно назвать тревожным: каждый четвертый отмечает полное отсутствие этого обеспечения.

Вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что проблема учебника многогранна. Практика показывает, что современный учебник, как ни странно, обращен в большей степени к учителю, а не к ученику, хотя должно быть наоборот. Большинство учебников отражают компоненты преподавания, а не учения. По нашему мнению, учебник должен быть интегратором информационно-деятельностных и эмоционально-ценностных компонентов учения школьника, а не только координатором в процессе преподавания и традиционно информационной поддержкой учения.

А может быть, современная школа вообще может обойтись без учебника? Ведь нет учебника в вальдорфской школе, в школе С. Френе... Тем более что «теория жизни» идет всегда впереди «теории учебника» [7]. А как с помощью единого учебника обеспечивать индивидуальную образовательную траекторию каждого ученика или развивать его компетенции в соответствии с основными ориентирами современного образования, в частности с Концепцией профильного обучения на старшей ступени школы? Каким должен быть учебник для сельской школы? Должен ли он отличаться от учебника для городских детей? Может быть, создание учебника, ориентированного на сельскую школу, будет лишь усиливать, а не ослаблять «различие между городом и деревней»? Однако известны и подробно исследованы психолого-педагогические особенности сельских детей, особенности сельской школы в целом, её учебно-воспитательного процесса и урока в ней (Г. А. Ашихмина, Л. В. Байбородова, М. Т. Гурьянова, В. С. Данюшенков, М. И. Зайкин, С. Е. Каменецкий, Л. Д. Мунчинова, А. М. Цирульников, Р. М. Шерайзина, Г. А. Федотова и др.). Поэтому, если мы хотим иметь учебник лично-ориентированного характера, который отражал бы личностный смысл образования каждого ученика, особенности сельского микросоциума, учебник для сельской школы просто необходим!

Одним из путей совершенствования учебников мы видим отказ от их общей теории и создание учебников с опорой на конкретные образовательные концепции, каждая из которых предъявляет к ним свои требования [8]. На наш взгляд, данный путь в наибольшей степени отвечает лично-ориентированному направлению модернизации образования.

Итак, для задания методологической основы конструирования конкретного учебника необходимо ответить на вопрос: «Какой образовательной системе он будет служить»? Посмотрим, как отражаются основные принципы личностно-ориентированной и знаниево-ориентированной образовательных систем в учебнике, реализующем ту или иную концепцию (табл. 1). Необходимо заметить, что личностно-ориентированный учебник не может быть эффективным без использования идей знаниево-ориентированной образовательной системы: учет особенностей науки, её логики и методов, отражаемых в учебном предмете, необходим в соответствии с требованием обеспечения принципа генерализации знаний, их фундаментальности, исследовательского подхода к обучению.

Учитывая (пока декларативные) ориентиры современного образования; состояние сельской школы в России; факторы, определяющие жизнедеятельность образовательных учреждений села в условиях рыночных отношений в экономике; изменившиеся социальные и морально-нравственные ценности общества, предполагается учебник для сельской школы создать на основе интегративно-дифференцированного подхода, в основе которого лежат следующие тенденции (интеграцию и дифференциацию) развития современного образования и призванного обеспечить оптимальное сочетание внутренних и внешних образовательных ресурсов сельских учебных заведений. Интегративно-дифференцированный подход, с одной стороны, отражает интегративные процессы в жизнедеятельности сельских школ, с другой – неразрывно связанные с ними процессы дифференциации, являющиеся обратной «стороной медали» интеграционных явлений. Поясним это для уровня процесса обучения.

В технологическом плане интегративно-дифференцированный подход в сельской школе реализуется через интеграцию элементов трех об-

разовательных технологий: уровневой дифференциации, модульного обучения и индивидуализации на основе учета когнитивного стиля (особенностей восприятия и переработки информации) ученика.

Применение в единстве трех технологий позволяет учесть в концептуально-содержательном и организационном аспектах обучения основные характеристики малочисленной сельской школы: многопредметность преподавания, яркое проявление на фоне малочисленности индивидуально-личностных и психофизиологических особенностей учеников, близость к природе и сельскохозяйственному производству. Первая из технологий обеспечивает учет способностей, интересов, склонностей сельских школьников, определяя различие в целях-результатах, содержании, формах, методах, приемах, средствах обучения. Вторая способствует использованию положительных следствий многопредметности (формирование целостной картины мира и системного мышления), отражению особенностей социоприродного окружения сельской школы, развитию самостоятельности, навыков самообразования, темповой дифференциации. Стилевая технология ответственна за обеспечение психологического комфорта в обучении за счет учета психолого-педагогических особенностей сельского школьника, например наблюдательности, особого характера мышления (недоразвитие анализирующего, логического компонента и в то же время большая образность мышления), склонности к чувственному восприятию мира, непривычности к быстрой ориентировке в новой ситуации и т. д.

В соответствии с идеями интегративно-дифференцированного подхода основными методологическими ориентирами создания учебника для сельской школы рассматриваются: а) гуманистическая парадигма образования, системный, интегративно-дифференцированный, личностно-деятельностный и комплексный психолого-методи-

Таблица 1

Отражение основных принципов образовательных систем в учебнике

Личностно-ориентированная образовательная система	Знаниево-ориентированная образовательная система
В содержании и форме учебника	
Учет личностных и индивидуальных качеств каждого ученика	Учет особенностей науки, отраженной в данной учебной дисциплине, её логики и методов
В структурировании элементов учебника	
Элементы учебника структурируются в логике деятельности учащихся	Элементы учебника структурируются в логике науки, соответствующей изучаемому предмету и соответствующим способам деятельности
Определяющая (системообразующая) цель учебника	
«Выращивание» личностных образовательных смыслов учащихся	Усвоение информации в соответствии с логикой науки, отраженной в данной учебной дисциплине

ческий подходы (последний отражает явление психологизации всего образовательного процесса); б) концепция интегративно-дифференцированного подхода в сельской школе (основная идея – единство интеграции и дифференциации в обучении) [9]; в) нормативные документы: Стратегия модернизации российского образования до 2010 г., Образовательный стандарт по предмету (минимум содержания образования в основной и полной средней школе, требования к уровню подготовки учащихся), Концепция профильного обучения; г) психолого-педагогические и методические основы создания учебно-методического комплекта (УМК) по предмету (для физики эти основы разработаны А. И. Архиповой).

Нами разрабатывается УМК для сельской школы по физике: программы по физике [10], учебное пособие для учителей-экспериментаторов [11], курс лекций для учителей по проблеме интегративно-дифференцированного подхода [12], лабораторный практикум интегрированного характера [13], монография [14], учебные пособия [15]. Данный УМК необходимо дополнить системообразующим и интегрирующим элементом – учебником.

Разрабатываемый учебник для сельской школы опирается на следующие базовые идеи:

- Учет двух полярностей когнитивных стратегий: интегральность-дифференциальность (в системе технологии индивидуализации на основе учета когнитивного стиля ученика).

- Реализация дифференцированного подхода (в системе технологии уровневой дифференциации).

- Реализация модульного подхода в обучении (40% учебного времени – совместная деятельность, 60% – индивидуальная (индивидуализиро-

ванная) самостоятельная работа школьника). Использование модульного подхода в построении учебника обеспечит «гибкость» его системы, динамичность использования.

Структура учебника – это единство инвариантной и вариативной частей (см. рисунок). Инвариантную часть представляют фундаментальные образовательные объекты, основные технологии деятельности: это содержание отражает основные элементы образовательных стандартов. Вариативную часть можно назвать индивидуальным содержанием образования (по А. В. Хуторскому). В нашем случае его образуют: а) различная логика презентирования учебной информации для разных полярностей когнитивных стилей; б) различный деятельностный инструментарий в зависимости от психологических особенностей; в) задания и упражнения различных видов и уровней сложности (уровневая и профильная дифференциация) (табл. 2).

Именно благодаря вариативной части учебник обретает свойство адресованности не «среднему», а каждому школьнику, решает задачи его психического развития за счет того, что конструируется с учетом возможности выбора учащимся психологически комфортного режима деятельности в зависимости от особенностей персонального познавательного стиля. Заметим, что под последним мы понимаем, как и М. А. Холодная, взаимодействующее единство стилей кодирования и переработки информации, постановки и решения проблем (мышления), познавательного отношения к миру, присущее какому-либо отдельному ученику.

Таким образом, учебник для сельской школы – это учебная книга, главной функцией которой является интеграция информационного и ин-

Таблица 2

Индивидуальное содержание образования

Интегральная познавательная стратегия	Дифференциальная познавательная стратегия
Приоритетные методы обучения (методы учебного познания)	
Преимущественно дедуктивные методы обучения	Преимущественно индуктивные методы обучения
Вид обучения по способу накопления информации	
Паутинное обучение	Линейное обучение
Специфические формулировки задач	
От вопроса к частностям и фрагментам учебной ситуации	От частностей и фрагментов заданной задачной ситуации к вопросу задачи
Виды презентирования учебной информации	
Выделение сущности, представление целостного образа ситуации, объекта, явления, лишь затем – переход к обсуждению и выявлению фрагментов и частностей	Выделение деталей, элементов, частей ситуации, объекта, явления, лишь затем – переход к обсуждению и выявлению целостного представления об информации
Различные виды кодирования информации	
Опорно-логические схемы, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т. д.	Преимущественно текст или рисунки с выделением (акцентированием) деталей

струментального (деятельностного) компонентов учения школьника. Учебник для сельской школы кроме этого обязательно должен обеспечивать формирование эмоционально-ценностного компонента содержания образования и создавать условия для осмысления и выработки личного отношения ученика к проблемам сельскохозяйственного производства, экологии родного края, состоянию природных ресурсов, краеведческим вопросам. Следовательно, в предметное содержание должны быть введены соответствующие учебные элементы, а также элементы, связанные с крестьянскими традициями и ценностными установками тружеников на земле (см. рисунок).

Основываясь на приведенных выше принципах, возможно сконструировать новое поколение дидактических материалов для учащихся.

Принцип модульности проявляется в том, что дидактические материалы представляют собой модули, сохраняющие при этом все свойства и требования к ним, определенные в технологии модульного обучения (И. П. Третьяков). Отли-

чие предлагаемых модулей заключается в их несколько иной структуре, обусловленной необходимостью концентрации в модуле содержания и управляющей информации для школьников с различными типами когнитивных стилей. Это одновременно является отражением психодидактического подхода к построению учебных материалов. При этом нами используется классификация когнитивных стилей, предложенная Г. А. Берулава и М. Н. Берулавой. Данные авторы выделяют два полюса стилей: интегральный и дифференциальный. Каждый из полюсов характеризуется, в свою очередь, различной интенсивностью выраженности обобщенности воспринимаемого образа мира, эмоциональности и динамичности (действенности) воспринимаемой информации.

Поэтому всего в типологии Берулава выделяют 6 типов когнитивного стиля: интегрально-теоретический (ИТ), интегрально-эмоциональный (ИЭ), интегрально-деятельностный (ИД), дифференциально-теоретический (ДТ), дифференциально-эмоциональный (ДЭ), дифференциально-дея-



Структура учебника

тельность (ДД) (подробно об особенностях данных стилей и их диагностике см. [16]). Поэтому модуль устроен так, что у обучающегося появляется возможность с учетом индивидуально-личностных особенностей процесса восприятия, переработки и понимания учебной информации выполнить то или иное действие (или систему действий) для успешного достижения учебной цели. Одна из возможных форм таблицы представлена ниже в статье (табл. 3).

Для организации разноуровневого обучения, когда уровни соответствуют гуманитарному, универсальному и физико-математическому профилям, можно составлять различные модули для каждого уровня либо концентрировать информацию для всех трех уровней в одном модуле, делая для этого соответствующие пометки или выделяя информацию штриховкой, другим цветом и т. д.

В настоящее время в процессе разработки модулей на основе интегративно-дифференциро-

Таблица 3

№ модуля (М1, М2, ...). Тема модуля. Уровень дифференциации
(1-й уровень – минимальный, 2-й уровень – общий, 3-й уровень – повышенный)

Учебный материал с указанием заданий							
Когнитивный стиль ИНТЕГРАЛЬНЫЙ			Когнитивный стиль ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ				
Руководство по усвоению учебного содержания	Содержание учебного материала ИТ ИЭ ИД		Содержание учебного материала ДТ ДЭ ДД		Руководство по усвоению учебного содержания		
УЭ № 1 (вид учебного элемента). Частная дидактическая цель (ЧДЦ): ... (формулировка ЧДЦ)							
	ИТ ИЭ ИД		ДТ ДЭ ДД				
				
	ИТ ...		ДТ ...				
	ИЭ ...		ДЭ ...				
	ИД ...		ДД ...				
УЭ № 2 (вид учебного элемента). Частная дидактическая цель (ЧДЦ): ... (формулировка ЧДЦ)							
	ИТ ИЭ ИД		ДТ ДЭ ДД				
				
	ИТ ...		ДТ ...				
	ИЭ ...		ДЭ ...				
	ИД ...		ДД ...				
УЭ № N (вид учебного элемента). Частная дидактическая цель (ЧДЦ): ... (формулировка ЧДЦ)							
	ИТ ИЭ ИД		ДТ ДЭ ДД				
				
	ИТ ...		ДТ ...				
	ИЭ ...		ДЭ ...				
	ИД ...		ДД ...				
УЭ № N+1. Подведение итогов. ЧДЦ: Заполнение листа контроля. Оценка знаний							
ИТ, ИЭ, ИД.			ДТ, ДД, ДЭ		ИТ, ИЭ, ИД		
Заполнение листа контроля. Оценка знаний					ДТ, ДД, ДЭ		
Учебный элемент, задание	Вопросы					Итого баллов	Рекомендации по оценке знаний и умений
	1	2	3	4	5		
УЭ 1. Задание							
УЭ 2. Задание							
... Задание							
УЭ N. Задание							
Оценка							
УЭ № N+2. Домашнее задание							
Оценка. Дифференцированное домашнее задание: ...			Запишите домашнее задание в дневник в соответствии с результатом своей работы на уроке				

ванного подхода – нового поколения дидактических материалов для учащихся – принимает участие целая команда педагогов и учителей сельских школ не только Кировской области, но и всей России, так как технология разработки нового методического инструментария представлена в виде дистанционных курсов в Педагогическом университете «Первое сентября».

Примечания

1. Словарь-справочник по педагогике [Текст] / авт.-сост. В. А. Мижериков; под общ. ред. П. И. Пидкасистого. М.: ТЦ Сфера, 2004. С. 404.

2. Архипова, А. И. Теоретические основы учебно-методического комплекса по физике [Текст]: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / А. И. Архипова. М., 1998. 38 с.

3. Теория и методика обучения физике в школе: общие вопросы [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. завед. по спец. 03.22.00 – Физика / С. Е. Каменецкий, Н. С. Пурышева, Н. Е. Важевская и др.; под ред. С. Е. Каменецкого, Н. С. Пурышевой. М.: Академия, 2000. 368 с.

4. Современный учебник: Каким ему быть? [Текст]: сб. м-лов участников науч.-метод. конф. / под ред. А. В. Хуторского. М., 2005. 235 с.

5. Школьный учебник: опыт социологического исследования [Текст] / В. Г. Воронцова. СПб.: СПбГУПМ, 2002. 64 с.

6. Там же.

7. Современный учебник: Каким ему быть?..

8. Там же.

9. Коршунова, О. В. Концепция интегративно-дифференцированного подхода к обучению в сельской школе [Текст] / О. В. Коршунова // Профессионал Казахстана: научно-методический журнал. Республика Казахстан: Изд-во РГКП Казахская академия образования им. Ы. Алтынсарина Министерства образования и науки Республики Казахстан, 2006. № 11(42) (ноябрь). С. 31–34 (1-я часть); № 12(43) (ноябрь). С. 42–45 (2-я часть).

10. Тематическое и поурочное планирование [Текст] / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова // Программы общеобразовательных учреждений: физика: 10–11 классы. М.: Просвещение, 2005. С. 7–84; Программа по физике для 10–11 классов общеобразовательных учреждений (базовый и профильный уровни) [Текст] / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова // Программы общеобразовательных учреждений: физика: 10–11 классы. М.: Просвещение, 2007. С. 59–121.

11. Коршунова, О. В. Интегративно-дифференцированный подход к обучению физике в сельской школе: материалы по организации экспериментального обучения физике для учителей-исследователей общеобразовательных учреждений [Текст]: учеб. пособие / О. В. Коршунова; под ред. В. С. Данюшенкова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. 135 с.

12. Коршунова, О. В. Учет особенностей мышления при обучении физике: интегративно-дифференцированный подход: лекции 1–4 [Текст]: учеб.-метод. пособие / О. В. Коршунова. М.: «Пед. университет “Первое сентября”». 2006. 60 с.; лекции 5–8. 90 с.

13. Данюшенков, В. С. Интегрированный лабораторный практикум естественнонаучного направления для сельской школы [Текст]: метод. пособие для учи-

телей общеобразовательных учреждений / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова, Г. Н. Христюлова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. 53 с.

14. Данюшенков, В. С. Уровневое обучение физике в малокомплектной сельской школе [Текст]: монография / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. 221 с.

15. Данюшенков, В. С. Домашний эксперимент по физике в условиях развивающего обучения [Текст]: учеб. пособие / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова. Киров: Изд-во ВГПУ, 2000. 112 с.; Данюшенков, В. С. Технология разноуровневого обучения физике для сельской школы: 7–9 классы [Текст]: учеб. пособие / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова. М.: Изд-во БИНОМ: Лаборатория знаний, 2007. 388 с. (Педагогическое образование); Данюшенков, В. С. Технология разноуровневого обучения физике для сельской школы: 10–11 классы [Текст]: учеб. пособие / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова. М.: Изд-во БИНОМ: Лаборатория знаний, 2007. 500 с. (Педагогическое образование).

16. Коршунова, О. В. Интегративно-дифференцированный подход к обучению физике в сельской школе...; Коршунова, О. В. Учет особенностей мышления при обучении физике: интегративно-дифференцированный подход: лекции 1–4.

Е. А. Ходырева

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МОДУЛЬНО-РЕЙТИНГОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА МНОГОУРОВНЕВУЮ СИСТЕМУ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты применения модульно-рейтинговой технологии в вузовском образовании, определяются ее целевые установки и принципы реализации, выявляются особенности проектирования образовательного процесса, описывается опыт использования в подготовке бакалавров.

С 1 сентября 2009 г. в Российской Федерации осуществляется переход высшего профессионального образования на многоуровневую систему подготовки кадров (бакалавриат – магистратура). Данные изменения напрямую связаны с вхождением ее в Болонский процесс, направленный на координацию действий европейских стран и обеспечивающий повышение конкурентоспособности их образовательных систем.

Интеграция России в общеевропейскую систему высшего образования возможна лишь при условии модернизации национальной системы

ХОДЫРЕВА Елена Анатольевна – доктор педагогических наук, доцент по кафедре педагогики, декан социально-гуманитарного факультета
© Ходырева Е. А., 2008

образования, обеспечивающей, с одной стороны, сохранение ее лучших традиций, а с другой – повышение её конкурентоспособности, связанной с возможностью наших студентов получать диплом, который будет соответствовать европейскому стандарту и являться востребованным в других странах мирового сообщества.

Процесс интеграции предполагает приведение в соответствие с современными потребностями общества, новыми внешними и внутренними экономическими условиями содержания и технологий образовательного процесса в вузах. При этом модернизация должна учитывать специфику многоуровневого высшего профессионального образования, выражающуюся в следующих позициях:

- использование системы зачетных единиц для определения трудоемкости курса в учебных планах;
- применение балльно-рейтинговой системы оценки деятельности студента;
- личное участие студента в формировании и освоении своего индивидуального образовательного маршрута;
- вовлечение в образовательный процесс тьюторов.

Кроме того, преобразования должны осуществляться на базе перспективных образовательных технологий, направленных на повышение эффективности и качества предоставляемых образовательных услуг.

Результаты анализа программ зарубежных университетов, проведенного российскими исследователями, показали, что программы профессионального образования в европейских вузах в основном выстраиваются по модульному принципу. Его использование позволяет «реализовать точку профессионального успеха “обучение – конкурентоспособность – занятость”» [1], а также обеспечивает его применение в дистанционном образовании, где индивидуальная программа студента составляется, в том числе, и из модулей различных учебных заведений.

Несмотря на то обстоятельство, что данная технология широко используется в европейских вузах, ее внедрение в российское высшее образование пока, к сожалению, не носит системного характера. Это обусловлено многими обстоятельствами, в том числе сложностью осознания преподавателями роли данной технологии в подготовке компетентного выпускника, трудностями в выявлении возможностей ее использования на различных этапах образовательного процесса, необходимостью по-новому проектировать собственную деятельность и деятельность студентов, интегрируя возможности модульной технологии и балльно-рейтинговой системы оценки.

Модульность в образовательном процессе вуза может реализовываться в одном из трех аспектов:

1. Модульность как принцип применяется к **организации образовательного процесса**, когда изучение дисциплины в течение семестра или нескольких семестров по 2–3 часа в неделю заменяется «погружением». Освоение дисциплины осуществляется за 1,5–2 месяца при 8–10 часах недельной нагрузки. Данный подход позволяет оптимизировать нагрузку студентов, ликвидировать многопредметность, однако потребует изменения расписания и нагрузки преподавателей.

2. Модульность как принцип применяется к **содержанию образования** в вузе. В данном случае содержание учебного курса разбивается на модули, с помощью которых студенты осваивают содержание материала в ходе самостоятельной деятельности. Этот подход дает возможность упорядочить самостоятельную деятельность студентов, сделать ее более управляемой и результативной.

3. Модульность как принцип применяется и к **организации**, и к **содержанию образования** в вузе. Именно такой комплексный подход связан с использованием модульно-рейтинговой технологии обучения.

Модульно-рейтинговое обучение – технология, при которой студент самостоятельно (или с высокой степенью самостоятельности) обучается по целевой индивидуализированной программе, включающей в себя целевую программу действий, законченный блок информации, методические указания по его усвоению и преподающей систему накопления баллов за конкретные виды деятельности в течение аттестуемого периода (семестр, весь период обучения).

В качестве основных целей модульно-рейтингового обучения рассматриваются следующие:

1. Обеспечение повышения качества профессионального образования (глубина, осознанность, действенность знаний).
2. Формирование самостоятельности и активности обучающихся.
3. Развитие у студентов способности к самообразованию, саморазвитию.

Выделим на основе анализа психолого-педагогической литературы базовые принципы модульно-рейтингового обучения [2].

Принцип модульности отражает цельность, завершенность, полноту, логичность учебного материала в модуле. Учебный курс или его крупный раздел представляет из себя модульную программу, состоящую, в свою очередь, из 10–12 подразделов (тем) – модулей. Внутри каждого модуля учебный материал структурирован в виде системы учебных элементов, которые могут быть видеоизменяемыми и подвижными [3].

Принцип структурирования содержания обучения на обособленные элементы обуславливает то положение, что учебный материал – это еди-

ное целое, обеспечивающее достижение системы целей. В каждой модульной программе создается так называемое «дерево целей», вершина которого – комплексная дидактическая цель (цель учебного курса в целом или его большого раздела), средний слой – интегрирующая дидактическая цель (цель модуля), нижний слой – частные дидактические цели (цели учебных элементов). Достижение целей должно полностью обеспечиваться учебным материалом, содержащимся в модуле. При этом значимым требованием является осознание учебных целей обучающимися. Цели всех уровней должны быть сформулированы диагностично, чтобы показать результативность его деятельности (что студенту необходимо знать, понимать, уметь, анализировать, создавать, оценивать в результате освоения модуля). Следует также отметить, что комплексные и интегрирующие дидактические цели должны быть многоуровневыми, а частные – включать цели лишь одного уровня.

Принцип гибкости обусловлен требованием адаптации к индивидуальным особенностям студентов. Применительно к модульно-рейтинговой технологии ведут речь о содержательной гибкости, то есть дифференциации и интеграции содержания материала в модуле, возможности его дополнения и изменения; о структурной гибкости, предполагающей вариативность, ступенчатость модуля, возможность его представления в форме, допускающей замену элементов; технологической гибкости, связанной с вариативностью методов, гибкостью форм контроля, индивидуальным темпом усвоения, построением модуля на диагностической основе.

Принцип действенности и оперативности предполагает соблюдение требований формулирования целей через результаты деятельности обучающихся на всех этапах освоения модуля; организацию обучения на основе проблемного подхода к усвоению; ориентацию на самостоятельную активную деятельность студентов по освоению материалов модуля; переход от управления деятельностью студента к самоуправлению, когда преподаватель из режима информирования переходит в режим консультирования, управляя деятельностью студента опосредованно – через модуль. В модульной программе предусматриваются разнообразные виды заданий: упражнения, тесты, ситуационные задачи, – позволяющие самому студенту осуществлять анализ и самопроверку по ходу обучения, а при необходимости использовать дополнительные источники информации, на которые имеются ссылки в тексте модуля.

Принцип вариативности методического консультирования обусловлен необходимостью использования личных объяснительных методов при представлении учебного материала в модуле; на-

личием различных способов усвоения, которые студент выбирает с опорой на личный опыт; применением развернутых методических указаний при усвоении каждого учебного элемента; разработкой четких критериев освоения каждого учебного элемента (балльная оценка каждого вида деятельности и модуля в целом и подсчет индивидуального рейтинга студента).

Таким образом, принципы модульного обучения отражают как особенности построения содержания материала модуля, так и специфику взаимодействия преподавателей и студентов.

Характеризуя особенности организации обучения при использовании модульно-рейтинговой технологии, можно выделить три этапа: подготовительный, основной, рефлексивно-оценочный.

Подготовительный этап – самый сложный и трудоемкий в данной технологии. От его успешности во многом зависит эффективность самостоятельной работы студента с модулем. Последовательность действий преподавателя должна включать следующие позиции:

1. Первичное структурирование учебного материала, предполагающее определение стержневых линий курса, выделение на основе анализа ГОС ВПО базовых знаний и ключевых умений, обоснование трудно усваиваемых тем, внутри- и межпредметных связей, проектирование способов преодоления затруднений.

2. Построение «дерева целей» от комплексной дидактической к интегрирующим и – далее – к частным дидактическим целям. Построение «дерева целей» позволяет увидеть учебный курс целостно, проследить поэтапное движение студентов к достижению результатов.

3. Отбор содержания модуля, предполагающий последовательное построение учебных элементов модуля, модульной программы в целом. При этом отбор содержания всех учебных элементов должен осуществляться в строгом соответствии с частными дидактическими целями, а в комплексе они должны обеспечивать достижение целей модуля.

4. Структурирование материала в модуле предполагает его построение в логике базовой инвариантной структуры модуля, включающей следующие компоненты.

Учебный элемент (УЭ) 0 – интегрирующая дидактическая цель, которая, как правило, носит разноуровневый характер (базовый, повышенный и углубленный уровни). Студент, выбирая цели того или иного уровня, определяет содержание модуля, которое должно быть усвоено, и тем самым формирует свой индивидуальный образовательный маршрут на уровне учебного курса.

УЭ 1 – входная диагностика, включающая задания базового уровня и определяющая готовность студента к освоению материалов модуля.

УЭ 2 – УЭ п-2 – содержание модуля, включающее следующие виды учебных элементов: по цели – информационные, операционные, обобщающие, контролирующие; по степени проблемности – репродуктивные, проблемные; по обязательности освоения – инвариантные, вариативные; по форме предоставления – текстовые, схематические, табличные, модельные и др. Представленные учебные элементы должны интегрировать учебное содержание, дифференцировать его, а также структурировать деятельность студента в логике этапов усвоения знаний.

УЭ п-1 – выходная диагностика включает задания репродуктивные и проблемные для определения уровня овладения студентом содержания модуля. Выходная диагностика должна сопровождаться четкими критериями оценки деятельности студента, позволяющими за достижение определенного уровня усвоения материала модуля выставить определенное количество баллов.

УЭ п – резюме, которое в текстовом или графическом виде отражает основные выводы, результаты освоения содержания модуля. Кроме того, резюме может содержать указания, связанные с осуществлением студентами рефлексии – оценки студентом личностной значимости содержания и способов работы с модулем.

Язык модуля должен быть диалогичным, разительным, адресованным лично обучающемуся, так как общение преподавателя и студента в модульно-рейтинговой технологии осуществляется преимущественно опосредованно, через модуль.

5. Разработка методического руководства для освоения студентами материала модуля, предполагающего определение методов и приемов работы обучающихся с каждым из учебных элементов (самостоятельно или под управлением преподавателя, источник информации, который необходимо использовать, характер и форма организации познавательной деятельности, способ контроля).

6. Оформление модуля предполагает описание его двух взаимосвязанных частей: головки модуля и его содержания.

В головке модуля отражается название учебного курса и модульной программы, описывается ее структура, название и № модуля. Также указывается структура модуля (состав учебных элементов), необходимых для усвоения различными обучающимися, предполагаемое время, отводимое на освоение материала модуля, необходимая для работы по модулю обязательная и дополнительная литература, оборудование и приборы.

Содержание модуля может быть представлено различными способами, однако наиболее удоб-

ной и простой является табличная, содержащая три графы: № учебного элемента, содержание материала модуля, методическое руководство по усвоению содержания модуля

Основной этап связан с организацией и осуществлением непосредственной работы студентов с модулем. При этом описывается две возможных модели реализации основного этапа:

1. Обучающийся работает над модульной программой полностью самостоятельно. Такая модель используется преимущественно в дистанционном образовании.

2. Обучающийся частично самостоятелен. В данном случае цикл обучения состоит из следующих этапов:

– Лекция, реализующая в комплексе ориентационные, мотивационные и информационные задачи и предполагающая блочное изложение базового содержания, а также указание преподавателем порядка учебных действий при самостоятельном освоении студентами нового материала.

– Диагностика преподавателем уровня усвоения базовых теоретических положений, позволяющая определить готовность студента к самостоятельной работе с модулем, а также уровень освоения материала модуля (репродуктивный, конструктивный, творческий).

– Самостоятельная работа обучающихся по модульной программе, осуществляемая в ходе семинарских и практических занятий, домашней самостоятельной работы, сопровождающаяся определением промежуточного рейтинга студента по результатам освоения каждого модуля.

– Итоговый контроль, сопровождающийся определением итогового рейтинга каждого студента по результатам освоения модульной программы в целом.

Рефлексивно-оценочный этап модульно-рейтинговой технологии предполагает осуществление оценки результатов деятельности обучающихся, ее коррекцию, а также оценку эффективности модульной программы, коррекцию ее содержания и методического руководства

Результативность технологии модульно-рейтингового обучения, по данным М. И. Чошанова, обусловлена следующими обстоятельствами: сокращением времени, необходимого для усвоения содержания (по сравнению с традиционным обучением) на 33%, а также повышением качества усвоения материала (коэффициент усвоения у 78% обучающихся – более 75% [4].

На социально-гуманитарном факультете ВятГГУ в 2007–2008 учеб. году начата подготовка бакалавров по направлению 040100.62 «Социальная работа», что обусловило необходимость приведения в соответствие с современными потребностями содержания и технологий образо-

вательного процесса на факультете. Модульно-рейтинговое обучение рассматривается нами в качестве базовой технологии подготовки бакалавров. Ее применение осуществляется поэтапно. На первом этапе (2007–2008 учеб. год) преподавателями разрабатывается балльно-рейтинговая система оценки деятельности студентов, на втором этапе (2008–2009 учеб. год) планируется реализовать принцип модульности в организации образовательного процесса бакалавров. На третьем этапе (2009–2010 учеб. год) идея модульности будет осуществляться комплексно, то есть применительно и к содержанию, и к организации образовательного процесса на основе использования модульно-рейтинговой технологии обучения.

Проведенное нами исследование результативности первого этапа применения модульно-рейтинговой технологии позволило выявить как ее преимущества, так и недостатки.

Так, анкетирование преподавателей (10 чел.) показало, что рейтинговая система оценки формирует у студентов потребность и способность к систематической работе по учебному курсу. По мнению преподавателей, значительно уменьшилось количество пропусков занятий студентами, так как им становится «выгодно» посещать занятия и активно на них работать. Наличие стимула к регулярным в течение семестра занятиям, систематической подготовке к лекционным и практическим занятиям позитивно сказалось на качестве знаний студентов. Например, количество отрицательных отметок на экзаменах у студентов направления подготовки «Социальная работа» уменьшилось на 63,2%, а качество знаний увеличилось по сравнению с результатами 2006–2007 учеб. года на 6%.

Преподаватели также наблюдали значительное повышение уровня мотивированности студентов к осуществлению учебно-профессиональной деятельности за счет высокой дифференциации оценки их учебного труда. Кроме того, преподаватели отмечали повышение качества организации образовательного процесса за счет системного управления самостоятельной деятельностью студентов, комплексного оценивания ее качества, а также развитие собственной профессиональной компетентности, так как технология предъявляет достаточно высокие требования как к личностным качествам, квалификации, так и к методическому мастерству педагога высшей школы.

Анкетирование студентов-бакалавров (24 чел.) показало, что в качестве положительных аспектов рейтинговой оценки они отмечают наличие системности и систематичности контроля, предсказуемость итоговой оценки и сознательный подход к ее достижению. В качестве существенного преимущества балльно-рейтинговой систе-

мы оценки студенты также называют снятие «сессионного стресса».

Выявлены и проблемы использования балльно-рейтинговой системы. Ярко проявилась недостаточность в формировании мотивации высоких достижений у студентов-бакалавров. Анализ анкет преподавателей говорит о том, что подавляющее большинство студентов, набравших в течение семестра баллы на оценку «хорошо», отказались от сдачи экзамена. Однако этот недостаток должен компенсироваться в сильных потоках и группах, где соревновательность и здоровое честолюбие достаточно развито у студентов.

Введение рейтинга сопровождалось организационными сложностями, связанными с необходимостью разработки каждым преподавателем с учетом специфики предметного содержания балльно-рейтинговой системы оценки студентов, своевременным и систематическим заполнением «Образовательного маршрута студента». Требовалось совместить, с одной стороны, строгую унификацию критериев оценки учебной деятельности (суммарное количество баллов за освоение каждой модульной программы должно равняться ста, критерии должны быть максимально диагностичны и охватывать все основные виды деятельности), с другой – предоставить преподавателям возможность конструировать свою, уникальную для данного курса «рейтинговую формулу». В качестве ее компонентов могут рассматриваться следующие позиции: посещение лекций, выступление на семинарских занятиях, выполнение лабораторных работ, чтение художественных текстов, аннотирование монографий, рубежные контрольные работы, итоговая семестровая контрольная работа, выполнение индивидуальных заданий, выступление на учебных конференциях, доклады на научных конференциях различного уровня, творческие задания, проекты, программы. Кроме того, возникла необходимость разработки системы взаимодействия преподавателей, ведущих лекционные и семинарские занятия.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что использование технологии модульно-рейтингового обучения является чрезвычайно перспективным направлением, так как каждый обучающийся включается в активную самостоятельную деятельность, работает с дифференцированной по содержанию и технологии программой. Модульно-рейтинговая технология, обеспечивая гибкость, ориентированность на конечный результат, возможность регулирования объема и уровня содержания образования, формирует оптимальную комбинацию содержательных и процессуальных компонентов и может создать оптимальные условия для качественной подготовки бакалавров.

Примечания

1. Неганов, С. А. Модульные технологии в образовании в системе Болонского процесса [Текст] / С. А. Неганов // Интеграция образования. 2005. № 4. С. 52.
2. Третьяков, П. И. Технология модульного обучения в школе [Текст] / П. И. Третьяков, И. Б. Сенновский. М.: Новая школа, 1997. 351 с.; Чошанов, М. И. Гибкая технология проблемно-модульного обучения [Текст]: метод. пособие / М. И. Чошанов. М.: Народное образование, 1996. 160 с.; Юцявичене, П. А. Теория и практика модульного обучения. [Текст]: монография / П. А. Юцявичене. Каунас: Швиеса, 1989.
3. Чошанов, М. И. Указ. соч. С. 9–10.
4. Там же.

С. А. Барамзина

ТЕНДЕНЦИИ ГУМАНИЗАЦИИ И ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Одно из главных направлений совершенствования образования – его гуманизация и гуманитаризация. Проявляется процесс гуманитаризации в изменении содержания трех его функций: профессионализации, социализации и культурно-гуманистической функции.

Принципы и содержание образования заданы Конституцией РФ и законом Российской Федерации «Об образовании». Среди важнейших из них – «гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности, воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье, светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях... свобода и плюрализм в образовании» [1].

Таким образом, современное законодательство предусматривает научный, светский и гуманистический характер обучения и воспитания.

Что такое гуманность и гуманизм, гуманизация и гуманитаризация образования?

На эти вопросы ни закон, ни учебники не дают никакого ответа. Не случайно поэтому гуманизм понимается преподавателями и студентами абстрактно и интуитивно как «что-то хорошее».

Гуманизм – феномен европейской цивилизации, который тесно связан с эпохой Возрождения. Именно с этим историческим периодом ис-

следователи чаще всего связывали появление и формирование гуманизма.

Фактически гуманизмом называли движение, противостоящее схоластике и духовному господству церкви, пытавшемуся к началу Нового времени извлечь идеал образования и поведения человека из заново открытых античных источников. Однако следует отметить, что конкретные формы выражения гуманизма имеют более глубокую историю. Можно говорить о гуманистических тенденциях в античности, христианстве, о гуманизме Возрождения, Нового времени [2].

Русская философская мысль (Н. Бердяев, П. Флоренский, М. Карелин) определяла гуманизм в самом широком смысле – как провозглашение самоценности человеческой личности [3].

В российском обществе гуманизм воспринимался как утопия. Почему? Потому что в историко-культурном процессе России не было практического воплощения гуманистического отношения к людям, чаще всего гуманизм выступал как некий «идеал», утопия, элементы которой содержались в концепциях различных социальных движений.

Гуманизм в самом общем виде – признание ценности человека как личности, его права на свободное развитие и проявление своих способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений [4].

Фактором усиления гуманистических начал в обществе является гуманизация.

Часто понятие гуманизации образования отождествляется с понятием гуманитаризации образования. Для этого есть этимологические и содержательные основания: слово «гуманизм» происходит от «humanus» (лат.) – человеческий, слово «гуманитарный» от «humanitas» (лат.) – человеческая природа, духовная культура. В педагогике содержания этих образовательных феноменов «перекрывают» друг друга. Но они, конечно, не тождественны [5].

Гуманизация образования касается и вопросов его организации – управления, обучения, воспитания. Гуманизация реализуется во всей системе образования, пронизывает гуманитарное и естественнонаучное образование, сферу технических, сельскохозяйственных и всех других наук. Гуманитаризация же относится только к процессу обучения. Российская педагогическая энциклопедия [6] дает следующее определение гуманитаризации: «Гуманитаризация образования – это система мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и т. о. на формирование личностной зрелости обучаемых».

Интересно, что в российском законе «Об образовании» нет ни слова о гуманитаризации. Иное дело – директивные ведомственные документы,

БАРАМЗИНА Светлана Анатольевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры педагогики ВятГГУ
© Барамзина С. А., 2008

представленные в журнале «Вестник образования» и отражающие позицию Министерства образования РФ. В официальном документе «Реформа образования в России и государственная политика в сфере образования» содержится десять основных принципов реформы, среди которых и принцип гуманитаризации образования. В документе есть положение, что «гуманитаризация» противостоит присущим нашей прежней образовательной системе утилитарному технократизму, невниманию к человеку и духовным ценностям. В документе утверждается, что гуманитаризация не специфически отечественное, а мировое явление, в котором отражаются общие глобальные процессы. Прежде всего она «направлена на поворот образования к целостной картине мира – мира культуры, мира человека, на очеловечивание знания, на формирование гуманитарного и системного мышления. Одновременно она влечет повышение в учебном процессе статуса гуманитарных дисциплин при радикальном их обновлении» [7].

Интерес к проблемам гуманизации и гуманитаризации образования возник в России в 1990-х гг. Тогда и появилась концепция гуманитаризации образования, выработанная в 1991 году Гособразованием СССР, основные положения которой следующие [8].

- Гуманитарный компонент должен существовать в любом образовании и обеспечивать решение задачи – разностороннее развитие личности.

- В систему гуманитарных знаний следует включить политическую историю страны и мира, социально-политическую теорию, философию, экономическую теорию, историю и теорию мировой и отечественной культуры, право, иностранный язык. Они должны дать панораму знаний, на основе которых, продолжая само образование, можно получить серьезную гуманитарную подготовку.

- Гуманитарный компонент должен иметь место в преподавании любой специальной дисциплины. В содержательном отношении это методологические и мировоззренческие оценки, обязательное человеческое измерение образования, которое фиксирует разные позиции, точки зрения, научные школы в данной области знания.

- Само преподавание должно носить гуманитарный характер. Это реализация педагогики сотрудничества, предполагающей отношение к учащемуся не просто как к объекту воздействия, но и как к субъекту, активному участнику образовательного процесса. Речь идет о создании подлинно человеческих отношений между студентом и преподавателем.

- Использование в процессе образования и воспитания мира художественной культуры (му-

зыки, живописи, литературы, театра, кинематографа и т. д.) с целью наработки чувства красоты, ритма, гармонии, способности непосредственно «схватывать» и переживать суть вещей и событий в их целостности и гармоничности, необходимые любому человеку, активно и творчески осуществляющему свою профессиональную деятельность.

- Подлинно гармоничная, творческая личность – это такая, у которой в равной мере развиты как лево-, так и правополушарные механизмы мышления. Проблема гуманитаризации, таким образом, это не проблема более удачного подбора современных курсов по социально-политическим наукам, это проблема создания такой целостной системы образования, в рамках которой гуманитарный компонент гармонично взаимодействует с естественнонаучным и техническим при подготовке специалистов любого профиля.

- Гуманитаризация образования проявляется в методологической и мировоззренческой акцентировке преподавания, в реализации педагогики сотрудничества.

- Каждый человек независимо от его будущей профессии должен знать все основные, имеющие мировоззренческое значение достижения современной науки.

Признаки гуманитаризации высшего образования появились сравнительно недавно и получили освещение в литературе в последние годы. Выделяют три группы факторов, которые вызвали появление процесса гуманитаризации высшего образования [9]. К первой группе относятся интеграционные процессы в науке, ее гуманитаризация и гуманизация материального производства. Вторая группа факторов связана с новыми профессиональными требованиями, предъявляемыми к специалисту в условиях НТП. Они состоят в необходимости учета человеческого фактора и социальных проблем в практической деятельности специалиста. Третья группа факторов вытекает из рассмотрения человека как самостоятельной ценности общества.

Первоначально под гуманитаризацией подразумевали простое увеличение количества предметов гуманитарного цикла и доли учебного времени, отводимого на изучение их в высших учебных заведениях. Действительно, можно проследить увеличение роста гуманитарных дисциплин в технических вузах, если сравнить их количество по годам в СССР и США (см. таблицу).

В США по сравнению с 1950-ми гг. происходит переориентация в программах технических колледжей и университетов, и мы наблюдаем увеличение процента гуманитарных дисциплин.

В 1980-х гг. происходит резкое повышение количества предметов по гуманитарным дисциплинам, и оно достигает 20–38%. Однако необходимо отметить, что основной целью при их внедрении является, прежде всего, усложнение функций инженера на производстве, а не только развитие личности. Изменение технологии, непрерывное обновление ассортимента продукции требуют расширения кругозора, умения проводить технический, экономический и психологический анализ. Недаром известный американский специалист в области образования Х. Д. Риквер отмечает, что «даже для узкоспециализированной деятельности узкие специалисты будут менее эффективны, потому что они не имеют образовательной основы, которая сделала бы их способными развивать собственную деятельность» [10].

Высшая школа СССР формально была ориентирована на специалиста широкого профиля, однако процент гуманитарных дисциплин оставался на одном уровне – 10%. В 1980-х гг. количество преподаваемых дисциплин по гуманитарным наукам увеличивается в 2 раза, достигая 20–22%, что происходит главным образом за счет введения новых обязательных и факультативных курсов.

Проблема гуманизации и гуманитаризации образования обсуждается в печати с точки зрения структуры вузовской подготовки, курсов, факультативов. В современной науке можно выделить ряд авторов, которые понимают под гуманитаризацией процесс внедрения гуманитарных предметов в программу технических вузов для совершенствования личностных качеств студента и формирования всесторонне развитой личности. Это В. А. Бажанов, Г. А. Брант, М. С. Каган, А. Н. Колесина, Н. Б. Крылова, Т. Я. Лаврушина и др. Наметился и другой подход к проблеме: гуманитаризация рассматривается только как фактор формирования профессиональных качеств специалиста. Это нашло отражение в работах Н. С. Батенина, А. Блажнего, Г. А. Бочкарева, А. И. Галагана.

Теоретический анализ литературы по теме исследования позволил сделать вывод о том, что термин «гуманитаризация» в применении к высшему профессиональному образованию стал употребляться сравнительно недавно и тракту-

ется неоднозначно. Но чаще всего под гуманитаризацией высшего образования понимается:

1) процесс формирования новых профессиональных качеств специалиста, которые ему необходимы в условиях НТП;

2) условие социализации личности, в ходе которой происходит процесс усвоения норм, правил, ролей и ценностных ориентаций, необходимых для активной социально-политической деятельности в мире;

3) необходимое условие формирования личности студента.

Определение понятия гуманитаризации позволяет осознать необходимость перестройки образования с позиции требований научно-технического и социального прогресса. Проявляется процесс гуманитаризации через изменение содержания трех его функций: профессионализации, социализации и культурно-гуманистической функции.

Функцию профессионализации образования определяет характер взаимосвязи высшего образования с развитием производительных сил общества. Она осуществляется для передачи профессиональных знаний, умений и навыков студентам в целях включения подрастающего поколения в материальное производство, подготовки для народного хозяйства квалифицированных кадров. В условиях НТП прежнее содержание данной функции оказывается недостаточным. Необходимо формирование профессиональных качеств специалиста: профессиональной мобильности, нестандартного мышления, экологического сознания, потребности в знании иностранных языков, методологической культуры специалиста, навыков по управлению коллективом.

Функция профессионализации в Вятском государственном гуманитарном университете проявляется через формирование профессионально-трудовой культуры студентов. Профессионально-трудовая культура – это высокий уровень развития умственной деятельности, способностей, знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения специальной работы; профессиональная культура включает в себя представления о социальной значимости данного вида труда, о профессиональном идеале, способах и средствах его достижения, развитые чувства профессиональной гордости, профессиональной чести и достоинства.

Количество гуманитарных дисциплин, преподаваемых в технических вузах и университетах, % (доля гуманитарных дисциплин берется от общего числа преподаваемых дисциплин, принимаемого за 100%)

Страна	1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.	1990-е гг.	2000-е гг.
США	4,6	12,5	20–38	38–42	40–45
СССР	10,0	10,0	20–22	30–35	35–38

Компонентом профессионально-трудо­вой культуры является социальная компетентность студента, которая предусматривает формирование навыков межличностного делового общения, социального имиджа.

Социализация – это процесс включения молодежи в систему социальных норм, правил и ролей. Под воздействием процесса гуманитаризации высшего образования функция социализации приобретает необходимое дополнение, она способствует выработке социальных качеств у студента, которые ему необходимы для успешного осуществления своих профессиональных функций на предприятии. Руководствуясь потребностями сегодняшнего дня, высшая школа должна дать прочную основу в области фундаментальных знаний и в социальной области. Знание социологии, социальной психологии обеспечит будущему специалисту возможность руководить, находить контакт с людьми, проявлять самостоятельность, налаживать благоприятные отношения в коллективе, добиваться в нем атмосферы доброжелательности и взаимопонимания, совершенствовать экономические, социальные, психологические отношения в трудовых коллективах, активно влиять на совершенствование внепроизводственных, бытовых, семейных отношений.

Функция социализации высшего профессионального образования в Вятском государственном гуманитарном университете проявляется через формирование гражданской культуры студентов. Под гражданской культурой понимаются уровень, характер и содержание нравственных, правовых, политических, эстетических и иных знаний и навыков человека, помогающих ему осознать свои гражданские права и обязанности и определить свое место и роль в решении стоящих перед обществом задач.

Суть *культурно-гуманистической функции образования* – воспитание в студентах безусловной веры в добрые начала, заложенные в человеке, независимо от его национальности, в отсутствии авторитаризма одной культуры над другой; в глубоком знании физических, эмоциональных, интеллектуальных потребностей детей любой этнической группы.

Классические университеты во все времена ориентировались на нравственно-этическую доминанту, что подтверждали их миссии, где нравственность трактовалась как одно из необходимых качеств личности. Эта доминанта сохраняет

свой статус и в наши дни. Так, Вятский государственный гуманитарный университет, определяя основные ценности университетского образования, ориентируется на такое качество индивида, как интеллигентность. Поэтому культурно-гуманистическая функция высшего профессионального образования проявляется в Вятском государственном гуманитарном университете через формирование у студентов духовно-нравственной культуры, которая есть основа становления российского интеллигента.

Вывод. Одно из главных направлений совершенствования образования – его гуманизация и гуманитаризация. Проявляется процесс гуманитаризации через изменение содержания трех его функций – профессионализации, социализации и культурно-гуманистической.

Вятский государственный гуманитарный университет осуществляет функцию профессионализации через формирование у студентов профессионально-трудо­вой культуры; функцию социализации – через формирование гражданской культуры; культурно-гуманистическую функцию посредством формирования духовно-нравственной культуры – основы становления российского интеллигента.

Примечания

1. Российская Федерация. Законы. Об образовании [Текст] : федер. закон. М.: ТК Велби; Проспект, 2004. С. 4.
2. Соколов, Е. А. Философско-методологические проблемы формирования личности специалиста в высшей школе [Текст] : монография / Е. А. Соколов, Т. А. Рубанцова; М-во образования и науки РФ, Федеральное агентство по образованию, Новосибирский гуманитарный ин-т. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. (Приложение к журналу «Философия образования»; т. XXII.) С. 79.
3. Там же. С. 80.
4. Советский энциклопедический словарь [Текст] / науч.-ред. совет: А. М. Прохоров [и др.]. М.: Сов. энциклопедия, 1980. С. 354.
5. Касьян, А. А. Гуманитаризация образования: некоторые теоретические предпосылки [Текст] / А. А. Касьян // Педагогика. 1998. № 2. С. 17.
6. Российская педагогическая энциклопедия [Текст] : Т. 1: А–М / редкол.: Э. Д. Днепров [и др.]. М. : Большая Российская энциклопедия, 1993. С. 239.
7. Касьян, А. А. Указ. соч. С. 18.
8. Борзенков, В. Гуманитаризация современного образования [Текст] / В. Борзенков, В. Купцов // Коммунист. 1991. № 7. С. 32–41.
9. Соколов, Е. А. Указ. соч. С. 136.
10. Там же. С. 143.

ПСИХОЛОГИЯ

А. А. Мосунова

ЛИЧНОСТНЫЙ РОСТ КАК РЕЗУЛЬТАТ РАЗВИТИЯ СПОСОБНОСТИ К АДЕКВАТНОМУ ВОСПРИЯТИЮ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Статья посвящена анализу путей и средств становления личности в процессе обучения. Рассматриваются экспериментально полученные факты относительно понимания студентами художественных текстов. Анализируются ключевые понятия: полноценность восприятия, адекватное и неадекватное восприятие искусства. Формулируются критерии, позволяющие судить об адекватном восприятии. Предлагается концепция развития полноценного восприятия художественной литературы. Описывается во всей полноте структурно-функциональных характеристик формируемая деятельность и анализируются ее результаты с точки зрения личностного роста учащихся, освоивших эту деятельность.

В данной статье мы рассмотрим вопрос о влиянии адекватного восприятия текстов художественной литературы на разные аспекты становления личности. Задача является остро актуальной, поскольку полноценное восприятие искусства обладает огромным личностно раскрывающим потенциалом.

Начнем с того, что роль подлинного искусства в развитии личности неоспорима. Искусство – один из могучих источников формирования и изменения смысловой сферы личности. Взаимодействие с зафиксированными в произведениях искусства общечеловеческими смыслами и ценностями рождает индивидуальный смыслообразовательный процесс, обогащает внутренний мир личности новым взглядом на жизнь. Но тривиального контакта с искусством для такого процесса явно недостаточно, обогащение души редко происходит само собой. Здесь необходим особый труд, самобытная работа сознания.

Литература как вид искусства способна воздействовать на сознание и процесс формирования смысловых структур, составляющих смысловую сферу личности. Условием воздействия является полноценность восприятия, которое неотделимо от уровня интеллекта и эмоционального состояния, мотивов и установок, необходимо

стей и других особенностей ценностно-смысловой сферы субъекта. Вместе с тем эксперимент, проведенный нами на V курсе филологического факультета ВятГГУ и в 11-х классах ряда школ г. Кирова (всего 195 человек), показал, что испытуемые – выпускники школ и выпускники вуза, будущие учителя литературы – неадекватно воспринимают прочитанное, что эксплицирует их неготовность к чтению «как труду и творчеству» [1].

Полноценным может считаться исключительно адекватное замыслу автора восприятие, то есть восприятие не внешнее, фактуальное, а проникающее к глубинным, скрытым смыслам – смысловое восприятие. Анализируя протоколы, мы обнаружили неспособность подавляющего большинства учащихся осмыслить прочитанный художественный текст. У 84% студентов-филологов и 95% школьников старших классов в процессе чтения не происходили акты понимания смысла.

Выяснились две крайние, но одинаково ошибочные читательские позиции: 1) неограниченная свобода художественного восприятия, стирающая различие между восприятием художественного произведения и любого произвольно взятого объекта, и 2) полная несвобода художественного восприятия, исключающая интерпретацию. Высказывания учащихся тяготели к тому или иному полюсу, равно свидетельствуя об эстетической некомпетентности.

Большое количество произвольных толкований указывало на то, что испытуемые не видят разницы между восприятием произведения искусства и любого иного предмета. Они не учитывали, что интерпретация диктуется авторским самовыражением, круг ее вариаций ограничивается авторской трактовкой реальности. Игнорировался эстетический закон: если присутствует произвол в истолковании, читатель остается без автора. Неограниченная свобода художественного восприятия отождествляет художественное произведение с простым эмоциональным стимулятором, а такое отождествление глубоко ошибочно [2].

С другой стороны, значительное число ответов, содержащих простое репродуцирование текста, также указывало на отсутствие подлинного взаимодействия с произведением. Полная несвобода художественного восприятия, исключающая

МОСУНОВА Людмила Александровна – доктор психологических наук, доцент, зав. кафедрой издательского дела и редактирования ВятГГУ
© Мосунова А. А., 2007

интерпретацию, лишает чтение смысла. В этом случае автор остается без читателя.

Обратимся теперь к анализу понятий адекватного и неадекватного восприятия искусства.

Адекватное (полноценное, смысловое) восприятие определяется нами как результат одновременного решения субъектом двух задач. Во-первых, задачи проникновения в авторское видение мира, в суть произведения – ценностно-смысловую сферу его творца, ибо художественное произведение – это «окно в мир, которое, однако, открыто лишь при взгляде с одной определенной точки – с точки зрения автора» [3]. Во-вторых, задачи достижения полноценного сопереживания художественному образу, ибо человеческий опыт, заложенный в искусстве, становится нашим достоянием не просто в результате познания данных автором фактов, мыслей, чувств, а как сопереживание, наш собственный опыт [4].

Возникает вопрос объективных признаков, позволяющих судить о том, что процесс, определяемый понятием адекватного восприятия, совершается. Опираясь на идеи Карла Роджерса и его терминологию [5], мы установили критерии, отличающие смысловое (глубокое, концептуальное) восприятие. Эти критерии составляют идеальную модель смыслового восприятия и включают в себя: личностную и самоиницируемую вовлеченность, способность к предчувствию, проникающую способность, личностную значимость. Данные критерии являются коррелятами таких механизмов восприятия, как ассоциация, антиципация, апперцепция.

Неадекватное восприятие характеризуется, по нашему мнению, одним из четырех признаков или их констелляцией. 1. В процессе восприятия не удалось проникнуть в авторское видение мира, не произошло смыслового понимания. 2. Поняв замысел автора, субъект не испытал надлежащих чувств, не разделил закодированных в произведении обобщенных человеческих переживаний. Иными словами, рациональное понимание не привело к пониманию эмпатическому. 3. Субъект испытал чувства, внешние по отношению к произведению, например вследствие несовпадения своей системы оценок с авторской. 4. Восприятие объекта искусства не привело ни к его пониманию, ни к сопереживанию, являясь поверхностным. В каждом случае восприятие обнаруживает неполноценность, что исключает познание художественного произведения. Тем самым неадекватное восприятие трактуется нами как восприятие неполноценное, а следовательно, несостоявшееся.

Анализ понятий адекватного и неадекватного восприятия искусства привел к постановке проблемы развития первого и предупреждения второго в процессе учебной деятельности. Задача эта непростая.

Даже беглый взгляд на состояние дел в эстетическом воспитании и образовании молодежи позволяет судить о серьезных пробелах в этой области. Назовем причины, обусловившие, с нашей точки зрения, глубину проблемы. 1) Взаимодействие личности с предметом искусства (текстом художественной литературы в том числе) осуществляется на сугубо индивидуальном уровне, и процесс этот скрыт от педагога, выступающего в качестве посредника между произведением и учащимся. 2) Художественное восприятие – динамическая система, детерминируемая множеством взаимодействующих факторов и способная под их влиянием менять свои состояния, но часто эти факторы не принимаются во внимание, их влияние на восприятие не учитывается. 3) Процессы художественного восприятия протекают, как правило, неосознанно, механизмы взаимодействия с произведением включаются (или не включаются) помимо сознательных усилий субъекта. Вместе с тем ученые полагают, что осознание многих эстетических процессов принципиально возможно, на чем основываются обучающие и развивающие методики [6].

Разработанные нами на основе фундаментальных психологических концепций исходные теоретические положения позволяли взяться за решение этой трудной задачи.

Раскроем кратко суть обучающего эксперимента. Его цель – исследовать механизмы взаимодействия субъекта с художественным текстом, открывающие доступ к смыслам произведения и повышающие уровень смыслопонимания. Опираясь на семиотическое представление о том, что «художественный текст – сложно построенный смысл; все его элементы суть элементы смысловые» [7], мы выдвинули следующие предположения. 1. Выделение элементов художественной структуры и установление связей между ними – неперемное условие проникновения в его смыслы, поэтому в составе читательской деятельности необходимо реализовать операции, направленные на анализ составных частей и деталей текста. 2. Эти операции, будучи осознаваемыми и став предметом специального анализа и обучения в процессе постижения литературы, влияют на уровень понимания и повышают интерес к произведению и к процессу его истолкования.

В основу обучающего эксперимента был положен особый способ взаимодействия с художественными произведениями, который мы назвали иконическим реконструированием. Построение метода стало возможным благодаря разработанному Ю. М. Лотманом представлению об иконическом характере знаков в искусстве: «Знаки в искусстве имеют не условный, как в языке, а иконический, изобразительный характер» [8]. Иконическое реконструирование осваивалось по

специальной методике, организующей акт чтения с помощью следующих приемов читательского взаимодействия с текстом: рисование словесных картин (составление «диафильма», «инсценирование» текста, «мизансценирование», создание «киносценария»), выявление бинарных оппозиций, синхронное чтение. Тем самым художественный текст трактовался нами прежде всего как поле решения творческих задач.

Процесс обучения проводился по схеме экспериментального обучения и включал четыре этапа. Содержание первых трех этапов опиралось на теорию поэтапного формирования умственных действий [9]. Четвертый этап содержал контрольный эксперимент.

Приемы «словесного рисования», «выявления бинарных оппозиций» и «синхронного чтения» меняли сам смысл чтения. Чтение становилось актом не только сотворчества, но и собственно творчества. Появились признаки такого восприятия, которое писатель Евгений Богат метко охарактеризовал следующим образом: «Хороший читатель – соавтор писателя. Его духовная жизнь, соприкасаясь с миром Пушкина, Стендаля или Толстого, окрыляется, и он *видит* то, чего не видел раньше. А ведь ради этого и работает писатель. Чтобы *научить видеть*». Характерно, что испытуемыми как раз отмечался факт «видения», «открытия», возникающий в результате

изменения способов, которыми читатель взаимодействовал с текстом.

Так, в одном из высказываний относительно рассказа Бунина «Кавказ» чтение определялось испытуемым именно как процесс открытия личностных смыслов: «Мне открылись новые значения деталей (два револьвера), к тому же стали значимыми штрихи, черты, которые раньше казались несущественными (слова, указывающие на состояние героев, их поведение). Открылись истинные смыслы поступков героев. Оказывается, что одно вытекает из другого, и в этом проявляется талант Бунина. Теперь заставляет задуматься и название рассказа, выбранное Буниным не случайно. Уже само название может дать толчок к развитию мысли и даже намекнуть на значение рассказа. Вновь открывшиеся детали порождают свои личные ассоциации, которые заставляют задуматься о вечных проблемах: жизни, смерти, любви, красоте и т. д.».

Подобные высказывания служат показателем повышения вклада художественных структур в развитие ценностно-смысловой сферы читателя. Приведем в подтверждение данного вывода еще одно суждение: «Когда вдумываешься в текст, начинаешь сравнивать произведение с жизнью. Пока вот так детально не рассмотришь произведение, не понятна его ценность. Я поняла, что если так читать произведения, то многое в жиз-

Схема экспериментального обучения

Приемы взаимодействия с художественным текстом		
Прием «рисования словесных картин»	Прием «выявления бинарных оппозиций»	Прием «синхронного чтения»
<p><i>Состав операций</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Выделить в тексте сцены или эпизоды. 2. Представить содержание сцены или эпизода в виде живописного полотна, иллюстрации, книжной обложки, киноафиши и т. п. 3. Описать содержание сцены как содержание картины: а) указать ее пространство и время, б) раскрыть ее композицию: на переднем плане..., в центре..., справа..., слева..., в перспективе...; в) выделить и обрисовать центральный образ; г) показать локальные образы; д) передать их связь с центральным образом; е) проявить эмоциональное отношение к изображаемому. 4. Определить смысл «картины». 5. Соотнести смысл «картины» со смыслом текста в целом 	<p><i>Состав операций</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Выбрать из текста слова, определяющие какой-либо компонент художественной структуры: пространство, время, цвет, звуки и т. п. 2. Сгруппировать атрибуты в пары как взаимосвязанные противоположности – бинарные оппозиции. 3. Расположить пары в виде серии бинарных оппозиций – от широких к более узким. 4. Найти, если есть, члены-медиаторы. 5. Определить смысл данного структурного компонента. 6. Соотнести смысл рассматриваемого компонента со смыслом текста в целом 	<p><i>Состав операций</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Разбить текст на эпизоды. 2. Найти ключевое слово каждого эпизода – смысловой «узел». 3. Очертить события в эпизодах как происходящие одновременно – прочесть их «синхронно». 4. Сопоставить поступки героев в каждом выделенном эпизоде. 5. Найти в поступках атрибуты, представляющие бинарные оппозиции. 6. Соотнести смысл каждой бинарной оппозиции с содержанием эпизода. 7. Определить смысл эпизода. 8. Соотнести смысл каждого эпизода со смыслом текста в целом

ни будет понятно, будет над чем задуматься, многое для себя поймешь. Чтение произведений до этой работы было для меня “мимолетным”: прочитала, ну и написал Бунин об измене, и что? Благодаря смысловому чтению поняла, насколько жизненно, тонко написал Бунин о любви между мужчиной и женщиной, об измене, о чести. Меня это очень заинтересовало».

Таким образом, в рамках обучающего эксперимента изменялся уровень взаимодействия читателя с текстом, смысловое чтение сопровождалось озарением, в результате которого читателю открывались личностные смыслы.

Впоследствии программы, апробированные и уточненные в ходе формирующего эксперимента [10], воплотились в специальных курсах для студентов – будущих издателей и редакторов: «Психология речевого произведения» и «Смысловое понимание художественных текстов».

Посвятим вторую часть статьи анализу итогов полугодичного спецкурса «Смысловое понимание художественных текстов», одной из главных задач которого было формирование профессионально определяющей и личностно значимой способности адекватного восприятия текстов. Студентам было предложено ответить письменно на вопрос: «Что вам дал изученный курс?».

Изучая суждения, связанные с динамикой осознаваемых изменений в структуре личности, мы увидели подтверждение наших предположений о зависимости между системно организуемой работой по анализу составных частей и деталей текста (выделением элементов художественной структуры и установлением связей между ними с помощью специальных приемов, обучением этим приемам, осознанием и усвоением каждой операции, входящей в прием) и глубиной проникновения в смыслы текста, уровнем его понимания, повышением интереса к произведению и к процессу его истолкования. Углубление понимания привело к изменениям во внутреннем мире студентов. Очевидным стало влияние освоенной деятельности на развитие ценностно-смысловой сферы читателя.

Назовем отмеченные нами аспекты развития личности, базирующиеся на критериях личностного роста Карла Роджерса. По Роджерсу, при полноценном развитии изменения затрагивают взаимоотношения личности как с внутренним миром (интраперсональность), так и с внешним миром (интерперсональность). Интраперсональные критерии – это принятие и понимание себя, открытость внутреннему опыту переживаний, ответственная свобода, целостность, динамичность. Интерперсональные критерии включают понимание и принятие других, социализированность, творческую адаптивность. Главный итог личностного роста – личность более зрелая, сво-

бодная и ответственная, аутентичная и неповторимая, дружелюбная и открытая, сильная и творческая [11]. Другие критерии: эстетическая и коммуникативная компетентность, понимание жизни в целом, личная позиция, потребность самовыражения – были выделены нами.

Подчеркнем, что соотнесение рефлексивных мнений с данными критериями достаточно условно, поскольку многие суждения содержат одновременно признаки нескольких критериев. Тем не менее в интересах анализа такое разделение оправданно, так как позволяет представить личностный рост субъекта максимально дифференцированно, в многообразных аспектах.

Проанализируем теперь в соответствии с названными критериями типичные суждения студентов, свидетельствующие об обоснованности нашей идеи о влиянии деятельности смыслового понимания на развитие личности.

Интраперсональные критерии

Принятие себя. По Роджерсу, это означает признание себя и безусловную любовь к себе такому, каков я есть, отношение к себе как «личности, достойной уважения, способной к самостоятельному выбору» [12], вера в себя и свои возможности. Данные признаки присутствуют, на наш взгляд, в высказываниях такого рода:

– Теперь прочтение художественного произведения доставляет огромное наслаждение, ведь я знаю, что могу докопаться до истинного замысла автора, проникнуть в самую суть.

– Больше всего меня поразила перемена именно во мне. Я, благодаря этому курсу, стала иначе относиться к жизни, на многие вещи у меня изменилось мировоззрение. Я словно повзрослела, стала смелее, возможно, чуточку умнее, в том плане, что стала лучше разбираться в людях, чувствах.

Понимание себя. Роджерс характеризует это свойство как точное, полное и глубокое представление о себе и своем актуальном состоянии (включая реальные свои переживания, желания, мысли и т. д.), способность увидеть и услышать себя подлинного, сквозь наложения «масок», ролей и защит. Это адекватная и гибкая Я-концепция, чувствительная к актуальным изменениям и ассимилирующая новый опыт, сближение Я-реального и Я-идеального. Например:

– Благодаря этому курсу я начала по-иному смотреть в первую очередь на себя.

Открытость внутреннему опыту переживаний. «Опыт переживаний» – одно из центральных понятий в гуманистической психологии, используемое для обозначения сложного непрерывного процесса («потока») субъективного переживания событий внутреннего мира (включающих и отражение событий мира внешнего). Чем более сильной и зрелой является личность, тем

более она свободна от искажающего влияния защит и тем более способна прислушаться к этой внутренней реальности, отнестись к ней как к достойной доверия и «жить настоящим», опираясь на реальные свои желания и переживания. Приведем пример:

– Я как будто прожила еще одну параллельную жизнь, получила больше опыта, задумалась над многими проблемами, которые раньше передо мной не стояли, но которые очень важны для моей жизни.

Ответственная свобода. Во взаимоотношениях с самим собой, по Роджерсу, это ответственность за осуществление своей жизни именно как своей, осознание и принятие своей свободы и субъектности. Это также означает «внутренний локус оценивания» – ответственность за выбор ценностей и вынесение собственных оценок, независимость от давления оценок внешних. Это ответственность за актуализацию своей индивидуальности и самобытности, за то, чтобы остаться верным себе:

– У меня появилась способность оценивать свои действия, структурировать свою деятельность – это огромный плюс для собственного развития.

– Я сама стала оценивать произведения классиков, на что раньше у меня не хватало, во-первых, смелости, во-вторых, умения это делать.

– Теперь я не боюсь ошибиться, так как знаю, что и мое мнение о произведении будет не менее важно, чем мнение докторов наук и людей, много лет работающих в этой области.

Целостность. Важнейшее направление личностного роста – усиление и расширение интегрированности и взаимосвязанности всех аспектов жизни человека, а особенно – целостности внутреннего мира и самой личности. Точнее было бы говорить о сохранении и защите целостности, которой человек обладает изначально. Проблема в том, что неизбежно нарастающая индивидуализированность и дифференцированность приводит к утрате внутреннего единства человека, к потере конгруэнтности, к разрывам или диспропорциям (между интеллектом и чувствами, Я-реальным и Я-идеальным, личностью и организмом). Целостность и конгруэнтность является неперемным условием эффективной регуляции жизни человека.

В нашем эксперименте обнаружить признаки данного критерия на основании анализа лишь суждений студентов не представлялось возможным, поскольку он выходит за рамки процесса обучения и охватывает всю жизнь.

Динамичность. Внутриличностное единство и согласованность не означает косности и завершенности. Наоборот, личность существует в постоянном процессе изменений. В этом смысле

зрелая личность – непременно становящаяся личность, то есть рост личности есть способ ее существования. Поэтому важнейший критерий личностного роста – динамичность, гибкость, открытость изменениям и способность, сохраняя свою идентичность, развиваться через разрешение актуальных противоречий и проблем и постоянно «быть в процессе» – «скорее быть процессом зарождающихся возможностей, чем превратиться в какую-то застывшую цель» [13]. Собственно, во всех сформулированных студентами высказываниях подчеркивается именно динамика, изменения, становление: «Я научилась...», «У меня появилась способность...», «Я стала...», «Раньше..., сейчас...» и т. п.:

– Сейчас, читая, вдумываясь в каждое слово, приходишь к своим выводам, мысли сами возникают, выплывают наружу. Хочется писать, думать, размышлять.

– Я сделала шаг вперед к осмысленному чтению произведений.

Интерперсональные критерии

Принятие других. По Роджерсу, личность является тем более зрелой, чем в большей мере она способна к принятию других людей такими, какие они есть, к уважению их своеобразия и права быть собой, к признанию их безусловной ценности и к доверию им. Это связано с доверием к человеческой личности и чувством глубинной существенной общности между людьми:

– Я научилась анализировать свои отношения с близкими людьми и ценить их.

– Самое главное – я научилась слушать других людей. Раньше я игнорировала мысли людей, если я с ними не согласна. А почему? Ведь каждый человек индивидуален, не может быть неверных рассуждений, каждый по-своему прав.

– У меня появилось терпение выслушивать точки зрения людей до конца. Раньше я могла их перебить, в случае, если я с ними в чем-то не согласна.

Понимание других. Зрелая личность отличается способностью к адекватному, свободному от предрассудков и стереотипов, полному и дифференцированному восприятию окружающей действительности вообще и в особенности – других людей. Она готова вступать в межличностный контакт на основе глубокого и тонкого взаимопонимания и сопереживания (эмпатии):

– Было очень интересно слушать, что думают мои однокурсники по некоторым волнующим меня вопросам.

– В ходе курса для меня были раскрыты личности многих учащихся со мной.

– Очень интересно узнать, что думают об этом однокурсники.

– Благодаря общению на занятиях мы узнали ближе друг друга.

Социализированность. Личностный рост ведет ко все более эффективному проявлению основополагающего стремления человека к конструктивным социальным взаимоотношениям. Человек в контактах с другими становится все более открытым и естественным, но при этом более реалистичным, гибким, способным компетентно разрешать межличностные противоречия и жить с другими в максимально возможной гармонии:

– Я с большим уважением стала относиться к мнениям других людей.

– Я стала воспринимать критику со стороны более спокойно и понимать, что, если критикуют, значит, есть за что, значит, я должна в следующий раз сделать так, чтобы все было приемлемо для восприятия других.

Творческая адаптивность. По Роджерсу, это готовность смело и открыто встречать жизненные проблемы и справляться с ними, не упрощая, а проявляя «творческую адаптацию к новизне конкретного момента» и «умение выразить и использовать все потенциальные внутренние возможности»:

– Раньше я считала, что у меня не получается излагать свои мысли в письменном виде. Сейчас я поняла, что все получится, если творчески подходить к делу.

Дополнительные критерии

Эстетическая компетентность. Самые очевидные, в первую очередь осознаваемые студентами результаты были получены в направлении их эстетического развития. Этот факт закономерен, поскольку повышение эстетической компетентности базировалось на развитии фундаментальной способности к адекватному восприятию произведений искусства. Полноценность восприятия обеспечила эффективность взаимодействия личности с текстами художественной литературы, открытость воздействию ее нравственно-эстетического потенциала:

– Раньше я читала произведения бездумно, просто, чтобы прочесть. Сейчас я вдумываюсь в каждое слово, в каждую фразу. Передо мной открываются совершенно новые смыслы.

– Благодаря занятиям я научилась видеть многое в одной странице произведения, то есть научилась глубже понимать мастерство писателя.

– Я замечаю, что стала останавливать взгляд на таких моментах в произведении, которые раньше бы не заметила. Это касается не только литературы – начинаешь внимательнее присматриваться к современной музыке и находить в ней новое. Уже стараешься не просто «окинуть общим взглядом», но детально рассмотреть картину великого художника, прислушаться, какие инструменты использует композитор. Этот курс дает понимание того, что любое произведение –

это нечто целое, в нем есть общая мысль и много разных идей.

– Я очень рада, что мне пришлось перечитать некоторые произведения великих русских писателей. Я увидела в них иной смысл.

– Я перечитала некоторые произведения, ранее изученные, только сейчас они выглядели совершенно иначе. Меня это очень удивило и заинтересовало.

– Я поняла, что каждое слово в произведении не случайно, поэтому очень важно быть внимательным, вчитываться в каждое слово.

Коммуникативная компетентность. Заметные изменения произошли в способности студентов к эффективной коммуникации. Состоялось то, что в педагогической и возрастной психологии определяется как развитие речи, а в социальной психологии трактуется как способность к внутригрупповому и межличностному взаимодействию. Данный критерий является немаловажным в определении уровня развития личности. Например:

– Курс помогает правильно построить свою речь.

– Я научилась четко отвечать на поставленный вопрос.

– Курс помог мне грамотнее и понятнее формулировать и записывать как собственные мысли, так и мысли авторов текстов.

– Я научилась прорабатывать каждую мелкую деталь и объединять в целое, чтобы создать нечто стоящее.

– Благодаря этому курсу я лучше выражаю свою точку зрения, свои мысли.

Понимание жизни в целом. Можно говорить о развитии у студентов более осмысленного отношения к жизни. Принцип осмысленности человеческого бытия является основополагающим в нашей концепции развития смыслового понимания художественных текстов. В процессе специфического анализа текстов у студентов актуализировалась система личностных смыслов, соотносящаяся со смыслами, представленными в тексте автором. В результате понимания позиции автора и осознания своего отношения к ней вырабатывался обновленный взгляд на жизнь. Это вело к обогащению внутреннего мира новыми смыслами:

– Я вижу, как этот курс повлиял на мое отношение к жизни. Я стала видеть не одну сторону какого-либо обстоятельства в жизни, но и присматриваться к мелочам.

– Я поняла, что для моей профессии это очень важные, неоценимые занятия.

– Интересен курс тем, что мы на опыте других людей, героев рассказов, видим, что такое любовь, уважение, смерть и многие другие интересные и очень важные в нашей жизни темы.

– Я научилась видеть в каждом герое частичку себя.

Личная позиция. Личностный рост, по моему мнению, невозможен без ясной, осознанной позиции субъекта в отношении реалий окружающего мира. Выработка отношения – серьезная духовная, душевная работа, требующая от человека немалых усилий. Осваиваемая в ходе спецкурса деятельность – смысловой анализ литературных произведений – стала условием и средством порождения личностных смыслов:

– Анализируя тексты, я выработала свое мнение по многим вопросам, о которых раньше не задумывалась.

– Я осознала, что моя профессия сможет вылепить из меня того человека, каким бы я хотела быть.

– Я поняла, что профессия редактора важна не только для общества, но и для самого редактора.

– Теперь я воспринимаю даже маленький рассказ не как пятиминутное дело, а как долгий, глубокий творческий процесс.

Потребность самовыражения. По А. Маслоу, потребность в самоактуализации, в раскрытии всех своих возможностей и способностей, в представлении своего «Я» внешнему миру является высшей в иерархии потребностей. Актуальность этой потребности свидетельствует об уровне развития личности. Потребность осознавать и достоверно выражать явления своего внутреннего мира также формировалась у студентов в процессе обучения:

– Каждая мысль рождалась откуда-то изнутри, словно мы приоткрывали свою душу или сердце.

– Я поняла, что для моей профессии это очень важные, неопределимые занятия. На них начинаешь чувствовать себя аналитиком, можешь, никого не боясь, высказать свою точку зрения.

– Мне очень понравилось, что каждый человек может высказать свою точку зрения.

Таким образом, анализ показал, что состоялся тот сложный многоаспектный процесс, следующий своей внутренней логикой и имеющий всегда индивидуально-своеобразную траекторию, который можно обозначить как процесс личностного роста.

Его самый общий основной закон, по известной формуле Карла Роджерса «если – то», можно сформулировать так: если есть необходимые условия, то в человеке актуализируется процесс саморазвития, естественным следствием которого будут изменения в направлении его личностной зрелости. Одним из таких условий стала специально организуемая деятельность по смысловому пониманию художественной литературы. Происшедшие изменения – их содержание, направленность, динамика – свидетельствуют о процессе личностного роста и могут выступать в качестве его критериев.

Подведем окончательный итог: проанализированные нами изменения, подтверждающие процесс личностного роста, произошли в результате формирования способности к адекватному восприятию художественных текстов.

Примечания

1. Асмус, В. Ф. Чтение как труд и творчество [Текст] / В. Ф. Асмус // Вопросы теории и истории эстетики. М.: Искусство, 1968.

2. Бранский, В. П. Искусство и философия [Текст] / В. П. Бранский. Калининград: Янтарный сказ, 2000.

3. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности [Текст] / Д. А. Леонтьев. М.: Смысл, 2003.

4. Неменский, Б. М. Распахни окно: Мысли художника об эстетическом воспитании [Текст] / Б. М. Неменский. М.: Мол. гвардия, 1974.

5. Роджерс, К. Свобода учиться [Текст] / К. Роджерс, Д. Фрейберг. М.: Смысл, 2002.

6. Леонтьев, Д. А. Произведение искусства и личность: психологическая структура взаимодействия [Текст] / Д. А. Леонтьев // Художественное творчество и психология. М.: Наука, 1991. С. 109–133.

7. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. М.: Искусство, 1970. С. 19.

8. Там же. С. 31.

9. Гальперин, П. Я. Методы обучения и умственное развитие ребенка [Текст] / П. Я. Гальперин. М.: Изд-во МГУ, 1985.

10. Мосунова, А. А. Структура и развитие смыслового понимания художественных текстов [Текст] / А. А. Мосунова. М.: Пер СЭ-Пресс, 2006.

11. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека [Текст] / К. Роджерс. М., 1994.

12. Роджерс, К. Элен Вест и одиночество [Текст] / К. Роджерс // Моск. психотерапевтич. журн. 1993. № 3. С. 69.

13. Мосунова, А. А. Указ. соч. С. 221.

Н. А. Низовских

МОТИВАЦИЯ САМОРАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Рассматриваются базовые мотивации саморазвития человека. Обсуждается вопрос о роли осознания мотивов саморазвития в связи с их ориентировочной функцией.

Потребность в саморазвитии относится в психологии экзистенциально-гуманистического направления к высшим человеческим потребностям, причисляется к архетипическим образованиям в психоанализе. В отечественной психологии саморазвитие характеризуется как деятельность, направляемая человеком на самого себя прежде всего с целью обогащения своих сущностных сил [1]; как новый уровень развития личности, когда саморазвитие становится сознательным, целенаправленным самоосуществлением, самосовершенствованием [2]; как сознательно и планомерно осуществляемый процесс, детерминируемый изнутри, а не извне, поскольку его мотивация и движущие силы складываются внутри личности, а не вне ее [3].

Личностное саморазвитие определяется нами как специфическая деятельность человека по созданию качественно нового в своем сознании, отношениях, переживаниях и поведении, осуществляемая в соответствии с жизненными задачами и внутренними побуждениями при помощи специальных психологических средств. Не утверждая, что это завершенная дефиниция, мы предлагаем данное понимание личностного саморазвития как результат длительных поисков, который базируется на идеях культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, деятельностного подхода А. Н. Леонтьева, психосемантического подхода В. Ф. Петренко. Данная трактовка саморазвития вбирает в себя идеи и многих других авторов, в числе которых Л. И. Анцыферова, А. Г. Асмолов, М. М. Бахтин, Л. И. Божович, Б. С. Братусь, Ф. Е. Василюк, Д. А. Леонтьев, М. К. Мамардашвили, В. С. Мухина, Н. И. Непомнящая, В. А. Петровский, В. И. Слободчиков. Немаловажен и стоящий за этим определением личный опыт автора (некоторый эмоционально-личностный опыт автора имплицитно входит в состав любой гуманитарной теории. Часто «психологические теории предстают как генерализованные на других людей экспликации внутреннего мира их авторов и их собственных психологических проблем. В частности, многочисленные психобиографии З. Фрейда и его лич-

ные признания демонстрируют, как остро он переживал страх перед кастрацией или Эдипов комплекс, и не оставляют сомнений в том, что введение соответствующих понятий было проекцией его личных психологических трудностей» [4]. Личность и общество, человек и мир связаны тысячами и тысячами незримых и вполне «видимых» нитей, а судьбы исследователей неотделимы от их воззрений). Саморазвитие, в нашем понимании, – это действительно специальная деятельность по «выращиванию» собственной личности, по созданию себя. Человек трудится, когда строит дома, дороги, мосты, когда пишет картины и музыку, создает новые информационные технологии и т. д. Но может ли он стать автором самого себя не трудясь, не прилагая усилий, не проявляя творчества, не имея ясного плана действий и отчетливого понимания, почему это необходимо?

Краеугольным камнем проблемы саморазвития как специфической деятельности является вопрос о мотивации. В психологии до настоящего времени отсутствуют работы, специально посвященные мотивации саморазвития. Не ставя цели полного охвата проблемы, рассмотрим ее аспекты, связанные с выделением базовых мотиваций саморазвития, с определением функции и роли их осознания самой личностью.

Теоретическая и эмпирическая разработка проблемы базовых мотиваций человека остается чрезвычайно актуальной. Отсутствие мотивации, по замечанию Г. Селье, является душевной трагедией. Мотивационная сфера личности многогранна и на протяжении жизни претерпевает значительные изменения. Возникновение, реализация, угасание мотива – все это значимые и иногда критические моменты жизнедеятельности человека. Так, в случае угасания мотива необходимо привлечение других мотивов, которые бы усиливали, дополняли или полностью замещали действие мотива угасающего [5]. Дополнительные мотивы человек ищет через обращение к значимым для него людям, через актуализацию тех значимых социальных отношений, которые когда-то способствовали формированию его ценностей. Новые мотивы человек может извлекать из книг, кинофильмов, общения с духовными наставниками. В способности человека произвольно создавать новые системы мотивов Л. И. Анцыферова усматривает истоки активного внутреннего начала личности.

Трактуя саморазвитие как специфическую деятельность человека, мы исходим прежде всего из того, что саморазвитие самоценно, обладает собственной побудительной силой. С точки зрения В. И. Слободчикова и Е. И. Исаева, «процесс саморазвития – как сущностная форма бытия человека – начинается вместе с жиз-

нию и разворачивается внутри нее» [6], но, как отмечают данные авторы, человек долгие годы – нередко всю жизнь – может не быть субъектом саморазвития, тем, кто инициирует и направляет этот процесс. Собственное развитие является высшей ценностью и главной потребностью для развитой личности, и «человек, у которого не сформирована ценность саморазвития, обуславливающая его самоопределение (выбор <...> частной деятельности), не является субъектом деятельности» [7]. Потребность в личностном саморазвитии возникает в подростковом возрасте; появление способности к саморазвитию является кульминационным моментом личностного развития человека [8]. С подростками, у которых уже сформировался этот «запрос», можно проводить специальные занятия, нацеленные на постановку и решение конкретных задач саморазвития [9].

Саморазвитие самоценно, но не самоцельно: оно не может выступать только целью самого себя. Трактую саморазвитие как внешнюю и внутреннюю деятельность по созданию в себе новых свойств, способностей, качеств, мы полагаем, что это необходимо человеку для достижения и других целей установления связей с миром. Саморазвитие, как любая другая деятельность, имеет собственную подкрепляющую ее мотивацию.

Опираясь на анализ литературных источников, представим в пп. 1–17 данной статьи некоторые из мотиваций, которые побуждают человека к целенаправленным самоизменениям.

1. *Подражание* выступает значимым мотивом саморазвития (особенно на начальных его этапах). Речь идет о подражании растущего человека наиболее ярким, нравственным, сильным или наиболее удачливым, богатым, преуспевающим личностям. Образцами здесь могут стать политики, общественные деятели, известные спортсмены, актеры, родители, учителя и т. д. Примером может явиться и саморазвитие какого-либо человека (например, развитие физических сил А. В. Суворовым; ораторских способностей В. В. Маяковским, способности к самоорганизации А. А. Любищевым и др.).

Формула: Развивать себя, чтобы стать похожим (в чем-то, во многом или во всем) на «Х».

2. *Потребность в любви, признании и стремление к независимости* выступают как одни из самых сильных мотивов человека. Сила любви, побуждающая к саморазвитию, хорошо известна. В стремлении нравиться другим И. Кант усматривал путь подготовки человека к нравственному совершенствованию [10]. Не меньше стимулирует человека к саморазвитию и *стремление к независимости*. Описывая пути самоактуализации, А. Маслоу указывал, в частности, на способность человека «отважиться быть не таким,

как другие», на способность человека «не желать нравиться другим, не быть конформистом» [11]. Правомерен взгляд И. Ялома, который утверждал, что «в течение всей жизни в нашем внутреннем мире существует диалектика двух потребностей – отделенности и автономии, с одной стороны, защиты и слияния, – с другой» [12].

Формула: Развивать себя, чтобы нравиться другим, быть любимым и, одновременно, независимым человеком.

3. *Познание и понимание себя* становятся мотивами саморазвития человека, начиная с подросткового и юношеского возраста. Только зная себя, понимая свои потребности и принимая свои особенности, человек может стать эффективной личностью, научиться лучше понимать других людей, эффективнее строить отношения с ними. Для того, чтобы самопознание стало управляемым, сознательным, «личностным», нужны дополнительные условия, овладение специальными навыками рефлексии. Такими условиями могут выступить, в частности, занятия в тренинговых группах. Конечно, не только искусственные условия тренинга, но и другие, более «естественные» факторы могут катализировать саморазвитие, основанное на стремлении углубить знание и понимание себя.

Формула: Развивать себя, чтобы лучше знать и понимать себя.

4. Как базовая мотивация саморазвития выступает *стремление человека к обогащению своих сущностных сил*. Это стремление более всего характеризует зрелую личность. Л. И. Анцыферова указывает, что развитие является основным способом бытия личности и выражает основную потребность человека как универсального родового существа – «постоянно выходить за свои пределы, достигать возможной полноты воплощения в индивидуальной форме своей родовой сущности» [13].

В современном консультировании и психотерапии происходят принципиальные изменения, связанные с тем, что люди обращаются к консультантам не как пациенты и клиенты, а как «студенты», цель которых самосовершенствование (Д. А. Леонтьев). Дж. Бьюджентал предлагал даже называть консультирование, или психотерапию, «онтоогикой», что означает стремление помочь людям вырасти до своей максимально возможной высоты [14].

Формула: Развивать себя, чтобы обогатить свои сущностные силы и жить подлинно человеческой жизнью.

5. *Самореализация* – еще один из возможных мотивов личностного саморазвития зрелого человека. Если благодаря З. Фрейду произошли серьезные «сексуальные революции», благодаря работам Д. Карнеги целое поколение американ-

цев «научилось» улыбаться, то благодаря открытиям У. Джемса и многих других авторов человечество было «озадачено» идеей саморазвития для более полной реализации своего потенциала.

Саморазвитие и самореализация тесно связанные, но не тождественные феномены, имеющие различную мотивационную основу. «Предметная реальность социально значимого вклада» как критерий самореализации, по Д. А. Леонтьеву, требует от человека достаточно высокого уровня способностей и, прежде всего, трудоспособности. Эти уровни должны по крайней мере приближаться к средним показателям или превышать их, чтобы обеспечить социальную значимость предметного вклада. Но тем самым стремление к самореализации с необходимостью побуждает человека к саморазвитию, поскольку, как подчеркивает Д. А. Леонтьев, саморазвитие создает для человека возможность самореализоваться на более высоком уровне [15].

Формула: Развивать себя, чтобы реализовать себя через социально значимые предметные вклады.

6. *Самовыражение* как обнаружение своей самости и проявление ее в мире может выступать и как цель, и как мотив личностного саморазвития.

Формула: Развивать себя, чтобы выразить себя и «быть» в мире.

7. К саморазвитию может побуждать и *самутверждение* как стремление человека к общественному признанию, потребность утвердить себя среди людей, занять свое место, свое пространство, не потеряться в этой жизни и ответить «да!» на ее вызовы (А. Лэнгле).

Формула: Развивать себя, чтобы стать «замеченным», получить общественное признание, обрести искомый социальный статус.

8. О мотивирующей силе стремления к *самоактуализации* писал А. Маслоу. Если средний индивид мотивируется тем, что ему недостает: он ищет путей удовлетворения своих потребностей в безопасности, зависимости, любви, уважении и самооценке, то психологически здоровый человек «мотивируется главным образом потребностью в развитии и актуализации в самой полной степени своих потенциалов и способностей» [16].

Формула: Развивать себя, чтобы «все больше и больше становиться тем, что ты есть, становиться всем, чем ты способен стать» (А. Маслоу).

9. В условиях современной культуры стремление человека к самореализации, самоутверждению, самовыражению, самоактуализации осуществляется прежде всего посредством его *профессиональной деятельности*, которая и сама может выступать мотивом личностного самораз-

вития. Так, профессиональная подготовка к получению престижной специальности требует целеустремленной работы над собой. В профессиях, где личность специалиста играет существенную роль и выступает его профессиональным инструментом (психолог, психотерапевт, педагог и др.), личностное саморазвитие становится профессиональной необходимостью. К примеру, ориентированность педагога на личностную модель взаимодействия с детьми определяет его целевые установки, среди которых значимое место занимает создание условий для собственного саморазвития [17].

А. Маслоу трактует профессиональное самоопределение как производное от личностного и связывает его с поиском бытийных ценностей [18]. Самоактуализирующийся человек стремится быть в своем деле среди лучших или во всяком случае настолько хорошим, насколько он сможет [19]. Идентификация с профессией, с делом своей жизни может привести к тому, что задачи профессионального развития становятся задачами личностного саморазвития.

Формула: Развивать себя, чтобы состояться в профессии и преуспеть в деле, которому ты служишь.

10. Мотивами саморазвития могут выступать *полнота существования, полнота бытия, и, связанная с ними, полнота личностного функционирования*. Полнота существования относится к числу общечеловеческих базовых мотиваций. М. К. Мамардашвили писал: «Как живые существа к чему мы стремимся? Прежде всего к полноте своего потенциального существования, хотим реализовать себя в терминах человеческого достоинства и какого-то взаимоотношения с целым своей жизни, в которой стремимся овладеть ею и сделать так, чтобы она не протекала у нас между пальцами, собрать разрозненные кусочки своего существования и т. д.» [20]. А. Маслоу, анализируя пять разных способов использования слова «бытие», пишет, что «бытие», в частности, может означать «цель» развития, роста, становления и относится в этом случае «скорее к конечному продукту <...> становления, чем к его процессу» [21].

Формула: Развивать себя, чтобы «быть», то есть жить полно, истинно.

11. Не только идеи, связанные с жизнью, но также *идея смерти* может выступать мотивом личностного саморазвития. Смерть неизбежна, и поэтому она становится мотивацией человека к проявлению активности [22]. Физически смерть разрушает человека, но идея смерти спасает его [23]. И. Ялом видит в конфронтации человека со смертью источник и механизм его личностных изменений и призывает своих клиентов усвоить непреложную истину о том, что «существование

не может быть отложено» [24]. И. Ялом пишет о том, что, «думая о смерти, мы становимся благодарными, способными ценить бесчисленные данности своего существования. Именно это имели в виду стоики, когда говорили: “Размышляй о смерти, если хочешь научиться жить”» [25].

Формула: Развивать себя, чтобы «научиться жить».

12. В страдании человека увидел стимул для его деятельности и развития И. Кант. Читаем: «Природа сделала страдание стимулом к деятельности человека, неизбежно толкающим его всегда к лучшему <...>. Быть в жизни (абсолютно) довольным – это признак бездеятельного покоя и прекращение всех побуждений или притупления ощущений и связанной с ним деятельности» [26].

Формула: Развивать себя, понимая и принимая страдание как «указатель» пути развития.

13. Принцип наслаждения (удовольствия) может многое прояснить в стремлении человека к саморазвитию. «Быть всегда расположенным к веселости – это в большинстве случаев [особое] свойство темперамента, но часто это может быть и действием принципов, как, например, *принципа наслаждения* Эпикура; так называли этот принцип другие, и потому он приобрел дурную славу, хотя в сущности под ним подразумевалось постоянное веселое расположение духа мудреца» [27]. И. Кант отстаивает данный принцип, полагая, что «так можно и должно быть благочестивым, сохраняя хорошее настроение; так можно и должно исполнять трудную, но необходимую работу, сохраняя хорошее настроение; и в таком же хорошем настроении надо даже умирать, ибо все это теряет свое достоинство, если совершается или испытывается в дурном настроении и в мрачном расположении духа» [28].

И. Кант разграничивает два способа удовольствия: «*Один способ* удовольствия есть в то же время *культура*, а именно увеличение способности испытывать еще большее удовольствие; таково удовольствие от наук и изящных искусств. *Другой способ* – *истощение*, которое делает нас все менее способными к дальнейшему наслаждению» [29]. Задавшись вопросом о том, каким путем следует искать удовольствие, И. Кант вводит максиму: «...отмеривать себе такую долю удовольствия, чтобы оно все еще могло увеличиваться», поскольку «пресыщенность удовольствием вызывает такое отвратительное состояние, что сама жизнь становится избалованному человеку в тягость, а склонные к истерике женщины изводятся». Примечательно обращение Канта к молодому человеку: «Молодой человек! (я повторяю) полюби свою работу, отказывайся от наслаждений не для того, чтобы *отречься* от них совсем, а для того, чтобы, насколько это воз-

можно, всегда иметь их перед собой в перспективе!» [30]

Отчетливо у Канта звучит мысль о роли самого человека в производстве жизненных страданий и удовольствий. «Самое основательное и самое легкое средство, унимающее всякую боль, – это мысль, которую можно предполагать у каждого разумного человека, а именно что жизнь вообще, если иметь в виду наслаждение ею, зависящее от случайных обстоятельств, не имеет никакой собственной ценности и что только то, на какие цели направлено это наслаждение, обладает ценностью, которую создает человеку не удача, а единственно лишь *мудрость*; следовательно, эта ценность в его власти. Кто в страхе тревожится о [возможности] утраты жизни, тот никогда не будет радоваться ей» [31]. Действительно, не страх смерти, но идея смерти спасает человека к жизни; не перманентное удовольствие, но идея удовольствия, перемежающегося страданием, может вызвать у человека желание не престанно идти по пути саморазвития.

Умение полагаться на собственную мудрость в создании наслаждения приводит человека к потребности создавать в себе и в мире что-то новое. Маслоу указывал на то, что «неуверенный субъект нуждается в порядке и стабильности и всячески стремится избежать странного и неожиданного. Психологически здоровый субъект также ищет порядка и стабильности, но это для него, в отличие от невротика, не вопрос жизни и смерти. Зрелый индивид вместе с тем проявляет интерес к новому и таинственному» [32].

Рассуждения, «реабилитирующие» удовольствие как жизненный принцип, находим и у М. К. Мамардашвили, который пишет о том, что «тонкие и наблюдательные мыслители не приписывали зло чувственной природе человека, которая слишком часто в виде системы удовольствий, желаний, наслаждений, чувственных реакций понимается как некая бездна, таящая в себе зло»; «не чувственная природа является источником зла, а то превращенное отношение человека к самому себе, когда человек становится саморазрушителем, потому что именно человечность ему неведому» [33].

Формула: Развивать себя, чтобы жить, наслаждаясь жизнью.

14. Осознание себя как причины собственного благополучия и неблагополучия, собственной радости и собственных дисфорий вызывает к жизни такой мотив саморазвития, как *ответственность*. И. Ялом писал о том, что, «пока человек не осознал, что сам сотворил собственную дисфорию, мотивация к изменениям отсутствует. Пока мы продолжаем верить, что причиной нашего неблагополучия являются другие, или невезение, или не удовлетворяющая работа –

короче говоря, нечто вне нас, – зачем нам вкладывать энергию в личностное изменение?» [34]. Как указывает И. Ялом, терапевты используют огромный спектр техник, фокусирующих внимание пациента на ответственности. Так, терапевт, отвечающий на оправдание пациенткой своего поведения («Это было не намеренно. Я сделала это бессознательно») вопросом «Чье это бессознательное?», подталкивает ее к сознанию ответственности [35].

Чувство ответственности связано с другой «страстью» человека – его стремлением к свободе. М. К. Мамардашвили писал о том, что «жизнь возможна только с сознанием и достоинством того, что мы берем на себя ответственность за свою свободу. То, что с нами случается, есть следствие с самого начала принятого нами риска, так как мы берем на себя ответственность за возможную неудачу. Но очень важно, чтобы и неудача воспринималась при этом как следствие упущения своей свободы, риска и ответственности» [36].

Формула: Развивать себя, чтобы быть ответственным за себя и свою свободу.

15. *Вина* рассматривается в современной психологии как «базовая человеческая эмоция и одновременно нравственная категория, которая обращает нас к самой сердцевине человеческого существования» [37]. Называя чувство вины темной тенью ответственности, И. Ялом различает три ее вида: невротическую, реальную (подлинную) и экзистенциальную [38]. «Невротическая» вина происходит от воображаемых преступлений (или мелких проступков, вызывающих непропорционально сильную реакцию) против другого человека, древних и современных табу, родительских и социальных запретов. «Подлинная» вина обусловлена реальным преступлением по отношению к другому человеку. Субъективные переживания в обоих случаях сходны, однако терапевтическое преодоление этих двух форм вины очень отличается: справиться с невротической виной возможно путем проработки чувства собственной «плохости», бессознательной агрессивности и желания наказания, в то время как «подлинная» вина должна быть актуально или символически искуплена. «Экзистенциальная вина» означает, что человек несет вину не только за преступления против других людей, моральных или социальных правил; но также за «преступления» против самого себя. Размышляя о том, почему это так, Ялом приходит к мысли, что экзистенциальная вина интимно связана с возможностью, или потенциальностью. Когда эта возможность не реализована, человек испытывает экзистенциальную вину [39].

Р. Мэй описывает чувство экзистенциальной вины как «позитивную конструктивную эмоцию»,

которая совместима с психическим здоровьем и даже необходима для него. Ялом указывает еще на один факт. Он пишет: «То, что каждое человеческое существо обладает уникальным набором потенциальных возможностей, которые стремятся быть воплощенными, – древняя идея. “Энтелехия” Аристотеля относилась к полному осуществлению потенциальной возможности. Четвертый смертный грех, праздность, или лень, многими мыслителями интерпретировался как “грех не делания в своей жизни того, что, как известно человеку, он может делать”» (Н. Н.: ссыла на работу: А. Maslow, *Toward a Psychology of Being* / Princeton, N.Y.: D. Van Nostrand, 1962. P. 5.). Как отмечает И. Ялом, это крайне популярная концепция, обнаруживаемая в работах почти каждого гуманистического или экзистенциального теоретика или терапевта. Данная концепция, как пишет Ялом, появлялась под многими названиями (“самоактуализация”, “самореализация”, “саморазвитие”, “раскрытие потенциала”, “рост”, “автономия” и т. д.), но основополагающая идея проста: каждое человеческое существо обладает природными способностями и потенциальными, более того, исходным знанием об этих потенциалах. Тот, кому не удастся жить настолько полно, насколько возможно, испытывает глубокое, сильное переживание, которое я называю здесь “экзистенциальной виной”» [40].

Но как человек может выявить свой потенциал? Ялом пишет: «Хайдеггер, Тиллих, Маслоу и Мэй ответили бы в унисон: “С помощью Вины! С помощью Тревоги! Через зов бессознательного”. Они согласны между собой в том, что экзистенциальная вина – это позитивная конструктивная сила, советчик, возвращающий нас к себе самим. Когда пациенты заявляли Хорни, что не знают, чего хотят, она часто отвечала просто: “Вы когда-нибудь думали о том, чтобы спросить себя?”» [41]. Экзистенциальная вина не является результатом какого-либо совершенного индивидом действия, напротив, она происходит от упущения, от неделанного.

В отечественной психологии можно встретить другие точки зрения. Так, Б. М. Мастеров пишет о том, что «чувство вины – плохое “топливо” для саморазвития» [42]. Вероятно, данный автор имел в виду невротическую, а не экзистенциальную вину.

Формула: Развивать себя, чтобы освободиться от невротической вины, научиться справляться с реальной виной, отвечая на вызов экзистенциальной вины.

16. Самоактуализирующимися личностями движет «метамотивация», или мотивация бытийными ценностями [43]. В числе таких ценностей истина, красота, новизна, уникальность, справедливость, лаконичность, простота, доброта, акку-

ратность, эффективность, любовь, честность, невинность, совершенство, порядок, элегантность, рост, чистота, подлинность, покой, мир и т. п. [44]. Эти ценности, с точки зрения Маслоу, необходимы для предотвращения болезни и для достижения полнейшей человечности или полноценного развития [45].

А. Маслоу считает чрезвычайно полезным «различать мир бытия (Б-мир) и мир дефицитарности (Д-мир), то есть вечное и “практическое”». Это, с его точки зрения, помогает в выборе своей собственной жизни, а не детерминированной кем-то другим. В суматохе повседневной жизни так просто забыть об абсолютном и необходимо конкретное, сознательное, волевое усилие, по крайней мере на первых порах, для того, чтобы обратить свое внимание на подлинные вещи и ценности. Например, попытавшись уединиться, приобщиться к великой музыке, к хорошим людям или к красоте природы. Только по мере практики эти стратегии становятся простыми и автоматическими, так что человек в Б-мире, даже без особого желания или усилия, живет иной жизнью, «метажизнью», или «бытийной жизнью» [46].

Формула: Развивать себя, чтобы включить в свою жизнедеятельность высшие ценности – ценности красоты, истины, справедливости, добра, творчества и др.

17. Согласно В. Франклу «стремление найти смысл в собственной жизни является первичной мотивирующей силой человека» [47]. Смысл уникален и специфичен потому, что он может быть реализован именно этим человеком и никем другим [48]. В противовес Ж. П. Сартру, который полагает, что, человек изобретает себя, конструирует свою «сущность», то, что он есть то, чем должен быть, чем станет, В. Франкл пишет, что смысл существования не изобретается, но, скорее, открывается человеком. Ценности не побуждают, не толкают человека, но, скорее, ведут, притягивают его. И у человека есть «свобода делать выбор между принятием и отвержением предлагаемого, то есть, между тем, осуществить потенциальный смысл или оставить его нереализованным» [49]. Ноогенные неврозы возникают «не из конфликтов между влечениями и сознанием, но, точнее, из конфликтов между различными ценностями; другими словами, из моральных конфликтов, или, говоря более обобщенно, из духовных проблем» [50]. Стремление человека к осмысленному существованию относится к сфере духовных явлений. Рассматривая вопросы ноодинамики, В. Франкл исходит из того, что «поиск человеком смысла и ценностей скорее вызовет внутреннее напряжение, чем приведет к внутреннему равновесию». Но, как полагает Франкл, именно это напряжение является необ-

ходимым условием психического здоровья, которое основывается на определенной степени напряжения «между тем, что человек уже достиг, и тем, что еще должен осуществить; или тем, что он есть, и тем, чем он должен стать». Франкл уверен, что не следует «колебаться в том, чтобы возбудить в человеке такое напряжение, связанное с его потенциальным смыслом, требующим осуществления» [51]. Никто не сможет сказать человеку, кроме него самого, в чем состоит смысл его жизни. Тем более что «смысл жизни отличается от человека к человеку, со дня на день, и от часа к часу», и «важен не смысл жизни в общем, но, скорее, специфический смысл жизни личности в данный момент» [52]. В. Франкл пишет, что вопрос о том, какой шахматный ход самый лучший в мире, бессмысленен, если не учитывается конкретная шахматная ситуация и личность противника, точно так же «нельзя заниматься поиском абстрактного смысла жизни. У каждого человека имеется свое собственное призвание в жизни; каждый должен иметь задачу, которая требует разрешения» [53]. Человек должен дать ответы жизни на ее вызовы, и в этой ответственности и есть смысл его существования. Подлинный смысл человеческого существования должен быть найден в окружающем мире скорее, нежели в самом человеке или в его собственной психике.

Формула: Развивать себя, чтобы найти и реализовать смыслы собственного существования.

Безусловно, здесь представлены не все из возможных мотивов личностного саморазвития человека. Мотивация саморазвития многогранна. Отметим еще раз то, что саморазвитие самоценно для человека. И все же стремление к саморазвитию имеет и свою мотивацию, связанную, прежде всего, с осуществлением себя в мире.

Осознание мотивации саморазвития выступает как одно из условий его эффективности. Психологически современный человек устроен сложно, его существование и развитие полидетерминировано, значительна роль не только сознания, но и бессознательного. Многие, чем живет современный человек, в его сознании не представлено. Он может не знать «даже» о своих базовых потребностях, не говоря уже о мотивах саморазвития.

Самосознание обладает значительным мотивационным потенциалом, порождающим процессы самопреобразования личности [54]. Наиболее устойчивыми побудительными структурами личности являются ее потребности, но мотивационным потенциалом обладают и другие личностные образования, такие, как интегрированное представление о себе, личностная идентичность человека, выработанные человеком стратегии поведения и др.

Осознанность мотивов саморазвития, безусловно, может выступать критерием личностного способа существования. Трудность осознания собственных мотиваций отмечается многими авторами, в числе которых С. А. Рубинштейн, Г. Селье, И. И. Чеснокова и др. Так, Селье указывает на то, что обычно люди в силу искусственных социальных условностей отрицают, что ими движет желание добиться одобрения своих поступков, заслужить доброе отношение и любовь других людей. К примеру, Г. Селье задавал вопрос о мотивации научной деятельности многим выдающимся ученым, с которыми ему приходилось общаться. Вопрос о мотивации заставлял ученых врасплох, вначале они отвечали, что никогда об этом не задумывались. Затем обычно указывали на любознательность, на интерес к механизмам природных явлений. Когда Селье настаивал на том, чтобы ученые сообщили о дополнительных стимулах, они скорее были готовы признать, что работают ради денег, чем назвать в числе мотивов общественное одобрение [55]. О себе Г. Селье писал, что для него самого жажда одобрения и признания была одной из главных движущих сил на протяжении всей жизни.

Неосознаваемые побуждения личности (ее «темная комната») могут стать причиной внутриличностных конфликтов. Результатом научного поиска Л. И. Божович явилось положение о том, что доминирование той или иной направленности может быть различным на сознательном и неосознанном уровнях. Поэтому некоторые люди сознательно могут стремиться к одному, а действовать иначе, в соответствии с мотивами, доминирующими на неосознанном уровне. Это приводит к дисгармоничному строению личности, которая как бы «расколота» изнутри и постоянно раздираема внутренними противоречиями.

По мнению Г. Олпорта, в исследовании личности возник перекосяк в сторону косвенных методов диагностики мотивации, исходящих из базового недоверия к тому, что человек сам знает о своей мотивации. И, как пишет Олпорт, «у людей здоровых, без тяжелых проблем, обнаруживается хорошая согласованность между тем, что удастся получить на основе прямых и косвенных методов анализа мотивации». Но если мы не будем использовать методы прямого самоотчета, говорит Олпорт, мы не сможем определить, имеем ли мы дело с мотивами, принятыми, осознанными и интегрированными в структуру личности, или же с вытесненными инфантильными фиксациями, которые оказывают свое влияние подспудным образом, порождая конфликты в личностной структуре [56].

Осознание собственных мотивов – важный шаг на пути достижения подлинной субъектности в саморазвитии. Особенно с точки зрения ори-

ентировочного значения мотивационного потенциала человека. Не отдельные ценности, а их совокупность (философия жизнедеятельности), в которой наряду с представлениями о мире есть представления и о своем месте в этом мире, определяют интенциональность человека. Мотивация обладает ориентирующими возможностями благодаря речевому мышлению и связанной с ним системой ценностей человека.

В заключение подчеркнем, что развитие личности может происходить и «само собой», без сознательного участия человека. Но если рассматривать развитие, направляемое «автономным, внутренним, жизненным порывом целеустремленно саморазвивающейся личности» [57], то важнейшим условием в этом случае выступает достаточная и осознанная самим человеком мотивация данной деятельности, ориентирующая человека в его связях с миром.

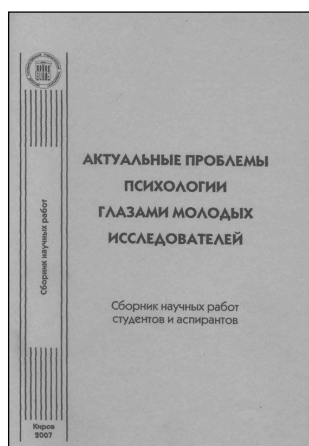
Примечания

1. Леонтьев, Д. А. Самореализация и сущностные силы человека [Текст] / Д. А. Леонтьев // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 171.
2. Моргунов, В. Ф. Проблема периодизации развития личности в психологии [Текст]: учебное пособие / В. Ф. Моргунов, И. Ю. Ткачева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 29.
3. Куликова, А. Н. Проблемы саморазвития личности [Текст] / А. Н. Куликова. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2001. С. 212.
4. Юревич, А. В. Структура психологических теорий [Текст] / А. В. Юревич // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 1. С. 11.
5. Анцыферова, Л. И. К психологии личности как развивающейся системы [Текст] / Л. И. Анцыферова // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. С. 13.
6. Слободчиков, В. И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе [Текст]: учеб. пособие для вузов / В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев. М.: Школьная Пресса, 2000. С. 203.
7. Лазарев, В. С. Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления [Текст] / В. С. Лазарев // Вопр. филос. 2001. № 3. С. 43.
8. Слободчиков, В. И. Указ. соч. С. 195.
9. Цукерман, Г. А. Психология саморазвития: задача для подростков и их педагогов [Текст] / Г. А. Цукерман. Рига: ПЦ «Эксперимент», 1997. С. 10.
10. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения [Текст] / И. Кант. СПб.: Наука, 1999. С. 316.
11. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы [Текст] / А. Маслоу. М.: Смысл, 1999. С. 54.
12. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия [Текст] / И. Ялом. М.: НФ «Класс», 2000. С. 165.
13. Анцыферова, Л. И. Указ. соч. С. 4.
14. По: Маслоу, А. Указ. соч. С. 58.
15. Леонтьев, Д. А. Указ. соч.
16. По: Гобл, Ф. Третья сила: психология Абрахама Маслоу – новый взгляд на человека [Текст] /

- Ф. Гобл // Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. С. 360.
17. Психологические особенности ориентации педагогов на личностную модель взаимодействия с детьми [Текст] / В. Г. Маралов, И. А. Бучилова, Е. Ю. Клепцова и др.; под ред. В. Г. Маралова. М.: Академический проект: Парадигма, 2005. С. 4.
18. Маслоу, А. Указ. соч. С. 50.
19. Там же. С. 54.
20. Мамардашвили, М. К. Эстетика мышления [Текст] / М. К. Мамардашвили. М.: Моск. школа полит. исследований, 2000. С. 208.
21. Маслоу, А. Указ. соч. С. 131.
22. Cunningham, R. J. The courage to create Rollo May: The courage to be Paul Tillich [Text] / R. J. Cunningham // Journal of humanistic psychology, Vol. 47 no. 1, January 2007 73–90. Doi: 10.1177/0022167806293004. The online version of this article can be found at: <http://jhp.sagepub.com/cgi/content/abstract/47/1/73>.
23. Ялом, И. Указ. соч. С. 36.
24. Там же. С. 181.
25. Там же.
26. Кант, И. Указ. соч. С. 301.
27. Там же. С. 302.
28. Там же. С. 303.
29. Там же. С. 304.
30. Там же. С. 304–305.
31. Там же. С. 308.
32. По: Гобл, Ф. Указ. соч. С. 368–369.
33. Мамардашвили, М. К. Указ. соч. С. 366.
34. Ялом, И. Указ. соч. С. 260.
35. Там же.
36. Мамардашвили, М. К. Указ. соч. С. 340–341.
37. Васильева, О. С. Особенности переживания вины в современном обществе [Текст] / О. С. Васильева, Е. В. Короткова // Моск. психотерапевт. журн. 2004. № 1. С. 48–73.
38. Ялом, И. Указ. соч. С. 313.
39. Там же. С. 314.
40. Там же. С. 315–316.
41. Там же. С. 317.
42. Мастеров, Б. М. Психология саморазвития: психотехника риска и правила безопасности [Текст] / Б. М. Мастеров. Рига: ПЦ «Эксперимент», 1996. С. 40.
43. Маслоу, А. Указ. соч. С. 282.
44. Там же. С. 293.
45. Там же. С. 299.
46. Там же. С. 322–323.
47. Франкл, В. Доктор и душа [Текст] / В. Франкл. СПб.: Ювента, 1997. С. 243.
48. Там же. С. 244.
49. Там же. С. 246.
50. Там же. С. 247.
51. Там же. С. 250–251.
52. Там же. С. 254.
53. Там же.
54. Анцыферова, Л. И. Личность в динамике: некоторые итоги исследования [Текст] / Л. И. Анцыферова // Психол. журн. 1992. С. 12–25.
55. Селве, Г. Стресс без дистресса [Текст] / Г. Селве. М.: Прогресс, 1982. С. 91.
56. По: Леонтьев, Д. А. Гордон Олпорт – архитектор психологии личности [Текст] / Д. А. Леонтьев // Психол. журн. 2002. Т. 23, № 3. С. 26–30.
57. Выготский, Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии. Проблема возраста [Текст] / Л. С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика, 1984. С. 247–248.

НОВЫЕ КНИГИ

Актуальные проблемы психологии глазами молодых исследователей [Текст] : сборник научных работ студентов и аспирантов. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – 81 с.



Сборник содержит статьи и тезисы аспирантов факультета психологии и студентов I–V курсов факультетов психологии, культурологии, лингвистики, естественно-географического факультета.

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ

Н. В. Калинин

ТАЙНАЯ АГЕНТУРА ОХРАННЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ЦАРСКОЙ РОССИИ

Статья рассказывает о деятельности тайной агентуры охранных отделений в царской России. Исследование посвящено деятельности охранных отделений в России с момента их создания в начале XX в. до упразднения в 1913 г.

Российское государство конца XIX – начала XX вв. представляло из себя сложную многоуровневую систему институтов, составной частью которых были органы принуждения (так называемый «карательный аппарат»). Указанная группа органов в силу своей специальной компетенции играла важную роль в механизме отечественного государства, особенно в периоды кризисов. Особую роль в этой структуре играли охранные отделения, или так называемые «охранки».

Охранные отделения России имели достаточно широкие возможности по наблюдению и контролю как за общественно-политическими организациями, так и за иными политически неблагонадежными элементами. Достаточно важным является необходимость оценки деятельности такого механизма охранных отделений, как работа секретных агентов. Анализ деятельности тайной агентуры охранных отделений даст возможность оценить практический вклад накопленного опыта сыскной деятельности в развитии органов государственной безопасности последующих периодов истории. Кроме того, изучение методов деятельности охранных отделений позволит определить их место и значение в аппарате государственных органов царской России.

Охранные отделения создавались как органы исключительно оперативно-розыскные. Несмотря на то что непосредственные результаты их деятельности не всегда имели доказательственное значение для суда, получаемая ими информация должна была ощутимо двинуть вперед дознание и следствие, что, кстати, и случилось, так как практически все политические дела начинались и велись с помощью «охранок» [1].

Каждое охранное отделение состояло из общей канцелярии, отдела внутреннего наблюдения и отдела наружного наблюдения. Штаты охранок были различными и зависели от местной оперативной обстановки. В сентябре 1903 г., например, в Томском охранном отделении числилось 9 человек, а в Санкт-Петербургском – 151 [2]. Хотя можно сказать, что обычно штаты охранных отделений не были многочисленными.

Большую роль в наблюдении играла агентура охранных отделений. Само наблюдение распалось на две части: с одной стороны, наружное наблюдение при помощи филеров, в просторечии называемых «шпиками» и «гороховыми пальто»; с другой – деятельность революционных организаций освещалась изнутри при помощи членов партии, пристроившихся одновременно и к охранке и за вознаграждение предающих своих товарищей [3]. Такие секретные агенты, внедряющиеся в революционные организации и политически неблагонадежные общества, были наиболее важными.

Наружное наблюдение осуществлялось отделом наружного наблюдения охранного отделения. Он состоял из заведующего и агентов наружного наблюдения – филеров. Отделу подчинялись и низшие чины охранного отделения: участковые полицейские надзиратели и вокзальные полицейские надзиратели. Они наводили справки о лицах, интересовавших полицию, присутствовали при отходе и приходе поездов, в случае необходимости могли задержать того, кто их интересовал. Главное место в отделе принадлежало филерам – агентам наружного наблюдения [4].

Существовала специальная секретная инструкция «Об организации наружного (филерского) наблюдения». Филеров надлежало подбирать в соответствии с ней. Чтобы стать филером, кандидат должен был соответствовать ряду требований. Как правило, это должны были быть строевые запасные нижние чины, не старше 30 лет. Преимущество отдавалось лицам, окончившим военную службу в год поступления на филерскую службу, а также кавалеристам, разведчикам, бывшим в охотничьей команде, имеющим награды за разведку, отличную стрельбу и знаки военного ордена.

В инструкции указывалось, что филер должен был быть политически и нравственно благонаде-

КАЛИНИН Николай Викторович – аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВятГГУ
© Калинин Н. В., 2008

жен, тверд в своих убеждениях, честный, трезвый, смелый, ловкий, развитой, сообразительный, выносливый, терпеливый, настойчивый, осторожный, правдивый, откровенный, но не болтун, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящийся к делу и принятым на себя обязанностям, крепкого здоровья, в особенности с крепкими ногами, с хорошим зрением, слухом и памятью, такой внешностью, которая давала бы ему возможность не выделяться из толпы и устраняла бы запоминание его наблюдаемыми [5]. Интересен еще и тот факт, что чрезмерная нежность к семье считалась качеством, несовместимым с филерской службой. Лица польской и еврейской национальностей в филеры не принимались.

Принятому в службу наружного наблюдения новичку поручалось сначала наблюдение за своим же служащим, и если с этой задачей он справлялся успешно, ему доверялось настоящее наблюдение, причем на первый раз он назначался в помощь старому, опытному филеру. Если филер впервые брал под наблюдение лицо, он давал ему кличку, и наблюдаемый, таким образом, имел два псевдонима: один – внутреннего, а другой – наружного наблюдения.

Начальство внушало филерам, что наблюдение должно быть строго конспиративным и что лучше всего бросить его, чем дать себя заметить. Если наблюдаемый ускользал от филера, последний должен был, не боясь выговоров и взысканий, доложить об этом начальству. В тех случаях, когда филер скрывал, что ему не под силу вести наблюдение, и руководство узнавало об этом, его ждало строжайшее наказание. В розыскных учреждениях любили правду и к недобросовестным сотрудникам относились более чем сурово. Заведовавший наружным наблюдением Московского охранного отделения Е. П. Медников просто избивал филеров, дававших ложные сведения [6].

При необходимости применялось конное наблюдение из извозчика. Слежка за предполагаемой явкой, типографией и т. п. велась из квартиры напротив, или из извозчика, а на бойких улицах – переодетыми посыльными, торговцами и т. д., в помощь которым ставились пешие филеры, запиравшие выходы из улицы и бравшие «объекты» по пути [7]. Опытные филеры добивались высокого совершенства, становясь виртуозами наружного наблюдения.

В зависимости от обстоятельств и местности, на которой велось наблюдение, филер мог костюмироваться. Порой он превращался в франтового приказчика, мастерового, подгулявшего купца, а то и в спешащую в магазин горничную. Широко использовались филеры-извозчики, благодаря своей мобильности существенно расши-

рившие возможности наблюдения. Любопытно, что возить наблюдаемых им разрешалось лишь в исключительных случаях и непосредственно перед ликвидациями, причем филер обязан был торговаться с таким пассажиром, чтобы не вызвать подозрений. Все увиденное филер записывал в свою книжку, которая по заполнении сдавалась заведующему наблюдением. На основании таких книжек или дневников составлялась сводка наружного наблюдения, внешне похожая на чертеж солнечной системы. Центром здесь был наблюдаемый. На ближайшей к нему «орбите», в виде кружков, помещались организации, с которыми он контактировал, на следующей дома, в которые он заходил. Многочисленные стрелки и линии показывали связи между наблюдаемым, организациями и лицами, помеченными на диаграмме [8]. Обязательность ведения такой отчетности была закреплена в «Инструкции начальникам охранных отделений об организации наружного наблюдения». Документ содержит указания по организации наружного наблюдения, порядок предоставления агентами отчетности о проделанной наблюдательной работе. Так, § 9 указанной инструкции предписывал филерам записывать сведения по каждому отдельному лицу в вечерних рапортах и передавать в охранные отделения, где и велся непосредственный учет информации [9].

Однако наиболее важное значение для охранных отделений имела внутренняя агентура. Основной задачей негласных (внутренних) агентов являлось проникновение в революционную среду и, прежде всего, в партийные ряды. В директивах департамента полиции указывалось, что ничто не может заменить секретного сотрудника, находящегося в революционной среде [10].

Внутреннее наблюдение вела секретная агентура. Особым отделом департамента полиции в 1914 г. была разработана «Инструкция по организации и ведению внутреннего наблюдения в жандармских и розыскных учреждениях». Этот документ подразумевал под «агентом внутреннего наблюдения» лицо либо «непосредственно состоящее в революционной организации, либо косвенно осведомленное о жизни и деятельности как самой организации, так и отдельных ее членов». Внутренняя агентура подразделялась на «секретных сотрудников», т. е. лиц, являвшихся членами организаций, и «вспомогательных сотрудников», или «осведомителей», т. е. тех, кто хотя и не состоял в организации, но каким-либо образом соприкасался с ней. Осведомители делились на постоянных, доставляющих систематические и связные сведения, и случайных, доставляющих информацию эпизодически и не имеющую связи. Осведомители, собирающие сведения за плату, за каждое указание, назывались

«штучниками». Инструкция 1914 г. указывала, что в правильно поставленном деле «штучники» нежелательны, так как, стремясь получить возможно больше денег, они начинают давать мало-важную, а порой и лживую информацию и становятся дорогим и ненужным бременем для розыскного органа. Инструкция классифицировала агентуру и по профессиональному признаку.

Различались агентуры: тюремная – из лиц, содержащихся под стражей, которые при «полезности» работы представлялись к сокращению сроков; сельская, вербовавшаяся чаще всего из владельцев тракторов, прислуги постоянных дворов и не имевших наделов крестьян; университетская, фабричная, железнодорожная и т. д. и т. п. [11]

Наряду с осведомителями важную роль играли провокаторы. Осведомители сами не принимали активного участия в революционных организациях, а доносили о них. Провокаторы были, как правило, участниками революционных организаций. Именно они представляли наибольшую ценность для охраны. На их вербовку отводилось особое внимание [12].

Свидания с провокаторами происходили на конспиративных квартирах, так, чтобы избежать столкновения одного сотрудника с другим, при закрытых дверях; калоши и другие предметы не оставались в прихожей, агент не садился против зеркала или окна. Появляться на конспиративной квартире в форме или приходить к сотруднику домой офицерам категорически запрещалось [13].

Важную роль в агентурном деле играл карточный алфавит. В нем имелись карточки на всех, кто проходил по делам агентурного отдела. Карточки были разных цветов, в зависимости от партийной или социальной принадлежности лица, на которое они заводились. Например, красные – на эсеров; синие – на социал-демократов, зеленые – на анархистов, белые – на кадетов и беспартийных, желтые – на студентов [14].

В карточку обязательно включались карточки секретных сотрудников, так как они неизменно наблюдались и освещались другими агентами. Если в описываемых событиях принимал участие сам агент, он упоминался в списке наряду с другими лицами по фамилии и партийной кличке. В целях конспирации эти сведения заносились на его карточку, так что часто сотрудники доносили сами на себя [15].

Например, в Московском охранном отделении, среди прочих, имелась карточка на типографского рабочего, члена РСДРП А. С. Романова. Завербованный в марте 1910 г. Романов под кличкой «Пелагея» работал по Московской группе РСДРП, и по его карточке можно было прочесть донесение о нем сотрудника «Пелагеи», то есть самого Романова [16].

Департамент полиции, охранка буквально опутали страну агентурой. Агенты внедрялись не только в революционные организации, но и в различного рода профессиональные и благотворительные общества и организации.

В 1913 г. была создана газетная агентура для тщательного негласного наблюдения за сотрудниками газет. Своих агентов охранные агенты держали и в высших правительственных учреждениях для наблюдения за крупными сановниками [17].

Секретная агентура должна была представлять важные сведения о деятельности наблюдаемых ею организаций и обществ. Начальники охранных отделений, в свою очередь, после получения информации, перед непосредственным использованием должны были проверить ее достоверность с помощью наружного наблюдения. Основной задачей охранных отделений при использовании секретной агентуры являлось выяснение таких обстоятельств, которые позволили бы принять предварительные меры, предупредить преступления, не допуская их совершения.

Изучение архивных материалов свидетельствует о том, что охранные отделения начинают упраздняться в 1913–1914 гг. 15 мая 1913 г. товарищем министра внутренних дел В. Ф. Джунковским было ликвидировано большинство охранных отделений, а имеющиеся штаты переданы в территориальные губернские жандармские управления [18]. Исключение составили Петербургское, Московское и Варшавское охранные отделения, которые просуществовали до Февральской революции 1917 г. Но методы охранных отделений, в том числе связанные с использованием секретной агентуры, наработанные за время их существования, не утратили своей актуальности. Беспорно, практика использования методов внедрения в революционные организации, а также практика негласного наблюдения периода Российской империи позднее была проанализирована и использована сотрудниками секретных органов государства. Непосредственно большевики использовали советы бывшего товарища министра внутренних дел и командира Отдельного корпуса жандармов В. Ф. Джунковского, который после его ареста большевиками в определенной степени сотрудничал с представителями новой власти. Так, именно Джунковский советовал, как разложить изнутри белое движение испытанным способом, не раз применявшимся жандармами в борьбе с революционными организациями различного толка. Туда необходимо было внедрить людей, близких к руководителям контрреволюционных организаций по происхождению и биографии, причем эти люди должны быть постоянно под негласным контролем чекистов. Тогда успех будет обеспечен. Это были советы профес-

сионала. Не стесняясь методов царской охранки, чекисты привлекли бывшего жандарма в качестве консультанта к разработке и проведению самых известных чекистских операций «Трест» и «Синдикат-2». Потому-то и успех их был заведомо обеспечен [19].

При оценке деятельности секретных сотрудников царской охранки, а также деятельности спецслужб Российского государства в последующие периоды истории достаточно явно следует вывод о преемственности поколений. Лучшие профессиональные традиции агентов охранки нашли продолжение в деятельности чекистов советского времени, и не секрет, что осмысленный опыт прошлого – это одна из основ деятельности современных спецслужб.

Примечания

1. Сизиков, М. И. История полиции России (1718–1917 гг.) [Текст] / М. И. Сизиков, А. В. Борисов, А. Е. Скрипелев. Вып. 2. М.: А.П.О., 1992. С. 42.

2. Федоров, К. Г. История полиции дореволюционной России [Текст] / К. Г. Федоров, А. Н. Ярмыш. Ростов н/Д, 1976. С. 69.

3. Макаричев, М. В. Политический и уголовный сыск России в конце XIX – начале XX века. По материалам Нижегородской губернии [Текст]: дис. ... канд. истор. наук / М. В. Макаричев. Н. Новгород, 2003. С. 81.

4. Рубцов, С. Н. История российской полиции [Текст]: учебное пособие / С. Н. Рубцов. Иркутск: ВСИ МВД РФ, 1998. С. 182.

5. ГАКО (Государственный архив Кировской области) Ф. 714. Оп. 1. Д. 542. Л. 102.

6. Сизиков, М. И. Указ. соч. С. 47.

7. Жилинский, Б. А. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти [Текст] / Б. А. Жилинский. М., 1918. С. 10, 18–19.

8. Сизиков, М. И. Указ. соч. С. 48.

9. ГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 542. Л. 20об.

10. Рубцов, С. Н. Указ. соч. С. 182.

11. Сизиков, М. И. С. 44–45.

12. Рубцов, С. Н. Указ. соч. С. 183–184.

13. Чернышевский, Д. В. Карательная политика царизма 1881–1894 гг.: Истоки, характер, результаты [Текст] / Д. В. Чернышевский; под ред. д-ра ист. наук, проф. Н. А. Троицкого. Изд-во Саратов. ун-та, 1980. С. 14.

14. Рубцов, С. Н. Указ. соч. С. 186.

15. Сизиков, М. И. Указ. соч. С. 46.

16. Членов, С. Б. Московская охранка и ее секретные сотрудники [Текст] / С. Б. Членов. М., 1919. С. 27.

17. Рубцов, С. Н. Указ. соч. С. 187.

18. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. ОО. 1913. Д. 366. Л. 30–34.

19. Сысоев, Н. Г. Жандармы и чекисты. От Бенкендорфа до Ягоды [Текст] / Н. Г. Сысоев. М.: Вече, 2002. С. 109.

П. А. Самоделкин

«СВОБОДНАЯ И МИРНАЯ ПОЛЬША» В ВИДЕНИИ РУКОВОДСТВА США в 1943 г.

В данной статье рассматриваются вопросы видения американским руководством в 1943 г. образа послевоенной Польши, ее места во внешней политике США во время Второй мировой войны, дается оценка увеличивавшегося советского влияния в ЦВЕ и польского фактора, влияющего на климат антигитлеровской коалиции.

1943 год стал переломным во Второй мировой войне. Он был ознаменован успехами на восточном фронте, первыми встречами лидеров Большой тройки. В то же время весной 1943 г. наблюдалось ухудшение отношений между СССР, с одной стороны, Великобританией и США – с другой, из-за сбоя поставок по ленд-лизу и оттягивания открытия второго фронта, а также разрыв польско-советских отношений в связи с Катынской трагедией.

Ф. Д. Рузвельт делал все возможное, чтобы улучшить эти отношения, причем альтернативный путь их развития не рассматривался. Возникает вопрос, а как в Америке представляли себе Европу и место в ней СССР во время войны? Какие соображения и мысли скрывались за идеями построения справедливого и безопасного мира объединенных наций? В зависимости от ответа на эти вопросы можно выявить, какую роль играл фактор Польши во внешнеполитическом планировании США.

Итак, в 1943 г. Рузвельтом было предпринято несколько неудачных попыток договориться с И. В. Сталиным о проведении конференции лидеров Большой тройки. К. Хэлл в своих мемуарах писал о большом беспокойстве, сопровождавшем предысторию организации встречи в Тегеране. Государственный секретарь с пониманием относился к усилиям ФДР укрепить отношения между СССР и США [1].

Помимо писем с предложениями Сталину рассматривался также вариант визита в Москву Дж. Дэвиса (посол в СССР в 1936–1938 гг.). Его подготовкой в марте – апреле 1943 г. непосредственно занимались Рузвельт и специальный помощник президента – Г. Гопкинс. Кроме стратегических вопросов Дэвису необходимо было обсудить со Сталиным проблему совместного послевоенного мирного урегулирования. В. Мальков считает, что затягивание войны в Европе отдаляло и ее победоносный финал на Тихом океане, от чего так зависела популярность президента и

САМОДЕЛКИН Павел Андреевич – аспирант кафедры всеобщей истории ВятГУ
© Самоделкин П. А., 2008

демократов в целом [2]. Поэтому в ходе подготовки визита Дэвиса в Москву ФДР особо отмечал значение успехов на Восточном фронте, подчеркивая, что от них будет зависеть ситуация на Тихоокеанском фронте.

Визит экс-посла в мае 1943 г. оказался успешным: Сталин согласился на проведение встречи с Рузвельтом и У. Черчиллем. Такой шаг в политике ФДР предвещал близкую отставку У. Стэнди, посла США в СССР, не способного или не желающего наладить контакты между двумя лидерами. Подбор эффективного и лояльного окружения, государственных служащих, преданных идее объединения наций, – важная черта политики ФДР. Одним из ее проявлений стала смена посла в СССР: Стэнди отправили в отставку, на его место был назначен А. Гарриман [3]. Последний положительно относился к идее улучшения взаимопонимания между Сталиным и Рузвельтом. Он был удобен Вашингтону еще и потому, что не желал видеть на переговорах с советскими государственными деятелями специальных посланников из Госдепартамента, так как считал, что власть в СССР сильно персонифицирована, а сам Сталин всю политику СССР контролирует единолично [4].

Отправляя в Москву Гарримана, ФДР дал ему список вопросов, один из которых касался границ и приграничных территорий. Новый посол должен был убедить советское руководство, что Советский Союз не должен решать его в одностороннем порядке. Американский президент, ограниченный положениями Атлантической хартии, не мог игнорировать эти проблемы без риска критики со стороны общественного мнения, особенно некоторых влиятельных европейских диаспор в США.

Следующим направлением политики ФДР было создание связующего звена между Госдепартаментом и Администрацией президента. Им оказался Ч. Болен, сотрудник внешнеполитического ведомства США, начальник отдела по европейским делам, работающий при посольстве США в СССР. На Каирской конференции с ним подружился Гопкинс, который позже рекомендовал Рузвельту взять его в Белый дом [5]. Болен хорошо знал русский язык и неплохо понимал ситуацию в СССР.

Нельзя забывать и про позицию Госдепартамента в отношении СССР. 27 августа 1943 г. Хэлл публично заявил, что он является противником «злых эффектов» [6] антисоветского общественного мнения в США, действующего на руку общему врагу как Соединенных Штатов, так и Советского Союза, – III рейху. Об этом же госсекретарь сказал только что назначенному послом в США А. А. Громыко.

Скорее всего, Хэлл все же имел самостоятельную точку зрения по проблеме сближения США

и СССР, но во многом совпадавшую с президентской. Нельзя не обратить внимания на его желание выглядеть в своих мемуарах индивидуально мыслящим политиком. В то же время он подчеркивал «лояльность Госдепартаменту и Администрации» [7], в отличие от своего заместителя С. Уэллеса, якобы отказавшегося от предписаний министров иностранных дел, посчитавшего визит в Москву бессмысленным. Согласно точке зрения Хэлла, за критику госсекретаря и всего внешнеполитического ведомства США ФДР отправил Уэллеса в отставку (причем по просьбе самого Хэлла), назначив 25 сентября на его место Э. Стеттиниуса. Известно, что Уэллес входил в число сторонников ФДР, он был представителем президента во внешнеполитическом ведомстве США, однако давно существующий конфликт Хэлла и Уэллеса разрешился именно таким образом. Причина очевидна: Хэлл, будучи довольно весомой политической фигурой, имел большое влияние в Сенате [8].

Таким образом, осуществляя политику сближения с СССР, ФДР провел некоторые перестановки в руководстве: сменил посла в СССР, заместителя Госсекретаря, нашел необходимых людей в Госдепартаменте, поддерживающих его курс, достиг у Сталина понимания важности проведения конференции лидеров Большой тройки, иначе говоря, разрешил некоторые организационные вопросы, прозондировал почву для решительного сближения и уточнил ресурсы своей политики.

Рассматривая формы и варианты взаимодействия США и СССР, необходимо изучить предмет этого сближения, содержание обсуждавшихся проблем и то, как в их общем контексте определялась судьба послевоенной Польши.

Историк Дж. М. Бернс, в годы войны работавший помощником конгрессмена в Белом доме, отмечает, что с весны 1943 г. Рузвельт активно занимался «изучением различных деклараций конгресса по вопросам послевоенной безопасности и проявлял особую чувствительность к польскому вопросу» [9].

Обратимся к записям Гопкинса от 15 марта 1943 г. ФДР на встрече с А. Иденом сказал, что «к моменту падения Германии в прибалтийских государствах будут находиться русские армии и что никто из нас не сможет заставить их уйти оттуда. Президент сказал, что, по его мнению, Соединенные Штаты должны будут настаивать перед Россией на том, чтобы не включать эти государства в СССР, не организовав новый плебисцит, но он согласился, что до плебисцита эти государства будут иметь весьма тесные военно-экономические соглашения с Советами...» или придется смириться с включением этих го-

сударств, при условии, что это согласие можно будет использовать «в качестве козыря, для того чтобы вынудить у России другие уступки» [10].

По вопросу о Польше ФДР сказал, что там в любом случае либеральное правительство будет ликвидировано (либо до мирной конференции, либо через год после нее). Логично предположить, что будет сформировано просоветское правительство. Президент продолжал, что все равно придется согласиться с линией Керзона. Ему важно было, чтобы «будущее Польши было устроено таким образом, чтобы она способствовала поддержанию мира во всем мире» [11]. Это означало, что она не должна была создавать какие-либо преграды для СССР, действовать ему во вред. Возможно, что здесь Рузвельт имел в виду желание В. Сикорского, при содействии некоторых английских кругов, создать блок государств ЦЮВЕ во главе с Польшей, как некий прообраз малой Антанты [12]. Выгодны ли были эти идеи для СССР? А для США, в таком случае? Определенно нет. Американцы не поддерживали создание каких-либо блоков и объединений государств, так как они противоречили планам создания ООН. Следовательно, в таком ключе президент мог позволить себе «беспокоиться» о создании безопасных западных границ Советского Союза, надеясь на взаимную «помощь» Кремля, например на Тихоокеанском фронте.

Аналогичного мнения придерживался и Гопкинс. Отправляясь на Квебекскую конференцию (14–24 августа 1943 г.), он захватил с собой документ «Позиция России», в котором подчеркивалось, что «Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы. Поскольку она, безусловно, будет занимать господствующее положение в Европе после поражения держав оси, то еще более важно поддерживать и развивать самые дружественные отношения с Россией» [13]. Кстати, сам документ (вошедший в историю как меморандум Гопкинса – Бэрнса) был подготовлен по просьбе Гопкинса аппаратом генерала Дж. Бэрнса, непосредственно подчиненного президенту, и содержал оценку военно-политического положения Советского Союза на начало августа 1943 г. [14]. Последующие разведанные только убедили ФДР в правильности этой программы и собственных выводов.

Эта политическая линия проводилась Хэллом на Московской конференции министров иностранных дел. Круг проблем, которые необходимо было обсудить, включал в себя вопросы ООН, международного сотрудничества (и, в связи с этим, укрепление отношений с СССР и Китаем), зондаж проблем, связанных с Германией, Польшей, Прибалтикой, Японией.

4 и 5 октября ФДР провел совещания с К. Хэллом, причем на них присутствовали также Э. Стеттиниус (заместитель госсекретаря), Л. Пасвольский (специальный помощник госсекретаря), Дж. Данн (советник отдела координации экономической деятельности за рубежом), Фр. Мэттьюс (начальник отдела Госдепартамента по европейским делам), адмирал У. Леги (начальник штаба Главнокомандующего Армии и Флота), Г. Хакворт (юрисконсульт) [15]. Один из вопросов посвящался Польше, и тут президент выразил свою точку зрения. По словам Хэлла, он собирался встретиться со Сталиным и обсудить вопрос о Польше «на основе высокой морали» [16]. Он также считал, что новая граница должна проходить несколько восточнее так называемой линии Керзона, с тем чтобы Львов отошел к Польше, и что плебисцит следует провести после того, как вызванные войной потрясения улягутся.

Далее госсекретарь отмечает, что выдвигаемые время от времени предложения о прекращении поставок в СССР по ленд-лизу в качестве средства давления при урегулировании польско-советских отношений не воспринимались серьезно ни им, ни ФДР. Эти заявления, транслируемые Хэллом, не противоречили мартовским высказываниям президента, записанным Гопкинсом и опубликованным Р. Шервудом. Это говорит о том, что у американских стратегов уже было сформировано представление о границе Польши и СССР.

6 октября Хэлл принимал польского посла Я. Чехановского, которому объяснял, что американское правительство, совместно с британским, примет все необходимые меры, чтобы «восстановить отношения между Россией и Польшей» [17]. Он также подчеркивал, что «русские, будучи очень подозрительными людьми, не расположены идти на уступки союзникам», но американцы и англичане могут многое сделать для Объединенных Наций, а также для восстановления отношений между СССР и Польшей, предостерегая «Россию, от чего она должна воздерживаться в будущем». Он сожалел о гибели генерала В. Сикорского, полагая, что, возможно, это был единственный человек в польском правительстве, способный восстановить отношения с СССР.

В словах госсекретаря примечательны два момента: отношение к гибели Сикорского и проблема политики «американцев и англичан» в отношении СССР. Приведенные выше документы показали, что ФДР относился к СССР как к союзнику в войне и партнеру в деле создания ООН. Гегемония Советского Союза в Восточной Европе им предполагалась. Однако в мемуарах госсекретаря мы видим иное отношение к проблеме. Возможно, на это повлияли события в мире и Европе 1945–1948-х гг.

В то же время госсекретарь высоко оценивает деятельность Сикорского по налаживанию дипломатических связей между Кремлем и правительством Польши в изгнании. Но возможно ли было положительное решение этой проблемы в 1943 г. или последующие годы? И что могло послужить основой для польско-советского сближения – двусторонние контакты или сотрудничество в рамках коалиции, в том числе и по вопросам европейского урегулирования и создания ООН? И какой могла бы быть роль США в этом случае?

Сам Хэлл вспоминал, что в конце разговора он сказал Чехановскому, что США «хотели восстановления нормальных дипломатических отношений между Россией и Польшей... хотели, чтобы Советское правительство согласилось с широкими принципами международного сотрудничества после войны ради создания организации по поддержанию мира. Но... не собирались настаивать на урегулировании во время войны таких специфических вопросов, как определение границы между Польшей и Россией». Логика понятна: попытка коснуться проблемы границ могла вызвать волну дискуссий по другим вопросам, сделать процесс неуправляемым, бесконечным, бессмысленным, несущим вред общему делу. Поэтому госсекретарь пообещал побудить советскую сторону принять меры по восстановлению польско-советских отношений, чему можно верить.

В связи с приведенной в воспоминаниях госсекретаря версией беседы с Чехановским есть смысл сказать о специфике интерпретации данной части мемуаров Хэлла. Описываемые здесь события относятся к 1943 г., сами воспоминания вышли в 1948 г., после смерти Рузвельта, следовательно, с определенной долей вероятности можно сделать вывод, что автор действительно в тот момент мог вести себя как самостоятельный политик, в некоторых вопросах независимо выражать своё мнение.

Тем не менее, когда речь заходила о Польше, он употреблял выражения: «мы хотели...», «мы не собирались...», «мы с президентом...». Есть фразы, начинающиеся с личного местоимения, т. е. идущие от его имени, а есть и выражающие, естественно, мнение президента: «президент сказал...». Как определить, кому принадлежат те или иные мысли? В каких случаях Хэлл откровенно соглашался с мнением президента, а в каких, под маской конформиста, просто передавал косвенную речь ФДР, ставшую впоследствии общепринятой политической установкой?

Проанализируем главу «Россия против Польши» второго тома мемуаров. Она начинается с подготовки госсекретаря к вылету в Москву. Условно ее можно поделить на пять частей.

Первая часть – первый абзац – определенно указывает, как К. Хэлл до отъезда в Москву имел три совещания с президентом и другими служащими. Он так и пишет: «...совещался с президентом...». Ясно и понятно: кто и с кем совещался.

Вторая часть – второй абзац, который указывает на некоторое условие общения и преследуемую цель: «мы согласились сделать всё возможное, чтобы заручиться английским и русским согласием на участие Китая в предлагаемой Декларации четырёх государств» [18]. Этот посыл подчеркивает существование общего дела, что определило последующее поведение и стиль воспоминания госсекретаря. Однако госсекретарь в данном случае не упомянул тот факт, что в официальном документе – меморандуме этой беседы от 5 октября 1943 г., подготовленном Стеттиниусом, говорилось также о стремлении создать необходимые условия, освобождающие «Россию от участия в вопросах, касающихся Тихоокеанской области до окончания войны с Японией» [19].

Третья часть – собственно пересказ самого совещания от 5 октября 1943 г., а, по сути, представление видения основных проблем и их решений Рузвельтом, в изложении Хэлла. Далее не упоминается «я», а используются только термины «президент» (по многим вопросам), «мы с президентом» (в вопросе о ленд-лизе), «мы» (по поводу советско-польских отношений). Последнее местоимение можно трактовать как «все собравшиеся», как «я и президент», или «мы как американцы», стремящиеся к общему делу (как некий императив президента, а возможно уже как нарратив для политиков послевоенного времени).

Четвертая часть посвящена встрече Хэлла с польским послом в США – Чехановским. В этой части госсекретарь оперировал выражениями «американское правительство», «американцы и англичане», опять «мы». Заключительная часть – последний абзац главы, который повествует, как сам мемуарист отправился в Москву и какие обещания он дал польскому послу, используя местоимение «я».

Определенно можно сказать, что косвенная речь президента принадлежит именно президенту и никому другому. Однако по контексту видно, что решения главы государства по сути были императивными инструкциями госсекретарю к предстоящей поездке в Москву, и с огромной долей вероятности можно сказать, что последний их принимал, так как четвертая и пятая части главы подтверждают содержание второй ее части – содействовать общему делу установления мира и безопасности объединенных наций. В четвертой и пятой частях он рисуется как проводник идей ФДР перед польским послом. Совпадающие мысли, видимо, подчеркивались фразами

«мы с президентом». Думается также, что к 1948 г. местоимение «мы» приобрело смысл сотрудничества Госдепартамента с Администрацией и оттенок оправдания за проявившиеся к тому моменту некоторые результаты II Мировой войны [20].

В итоге можно сказать, что К. Хэлл всю инициативу в проведении политики в отношении Польши отдал президенту, как правило, соглашаясь с ним.

Когда Госсекретарь отправился на Московскую конференцию, то Рузвельт «несколько беспокоился по поводу того, что Хэлл говорил от имени Соединенных Штатов на встрече министров иностранных дел» [21], поскольку последний не входил в его близкое окружение. Поэтому у Гарримана была инструкция – присматриваться к тому, что делал глава внешнеполитического ведомства США. Но в Москве Хэлл не подвел ФДР.

Изучая повестки дня американцев и англичан, можно заметить следующую особенность: английский вариант предполагал рассмотрение конкретных проблем. Польше в нем уделялось три пункта [22]. Американский вариант был более пространный, но это не означало, что в Вашингтоне не собираются решать военные проблемы. На третьем заседании 21 октября Хэлл сообщил, что «сотрудничество всех Объединенных Наций надо рассматривать не только с точки зрения общих интересов в этой войне, но и с точки зрения интересов послевоенного мира» [23]. Это означало, что ведение конструктивной политики и поддержка добрых отношений должны создать прецедент – пример для послевоенного сотрудничества. Следовательно, Польша и СССР должны были наладить между собой дипломатические отношения, объединить свои усилия в деле разгрома общего врага, а не рассматривать вопросы приграничного урегулирования. На восьмом заседании, 26 октября, он заявил, что, не имея «принципиальных основ» [24], можно затруднить процесс обсуждения более конкретных проблем. На одиннадцатом заседании, 29 октября, при обсуждении польского вопроса в узком составе, Хэлл держался в стороне от дискуссии Идена и В. М. Молотова, заявив только, что в Соединенных Штатах имеются «лица, относящиеся дружелюбно как к советскому, так и к польскому народу», которые надеются, что «две соседние страны снова восстановят отношения между собой» [25]. Каких-то конкретных заявлений по этому поводу не должно было быть, так как сам Госдепартамент подходил к решению польского вопроса «негибко до конца 1944 года» [26], точнее, наверно, весьма неопределенно.

Следует выделить то, что Хэлл склонил Молотова к согласию присоединить Китай к Декларации четырех держав, а 2 ноября он телегра-

фировал ФДР, что Сталин намекнул на участие СССР в войне против Японии. По сути, цель визита была выполнена. Поэтому, как считает Дж. М. Бернс, поездка в Москву главы внешнеполитического ведомства США «стала полезным средством дипломатического зондажа президента и чем-то вроде триумфа для государственно-го секретаря» [27].

Тегеранская конференция сделала результативными все направления деятельности ФДР, описанные выше. Уже после первого заседания, 28 ноября, за ужином Рузвельт общался со Сталиным, который говорил о западных границах, но ничего определенного не говорил о восточных [28]. Вероятно, именно это и хотели услышать американцы (там же присутствовал Гарриман, Гопкинс, переводчик – Болен): сделать уступку и обменять ее на необходимые от СССР действия на Тихом океане. Предположим, что это была все-таки уступка Кремлю, но как расценить следующие события?

1 декабря на совещании ФДР и Сталина, на которой присутствовали Гарриман, Болен, Молотов и А. П. Павлов, американский президент говорил о связи польской проблемы послевоенных границ с грядущими выборами 1944 г. Он стремился баллотироваться на четвертый срок, но при этом «не желал потерять» 6–7 млн голосов американцев польского происхождения. Поэтому он надеялся на понимание советского лидера, что ни на Тегеранской конференции, ни следующей зимой он не намерен участвовать в обсуждениях данного вопроса, но при этом он подчеркнул, что поддерживает в целом точку зрения перенесения границ Польши с востока на запад [29].

Болен подчеркнул, что такой шаг ФДР позволял избежать в скором времени спор между двумя руководителями государств по поводу Польши. Однако его удивило то, что Рузвельт был настолько откровенен со Сталиным в вопросе взаимоотношений его с польскими избирателями в Соединенных Штатах. Он выделил две причины такого поведения: либо это было стремление создать причину противостояния ФДР некоторой части американской Полонии, либо это было искреннее выражение своих чувств (Болен склонялся к последней версии). Поэтому Болен считал такой путь ФДР ошибочным, так как тем же днем на вечернем совещании вопрос о польских границах обсуждался только Сталиным и Черчиллем. ФДР держался в стороне, и в результате складывалось впечатление, что президент просто делает одолжение своим коллегам ad hoc. Американский президент считал, что переговоры по восстановлению дипломатических отношений между польским и советским правительствами должны уже начаться, но признавал,

что в данном направлении существуют трудности [30]. Однако такого мнения не разделяли, судя по всему, Рузвельт, адмирал Леги, Гопкинс, Гарриман.

Болен описывает, что по окончании конференции у него одного было подавленное настроение, с которым он отправился обратно в Москву [31]. Только там он понял, что в Тегеране было достигнуто военное соглашение. Однако, ко всему прочему, он заметил, что в американском посольстве преувеличивают понимание результатов конференции, которая, по его мнению, не принесла абсолютно никаких политических соглашений (кроме устного «договора» о польской границе), не решила ни одной проблемы.

Нельзя не уловить в его размышлениях еще один факт. Недаром он приводит «план Сталина» послевоенного устройства Европы, в которой «важной военной и политической силой» будет именно СССР [32]. Болен не могло не насторожить поведение Рузвельта по отношению к Сталину [33].

Если оценивать итоги Тегеранской конференции с позиции результативности политики Рузвельта, то они были, мягко сказать, положительными. Р. Шервуд отмечал, что ФДР и Гопкинс достигли «венца карьеры» именно в Тегеране [34].

Американцы «согласились» с переносом польской границы с востока на запад, и при этом сам президент намекнул Сталину, что не может принимать участие в обсуждении данного вопроса в связи с предстоящими президентскими выборами. Это означало, что Рузвельт понимал и принимал неоспоримость советского присутствия в восточной части Европы, отдавал всю инициативу в обсуждении данного вопроса Великобритании и СССР, но делал вид, что не может участвовать в открытой дискуссии по личным причинам. Поэтому это могло казаться уступкой, причем безвозмездной, что до сих пор считается неоспоримым.

Обсуждение польского вопроса шло вместе с германской проблемой. По сути, решение последней – разгром и расчленение – давало послевоенной Польше право на компенсацию потерянных территорий на востоке за счет восточных германских земель (некогда принадлежавших полякам). Д. Данн приводит мнение У. Буллита, считавшего, что поведение и Черчилля, и Рузвельта было слепым, вело к установлению советского господства в ЦЮВЕ и изменению баланса сил в Европе. Собственно и сам Д. Данн считает, что решение германского вопроса «закрепило судьбу Польши» [35]. В таком случае и получается, что восточная граница Польши закрепилась благодаря уступке ФДР Сталину, а западная – большому желанию разгромить III рейх и расчленить Германию.

Но существовала ли вообще эта уступка, если объективно такой исход в Европе уже принимался ФДР до Тегеранской конференции? Создавая видимость неучастия в открытых обсуждениях вопроса о польских границах, Рузвельт не терял абсолютно ничего. Наоборот, заставив Сталина молчать и понять, почему американский президент не может участвовать в обсуждениях данного вопроса [36], он создавал видимость, что американский президент уступает Сталину восточную часть Европы, что могло послужить причиной для ответного шага Москвы в интересах Вашингтона. В любом случае ФДР, заручившись доверием советского лидера, создал почву для последующего «сотрудничества» и показал американцам, что его убеждения оказались верными.

Кроме того, всё бремя польского вопроса ФДР переложил на плечи Черчилля, который становился «объектом жалоб Сталина и адресатом гнева на поляков» [37]. Пересечение польской границы советскими войсками означало потерю польским правительством в эмиграции каких-либо рычагов управления польскими землями. Поэтому, что весьма логично, Сталин и не собирался восстанавливать польско-советские отношения на основе польских требований. В Москве понимали выигрешность своей позиции.

Вероятно, это понимали и в Вашингтоне. Когда Рузвельт был еще на Каирской конференции (22–26 ноября 1943 г.), Хэлл отправил ему телеграмму, в которой ясно говорилось, что «польское Правительство находится в безнадежном положении» [38]. Это могло означать, что «лондонские поляки» теряют свой статус единственных представителей поляков. И этот факт также мог стать поводом дальнейшего сближения Рузвельта и Сталина.

К концу 1943 г. в американском руководстве довольно четко были определены признаки послевоенного польского государства, причем так, что это создавало почву для сближения Вашингтона и Москвы по некоторым стратегическим вопросам и проблемам послевоенного мирного устройства. Нельзя сказать, что согласие с советским вариантом польских границ было определено именно этими соображениями. Абсолютно нет. Новые границы отвечали историческим и этнографическим процессам в данном регионе и, что самое главное, Атлантической хартии. Если говорить о «сговоре» ФДР и Сталина, «уступке» восточной Польши Советскому Союзу, то изначально правильно было бы изучить возможности и ресурсы Запада в 1943–1944 гг., чтобы регулировать этот процесс юридически или с позиции силы. Документы подтверждают, что таких возможностей не было ни у США, ни у лондонских поляков, ни у Великобритании, и очень вероят-

но, что это всё осознавало американское руководство. При этом оно блестяще провело свою политическую линию, создав прецедент «сотрудничества» США и СССР, с последующими благоприятными для американцев результатами.

Примечания

1. *Hull, C.* The memoirs of Cordell Hull [Text] / C. Hull. Vol. 2. N.Y., 1948. P. 1248.

2. *Мальков, В. А.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века [Текст] / В. А. Мальков. М., 2004. С. 396.

3. Сенат утвердил его кандидатуру 7 октября 1943 г., а 23 октября А. Гарриман вручил свои верительные грамоты в Москве.

4. *Данн, Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве [Текст] / Д. Данн. М., 2004. С. 311.

5. *Шервуд, Р.* Рузвельт и Гопкинс [Текст] / Р. Шервуд. Т. 2. М., 1958. С. 465–466.

6. *Hull, C.* Op cit. P. 1253.

7. Ibid. P. 1255.

8. После возвращения Хэлла из Москвы Сенат США большинством голосов принял резолюцию Коннэлли, которая предусматривала «послевоенное сотрудничество для обеспечения и сохранения всеобщего мира и для создания международной организации». См. *Шервуд, Р.* Указ. соч. Т. 2. М., 1958. С. 443.

9. *Бернс, Дж. М.* Франклин Рузвельт. Человек и политик [Текст] / Дж. М. Бернс. М., 2004. С. 372–373.

10. *Шервуд, Р.* Указ. соч. С. 376.

11. Там же. С. 379.

12. Это только подчеркивало независимость Ф. Д. Рузвельта от политики Великобритании и ее стремления воссоздать малую Антанту. Возможно, это также зависело от представления того, что в ЦЮВЕ после войны доминировать будет СССР, который таким образом обеспечит свою безопасность на Западе. Но нельзя забывать и про другие процессы, происходившие в Европе. Речь идет о создании европейской федерации, органы управления которой занимались бы армией, заграничной политикой, колониями. Такие идеи вынашивались в Италии среди социалистов и коммунистов, во Франции. Ш. де Голль видел Европу единой, а не разделенной на западную и восточную, а свою страну – имперской. В. Сикорский видел федерацию только славянской, позже, под влиянием А. Мульштайна, эта идея трансформировалась в объединение государств ЦЮВЕ с целью проведения общей внешней политики и обороны. Г. Гаррисон и А. Лутославский видели в федерации Центральную Унию, отделяющую Германию от СССР. См. *Matusak, P.* Misja integracji Europy Podziemnej 1939–1945 [Text] / P. Matusak // Pro Memoria. 2003. № 2. S. 16–17. В Москве же, как известно, не принимали идею создания федерации, охватывающей Польшу, Чехословакию, Югославию, Грецию, Австрию и Венгрию (обращение В. М. Молотова А. Кларк-Керпу 7 июня 1943 г.), см: FRUS. 1943. General: Vol. 1. The Tripartite Conference in Moscow, October 18 – November 1, 1943. P. 515 // <http://digioll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1943v01.p0525&q1=Poland>

13. *Шервуд, Р.* Указ. соч. С. 431–432.

14. *Мальков, В. А.* Указ. соч. С. 402.

15. Memorandum of Conversation With President Roosevelt (Вашингтон, 5 октября 1943 г.), см: FRUS. 1943. General: Vol. 1. The Tripartite Conference in Moscow, October 18 – November 1, 1943. P. 541 // <http://digioll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1943v01.p0551&q1=Poland>

16. *Hull, C.* Op. cit. P. 1266.

17. Ibid. P. 1269.

18. Ibid. P. 1265.

19. Memorandum of Conversation With President Roosevelt...

20. Речь идет об отсутствии желания настаивать на урегулировании во время войны специфических вопросов, например определение границ между Польшей и СССР.

21. *Данн, Д.* Указ. соч. С. 313; В. А. Мальков же считает, что К. Хэлл просто был против «обсуждения проблем послевоенного устройства» во время войны. См. *Мальков, В. А.* Указ. соч. С. 415.

22. Пункт № 4 посвящался польско-советским отношениям и политике в отношении Польши вообще; пункт № 11 – будущему Польши, вопросу о конфедерациях; пункт № 14 – политике в отношении территорий союзных стран, освобожденных в результате наступления вооруженных сил союзников. См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1954 гг. [Текст]: Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). М., 1978. С. 48–49, 64. См.: FRUS. 1943. General: Vol. 1. The Tripartite Conference in Moscow, October 18 – November 1, 1943. P. 525–526 // <http://digioll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1943v01.p0535&q1=Poland>

23. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1954 гг. С. 117.

24. Там же. С. 191.

25. Там же. С. 253; Summary of the Proceedings of the Eleventh Session of the Tripartite Conference, October 29 [Text]. FRUS. 1943. General: Vol. 1. The Tripartite Conference in Moscow, October 18 – November 1, 1943. P. 668 // <http://digioll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1943v01.p0678&q1=Poland>

26. *Мальков, В. А.* Указ. соч. С. 420.

27. *Бернс, Дж. М.* Указ. соч. М., 2004. С. 413.

28. Сталин заявил, что «Польша должна простираться до р. Одер, что русские помогут полякам получать границу на Оudere». См. FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran. 1943. III. The Tehran Conference. P. 510 // <http://digioll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1943CairoTehran.p0612&q1=Poland>

29. *Boblen, Charles E.* Witness to history, 1929–1969 [Text] / Charles E. Bohlen. N.Y., 1973. P. 151.

30. Tripartite Political Meeting, December 1. 1943. FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran. 1943. III. The Tehran Conference, P. 598 // <http://digioll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1943CairoTehran.p0700&q1=Poland>; В советской трактовке ФДР выражал только «надежду, что Советское правительство сможет начать переговоры и восстановить свои отношения с польским правительством». См. Тегеран. Ялта. Потсдам: сб. документов [Текст]. М., 1971. С. 91.

31. Возможно, в этом сыграла свою роль критика Сталиным карт этнического состава Восточной Польши, подготовленных самим Боленом в целях послевоенного планирования Госдепартамента. В своем меморандуме о Тегеранской встрече он подчеркнул наличие большого интереса у Сталина к этим картам. Они были созданы на основе статистических материалов 1920–1939 гг., что стало предметом критики советского лидера. См. Memorandum by the First Secretary of Embassy in the Soviet Union (Moscow, December 1943). FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran. 1943. P. 837–838 // <http://digioll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=turn&entity=FRUS.FRUS1943CairoTehran.p0941&q1=Poland>

32. *Boblen, Charles E.* Op. cit. P. 153.

33. Ч. Болен неодобрительно относился к шуткам ФДР над У. Черчиллем, целью которых было сближение президента со Сталиным. *Данн, Д.* Указ. соч. С. 320.

34. *Шервуд, Р.* Указ. соч. С. 494.

35. *Данн, Д.* Указ. соч. С. 324.

36. А. Гарриман отмечал, что «президент был уверен, что Сталин также будет придерживаться своих заявлений, данных в Тегеране». См. *Harriman, William Averell. Special Envoy to Churchill and Stalin 1941–1946 [Text] / William Averell Harriman.* N.Y., 1975. P. 329.

37. *Eubank, K. Summit at Teheran [Text] / K. Eubank.* N.Y., 1985. P. 446.

38. Телеграмма К. Хэлла Ф. Д. Рузвельту, 23 ноября 1943 г., см.: FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran. 1943. II. The First Cairo Conference. P. 384 // <http://digioll.library.wisc.edu/cgi-bin/FRUS/FRUS-idx?type=goto&id=FRUS.FRUS1943CairoTehran&isize=L&submit=Go+to+page&page=384>

И. С. Шишкина

ВНЕСЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ГРАФИКА, СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА)

В данной статье речь идет о графическом выделении, семантических особенностях и прагматическом аспекте парентетических внесений. Выделяются основные структурные типы внесений и их функции в предложении, предлагается классификация вставок в зависимости от связи со включающим предложением, рассматривается вопрос о позиции в предложении.

Проблема метатекстовых элементов (вводных и вставных компонентов высказывания и сверхфразовых единств) привлекает к себе пристальное внимание исследователей уже давно. Изучение научного наследия по вопросу вставных элементов показало, что, начиная с М. В. Ломоносова, каждый из крупных лингвистов (Н. И. Греч, А. Х. Востоков, А. А. Потемня, А. М. Пешковский и другие) ставил вопрос о категории ввод-

ности/вставочности и так или иначе разрешал его в зависимости от исходных методологических позиций. Что касается английского языка, то внесения, широко распространенные в языке и являющиеся особой синтаксической категорией, до сих пор не описаны в специальной литературе. В работах по вводным элементам, к которым по молчаливому согласию относят внесения, последние либо не анализируются, либо упоминаются (без названия «внесения») как одна из групп вводных элементов с особым значением, а именно, как вводные элементы, вносящие попутные, дополнительные сведения.

В теоретическом курсе «Современного английского языка» В. Н. Жигадло, И. П. Ивановой, А. Л. Иофик вводные (вставные) элементы рассматриваются как члены предложения. Такое же понимание их находим и в «Грамматике английского языка» Л. С. Бархударова и Д. А. Штеллинга. В. Н. Каушанская, Р. Л. Ковнер и другие в учебнике «A Grammar of the English Language» относят их к *Parenthetic Elements*. В вышедшей в 1961 г. в качестве пособия для учителей «Грамматике английского языка» Т. В. Фроловой вводные элементы трактуются как *Independent Elements* [1].

Высказывалось мнение о том, что в английском языке «пунктуация, как правило, следует за интонационной стороной речи» [2]. Это особенно наглядно проявляется в графическом выделении внесений, которое так же обязательно, как и их фонетическое выделение. Однако графическое выделение внесений манифестирует не только их фонетические особенности, но отражает также синтаксическую сторону явления. Во-первых, если учесть тот факт, что английская пунктуация менее регламентирована, чем русская пунктуация, и в употреблении знаков препинания нет четкой системы, то постоянное, обязательное выделение внесений очень показательно. Во-вторых, внесения, в основном, выделяются скобками и тире, а скобки и тире являются знаками препинания, которые подчеркивают синтаксическую изолированность языкового элемента в предложении. На это указывает Б. А. Ильиш, отмечающий: «Скобки означают, что заключенный в них текст выпадает из общей синтаксической связи предложения и является вставным разъяснением к нему... Иногда в такой же функции, как скобки, употребляются парные тире. Разница между скобками и парными тире, по-видимому, чисто стиливая» [3]. О слабой связи текста, выделенного скобками и тире, с основным предложением говорят также Н. А. Кобрина и Л. В. Малаховский. Другими словами, фонетическое и графическое выделение внесений одинаково подчеркивают их изолированность. Они создают прерывистость синтаксической связи,

которая препятствует внесению составитель словосочетание с опорным словом, что ведет к синтаксической изолированности вставок.

Отличительной чертой внесений как особой синтаксической категории является свобода позиции в предложении, что особенно важно для английского языка, в котором среди приемов организации слов в предложении самая большая роль принадлежит порядку слов. Благодаря тому, что в английском языке слово получает свое грамматическое значение в зависимости от позиции в предложении, за каждым членом предложения закреплено определенное место. Изменение позиции того или иного члена предложения не произвольно, оно связано с определенными закономерностями и выполняет определенные функции. Поэтому вопрос о месте внесений в предложении имеет первостепенное значение для английского языка [4].

Определяя позицию внесения в предложении, надо, прежде всего, отметить, что вставка может располагаться между любыми членами предложения, она расщепляет даже аналитическую форму. Например:

1. He felt faintly relieved that the picture stood up well to renewed acquaintance – he hadn't seen it in the flesh since the Tate exhibition of four years previously – and even announced itself as better than memory and reproductions had rated it (John Fowles). Внесение стоит между однородными сказуемыми.

2. The legend of his black bile for everything English and conventionally middle-class – especially if it had anything to do with official views on art, or its public administration – was well established by the time he returned to Paris in 1946 (John Fowles). Вставка располагается между подлежащим и сказуемым.

Таким образом, вставка представляет собой подвижный элемент предложения, у него нет закрепленного, фиксированного места. Она может занимать такую позицию в предложении, какую не может иметь лексически тождественный ей член предложения или часть сложного предложения. Как ритмомелодическое членение может изменить роль слова в английском предложении, так и перемена места слова в предложении влечет за собой изменение его функции, поэтому иногда даже одна лексическая единица приобретает статус вставки.

Семантическая организация предложения, нормативно представляющая собой линейное поступательное развертывание информации, допускает преобразования в виде остановок, предоставляя возможность включить некую дополнительную информацию, которая вступает в особые отношения с ранее изложенным или названным. При формировании таких отношений мо-

гут принимать участие особые «лексико-грамматические элементы» (внесения).

Представляется возможным выделить следующие **основные структурные типы внесений** в русской и английской художественной литературе.

1. Внесения, выраженные минимальной номинативной единицей «слово-словоформа»: *Дежурит – вспомнил – Полтора Ивана, художой да долгий сержант черноокий* (Солженицын). *With the door shut, you could believe this was a sitting-room in an ordinary house, although everything – chairs, a sofa, the carpet – was dingy* (Lessing).

2. Внесения в виде словосочетания: *Перед столовой сегодня – случай такой дивный – толпа не густилась, очереди не было* (Солженицын). *You wouldn't think that man's arms – and such strong arms, too – could wither so fast* (Shaw).

3. Внесения, выраженные простым предложением: *Уж повел Шухов третий ряд (и Кильдис тоже третий начал), как по транпу претя еще один дозорщик, еще один начальник – строительный десятник Дэр* (Солженицын). *Anyway, one of the gays – I don't remember his name – left his jacket in my room* (Sheldon).

4. Внесения – осложненные предложения: *Получив его, я убежал, покупал на базаре баночку молока (тетки ворчали, глядя на мои погнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки* (Распутин). *Although he was proud of being Hungarian (a civilized people always caught in the wrong century was his way of describing his compatriots) he was not sentimental about it* (Shaw).

5. Внесения – фрагменты осложненного предложения: *Сперва протискивался Шухов круто (цигарку свернутую оберегая, однако, в кулаке)* (Солженицын). *He saw – Dorothy advising and supporting him – that this was a chance that might not recur* (Lessing).

6. Внесения, выраженные сложным предложением: *Вернее всего было бы, конечно, одеться и уехать, но путь к отступлению отрезан – за дверью гремел Хохлов, и повизгивали мать и дочь, и было ясно, что это надолго – страсти разыгрались нешуточные* (Устинова). *...despite the difference in their ages (he was over forty and she twenty-five) he would marry her if she would have him* (Shaw).

7. Внесения, представленные сложным синтаксическим целым: *Немного выдравшись из колотной своей житенки, стала Матрена повнимательней слушать и мое радио (я не преминул поставить себе разведку – так Матрена называла розетку. Мой приемничек уже не был для меня бич, потому что я своей рукой мог его выключить в любую минуту; но, действительно,*

выходил он для меня из глухой избы – разведкой) (Солженицын).

8. Внесения – фрагменты, вводящие чужую речь: *Заскрипел Шухов дверью тамбура, еще потом одной дверью, обитой паклею, и, вваливая клубы морозного пара, вошел внутрь и быстро притянул за собой дверь (спеша, чтоб не крикнули на него: «Эй, ты, вахлак, дверь закрывай!»* (Солженицын). *There was a feeling – «an improbable marriage of Samuel palmer and Chagall», as one critic had put it in reviewing the Tate Retrospective – of a fully absorbed eclecticism, something that had been evidenced all through his career, but not really come to terms with before Coetminais; ...* (Fowles).

9. Внесения – структуры, включающие в себя другую вставку: *У дома (а что там внутри?), распахнув все шторы пронизанной тюлем веранды, Вероника Викентьевна – белая огромная красавица – взвешивала клубнику: на варенье себе, на продажу соседям* (Толстая).

Таким образом, приведенные примеры позволяют сделать вывод, что в качестве внесений может быть употреблена любая единица, обладающая достаточным «коммуникативным весом», то есть способная нести определенное содержание и функционировать в тексте.

Полагаем, что все внесения с точки зрения их связи с включающим предложением делятся на две группы: **конструктивные вставки** – собственно вставки, формально самостоятельные, надстроочные, не связанные структурно с основным предложением, и **неконструктивные** – вставки, которые при снятии скобок или тире без изменения формы свободно входят в состав основного предложения или, если это самостоятельные предложения, в состав включающего текста [5].

Интересным видится тот факт, что вставка может быть выражена структурой, включающей в себя другую вставку. Предложения с подобными вставками являются построениями с двумя уровнями включения. Вставок данного структурного типа встречается немного, но они разнообразны. «Включающая» и «включенная» вставки могут быть выражены различными структурами – от минимальной номинативной единицы до сложного синтаксического целого, и, как правило, включающие вставки выражены более сложными структурами, нежели включенные вставки.

Как отмечалось выше, внесение вносит в высказывание дополнительное сообщение и тем самым участвует в реализации информативной функции художественного текста. При этом информация, отобранная автором для введения в высказывание посредством вставки, воздействует на читателя тем, что прямо или косвенно сообщает мнение автора о содержании основного высказывания. Более того, фрагмент текста, упот-

ребленный парантезно, – это не случайные ассоциации, мысли автора, возникшие в ходе речевого общения. Сообщение, заключенное в тире или скобки, всегда отражает продуманную интенцию автора, его желание выделить избранный отрезок речи, актуализировать его. Знаки препинания помогают пишущему (ведь пишущий не располагает другими средствами выделения) сделать очень тонкие смысловые акценты, заострить внимание читателя на важных деталях, показать их особую значимость и выразительность. Наконец, довольно часто внесения передают информацию, имеющую эмоционально-экспрессивный или эмоционально-оценочный характер, в этом случае они эксплицитно выражают субъективное отношение автора высказывания к сообщаемому и прямо воздействуют на адресата, побуждая его занять позиции автора в оценке сообщаемого.

Обратимся к смысловому аспекту внесений. С точки зрения высказывания внесение – его факкультативная часть. Она имеет ценность, но как дополнительная информация, отсутствие которой не может повлиять ни на содержание, ни на структуру высказывания. Внесение расширяет и обогащает содержание высказывания. Она выполняет множество смысловых функций. Наиболее характерны для внесений следующие функции:

- Пояснительно-уточнительная.

Небольшую группу таких конструкций составляют пояснения имен: *Louis – Dr Desforges – figured it out* (Sheldon). *Я спросил у Косолапова (заместитель главного редактора), нельзя ли получить казенную дачу* (Солоухин). Распространены случаи помещения в скобки или парное тире толкований диалектизмов, неологизмов, сленга, аббревиатуры и т. д.: *Бригадиры, ходившие в ППЧ – планово-производственную часть, – столтились несколько у столба, а один помоложе, бывший Герой Советского Союза, влез на столб и протирал термометр* (Солженицын). *If army personnel are involved in the accident, the CID – the Criminal Investigating Division of the Army – conducts an investigation along with the sheriff's office* (Sheldon). Основное ядро составляют конкретизирующие внесения как средство характеристики героя, предмета или явления: *She – Alice – had screamed at her mother, ...* (Lessing). *И они шептались в углу – Лев и Ада, – выдумывая что поостроумнее* (Толстая).

Уточняющие внесения нередко носят пространственно-временной характер: *И сколько бы буран тот ни дул – три ли дня, неделю ли, – эти дни засчитывают за выходные и столько воскресений подряд на работу выгонят* (Солженицын). *Our last visitor was told – within ten minutes of arrival – that we'd both been ravished three times the previous night* (Fowles).

• Причинно-мотивировочная.

Основные средства реализации этого смысла – предложения с союзом *ибо, потому что, так как* и предложения без показателей синтаксической связи с включающей структурой. Как правило, такие внесения разъясняют ситуацию, мотив поведения героев, заключают обоснование, аргумент, довод: *There was this time an immediate echo (because one had learned to look for them) of the Brueghel family; and even a faint self-echo, of the Moon-bunt in the main house* (Fowles). Он взял ведро и без рукавичек (наскофях забыл их под подушкой) пошел к колодезю (Солженицын).

• Справочно-отсылочная.

Внесения могут возвращать читателя к сказанному ранее или разъяснять, кому принадлежат слова: *As for forgiveness – like I was saying the other day – we can all use some of that...* (Shaw). И только тут – из этих неодобрительных отзывов золотки – вытлыл передо мною образ Матрены, какой я ее не понимал, даже живя с нею бок о бок (Солженицын).

• Передача дополнительных сведений.

Нередко это придаточные предложения с союзными словами: *который, где*, предложения без показателей союзной связи с базовым предложением, которые передают сведения о внешности, месте событий, отдельные факты о героях, ситуациях:

Опилки в матрасе чудом разровняла (тяжелые они, сбитые), одеяло вкруговую подоткнула, подушку кинула на место – босиком же слез вниз и стал обуваться, сперва в хорошие портянки, новые, потом в плохие, поверх (Солженицын). *I've been after him for years to have the walls done over – the paint's peeling all over the place – and he's refused to bear of it or even get rid of some of the books that're swamping us* (Shaw).

• Модально и эмоционально-оценочная.

Внесения данного типа, как правило, выражаются восклицательным номинативным предложением. В таких случаях можно говорить об «открытом» выражении субъективно-оценочного отношения автора к герою в самом повествовании (восклицания, вопросы, конкретно-оценочный смысл которых может быть самым разным): *С собой весь мешочнице на проверку выносить – смех! – в пятьсот глоток смех будет* (Солженицын). *That's bad enough, but – my God! – they don't mow their lawns or replace the pane of garage glass that got broken when the kid down the street batted a baseball through it* (King).

Итак, внесения являются многомерным образованием. Это и особый синтаксический прием, при котором скобочная запись и двойное тире используются говорящим в многоплановой смысловой организации предложения, и стилистический способ создания дуплановости повествования как в английском, так и русском языке.

Примечания

1. Котляр, Т. Р. Вставочные конструкции в современном английском языке [Текст] / Т. Р. Котляр. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1962. С. 3; Quirk, R. A University English Grammar [Text] / R. Quirk et al. М.: Vysshaya shkola, 1982.
2. Кобрин, Н. А. Английская пунктуация [Текст] / Н. А. Кобрин, Л. В. Малаховский. М., 1958. С. 5.
3. Ильиш, Б. А. Современный английский язык [Текст] / Б. А. Ильиш. М., 1948. С. 287.
4. Котляр, Т. Р. Указ. соч. С. 10.
5. Прияткина, А. Ф. Синтаксис осложненного предложения [Текст] / А. Ф. Прияткина. М.: Высш. шк., 1990. С. 159.

Источники

1. Распутин, В. Уроки французского [Текст] / В. Распутин. М.: Молодая гвардия, 1980.
2. Солоухин, В. Последняя ступень [Текст] / В. Солоухин. М.: Современник, 1990.
3. Солженицын, А. Один день Ивана Денисовича [Текст] / А. Солженицын. М.: Современник, 1990.
4. Толстая, Т. На золотом крыльце сидели... [Текст] / Т. Толстая. М.: Молодая гвардия, 1987.
5. Устинова, Т. Гений пустого места [Текст] / Т. Устинова. М.: Эксмо, 2006.
6. Lessing, D. The Good Terrorist [Text] / D. Lessing. HarperCollins UK, 2003.
7. Shaw, I. Acceptable Losses [Text] / I. Shaw. Ulverscroft Large Print Books Ltd, 1984.
8. Fowles, J. The Ebony Tower [Text] / J. Fowles. М.: Менеджер, 2000.
9. Sheldon, S. Windmills of the gods [Text] / S. Sheldon. HarperCollins UK, 1995.
10. King, S. Danse Macabre [Text] / S. King. Little, Brown, 1993.

Е. П. Ткачева

ФЕНОМЕН
РУССКОЙ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ
В КОМПЛЕКСНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматриваются базовые направления в современных исследованиях русской тюремной субкультуры: представлены основные сложившиеся подходы, их теоретико-методологическая основа; специальное внимание уделено социокультурному и философско-антропологическому аспектам изучения.

В последнее десятилетие феномен тюремной субкультуры вызывает большой интерес представителей разных сфер гуманитарного знания. Это связано с возросшей значимостью полидисциплинарных исследований культурных феноменов как в отечественной, так и в зарубежной науке. При этом область научного интереса охватывает

ТКАЧЕВА Елена Петровна – аспирант кафедры культурологии и рекламы ВятГГУ
© Ткачева Е. П., 2008

все большее количество социальных явлений, которые рассматриваются как перспективные в научном отношении. Безусловно, тюремная субкультура в последнее время попадает в поле зрения многих дисциплин, но в данной статье представлен обзор лишь тех методологических концепций, которые принципиально важны для комплексных гуманитарных исследований, главным образом культурологического и философско-антропологического циклов.

Прежде чем перейти к анализу научных направлений, необходимо определиться с понятийным аппаратом, окончательно не устоявшимся в названной сфере. Субкультура мест изоляции преступников как социальное явление известна обществу с древности; но в использовании термина «*тюремная субкультура*» необходимо иметь в виду хронологические рамки появления тюрем и формирования тюремной системы [1]. Кроме того, научный интерес представляет феномен русской (российской) тюремной субкультуры как явление, не имеющее аналогов в мировой культуре. Естественно, тюремная субкультура любой страны специфична, однако именно в России понятие «*тюрьма*» приобрело статус не только социального, но и культурно-философского явления, так как концентрировало идеологические, историко-культурные особенности и ментальные характеристики того пространства, в котором она формировалась.

Пристальное внимание к социокультурным аспектам отечественной тюремной субкультуры началось еще в XIX в., когда европейская научная мысль вовлекла отечественных пенитенциаристов [2] в комплексное исследование пространства тюремной жизни. Уже к началу XX столетия в России были сформированы такие аспекты изучения тюремной субкультуры, как правовые, исторические, педагогические, философские и психологические. Последние и составили основу культурологических исследований феномена русской тюрьмы в XX–XXI вв.

Одним из первых сложившихся в России направлений изучения тюремной системы было правовое, представленное в дореволюционной науке юристами С. В. Познышевым, Н. С. Таганцевым, Д. В. Краинским, С. К. Гогелем, В. Н. Никитиным и др. [3] В сфере их внимания оказались вопросы, связанные с актуальностью применения лишения свободы как меры наказания, а также с осмыслением проблем реформирования самой тюремной системы. Именно дореволюционная юридическая наука впервые подняла проблему возможности нравственного исправления преступников средствами изоляции. С. В. Колосок в статье «*Развитие пенитенциарной системы России в конце XIX – начале XX вв.*» [4] выделяет две сформировавшиеся в дореволю-

ционной историографии точки зрения по вопросу правомерности применения тюремного заключения как меры исправления преступников. Так, например, С. К. Гогель и Д. В. Краинский считали, что тюрьма уже сама по себе является базой для формирования негативных проявлений личности и ее ни в коей мере нельзя считать методом борьбы с преступностью. Другая точка зрения основана на возможности перевоспитания заключенных в условиях несвободы [5]. Таким образом, важно отметить, что юридическая наука активно включала в сферу своего внимания нравственную проблему переоценки ценностей заключенных.

Современные правовые исследования пенитенциарной системы представлены работами С. М. Зубарева, С. И. Курганова, В. И. Селиверстова, А. И. Зубкова [6] и др. Данное направление исследует и развивает правовые аспекты функционирования уголовно-исполнительной системы, отечественные и зарубежные стандарты обращения с осужденными, теоретические и практические формы и методы государственной политики в отношении исполнения наказаний.

Как уже было сказано ранее, параллельно с правовыми разработками устройства тюремной системы формировались принципы пенитенциарной педагогики, с позиции которой заключенных стали рассматривать как целевую группу для воспитательного воздействия. Несмотря на то что частные попытки создания основ системы исправления преступников встречались в проектах законов еще в XVIII в. (например, проект Екатерины II «*О тюрьмах*»), становление научных принципов исправительной педагогики приходится на конец XIX – начала XX в. На волне реорганизации системы тюремного управления (1862–1890 гг.) активно развивались исследования возможностей воспитательного воздействия на заключенных. В связи с этим следует упомянуть работы М. Ф. Пряшниковой, А. Ф. Кистяковского, С. В. Познышева и др. [7] С 20-х гг. XX в. пенитенциарная педагогика стала активно использовать теоретические разработки Ф. Э. Дзержинского, А. С. Макаренко, М. И. Калинина, Н. В. Крыленко, Н. К. Крупской, А. В. Луначарского и других государственных деятелей и педагогов [8].

Современная пенитенциарная педагогика представлена работами С. А. Ветошкина, Е. Я. Тищенко, Г. П. Алферова и др. [9]

Становление исследований феномена российской тюрьмы в историческом контексте относится ко второй половине XIX в., когда назревшая необходимость осуществления реформы тюремного управления потребовала осмысления исторического опыта работы с заключенными. Отечественные историки и юристы прорабатывали архивные материалы, содержащие сведения об

устройстве тюрем, их количественном и сословном составе, об организации опеки над пенитенциарными учреждениями. Говоря о дореволюционной историографии, можно выделить работы таких исследователей, как Д. И. Тальберг, Е. Н. Анучин, Н. Д. Сергеевский и др. [10] В советский период исторические аспекты тюремной субкультуры были исследованы в работах Б. С. Утевского, В. Н. Дворянова, Р. С. Мулукаева и др. [11] Особо следует выделить фундаментальную монографию М. Н. Гернета «История царской тюрьмы», представляющую собой комплексный анализ уголовной и уголовно-исполнительной политики России со второй половины XVIII в., характеристику тюремного устройства, исторические справки по различным видам тюрем и условиям содержания в них. Работа построена на разнообразных источниках исторических архивов и представляет научную ценность для современных исследователей.

В настоящее время проблемы истории российских тюрем представлены в работах М. Г. Деткова, И. В. Упорова и др. [12] Современные историки осмысливают феномен тюрьмы в контексте политических, социально-культурных и правовых аспектов развития Российского государства, выявляя факторы и закономерности генезиса данного явления.

Одним из перспективных в сфере пенитенциарных исследований является психологическое направление, выступающее необходимым элементом развития комплексного изучения тюремной субкультуры [13].

Анализ психологических аспектов феномена «тюрьмы» позволяет раскрыть специфику субкультурного сознания, определяя тем самым природу данного явления – биологическую или культурную. Иными словами, в какой мере тюремная среда является социокультурным феноменом, а насколько она – результат бессознательной рефлексии психики человека на заданные условия жизни. Таким образом, становится очевидной необходимость применения принципов психологической методологии в рамках изучения «тюрьмы» как социально-культурного явления. Одним из первых эту проблему затронул еще в начале XX в. М. Н. Гернет в своей работе «В тюрьме. Очерки тюремной психологии» [14]. Он впервые рассмотрел тюремную субкультуру с позиций знакового текста, описал специфику сознания заключенных, принципы моделирования времени-пространства в условиях несвободы. В рефлексии человеческой психики Гернет увидел попытку маркировать незнакомый мир, наделяя его элементы семантической значимостью: «Все, что тюрьма берет у арестанта и что она дает ему, связано со временем: оно несет ему волнения и лишения, оно же кладет конец тюремным пере-

живаниям и дает свободу» [15]. Таким образом, именно М. Н. Гернет впервые сосредоточил внимание исследователей на интерпретации восприятия заключенными повседневного пространства. Данная работа, на наш взгляд, объединила привычное объектно-предметное поле исследования с новым для данной области науки герменевтико-феноменологическим методом.

Богатую историю имеет художественно-философское исследование и осмысление феномена тюрьмы, начало которого связано с именем Ф. М. Достоевского [16]. XX век в попытке экзистенциальной рефлексии идеи несвободы объединил представителей различных сфер гуманитарного знания: П. А. Флоренского, А. И. Солженицына, Д. С. Лихачева, Е. С. Гинзбург и др. [17] Наблюдение за внутренней жизнью тюрьмы и ссылки явилось для них возможностью изучения традиций и нравов русской тюремной субкультуры. Так, например, Достоевский в одном из писем впервые упомянул о «русской душе» каторжан, с которыми ему пришлось общаться в сибирской ссылке: «...даже каторжные не испугали меня, – это был русский народ, мои братья по несчастью, и я имел счастье отыскать не раз даже в душе разбойника великодушие, потому собственно, что мог понять его...» [18]. Таким образом, были открыты новые грани русской тюремной субкультуры – в воспоминаниях писателей, философов, ученых «тюрьма» представлялась особым миром, в котором человек пытался осознать и обрести свое место.

Научные исследования тюремной субкультуры в советский период отечественной истории были практически прекращены в связи с закрытостью информации; исключения составляли педагогические разработки системы перевоспитания осужденных. Мощная структура исправительно-трудовых лагерей, сложившаяся в тоталитарном обществе, изменила внутренние формы функционирования субкультуры как внутри тюрьмы, так и вне ее. «Тюрьма», не воспринимавшаяся в качестве контркультурного явления, противопоставленного системе, по сути, стала им, заявив о себе в конце 1980-х в воспоминаниях, романах и эссе бывших узников ГУЛАГа [19]. Эти материалы, помимо художественного, имеют сейчас и огромное научное значение, так как в них содержится наиболее ценная информация – факты, детали, события, ощущения и рефлексия на них: «На бетонной стене много “отметок”. Камера, в которой, между прочим, сидел Бауман (“Грач – птица весенняя”)... А вот гравировки вязью: “Из-за политики украинской вышиванной сорочки невинно здесь томился русский инженер”. Камера стала уже домом родным. Особенно когда возвращаешься после допросов – длительных, изнурительных, мучительных допросов» [20]. Интерес представляют также и

рукописные материалы, написанные уже современными заключенными, хотя они требуют более осторожной интерпретации.

Культурологический и социально-антропологический подходы к исследованию тюремной субкультуры – направление, только формирующееся в современной науке. Социокультурными аспектами «тюрьмы» отечественные исследователи впервые стали заниматься лишь в 90-х гг. XX в. Толчком к началу освоения этой научной проблемы стало изменение политической ситуации в России, благодаря чему появилась возможность публиковать работы бывших политзаключенных, предпринявших попытки социально-философского осмысления феномена тюрьмы. Материалы, с которых начались современные исследования тюремной субкультуры, содержатся в серии статей журнала «Советская этнография» за 1990 г. (Л. Самойлов «Этнография лагеря» [21], В. Р. Кабо «Структура лагеря и архетипы сознания» [22], Г. А. Левинтон «Насколько «первобытна» уголовная субкультура?» [23]. В данных работах формулируется направление научного (философского, этнографического) осмысления тюремной субкультуры. «Тюрьма» со всей свойственной ей атрибутикой выступает в роли сложной социальной структуры, органично влитой в общественную жизнь людей, обладающей собственным мировоззрением, спецификой коллективного сознания, мощным знаковым аппаратом и жесткими механизмами воспроизводства. Так, например, Лев Самойлов, имевший возможность наблюдать лагерную жизнь изнутри [24], представил результат своего эмпирического исследования: концепцию связи лагерной среды с архаическим обществом. В качестве элементов сравнения здесь выступает общеизвестная система тюремной атрибутики: клановость, жаргон, татуировки и т. д. В подтверждение выдвинутого тезиса автор пишет: «Наша психофизиологическая природа та же, что была 40 тыс. лет назад... Культура и общество с той поры проделали целый ряд грандиозных скачков, колоссальный путь развития, а природа наша осталась той же. Выходит, мы созданы для того, чтобы быть первобытными охотниками (по сути, хищниками), придерживаться первобытных семейных норм, жить в небольших, весьма замкнутых коллективах, в стабильной обстановке и в согласии с природной средой» [25]. Таким образом, тюремная среда – это ситуация, в которой реализованы условия первобытного общества, заставляющие возродиться закрытые глубоко в подсознании архетипические формы поведения. Открытым для исследования, по мнению автора, является семиотический аспект тюремной субкультуры.

В 1990-х гг. были опубликованы работы В. М. Анисимкова «Традиции и обычаи преступ-

ного мира среди осужденных в местах лишения свободы» (1993 г.) и «Тюрьма и ее законы» (1998 г.), где рассматривались различные элементы данной субкультурной среды (такие, как фольклор, жаргон, музыка и т. д.). Следует подчеркнуть, что основной задачей автора была общая характеристика тюремной субкультуры и классификация ее атрибутивных компонентов, поэтому многие положения названных работ носят описательный или констатирующий характер.

Важным этапом в формировании исследования тюремной субкультуры стала публикация монографии Е. С. Ефимовой «Современная тюрьма: Быт, традиции и фольклор» [26], представляющей собой лингвистический и культурологический анализ собранных автором образцов современного тюремного фольклора. Исследуя материалы интервью с осужденными, различные формы устной словесности, а также открытки, альбомы и татуировки современных российских осужденных, автор выстраивает свое видение пространственной символики и мифологии тюремного мира. Названная работа является, безусловно, одним из наиболее полных культурологических исследований, посвященных данной проблеме. Однако, на наш взгляд, изучение тюремной субкультуры невозможно без ее вовлечения в контекст маргинальности как типа сознания, что позволит соотносить характеристики данной субкультуры с особенностями маргинальной картины мира.

Из последних работ заслуживает внимания статья этнографа В. Р. Кабо «Вечное настоящее» [27], опубликованная в журнале «Австралийская мозаика», в которой развивается концепция мифологического сознания тюремной субкультуры. В сферу внимания исследователя попадает вопрос о причинах сходства различных социальных общностей (будь то властные структуры либо субкультура лагеря) – они обладают аналогичными и универсальными механизмами самовоспроизводства и самоидентификации. В ходе своих рассуждений автор акцентирует внимание на первооснове всех современных социальных образований, полагая, что те законы, по которым они существуют, были заложены еще в первобытной культуре: «Возрождение древних социальных и культурных структур в формах, обладающих фундаментальным сходством, пересекающих границы исторических эпох и континентов, – вот что позволяет говорить о том, что в основе их заложены некие единые для всего человечества праформы, вот в чем, и только в этом, выражается их универсальность» [28]. Данный вывод позволяет ввести тюремную субкультуру в контекст этнографического анализа, первая попытка которого была предпринята Л. Самойловым в упомянутой выше работе.

Однако, как представляется, исследование В. Р. Кабо при всей доказательности оставляет за пределами внимания особенности тюремной субкультуры как мифосистемы, генезис тех или иных моделей и функций субкультурного пространства. Автор анализирует «тюрьму» как сформированную нормами коллективного архетипического сознания структуру, лишая ее важнейшего компонента – семантической значимости. Именно знаковое пространство данной субкультуры делает ее в определенном смысле уникальной, в то время как универсальность социальных механизмов является лишь средством типологизации знаковых комплексов. Тем не менее использование этнографического и сравнительно-исторического подходов значительно обогатило методологическую основу поставленной проблемы, расширив тем самым возможности междисциплинарного анализа тюремной субкультуры.

Немаловажное значение имеют исследования структурной специфики тюремной субкультуры, которая, как уже было отмечено выше, наряду с любым другим социальным образованием имеет тенденцию к изменению. За последние шесть лет был опубликован ряд работ, посвященных исследованию социологических аспектов тюремной субкультуры с позиций структурно-системного подхода [29], что позволило выделить наиболее значимые компоненты тюремной действительности, обобщив их в объективную целостную систему. Использование данного метода дает возможность обобщить универсальные характеристики тюремной субкультуры, максимально вписав их в общее пространство социума. Так, например, особый интерес в связи с этим вызывает монография А. Н. Олейника «Тюремная субкультура: от повседневной жизни до государственной власти» [30]. Автор, обращаясь к изучению тюремного быта, включает его модель в пространство постсоветской повседневности, подчиняя тем самым систему субкультурных атрибутивных компонентов и способов их регуляции общим принципам социального развития. Таким образом, сфера повседневной жизни тюремной субкультуры становится для заключенных сконструированной в новых условиях моделью реальности. Так, например, осужденные в условиях отсутствия пространства частной жизни рефлексивно выстраивают «свое» микропространство, маркируя как собственность различные предметы быта. Отсюда – особое, сакральное значение личной вещи, ее знаковый статус. В связи с этим А. Н. Олейник выделяет один из принципов жизни в изоляции – «я и моя тумбочка» – подчеркивающий ценность «личного», «автономного» пространства [31]. Данный подход позволяет рассмотреть мифологию тюрьмы как соци-

альный феномен, подчиненный единым законам общества.

Таким образом, в отечественной науке можно отметить разнообразие сложившихся подходов и методов исследования тюремной субкультуры. Каждая сфера выстраивает собственную концепцию изучения данного явления, формируя свою методологию, структуру и понятийный аппарат.

Между тем обозначенная проблема, вписываясь в сферу перспективных культурологических исследований, закономерно требует объединения разных сфер гуманитарного знания, комплексной методологии, расширения источниковой базы за счет привлечения литературно-художественного, эпистолярного материала.

Примечания

1. В России лишение свободы как мера наказания было узаконено в XVI в. при Иване Грозном, хотя правовое закрепление системы тюремных учреждений и органов относится к XIX в.

2. Пенитенциарный (от латин. *poenitens* – раскаивающийся, покаянный) – прилагательное по знач. связано с тюремным заключением как исправительной мерой.

3. См. подробнее: *Никитин, В. Н.* Быт военных арестантов в крепостях: [Текст] / В. Н. Никитин. СПб., 1873. 528 с.; *Никитин, В. Н.* Тюрьма и ссылка (1560–1880 гг.). Историческое законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы, до наших дней [Текст] / В. Н. Никитин. СПб., 1880. 674 с.; *Познышев, С. В.* Основы пенитенциарной науки [Текст] / С. В. Познышев. М., 1923. 342 с.; *Познышев, С. В.* Очерки тюремоведения: [Текст] / С. В. Познышев. М., 1915. 302 с.; *Краинский, Д. В.* Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах [Текст] / Д. В. Краинский. Чернигов, 1912. 131 с.; *Гогель, С. К.* Вопросы уголовного права, процесса и тюремоведения. Собрание исследований [Текст] / С. К. Гогель. СПб., 1906. 654 с. и т. д.

4. *Колосок, С. В.* Развитие пенитенциарной системы России в конце XIX – начале XX вв.: Дореволюционная историография проблемы [Текст] / С. В. Колосок // Сибирский юридический вестник. 1999. № 4. С. 18–23.

5. К данному направлению можно отнести взгляды А. А. Пионтковского, С. В. Познышева. См. подробнее: *Познышев, С. В.* Очерки тюремоведения [Текст] / С. В. Познышев. М., 1915. С. 11–87. См. подробнее: *Гернет, М. Н.* История царской тюрьмы [Текст] : в 5 т. Т. 2 (1825–1870 гг.) / М. Н. Гернет. М., 1961. С. 113–134.

6. См., например: *Зубарев, С. М.* Теория и практика контроля за деятельностью персонала уголовно-исполнительной системы [Текст] / С. М. Зубарев. М., 2006. 331 с.; *Зубков, А. И.* Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XX века [Текст] / А. И. Зубков. М., 2003. 720 с.; *Курганов, С. И.* Уголовно-исполнитель-

ное право [Текст] / С. И. Курганов. М., 2004. 191 с.; *Маковик, Р. С.* Изоляция личности в российском праве и законодательстве [Текст] / Р. С. Маковик, Н. Р. Бессараб. М., 2007. 320 с. и т. д.

7. *Прянишников, М. Ф.* Лишение свободы как наказание исправительное [Текст] / М. Ф. Прянишников. СПб., 1872. 184 с.; *Дриль, Д. А.* Тюрьма и принудительное воспитание [Текст] / Д. А. Дриль. СПб., 1900. 91 с.; *Дриль, Д. А.* Преступность и преступники: уголовно психологические этюды [Текст] / Д. А. Дриль. СПб., 1895. 293 с.; *Кистяковский, А. Ф.* Молодые преступники и учреждения для их исправления, с обзором русских учреждений [Текст] / А. Ф. Кистяковский. Киев, 1878. 178 с.; *Анофриев, В.* Русские исправительные заведения для малолетних [Текст] / В. Анофриев // Вестник воспитания. 1900. № 6. С. 147–169; *Познышев, С. В.* Учение о карательных мерах и мере наказания [Текст] / С. В. Познышев. М., 1908. 181 с.

8. См. подробнее: *Ветошкин, С. А.* Пенитенциарная педагогика в теории и практике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oim.ru/reader.asp?whichpage=2&mytip=1&word=&pagesize=15&Nomer=419>. Проверено 11.12.2007.

9. *Ветошкин, С. А.* Система воспитательной работы в пенитенциарном учреждении [Текст] / С. А. Ветошкин. Екатеринбург, 2000. 84 с.; *Байдаков, Г. П.* Система основных принципов процесса исправления и перевоспитания осужденных [Текст] / Г. П. Байдаков. М., 1995. 212 с.; *Тищенко, Е. Я.* Теория и практика социально-педагогической реабилитации осужденных [Текст] / Е. Я. Тищенко. Екатеринбург, 2001. 242 с.; *Алферов, Г. П.* Воспитательное воздействие общеобразовательного обучения на осужденных [Текст] / Г. П. Алферов. М., 1992. С. 178.

10. См. подробнее: *Тальберг, Д. И.* Исторический очерк тюремной реформы и современные системы европейских тюрем [Текст] / Д. И. Тальберг. Киев, 1875. 68 с.; *Анучин, Е. Н.* Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период времени 1827–1846 гг.: Материалы для уголовной статистики России [Текст] / Е. Н. Анучин. СПб., 1873. 246 с.; *Анучин, Е. Н.* Историческое обозрение развития административно-полицейских учреждений в России [Текст] / Е. Н. Анучин. СПб., 1872. 402 с.; *Сергеевский, Н. Д.* Наказание в русском праве XVII века: [Текст] / Н. Д. Сергеевский. СПб., 1887. 290 с.; *Фойницкий, И. Я.* Исторический очерк и современное состояние ссылки и тюремного заключения: [Текст] / И. Я. Фойницкий. СПб., 1878. 68 с.

11. См. работы: *Утевский, Б. С.* Буржуазия и царская тюрьма [Текст] / Б. С. Утевский. М., 1933. 42 с.; *Дворянов, В. Н.* В Сибирской дальней стороне: Очерки истории царской каторги и ссылки (60-е годы XVIII в. – 1917 г.) [Текст] / В. Н. Дворянов. Минск, 1971. 374 с.; *Мулукаев, Р. С.* Система органов внутренних дел дореволюционной России [Текст] / Р. С. Мулукаев. М., 1978. 276 с.

12. *Детков, М. Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России [Текст] / М. Г. Детков. М., 1999. 410 с.; *Упоров, И. В.* Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: историко-правовой анализ тенденций развития [Текст] / И. В. Упоров. СПб., 2004. 610 с. и т. д.

13. В настоящее время базовой проблемой, выдвигаемой пенитенциарными психологами, является вопрос о влиянии изоляции на человеческое сознание, методах изучения этого влияния и системе коррек-

ции, вызванных условиями изоляции деформаций психики. Характерной особенностью современной пенитенциарной науки является тенденция формирования единого психолого-педагогического направления работы с осужденными. В связи с этим необходимо отметить исследования В. Ф. Пирожкова, А. Ф. Зелинского, В. М. Позднякова и др. См. подробнее: *Зелинский, А. Ф.* Криминальная психология [Текст] / А. Ф. Зелинский. Киев, 2006. 240 с.; *Пирожков, В. Ф.* Криминальная психология [Текст] / В. Ф. Пирожков. М., 2001. 704 с.; *Поздняков, В. М.* Отечественная пенитенциарная психология: История и современность [Текст] / В. М. Поздняков. М., 2000. 270 с.

14. *Гернет, М. Н.* В тюрьме. Очерки тюремной психологии [Текст] / М. Н. Гернет. М., 1927. 264 с.

15. Цит. по: *Гернет, М. Н.* Указ. соч. С. 11.

16. *Достоевский, Ф. М.* Моя тетрадка каторжная (Сибирская тетрадь) [Текст] / Ф. М. Достоевский; сост. В. П. Владимирцева. Красноярск, 1985. 112 с.; *Достоевский, Ф. М.* Записки из Мертвого дома [Текст] / Ф. М. Достоевский // Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 3. Ленинград, 1988. С. 205–481.

17. *Флоренский, П. А.* Письма с Дальнего Востока и Соловков [Текст] / П. А. Флоренский. М., 1998. 795 с.; *Солженицын, А. И.* Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956. Опыт художественного исследования [Текст] : в 3 т. / А. И. Солженицын. Екатеринбург, 2007; *Лихачев, Д. С.* Воспоминания: [Текст] / Д. С. Лихачев. СПб., 1995. 519 с.; *Лихачев, Д. С.* Соловки [Текст] / Д. С. Лихачев // Распяты: Писатели – жертвы политических репрессий. Вып. 4: От имени живых... / авт.-сост. З. Дичаров. СПб., 1998. С. 129–137; *Гинзбург, Е. С.* Крутой маршрут: Хроника времен культа личности [Текст] : в 2 т. / Е. С. Гинзбург. Рига, 1989. 318 с.

18. Цит. по: *Достоевский, Ф. М.* Моя тетрадка каторжная... С. 40.

19. Кроме известных произведений А. И. Солженицына, В. Т. Шаламова, Л. А. Габышева, см., например: *Дворжецкий, В. Я.* Пути больших этапов: Записки актёра [Текст] / В. Я. Дворжецкий. М., 1994. 118 с.; *Алин, Д. Е.* Мало слов, а горя реченька...: Невыдуманные рассказы [Текст] / Д. Е. Алин. Томск, 1997. 224 с.; *Иванов-Разумник (Иванов Р. В.)* Тюрьмы и ссылки: (По тюрьмам на родине) [Текст] / Иванов-Разумник // Мера. 1994. № 1. С. 146–191; № 2. С. 152–210; *Споров, Б. Ф.* Письмена тюремных стен: Повесть [Текст] / Б. Ф. Споров // Наш современник. 1993. № 10. С. 65–91 и др.

20. Цит. по: *Дворжецкий, В. Я.* Указ. соч. С. 14.

21. *Самойлов, Л.* Этнография лагеря [Текст] / Л. Самойлов // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96–108.

22. *Кабо, В. Р.* Структура лагеря и архетипы сознания [Текст] / В. Кабо // Советская этнография. 1990. № 1. С. 108–114.

23. *Левингтон, Г. А.* Насколько «первобытна» уголовная субкультура [Текст] / Г. Левингтон // Советская этнография. 1990. № 2. С. 96–100.

24. В 1981–1982 гг. Лев Самойлов отбывал наказание в ленинградской тюрьме «Кресты», а затем в исправительно-трудовой колонии недалеко от Ленинграда.

25. Цит. по: *Самойлов, Л.* Этнография лагеря. С. 103–104.

26. *Ефимова, Е. С.* Современная тюрьма: быт, традиции и фольклор: [Текст] / Е. С. Ефимова. М., 2004. 398 с.

27. Кабо, В. Р. Вечное настоящее [Текст] / В. Р. Кабо // Австралийская мозаика. Сидней. 2004. № 8. С. 57–74.

28. Там же. С. 68.

29. См. работы: Александров, Ю. К. Очерки криминальной субкультуры [Текст] / Ю. К. Александров. М., 2001. 152 с.; Олейник, А. Н. Тюремная субкультура: от повседневной жизни до государственной власти [Текст] / А. Н. Олейник. М., 2001. 418 с.; Корецкий, Д. А. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение [Текст] / Д. А. Корецкий, В. В. Тулегенов. СПб., 2006. 243 с.

30. Олейник, А. Н. Указ. соч.

31. См. подробнее: Олейник, А. Н. Указ. соч. С. 83–88.

С. В. Ситников, К. А. Чернышев, Е. В. Коньшев

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНАЛЬНО-ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СЕРВИСА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

В статье рассматриваются параметры развития и функционирования отраслей социально-культурного обслуживания Кировской области. Сравняются показатели инфраструктурной и кадровой обеспеченности, а также результативности работы учреждений социально-культурного обслуживания региона со среднероссийскими и нормативными. Определяются наиболее проблемные направления.

Параметры реально существующей на определённой территории системы социально-культурного обслуживания можно сопоставлять с некоторой гипотетической, идеальной моделью территориальной системы СКС (социально-культурного сервиса). Эта модель необходима для познания СКС и является эталоном, к которому надо стремиться, с которым сравнивается структура СКС в конкретном регионе. Отступления от неё обусловлены местными особенностями, существующими факторами формирования сервиса в регионе. Для выявления специфики функционально-отраслевой структуры СКС в Кировской области необходимо сравнение его параметров со среднестатистическими для РФ и с «идеальными».

Изложенные в районных планировках и СНиП (строительные нормы и правила) показатели оп-

СИТНИКОВ Сергей Владимирович – кандидат географических наук, ст. преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма ВятГУ;

ЧЕРНЫШЕВ Константин Анатольевич – ассистент кафедры социально-культурного сервиса и туризма ВятГУ;

КОНЫШЕВ Евгений Валерьевич – кандидат географических наук, ст. преподаватель кафедры социально-культурного сервиса и туризма ВятГУ

© Ситников С. В., Чернышев К. А., Коньшев Е. В., 2008

* Исследования проводились при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-02-00206а

ределяют параметры идеальной модели территориальной системы обслуживания, в пределах которой удовлетворяются основные повседневные, периодические и эпизодические потребности населения. В соответствии с данными потребностями определяется и внутриобластная иерархия поселений – центров обслуживания (наименьшее число рангов – 3) со своими зонами тяготения. Подобная иерархия необходима в первую очередь для организации обслуживания в сельских районах и касается предоставления тех услуг, оплата которых осуществляется за счёт государства, муниципалитетов, различных фондов. Поскольку с учётом реально существующих возможностей общества в отношении организации обслуживания сложно обеспечить размещение учреждений повседневного обслуживания в каждом поселении (по крайней мере, в Кировской области). Что касается работы учреждений, которые оплачивает потребитель, то они, как правило, присутствуют во всех населённых пунктах, где есть спрос, т. е. размещение и иерархия центров обслуживания зависят в первую очередь от потребительского фактора.

Поскольку сфера обслуживания должна обеспечивать доступ всего населения к получению комплекса социально-культурных услуг, то представленная иерархия может считаться удовлетворительной лишь в том случае, если соблюдаются нормативы пространственно-временной доступности. Если этого нет, то необходимо завышение ранга центров обслуживания, применение специфических форм обслуживания (передвижных, создание интернатов, подвоз потребителей и пр.).

В сельских поселениях нормативами предусматривается 30-минутная пешеходная доступность для учреждений первой необходимости. Обеспечение объектами более высокого уровня обслуживания предусматривается на группу сельских поселений [1]. Радиус обслуживания центров, оказывающих услуги первой необходимости сельскому населению, определяется в 3–7 км, центров периодических услуг – в пределах от 10–15 до 30 км, а межрайонных центров обслуживания с достаточно полным комплексом обслуживающих учреждений – 50–60 км [2].

Считается, что удовлетворительный уровень повседневного обслуживания может быть создан в населённых пунктах с численностью населения не менее 1–1,5 тыс. чел., а высокий уровень повседневного обслуживания – в поселениях с 3–5 тыс. жителей. Полноценными центрами периодического обслуживания могут быть населённые пункты с людностью не менее 25–35 тыс. чел., а центрами эпизодического обслуживания – города с населением более 100 тыс. чел. В группе или в системе городов, удобно связанных транспортом, культурно-бытовые потребности могут быть удов-

летворены, если общее число их жителей составляет 100–250 тыс. чел. [3]

В условиях Кировской области, где сельские поселения характеризуются большими расстояниями между ними и низкой концентрацией населения, затруднительно создание системы центров повседневного обслуживания, соответствующей нормативам пешеходной доступности в 30 минут или 3–7 км. В области среднее расстояние между населёнными пунктами с населением свыше 1 тыс. жителей (даже с учётом того, что селяне могут получать повседневные услуги и в городских поселениях) – 34 км, однако в среднем по РФ оно ещё больше – 44 км.

Городов с численностью жителей свыше 20 тыс. чел. в области немного – шесть. Поэтому фактически функции центров периодического социально-культурного обслуживания в большинстве районов области должны выполнять районные центры. Все они являются городскими поселениями, однако число жителей во многих из них явно «не дотягивает» до заявленной в районной планировке численности (например, в п. г. т. Суна проживает 2,4 тыс. жителей). Кроме того, и их удалённость от большей части поселений районов превышает 30 км.

Особенностью Кировской области является гипертрофированное значение областного центра, который сосредоточил у себя почти все социально-экономические, культурные и административные функции области. Это во многом объясняется недостаточной сформированностью межрайонных центров обслуживания. Некоторые крупные районные центры, которые могли бы взять на себя функции межрайонных центров эпизодического социально-культурного обслуживания (Кирово-Чепецк, Слободской) тяготеют к г. Кирову. Хотя и их людность ниже указанной в нормативах численности жителей в 100 тыс. человек. В результате отсутствия этой необходимой ступени в иерархии центров обслуживания районные центры, по существу, представляют собой следующую после областного центра иерархическую ступень. Следствием этого является низкая доступность для части населения эпизодических услуг.

В районных планировках отмечается, что рациональная организация системы межселенного обслуживания может быть организована в районах с плотностью населения 30–40 чел. на кв. км и более при равномерном размещении населения по территории района. В районах с плотностью населения менее 10 чел. на кв. км (практически вся территория Кировской области) рациональна организация не только стационарных, но и передвижных форм обслуживания. Однако это возможно при наличии развитой дорожной сети и транспортной инфраструктуры.

Принимая во внимание плотность сельского населения и поселений в регионе, а также имеющуюся обеспеченность транспортной сетью, можно говорить, что нормативная доступность центров обслуживания может быть обеспечена лишь в пределах Кировской городской агломерации и территорий на юге области (Вятскополянский район). В остальных районах обеспечение соответствующей нормативам доступности центров обслуживания для значительной части жителей затруднено.

Сравним данные Кировской области по отдельным видам обслуживания с нормативными и среднестатистическими в РФ показателями.

Так, организация дошкольных образовательных учреждений в зонах с мозаичным сельским расселением, к которым относят Кировскую область, предполагает наличие одного учреждения данного типа в хозяйстве, к которому организуется специальный подвоз детей или функционируют круглосуточные группы [4]. Число сельских дошкольных учреждений в регионе (как и в целом в России) не превышает число МО со статусом сельского поселения, однако, учитывая существование дошкольных групп в составе школ, можно говорить, что центры муниципальных поселений в основном выполняют функции центров дошкольного обслуживания.

Нормативный показатель числа мест в дошкольных учреждениях должен устанавливаться с учётом демографической структуры населения, но за расчётный уровень принимается показатель в 85 мест на 100 детей. В Кировской области это значение ниже нормативного, составляет 75 мест на 100 детей в возрасте от 1 до 6 лет, но выше, чем в РФ, где на 100 детей приходится 65 мест. Однако территориальная доступность дошкольных учреждений для селян (рассчитанная с учётом их обязательного наличия в городах и посёлках) составляет в среднем по области 10 км, тогда как аналогичный показатель в среднем по России – более 15 км.

Охват детей ДДУ в среднем по РФ составляет 58%. Кировская область по этому показателю занимает 13-е место в стране (более 70%).

Число мест в общеобразовательных школах должно позволять охватывать детей соответствующего возраста неполным средним образованием – 100% детей, а полным средним – 75%. Однако в условиях современной демографической ситуации число мест в школах не является лимитирующим фактором.

Норматив транспортной доступности для школ составляет 30 минут. Для учащихся, проживающих в населённых пунктах, расположенных на большем расстоянии от школ или на расстоянии более 2 км (для начальной школы) предусматривается организация специального подвоза или строительство интернатов. В Кировской области

среднее расстояние до начальной школы в сельской местности составляет приблизительно 14 км. В среднем по России этот параметр – 22 км.

Особенности демографической ситуации и возрастная структура населения определили более низкую, чем в среднем по России, загруженность школ в области. Так, доля учащихся, занимавшихся в Кировской области во вторую и третью смену, была ниже, чем в среднем по РФ (17,5%), составляя 13%.

В Кировской области на 1 тыс. школьников приходится большее число лагерей, чем в среднем по РФ (6,9 в области против 3,0 в России). Однако этот показатель обеспечивается в основном за счёт лагерей с дневным пребыванием (их количество в регионе почти в 2,4 раза больше, чем в среднем по стране), обеспеченность же загородными лагерями примерно равная.

По доле школьников, охваченных отдыхом в летних оздоровительных лагерях, область опережает РФ (эти показатели составляют соответственно – 64,6% и 35,0%). Однако столь высокий уровень также основан на большем охвате школьников отдыхом в лагерях с дневным пребыванием (показатели по Кировской области и РФ – соответственно 36,2% и 16,9%). Так, в загородных лагерях провели лето лишь 11,6% школьников региона (в среднем по РФ – 11,1%).

Число мест в клубах определяется в СНиП – 2.07.01.-89*, исходя из величины поселения: 300–500 мест (везде на 1 тыс. жителей) в поселениях от 0,2 до 1 тыс.; 230–300 мест в поселениях от 1 тыс. до 2 тыс. чел.; 190–230 мест в поселениях от 2 до 5 тыс. чел.; и 80 мест в клубах (и ещё 2 в лекториях) в городах. Таким образом, с учётом группировки поселений по людности, в регионе на 1 тыс. чел. по нормативам должно приходиться 143 места в зрительных и лекционных залах клубов, а в действительности этот параметр составляет 112 мест. Число учреждений культурно-досугового типа, приходящихся на 10 тыс. жителей в РФ, составляет 3,7, а в Кировской области – 6,1.

Обеспеченность библиотечным фондом также рассчитывается с учётом величины поселений: от 4 тыс. единиц хранения в городах людностью свыше 50 тыс. жителей до 6–7,5 тыс. единиц хранения в сельских поселениях людностью 1–2 тыс. чел., причём СНиП – 2.07.01.-89* предусматриваются дополнительные фонды в центральной районной (городской) библиотеке. В соответствии с нормативами на 1 тыс. жителей области должно приходиться около 6,1 тыс. экземпляров библиотечного фонда. В действительности же обеспеченность библиотечными фондами в регионе почти в 2 раза выше – 11,9 тыс., что также заметно превышает и средний российский уровень, составляющий менее 7,0 тыс. экземпляров библиотечного фонда на 1000 чел.

Число зарегистрированных пользователей в области также выше среднего в стране, составляя 60% от населения области, в то время как в РФ – 41%.

Нормативно необходимое число киноустановок отсутствует в СНиП – 2.07.01.-89*, но количество людей, приходящихся на одну киноустановку в области, более чем в 2 раза отстаёт от среднестатистических российских показателей. Посещаемость киносеансов в области также составляет лишь 60% от среднего уровня в стране.

В Кировской области обеспеченность спортивными сооружениями составляет 17,5 единиц на 10 тыс. чел., тогда как в России – 15 на 10 тыс. чел. Если рассмотреть существующее соотношение между основными видами спортивных сооружений, то обнаруживается пониженная по отношению к средним для России значениям обеспеченность плоскостными спортивными сооружениями и более высокая обеспеченность спортивными залами.

Учреждения социального обслуживания стационарного типа, предназначенные для проживания престарелых и инвалидов, должны иметь 28 мест на 1 тыс. чел. пенсионного возраста и инвалидов. Нормативное число мест в детских домах-интернатах – 3 места на 1 тыс. чел. в возрасте от 4 до 17 лет. Нормы расчёта учреждений социального обеспечения следует уточнять в зависимости от социально-демографической структуры населения. Обеспеченность местами в стационарных учреждениях социального обслуживания Кировской области явно отстаёт от названных норм, несмотря на 60%-ное превышение среднего российского уровня. Так, в частности, для обслуживания только 320 тыс. пенсионеров области в соответствии со СНиП – 2.07.01.-89* необходимо 8,9 тыс. мест, т. е. в 2 раза больше, чем есть в регионе.

Одно отделение социального обслуживания на дому в Кировской области приходилось на 9,7 тыс. чел., тогда как в среднем по РФ – на 11,7 тыс. чел., нагрузка на работников данных учреждений также была ниже средней по стране. Тем не менее численность социальных работников, занимающихся надомным обслуживанием в области, ниже в 1,4 раза, чем в среднем по РФ (в 2003 г.). Доля лиц, получающих эти услуги, в общей численности населения была несколько ниже средней по России. В стране на 10 тыс. жителей приходилось 77,4 получателей данного вида социальных услуг, тогда как в Кировской области – 73,6 (2003 г.).

Обеспеченность отделениями дневного пребывания и местами в них намного выше, чем в среднем по РФ, где 1 отделение приходилось в 2003 г. на 124 тыс. человек, а обеспеченность местами в них была на уровне 2,2 места на

10 тыс. чел. В области одно отделение дневного пребывания социальных центров приходилось на 46 тыс. чел. Обеспеченность местами в них также существенно выше среднероссийской, составляет 5,7 мест на 10 тыс. чел. Численность обслуженных граждан отделениями дневного пребывания в Кировской области – 46 на 1 тыс. жителей, тогда как в среднем по РФ востребованность намного ниже – 5,5 обслуженных граждан на 1 тыс. чел.

В СНИП – II-60-75* [5] указывается, что норматив амбулаторно-поликлинического обслуживания – 350 посещений в день на 10 тыс. чел. Однако в действительности средний для РФ показатель – 248,7 посещений, а в Кировской области плановая мощность АПУ – 233,5 посещения в день на 10 тыс. жителей.

Несмотря на то что число станций (отделений) скорой медицинской помощи в регионе превышает среднее их количество по РФ, указанная в нормативах 15-минутная доступность на автомобиле не может выполняться на большей части территории области, так как в большинстве районов отделения скорой медицинской помощи имеются только при центральных районных больницах.

В соответствии с нормативами обеспеченность больничными учреждениями должна составлять 135,3 коек на 10 тыс. жителей. В Кировской области данный показатель намного выше – 162,8 коек на 10 тыс. жителей. По этому показателю регион занимает третье место в РФ, намного опережая российские данные (111,6 коек на 10 тыс. чел.).

Также Кировская область занимает ведущие места в РФ по обеспеченности средним медицинским персоналом – 138 медработников на 10 тыс. чел. населения, что более чем на четверть превышает средние российские показатели. Это можно объяснить тем, что если в среднем по России численность среднего медперсонала в течение 90-х гг. сокращалась, то в Кировской области, отличающейся высоким уровнем безработицы и низкой средней заработной платой, численность данного персонала сокращалась до 1992 г., а затем увеличивалась.

Обеспеченность врачами в регионе составляет 46 чел. на 10 тыс. чел. населения, что незначительно отличается от среднестатистических показателей в России, составляющих 48,0 врачей на 10 тыс. чел.

В результате сопоставления параметров СКС Кировской области, России и идеальной модели можно говорить о существующей деформации функциональной структуры СКС в регионе (см. рисунок).

Отрасли социально-культурного обслуживания различаются по уровню развития в регионе. Обеспеченность отдельными учреждениями, осо-

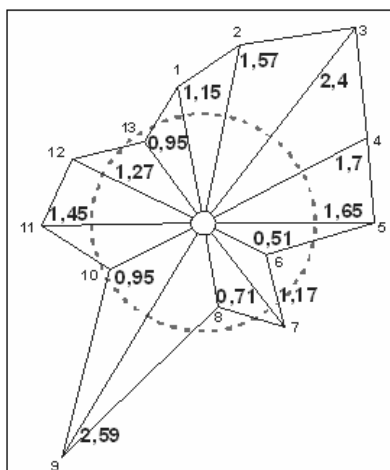
бенно детскими, по статистическим данным выглядит более благоприятно, чем в среднем по стране. Однако во многом это результат сложившейся демографической ситуации. Так, относительно менее сложное положение по обеспеченности местами в дошкольных учреждениях по сравнению с другими регионами РФ правильно объяснять не высоким уровнем развития отрасли, а тем, что сокращение числа детей дошкольного возраста шло до недавнего времени более быстрыми темпами, чем сокращение числа мест в дошкольных учреждениях. По сравнению же с идеальной моделью для Кировской области, как и для РФ в целом, характерно недостаточное развитие системы дошкольного воспитания, что проявляется в перегруженности большого числа детских садов. По этой же причине (сокращение числа школьников) система дневных общеобразовательных учреждений и эстетического воспитания в регионе также выглядит сравнительно более развитой, чем в среднем по России.

Выполнение целевой функции учреждений социально-культурного обслуживания затрудняется ввиду увеличения доли платных услуг, что отражается на структуре СКС. Отсутствуют необходимые условия для кинообслуживания в регионе, значительно отставание от РФ и по уровню потребления этих услуг. Причина такого положения заключается в платности посещений киносеансов и низком уровне доходов населения. Это также можно отнести и к проведению культурно-досуговых мероприятий, физкультурно-спортивному обслуживанию, большая часть которых проводится на платной основе. В результате количество потребителей сокращается, ограничиваются возможности населения получать данные услуги.

Параметры системы библиотечного обслуживания в регионе заметно превышают средние российские и даже установленные в СНИП. Однако по показателю обеспеченности изданиями и материалами библиотечного фонда сложно судить о качественном составе книг, о том, насколько они полезны и интересны современному читателю. Большей, чем в среднем по стране, востребованности библиотек жителям области способствует снижение у значительной части населения покупательной способности приобретать книги через сферу торговли.

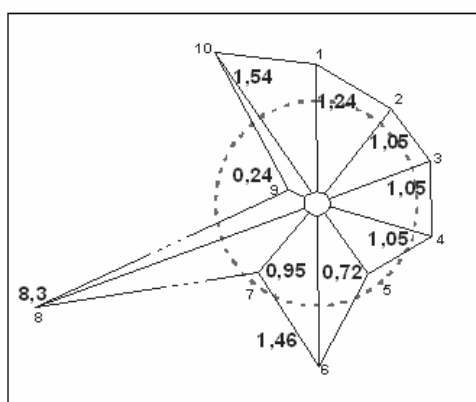
Система учреждений социального обслуживания в области характеризуется средними показателями в РФ, однако требуется её дальнейшее совершенствование, поскольку велико отставание от нормативного уровня.

Система здравоохранения в регионе, особенно амбулаторно-поликлинических учреждений, недостаточно развита. Высокий показатель обеспеченности койками в больницах всё же не полностью отражает оснащённость больничных учреждений, снабжение медикаментами.



1. Обеспечить местами в детск. дошко. учр-ях.
2. Террит. доступность начальной школы.
3. Обеспечить загородными лагерями.
4. Обеспечить изданиями и материалами библиотечных фондов.
5. Обеспечить культурно-досуговыми учреждениями.
6. Обеспечить киноустановками.
7. Обеспечить спортобъектами.
8. Обеспечить соц. работниками, занимающимися надомным обслуживанием.
9. Обеспечить местами в отделениях дневного пребывания соц. центров.
10. Обеспечить амбулаторно-поликлиническими учреждениями.
11. Обеспечить больничными койками.
12. Обеспечить средним мед. персоналом.
13. Обеспечить врачами.

1. Охват детей дошкольного возраста детскими дошкольными учреждениями.
2. Доля учащихся дневных общеобразовательных учреждений, занимающихся в первую смену.
3. Охват школьников отдыхом в загородных лагерях.
4. Охват школьников эстет. восп-ем.
5. Посещаемость киносеансов.
6. Охват населения библиотеками.
7. Охват населения социальным обслуживанием на дому.
8. Обслуживание пенсионеров отделениями дневного пребывания соц. центров.
9. Охват населения сетью Интернет.
10. Охват населения занятиями физкультурой и спортом.



- средний уровень РФ
 ————— уровень Кировской области
 10 отрасль СКС
 1.27 отношение уровня Кировской области к среднему в РФ

Функциональная структура СКС Кировской области (в сравнении со среднероссийской)

Условия обслуживания по всем типам учреждений осложняются их низкой пространственно-временной доступностью, которая значительно отстаёт от нормативной.

Названные неблагоприятные обстоятельства в первую очередь действуют на условия обслуживания сельского населения, которое ограничено в полноте набора услуг и возможности выбора из-за низкой концентрации населения в крупных сёлах. В результате в удалённых сельских поселениях не созданы условия для получения необходимого минимума социально-культурных услуг. Кроме того, деятельность существующих учреждений направлена на удовлетворение стандартных потребностей основной массы населения, отсутствует дифференцированный подход в предоставлении услуг. Вследствие этого категории населения с особыми потребностями не имеют возможности получать желаемые услуги. Поскольку нет условий для получения этих ус-

луг, то и потребности в них не формируются. Подобные недостатки существуют и в функционировании физкультурно-спортивных, образовательных и прочих учреждений сервиса.

Примечания

1. СНиП – 2.07.01-89* градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений / Госстрой России. М.: ГП ЦПП, 1994. 64 с.
2. Владимиров, В. В. Основы районной планировки [Текст] : учебник / В. В. Владимиров, И. А. Фомин. М.: Высш. шк., 1995. 224 с.
3. Там же; Вайнберг, Э. И. Районно-планировочные подходы к географии сферы обслуживания населения [Текст] / Э. И. Вайнберг // Вопросы географии. Сб. 113. Географические науки и районная планировка. М.: «Мысль», 1980. С. 91–98.
4. Районная планировка [Текст] / [В. В. Владимиров и др.]. М.: Стройиздат, 1986. 325 с.
5. СНиП – II-60-75* Планировка и застройка городов, посёлков и сельских населённых пунктов / Госстрой СССР. М.: Стройиздат, 1981. 77 с.

ПЕРСОНАЛИИ

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА САВИНЫХ

Исполнилось 35 лет педагогической, научной и научно-методической деятельности Натальи Павловны Савиных – доктора биологических наук, профессора, заведующего кафедрой ботаники Вятского государственного гуманитарного университета, Почетного работника высшей школы (2001).

Наталья Павловна родилась в деревне Тарасовы Оричевского района Кировской области в семье учителя. В 1965 г. окончила школу.

В 1966 г. поступила в Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина на специальность «биология-химия» и окончила его с отличием в 1971 г. Будучи студенткой, она занималась научной работой, что и определило её дальнейшую жизнь. После окончания института она начала работать учителем химии в ГПТУ № 2 г. Кирова, а с января 1973 г. – лаборантом кафедры химии, затем была приглашена на должность ассистента кафедры ботаники.

В 1976 г. Наталья Павловна поступила в аспирантуру по кафедре ботаники Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина и выполнила научную работу под руководством профессора Т. И. Серебряковой. В 1979 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сравнительное морфогенетическое исследование жизненных форм вероник секции *Veronica*».

После окончания аспирантуры Наталья Павловна вернулась на кафедру ботаники КГПИ, в 1986 г. была утверждена в звании доцента, а с 1995 г. стала заведующим кафедрой ботаники.

В 2000 г. Наталья Павловна защитила в МГУ докторскую диссертацию на тему «Биоморфология вероник России и сопредельных государств».

Профессор Н. П. Савиных – видный российский ученый, известный не только в нашей стране, но и за её пределами. Научные интересы Натальи Павловны простираются в области биоморфологии растений (жизненные формы, модели побегообразования, архитектурные модели, модульная организация растений), популяционной биологии (состав и строение ценопопуляций), охраны природы.

В 2001 г. на кафедре открыта научно-исследовательская лаборатория «Биоморфология ра-



стений». Основные направления исследований: теоретическая морфология растений, изучение биоморфологии и биологии водных растений, сохранение биоразнообразия.

В настоящее время под руководством Натальи Павловны при финансировании Управления охраны окружающей среды и природопользования ведется разработка научно-исследовательской продукции «Научно обоснованная перспективная схема развития особо охраняемых природных территорий Кировской области».

За годы трудовой жизни Наталья Павловна опубликовала более 150 научных и методических работ в различных изданиях. Она принимала непосредственное участие в написании учебника для студентов вузов «Ботаника. Анатомия и морфология растений», который был опубликован в 2006 г. В этом же году в свет вышла ее монография «Род вероника: морфология и эволюция жизненных форм».

Наталья Павловна внесла и внесет ещё немалый вклад в отечественную науку и создаст научную школу из своих учеников.

Коллектив Вятского государственного гуманитарного университета горячо и сердечно поздравляет юбиляра, желает долгих лет жизни и творческих успехов!

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О ПРЕЗЕНТАЦИИ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ ВУЗА

В 1999 г. Указом Президента России установлен День российской науки – 8 февраля. Именно этому дню была посвящена выставка-просмотр научных изданий из фондов библиотеки ВятГГУ «Наука современного вуза», которая состоялась 6–8 февраля 2008 г. в читальном зале учебного корпуса № 1. На выставке представлено более четырехсот трудов преподавателей вуза, опубликованных за три последних года: монографии, материалы конференций, сборники трудов, учебно-методические комплексы.

Сегодня таких изданий в фонде НБ около 4 тысяч экземпляров. Начиная с 1928 г. по сегодняшний день они тщательно собираются, систематизируются, хранятся и учитываются в библиографических указателях, создаваемых сотрудниками библиотеки. С 1999 г. работает электронная база данных «Труды преподавателей ВятГГУ».

Научные труды, представленные на выставке, были сгруппированы по основным направлениям научных исследований: краеведческому, социально-гуманитарному, филологическому, естественнонаучному и психолого-педагогическому. Некоторые из книг особо выделены научным сообществом вуза в 2007 г.:

Данюшенков, В. С. Технология разноуровневого обучения физике для сельской школы. 10–11 классы : учеб. пособие / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова. – М. : БИНОМ Лаборатория знаний, 2007.

Данюшенков, В. С. Технология разноуровневого обучения физике для сельской школы. 7–9 классы : учеб. пособие / В. С. Данюшенков, О. В. Коршунова. – М. : БИНОМ Лаборатория знаний, 2007.

Юлов, В. Ф. Научное мышление : монография. – Киров, 2007.

Ившина, И. Н. Становление и развитие канадского федерализма. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2007.

Международные отношения в XX веке : сб. науч. ст. / [отв. ред. В. Т. Юнгблюд]. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2007.

Вопросы толерантности в изучении и преподавании новой и новейшей истории : сб. науч. ст. / [отв. ред. В. Т. Юнгблюд]. – Киров : Изд-во ВятГГУ, 2007.

Комплект учебно-методических пособий В. С. Данюшенкова и О. В. Коршуновой выдвинут

на соискание премии Правительства РФ в области образования на 2008 г.

В ходе проведения выставки прошла презентация наиболее интересных изданий. Авторы рассказали, как создавались научные труды, что послужило толчком к началу исследования, каким образом построены издания. С презентацией своих книг и сборников выступили:

- кандидат педагогических наук, доцент кафедры дидактики физики и математики Ольга Витальевна Коршунова,

- доктор философских наук, профессор Владимир Федорович Юлов,

- кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Тамара Альбертовна Воробьева,

- кандидат юридических наук, декан юридического факультета Ирина Николаевна Ившина,

- кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Алексей Александрович Костин.

Выставка-просмотр вызвала интерес у профессорско-преподавательского состава и студентов нашего университета. Дополнительную информацию о научно-исследовательской деятельности ученых и преподавателей вуза, научных школах и лабораториях можно получить, ознакомившись с электронной презентацией «Наука современного вуза», подготовленной сотрудниками научной библиотеки ВятГГУ.

Указатели печатных работ преподавателей ВятГГУ:

Печатные работы научных работников института (1923–1928) // Вятский педагогический институт им. В. И. Ленина. 1918–1928. – Вятка, 1928. – С. 226–249.

Печатные работы научных сотрудников (1928–1933) // Труды Вятского педагогического института. Вып. XIV. – Вятка, 1934. – С. 60–67.

Работы Кировского областного научно-исследовательского института краеведения // Шернин А. И. Животный мир далекого прошлого Кировской области. – Киров, 1941. – С. 50–52.

Библиографический указатель научных работ сотрудников Кировского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (1934–

1967) // Полвека в пути: Кировский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина: 1918–1968. – Киров, 1970. – С. 370–438.

Библиографический указатель печатных трудов научных работников института (1979–1983) / сост. В. Ф. Жукова, В. П. Ходырева, В. С. Ямшина; ред. А. Л. Катюхина. – Киров, 1984. – 121 с.

Библиографический указатель печатных трудов научных работников института (1984–1988) / сост. В. П. Ходырева, Э. Б. Кузнецова; ред. В. Ф. Жукова. – Киров, 1990. – 145 с.

Библиографический указатель печатных трудов научных работников института (1989–1993) / сост. В. П. Ходырева, И. А. Водяницкая; ред. В. Ф. Жукова. – Киров, 1994. – 182 с.

Библиографический указатель печатных трудов научных работников университета (1994–1998) / сост. Е. М. Бологова, В. П. Ходырева, О. В. Шиляева; ред. А. К. Ширяева. – Киров, 2001. – 179 с.

Библиографический указатель печатных трудов научных работников университета (1999–2002) / сост. О. В. Шиляева; ред. Е. М. Бологова. – Киров, 2003. – 120 с.

*Е. М. Бологова,
зав. отделом
научной библиотеки ВятГГУ*

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.041.01 в 2007 году

Диссертационный совет Д 212.041.01 создан при Вятском государственном гуманитарном университете приказом Высшей аттестационной комиссии от 02 марта 2001 г. № 664-в. Деятельность совета продлена приказом ВАК РФ от 24 января 2003 г. № 3003-в, от 18 марта 2005 г. № 487-в, от 18 марта 2005 г., № 487-в и приказом Рособнадзора от 12 января 2007 г. № 19-226.

В 2007 г. было проведено 30 заседаний диссертационного совета. К защите принято 22 диссертации. Из них: 1 диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук по специальности 13.00.08 Теория и методика профессионального образования; 21 диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук: 15 – по специальности 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования; 6 – по специальности 13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

Докторская диссертация **Лейфы Андрея Васильевича** была защищена по теме «Профессионально формирующая система физической активности и здоровья студентов высших учебных заведений». Работа выполнена в Амурском государственном университете. В диссертации создан целостный концептуальный подход к общепрофессиональной подготовке студентов высших учебных заведений; обоснована профессионально формирующая система физической активности и здоровья студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля; разработаны компоненты, содержание и критерии профессионального развития специалистов гуманитарного профиля в аспекте формирования физической активности, сохранения и укрепления здоровья; определены компоненты структуры профессиональной готовности студентов, а также характеризующие их содержательные показатели; разработана технологическая основа реализации профессионально формирующей системы физической активности и здоровья студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля в процессе их профессионального образования.

В исследовании разработана и экспериментально апробирована профессионально формирующая система физической активности и здоровья студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля; определены подходы, основные направления и технология реализации профессионально формирующей системы физической активности и здоровья студентов в высших учебных заведениях; установлено значение физической активности в профессиональной деятельности специалистов гуманитарного профиля; выявлена тесная взаимосвязь уровня физической подготовленности, здоровья и успеваемости студентов на протяжении всех лет обучения в высшей школе; разработана и внедрена автоматизированная экспертная система комплексной оценки физической активности и здоровья студентов.

Кандидатские диссертации были защищены по следующим темам.

Багдай Елена Владимировна. «Формирование рефлексивной позиции студента в процессе изучения гуманитарных дисциплин». Работа выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. В диссертации обоснована необходимость формирования рефлексивной позиции студента как одного из средств решения задач профессионального образования; определена эффективность использования личностно-деятельностного подхода как методологической основы формирования рефлексивной позиции студента; подтверждена ведущая роль гуманитарных дисциплин в формировании рефлексивной позиции студента на основе анализа их содер-

жания и особенностей процесса изучения; доказана эффективность формирования рефлексивной позиции в учебно-профессиональной деятельности студента. В исследовании предложены рекомендации по применению рефлексивных методов и технологий в процессе обучения, определены принципы их отбора и последовательность применения для решения практических задач.

Бисерова Галлия Камильевна. «Педагогические условия формирования основ субъектной идентичности курсанта средней специальной школы милиции». Работа выполнена в Елабужском государственном педагогическом университете. Результаты исследования дополняют теоретические положения профессионального образования о курсанте как субъекте учебно-профессиональной деятельности, ориентированном на развитие профессиональной идентичности; углубляют научные представления о своеобразии феномена идентификации как аспекта профессиональной подготовки сотрудника органов внутренних дел в контексте субъектного становления курсанта. Исследование направлено на совершенствование процесса профессиональной подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел посредством использования потенциала их идентификации в формировании субъектной идентичности; разработаны содержательные и процессуальные аспекты формирования основ субъектной идентичности курсантов в учебной и воспитательной деятельности школы милиции.

Волченкова Елена Валерьевна. «Ситуационное проектирование как средство воспитания культуры поведения учащихся». Работа выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. В диссертации раскрыта сущность культуры поведения как совокупность устойчивых, социально одобряемых форм поведения, основанных на нормах морали; определена структура культуры поведения личности, включающая эмоциональный, мотивационный, когнитивный и операционный компоненты; выявлена совокупность педагогических условий воспитания культуры поведения учащихся посредством ситуационного проектирования; создана методика воспитания культуры поведения учащихся посредством ситуационного проектирования и разработана система ситуаций, направленных на воспитание разных компонентов культуры поведения.

Даровских Лариса Вячеславовна. «Развитие инициативности старшеклассников в процессе групповой работы». Работа выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. В диссертационном исследовании уточнены сущность и структура понятия «инициативность»; выявлены возможности групповой работы старших школьников как средства развития инициативности с позиции анализа психолого-педаго-

гических механизмов взаимодействия учащихся в группе на основе ее принципов и структуры в процессе учебной деятельности. На основе теоретического анализа разработана и реализована в школьной практике методика развития инициативности старшеклассников в процессе групповой работы в учебной деятельности.

Зверева Елена Анатольевна. «Творческие задания как средство развития самостоятельности студентов в учебно-воспитательном процессе». Работа выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. В исследовании обосновано влияние творческих заданий на процесс развития самостоятельности студентов; разработан алгоритм деятельности преподавателей и студентов при выполнении творческих заданий на каждом этапе развития самостоятельности; выявлены и обоснованы педагогические условия, обеспечивающие эффективность развития самостоятельности студентов. Разработаны творческие задания, позволяющие осуществлять управляемое самообучение, стимулирующие самостоятельную работу студентов; на основе комплекса творческих заданий разработаны: цикл занятий по культурологии, цикл занятий «Кураторские часы» и цикл факультативных занятий; определен комплекс диагностических методик для выявления уровня сформированности самостоятельности студентов.

Карасик Анатолий Леонидович. «Дидактические особенности обеспечения наглядности обучения средствами информационных технологий». Работа выполнена в Московском гуманитарном университете. В диссертации на основе комплексного теоретического анализа обобщены и представлены социокультурные предпосылки, а также историко-педагогические основы утверждения традиции наглядного обучения в лице первых дидактических разработок и проектов классно-урочной системы на базе объяснительно-иллюстративного метода; сформулирована дидактическая сущность наглядности; обобщены и сопоставлены различные дидактические модальности категории наглядности в педагогической науке; выделены и охарактеризованы основные педагогические подходы к разработке теории и практики наглядного обучения; уточнены ведущие функции наглядности в обучении – непосредственные и опосредованные; выявлены и обобщены дидактические возможности применения средств компьютерной наглядности; обосновано положение о необходимости более тесной взаимосвязи, интеграции и сопряженно-совместной реализации ведущих принципов обучения в условиях применения компьютерной наглядности. Разработанная в исследовании методика проектно-конструктивной наглядности может найти применение в качестве реальной основы педаго-

гического обеспечения эффективности геометрической подготовки старшеклассников в условиях компьютерного обучения, направленного на интенсивное развитие пространственного и образного мышления, формирование культуры восприятия информации, а также навыков компьютерного моделирования.

Кобычева Ольга Николаевна. «Управление деятельностью педагогического коллектива по формированию здорового образа жизни у детей». Работа выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. В данной работе обоснована необходимость использования системного подхода к формированию здорового образа жизни у детей; рассмотрена специфика формирования здорового образа жизни у детей в дошкольном образовательном учреждении и начальной школе; определен показатель эффективности управления, отражающий уровень профессиональных качеств субъекта управления и повышение качества образования как результата здоровьесберегающего взаимодействия педагогов и детей. Автором разработаны рекомендации по диагностике и формированию здорового образа жизни у детей в детском саду и начальной школе; рекомендации в настоящее время используются в 7 школах и 23 дошкольных образовательных учреждениях г. Кирова.

Коренева Лариса Борисовна. «Научно-методическое сопровождение развития проектных умений педагогов в условиях общеобразовательных учреждений». Работа выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. В исследовании конкретизированы общетеоретические представления о содержании и методах управления процессом развития проектных умений педагогов; обоснованы организационно-педагогические условия эффективного развития проектных умений педагогов в общеобразовательном учреждении; разработаны и реализованы программа и методы научно-педагогического сопровождения, обеспечивающие эффективное развитие проектных умений педагогов и реализацию инновационных процессов в условиях общеобразовательных учреждений.

Корепанова Ирина Геннадьевна. «Формирование ценностей образования у студентов первокурсников в процессе адаптации к обучению». Работа выполнена в Вятском социально-экономическом институте. В диссертации уточнено понятие ценности образования путем выявления особенностей и связей понятий «ценности» и «образование»; выявлена специфика ценностей образования, которая включает совокупность таких ценностей, как ценность образовательного диалога, ценность научного поиска, ценность познания; установлены зависимости формирования ценностей образования у студентов от использования

инновационных форм работы и субъект-субъектного взаимодействия между участниками процесса. В исследовании осуществлен процесс формирования ценностей образования у студентов-первокурсников в условиях адаптации к обучению в вузе, включены темы по формированию ценностей образования в изучаемые дисциплины на первом курсе («Мировая художественная культура», «Введение в профессию»); разработаны тематические кураторские часы в вузе.

Кочурова Лариса Геннадьевна. «Формирование гуманистических ценностей у студентов вуза в процессе обучения». Работа выполнена в Вятском социально-экономическом институте. В данном исследовании определены критерии и уровни сформированности гуманистических ценностей студентов вуза; расширены имеющиеся представления о структуре содержательных компонентов гуманистических ценностей: позитивные ценности по отношению к себе, при межличностном взаимодействии, по отношению к предметному миру; разработан алгоритм формирования гуманистических ценностей студентов вуза в процессе обучения. Модель процесса формирования гуманистических ценностей студентов вуза позволяет усовершенствовать процесс обучения, повысить его эффективность, способствовать качественному преобразованию личности студента.

Кувалдина Мария Михайловна. «Педагогические условия формирования познавательной мотивации у младших школьников в образовательных учреждениях дополнительного образования». Работа выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. В работе обоснована необходимость формирования познавательной мотивации в младшем школьном возрасте; выявлена специфика формирования познавательной мотивации у младших школьников в учреждениях дополнительного образования; разработаны и обоснованы педагогические условия, обеспечивающие эффективность формирования познавательной мотивации младших школьников в учреждениях дополнительного образования. В диссертации определен механизм реализации педагогических условий формирования познавательной мотивации младших школьников в учреждениях дополнительного образования.

Личутина Марина Геннадьевна. «Взаимодействие школы и семьи по предупреждению наркомании в младшем подростковом возрасте». Работа выполнена в Вятском социально-экономическом институте. В данном исследовании обоснована необходимость взаимодействия школы и семьи в антинаркотическом воспитании детей; уточнены основные принципы взаимодействия школы и семьи в процессе предупреждения наркомании среди младших подростков; раскрыта сущность антинаркотической позиции подрост-

ков, родителей, педагогов. Содержащиеся в исследовании положения вносят дополнения в существующую практику антинаркотического воспитания младших подростков.

Результаты исследования могут применяться в научно-исследовательской деятельности преподавателей и студентов, организаторов воспитательной работы в школах, в работе комиссий по делам несовершеннолетних, в работе с родителями, с детьми группы социального риска, для деятельности всех образовательных и воспитательных организаций, связанных с развитием подрастающего поколения, для руководителей центров развития и адаптации молодежи и клубов по месту жительства.

Маркова Валентина Ивановна. «Формирование исследовательской культуры учителя в системе повышения квалификации». Работа выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. В исследовании разработаны теоретические положения, определяющие процесс формирования исследовательской культуры учителя в системе повышения квалификации; предложено авторское определение исследовательской культуры учителя; охарактеризованы организационно-педагогические условия формирования исследовательской культуры учителя в системе повышения квалификации; предложена структура модели формирования исследовательской культуры учителя; определена методика формирования исследовательской культуры учителя. Разработанные образовательные программы научно-практических лабораторий использованы в системе повышения квалификации учителей разных учебных предметов; предложенная система методик применяется для оценки уровня сформированности исследовательской культуры учителя.

Мякишев Сергей Леонидович. «Информационно-образовательная среда вуза как фактор формирования профессиональной компетентности будущих педагогов». Работа выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. В работе выявлены структура и содержание профессиональной компетентности будущих педагогов; закономерности влияния информационно-образовательной среды вуза на формирование профессиональной компетентности будущих педагогов; определены этапы формирования и уровни сформированности профессиональной компетентности будущих педагогов; раскрыта возможность применения средств информационно-образовательной среды вуза в процессе формирования профессиональной компетентности будущих педагогов; предложена диагностика уровня сформированности профессиональной компетентности будущих педагогов.

Нагорнова Галина Вадимовна. «Формирование информационной культуры будущих менеджеров

в вузе». Работа выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. В исследовании представлено теоретическое обоснование возможности применения особенностей информационной культуры будущих менеджеров в процессе их профессиональной подготовки; разработана методика и методическое обоснование процесса формирования информационной культуры будущих менеджеров на основе деятельностного подхода. В диссертации предложены рекомендации по применению технологии контекстного обучения в процессе формирования информационной культуры будущего менеджера в вузе, определены принципы отбора методов, форм и средств обучения и последовательность их применения для решения практических задач.

Носова Надежда Валерьевна. «Критериальная модель внутришкольного управления качеством образования старшекласников». Работа выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. В работе уточнены понятия «качество», «качество образования», «управление качеством образования», «внутришкольное управление качеством образования»; охарактеризованы сущность и структура проектирования; осуществлены проекции акмеологической категории «зрелость» в понятийный контекст содержания образования старших школьников; раскрыта взаимосвязь понятий «индикатор», «критерий», «показатель» и дана трактовка критериальной модели как совокупности существенных признаков, на основании которых производится оценка качества образования. В диссертации разработана программа по развитию общеучебных умений и навыков старшекласников в связи с проектируемым когнитивно-деятельностным критерием модели внутришкольного управления качеством образования; подтверждена эффективность разработанной методики аутентичной оценки образовательных достижений старшего школьника; создана программа для старшекласников «Мои профессиональные намерения» в связи с проектируемым профессионально-ориентирующим критерием модели внутришкольного управления качеством образования.

Рожина Вера Анатольевна. «Формирование индивидуального стиля познавательной деятельности младших школьников». Работа выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. В исследовании обоснована необходимость формирования индивидуального стиля познавательной деятельности в младшем школьном возрасте; представлена структура стиля; выявлены теоретические подходы и принципы, на которых должна основываться концепция формирования индивидуального стиля познавательной деятельности младших школьников; разработана система критериев оценки сформиро-

ванности индивидуального стиля познавательной деятельности; разработаны методики диагностики сформированности индивидуального стиля познавательной деятельности младших школьников, комплексно-целевая программа формирования индивидуального стиля познавательной деятельности учащихся, которая реализована в практике начальной школы.

Сазонова Татьяна Валериевна. «Методы разноуровневого обучения межкультурной профессиональной коммуникации студентов-экономистов». Работа выполнена в Саратовском государственном социально-экономическом университете. В диссертации обоснована необходимость применения методов разноуровневого обучения межкультурной профессиональной коммуникации в процессе профессиональной подготовки экономистов; уточнен понятийно-терминологический аппарат, в частности такие понятия, как «коммуникация субъектов образования», «межкультурная коммуникация» и другие; обоснована и разработана модель применения методов разноуровневого обучения межкультурной профессиональной коммуникации студентов-экономистов; разработана авторская модель применения методов разноуровневого обучения межкультурной профессиональной коммуникации студентов-экономистов.

Сигачева Наталья Альбертовна. «Подготовка будущих менеджеров к иноязычному деловому общению средствами концентрированного обучения (на материале английского языка)». Работа выполнена в Елабужском государственном педагогическом университете. В работе определены понятие, структура и содержание правотворческой деятельности юриста как важнейшей составляющей его профессиональной подготовки; на основе проведенного анализа сущности, структуры и содержания правотворческой деятельности, специфики формирования ее умений, навыков разработана соответствующая методика, включающая в себя: методы, приемы, рекомендации по их использованию в педагогическом процессе; экспериментально доказана ее результативность; разработан учебно-методический комплекс междисциплинарного спецкурса «Законодательство субъекта Российской Федерации», позволяющий обеспечить процесс интеграции знаний студентов в сфере правотворчества и формирование умений и навыков правотворческой деятельности юриста; разработана и предложена методика формирования правотворческих умений и навыков у студентов юридических факультетов.

Результаты исследования могут быть использованы в процессе профессиональной подготовки студентов по специальности «Государственное и муниципальное управление», а также на курсах повышения квалификации специалистов

системы органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления.

Шихова Алевтина Леонидовна. «Развитие исследовательской культуры студентов среднего специального учебного заведения». Работа выполнена в Вятском социально-экономическом институте. В диссертации обоснована необходимость и целесообразность развития исследовательской культуры студентов; расширены имеющиеся представления о структуре, содержании и последовательности развития исследовательской культуры студентов; разработан алгоритм развития исследовательской культуры студентов поэтапно от курса к курсу. В исследовании разработаны и апробированы педагогические пути и средства реализации исследовательской культуры студентов колледжа; дидактические материалы, обеспечивающие методическое сопровождение процесса исследовательской деятельности студентов; программа спецкурса «Основы самостоятельной работы студентов», «Статистические методы обработки исследования»; программа семинара «Методологическая компетентность преподавателя»; локальные акты по организации исследовательской деятельности студентов колледжа; учебное пособие «Взаимодействие колледжа с социальными службами в процессе подготовки сельских социальных педагогов», методические рекомендации «Организация исследования малой группы».

Ярулина Альфия Шаукатовна. «Формирование субъектной включенности студентов педагогического университета в становлении профессионально значимых личностных качеств». Работа выполнена в Елабужском государственном педагогическом университете. Результаты исследования дополняют теоретические положения профессиональной педагогики о потенциале субъектной включенности студента в становление профессионально значимых личностных качеств у будущего педагога; углубляют научные представления о качественном своеобразии педагогического процесса субъектной включенности студента в становление профессионально значимых личностных качеств. В диссертации разработаны содержательные и процессуальные аспекты формирования профессионально значимых личностных качеств у будущего педагога, выявлены и экспериментально проверены педагогические условия, технологии и способы реализации этого процесса.

*Е. Е. Рудницкая,
Ученый секретарь
диссертационного совета
при ВятГУ Д 212.041.01*

О РАБОТЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА Д 212.041.02 в 2007 году

Диссертационный совет Д 212.041.02 утвержден при Вятском государственном гуманитарном университете приказом Высшей аттестационной комиссии от 18 февраля 2005 г. № 340-в, продлен приказом Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 12 января 2007 г. № 19-225.

В 2007 г. было проведено 19 заседаний диссертационного совета. К защите принято 10 диссертаций, из них: 1 диссертация на соискание ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 Теория и история культуры по проблемам теории культуры; 8 диссертаций на соискание ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 Теория и история культуры; 1 диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 Онтология и теория познания по проблемам онтологии человека в историческом процессе.

Докторская диссертация **Гашевой Наталии Николаевны** была защищена по теме «Синтез в русской культуре XIX–XX вв.: типология и динамика форм». Работа выполнена в Пермском государственном институте искусств и культуры. В диссертации разработаны теоретико- и историко-культурные основания идеи синтеза в методологии научного анализа процессов коммуникации разных типов культурного сознания в русской культуре XIX–XX вв. Автором впервые введена в научный обиход категория «динамический синтез»; дано определение ее сущностных структурно-функциональных характеристик и способов проявления; обосновано ее значение для изучения механизма универсальных связей русской литературы как вида искусства с другими духовными формами культурной деятельности, восприятия русской литературы XIX–XX вв. как центра отечественной культуры – открытой, динамически функционирующей системы; изучены и расширены границы интерпретации русской культуры как целостного феномена в момент его самоопределения в культуре XIX–XX вв., дающего импульс к изучению его идентичности в современных условиях. В работе осуществлен комплексный культурологический анализ динамического синтеза как самостоятельной категории, что позволяет внести существенные дополнения в категориальный аппарат культурологии, способствует более глубокому осмыслению процессов, протекавших в русской культуре и литературе XIX–XX вв., позволяет выработать принципы анализа синтеза разных языков искусств, уточнить и расширить спектр исследований полигло-

тизма русской культуры, что значимо для дальнейшей разработки теории и истории культуры.

Полученные Н. Н. Гашевой теоретические результаты могут быть использованы при разработке учебно-методической литературы, в процессе учебной работы в высших и средних учебных заведениях в рамках курсов культурологии, философии, филологии, искусствознания, а также при подготовке научных трудов в разных сферах гуманитарного знания.

Кандидатские диссертации были защищены по следующим темам.

Жижилева Лариса Ивановна. «Историческое бытие в экзистенциальном измерении». Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук выполнена в Пермском государственном техническом университете. Автор разрабатывает проблему экзистенциальной истории человека и его бытия в мировом историческом процессе. Диссертантом обоснована равноценность индивидуально-личностного бытия другим способам бытия; предложено экзистенциальное измерение индивидуального исторического бытия, что позволяет расширить духовный опыт освоения мира через иррациональные категории; разработан комплексный подход к определению экзистенциальной истории человека (микроистории) и установлены ее предметная и методологическая составляющие; выдвинуты критерии, раскрывающие экзистенциальный аспект бытия человека: опыт восприятия человеком детства, самоидентификация, отношение к личным ценностям свободы, жизни, смерти.

Капитонова Наталья Анатольевна. «Поэтическая теодицея Николая Гумилева в контексте культуры Серебряного века». Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии выполнена в Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова. Это комплексное исследование художественно-философского наследия Н. Гумилева в контексте культурной парадигмы и эпистемологической модели символизма и акмеизма. Диссертантом введена в историко-культурный оборот и проанализирована концепция теодицеи творчества как способа бытия культуры, определены ее сущностные характеристики и культурно-философские доминанты в творческом сознании Н. Гумилева. Исследование теодицеи творчества в культуре Серебряного века, по мнению автора, позволяет внести дополнения и коррективы в методологию и методику комплексного анализа явлений культуры в аспекте сравнительной типологии, а также в разработку изучения феномена творческой личности в единстве художественного и религиозно-философского сознания.

Акатова Александра Александровна. В кандидатской диссертации на соискание ученой сте-

пени кандидата культурологии «Ландшафт культуры»: понятийный статус и художественное воплощение (на материале романа Джона Фаулза «Волхв»)», выполненной в Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова, решается проблема обоснования концепта «ландшафт культуры» в культурологическом аспекте с представлением способов его воплощения в романе Дж. Фаулза «Волхв». Автором осуществлено исследование концепта «ландшафт культуры» в романе Дж. Фаулза «Волхв», определены сущностные структурно-функциональные характеристики концепта, приведена типология, проанализированы принципы и способы его содержательного наполнения, обоснована значимость исследуемого концепта для творческого процесса. Исследование семиотического пространства творческой личности в аспекте «ландшафта культуры», по мнению автора, позволяет внести дополнения и коррективы в методику комплексного анализа художественного текста, а также изучения культурной ситуации эпохи и художественных произведений конца XX – начала XXI в.

Румянцева Ольга Николаевна. Кандидатская диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии «Дефиниция власти в традиционной культуре: гендерный аспект (на материале народных русских волшебных сказок)», которая выполнена в Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова, посвящена исследованию базовых дефиниций власти, закрепленных в русском фольклоре в системе архетипов и бинарных оппозиций. Автором осуществлено исследование артефактов традиционной культуры (фольклора), которое способствует адекватному восприятию и пониманию обществом гендерных трансформаций; выявлено культурологическое содержание концепта «гендер», что способствует формированию понятийного аппарата науки о культуре; в результате анализа текстов народных русских волшебных сказок создается основа для типологии сказочных мотивов в аспекте сферы и способов реализации властеотношений.

Слепынина Лариса Юрьевна. Кандидатская диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии «Прялка в традиционной культуре: мифопоэтика и типология (на материалах Костромской губернии)», выполненная в Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова, решает проблему типологии прялки в контексте ее мифопоэтических характеристик. Прялка рассматривается как культурный феномен конца XIX – начала XX в. В ходе исследования автором выявлена символическая обусловленность выбора материала, представлены сущностные критерии, корректирующие и дополняющие топографический принцип в типо-

логии костромских прялок; обосновано, что типологические особенности костромских прялок явились результатом синтеза традиций и эстетических представлений мастеров; выделен комплекс формально-содержательных признаков прялки и их роль в типологических характеристиках. Разработка типологии прялки в аспекте мифопоэтики, по мнению автора, позволяет внести дополнения и коррективы в разработку классификации русских прялок и методику комплексного анализа явлений народной культуры в историко-культурных зонах для решения этнологических проблем.

Астафьева Любовь Евгеньевна. Кандидатская диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии «Функции диалога культур в генезисе знаменного распева (на материале Нового направления в духовной музыке)» выполнена в Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова. Работа посвящена изучению функций диалога культур, их семантическим полям в генезисе знаменного распева. Автором осуществлено исследование генезиса знаменного распева в аспекте функционирования диалога культур; определены основные функции диалога культур, отвечающие потребностям генезиса знаменного распева и обеспечивающие его осуществление; теоретические положения функционирования диалога культур в генезисе знаменного распева соотношены с практическим анализом развития традиций изучаемого феномена в многоголосных переложениях XIX – начала XX в.; обосновано обращение к знаменному распеву исследователей и композиторов Нового направления в духовной музыке рубежа XIX–XX вв. как к целостному онтологическому феномену. Автор считает, что исследование генезиса знаменного распева и Нового направления в духовной музыке в аспекте функционирования диалога культур позволит внести дополнения и коррективы в осмысление ключевого понятия культурологии – диалога культур, а также в разработку проблематики культуры и художественной практики рубежа XIX–XX вв.

Иванова Ольга Николаевна. Кандидатская диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии «Gesamtkunstwerk: культурфилософские основания, их репрезентация в теоретическом и художественном наследии Р. Вагнера» выполнена в Костромском государственном университете им. Н. А. Некрасова. Автор решает научную проблему определения понятийного статуса «Gesamtkunstwerk» как концепта культурологии. Автором выявлены механизмы и формы его реализации в творческом наследии Р. Вагнера, осуществлено культурологическое исследование концепта «Gesamtkunstwerk»; определены его сущ-

ностные структурно-функциональные характеристики; представлен понятийный статус и способы художественного воплощения; обосновано существенное отличие концепта, определяемого лексемой «Gesamtkunstwerk», от понятия «синтез искусств». В результате комплексного культурологического анализа Gesamtkunstwerk как самостоятельного концепта, отличного от «синтеза искусств», внесены дополнения и коррективы в категориальный аппарат культурологии, что, по мнению автора, послужит более глубокому осмыслению процессов, протекавших в немецкой и мировой культуре рубежа XVIII–XIX вв., а также особенностей в развитии художественной культуры конца XIX–XX вв.

Каравеева Ольга Николаевна. Кандидатская диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии «Своеобразие региональной художественной культуры конца XX – начала XXI в. (на примере Удмуртии)» выполнена в Удмуртском государственном университете и посвящена комплексному исследованию новых явлений и тенденций в культуре Удмуртии в конце XX – начале XXI в. В работе дан целостный анализ художественной культуры Удмуртии конца XX – начала XXI в.; определены черты художественной культуры Удмуртии как региональной культуры; освещена панорама, и обозначены проблемы современного художественного творчества республики; охарактеризована специфика этнофутуризма как художественного направления в современной культуре Удмуртии. В исследовании раскрываются проблемы взаимодействия и взаимовлияния культур, показаны формы диалогизма в национальной культуре, расширены аспекты регионалистики в культурологии.

Воронова Елена Васильевна. Кандидатская диссертация на соискание ученой степени кан-

дидата культурологии «Мифология повседневности в культуре русской эмиграции 1917–1939 гг. (на материале мемуаристики)» выполнена в Вятском государственном гуманитарном университете. Работа посвящена исследованию форм и способов мифологизации повседневной культуры русской эмиграции 1917–1939 гг. в мемуарной ретроспективе. Повседневность в работе Е. В. Вороновой представлена как текст культуры русской эмиграции 1917–1939 гг., трансформированный, реконструированный в мифологизированном пространстве мемуаристики; с опорой на мемуарный дискурс и документальные источники выявлены генезис, типы и формы проявления «эмигрантского мифа» в повседневном сознании русской эмиграции; охарактеризован мифосемиотический комплекс в системе маргинального сознания русской эмиграции, и рассмотрено его проявление в наиболее репрезентативных знаковых доминантах повседневности (символы границы, дома, средств передвижения и др.); рассмотрены принципы мифологизации в установке эмиграции на преодоление повседневности как быта через иррациональные и празднично-игровые сферы культурного сознания (сновидческое пространство, разрушение нравственно-этических норм, организация праздников с их национально-мифологической составляющей); на основе анализа мифологизированного восприятия времени повседневности раскрыты особенности темпоральных моделей повседневного сознания русского зарубежья, отраженные в мемуарном дискурсе.

*Н. И. Поспелова,
Ученый секретарь
диссертационного совета
при ВятГГУ Д 212.041.02*

Вестник
Вятского государственного гуманитарного университета
Научный журнал № 1 (1)

Подписано в печать 25.01.2008
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Мусл.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,5. Тираж 999. Заказ № 911.

Издательский центр ВятГУ
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111
(8332) 673-674